

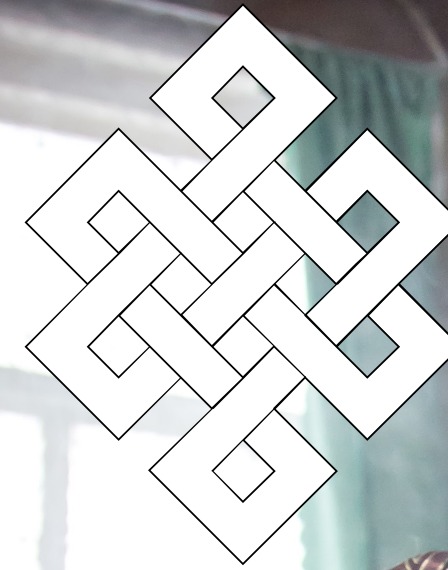
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

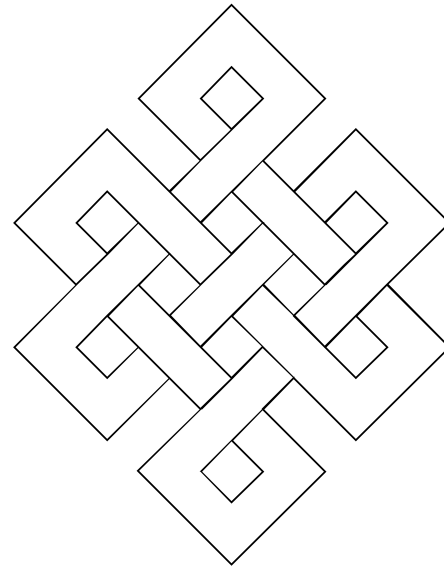
№ 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№1
2020

nit.tuva.asia

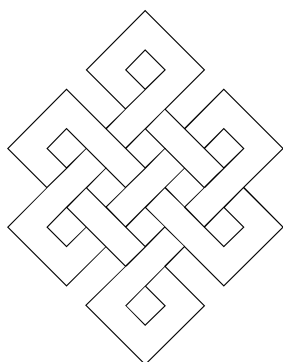

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

№ 1

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., Московский гуманитарный университет, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации, Россия
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрошенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Московский гуманитарный университет, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., Правительство Республики Тыва, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Широбоква Н. Н., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Natalya N. Shirobokova, Institute of Philology, SB RAS, Russian Federation

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.
 The journal is published quarterly.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.
 Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, KiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.

В оформлении обложки номера использована фотография Владимира Монгуша (Россия)

Cover photo by Vladimir Mongush (Russian Federation)

ISSN 2079-8482

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.
 This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.1

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувинской диаспоры Томска)

Елена И. Кириленко

Российский государственный университет правосудия (Западно-Сибирский филиал),
Российская Федерация

Разнообразие современных медицинских систем, практик, методов в условиях современного поликультурного мира порождает проблему их совместимости. На основе исследования тувинского опыта здоровья эта проблема конкретизируется следующим образом: выявляется и сохраняется ли специфика представлений о здоровье у современных молодых тувинцев как части их жизненного мира в условиях сосуществования с альтернативными вариантами неконвенциональных практик врачевания и конвенциональной медицины?

Эмпирической базой исследования явились 10 полуформализованных интервью с тувинцами — студентами из Тувы (Республики Тыва), обучающимися в томском филиале Российского государственного университета правосудия (2019 г.). Цель исследования — описание опыта и практик поддержания здоровья, его вариативности в среде тувинских студентов. Методологические принципы предпринятого исследования сформулированы в парадигме социальной феноменологии А. Шютца и ориентированы на «получение качественных описаний жизненного мира собеседника» (С. Квале).

Исследование выявило следующие тематизации в культурном багаже информантов: «природность» жизненного мира; его сакральный характер; переживание магической природы оздоровительных практик; причастность к традиции родовой жизни; ритуальную организацию жизни; отношение к здоровью как целостности, сочетающей религиозно-метафизическое, эстетическое, практическое начала. Особый интерес представляет плетение нитей на запястье, которое отмечено у многих информантов, — символ защиты, здоровья, благополучия.

В опыте поддержания здоровья отмечена ситуация «медицинского синкретизма»: лечение в государственном медицинском учреждении, по мнению информантов, может сочетаться с использованием средств неконвенциональной медицины. Подчеркивается возможный приоритет народных и традиционных методов лечения. В отношении к здоровью у тувинских студентов проявляются две тенденции: «фундаменталистская» (приверженность традициям культуры) и «модернистская» (отход от традиций культуры).

Ключевые слова: социальная феноменология; Альфред Шютц; Тува; тувинцы; методология исследования жизненного мира; жизненный мир; тувинский студент; традиционная медицина

Для цитирования:

Кириленко Е. И. Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувинской диаспоры Томска) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/902> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.1

Кириленко Елена Ивановна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Западно-Сибирский филиал). Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пл. Ленина, д. 2. Тел.: +7 (3822) 51-51-80. Эл. адрес: e.kirilenko@ngs.ru
Kirilenko Elena Ivanovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian State University of Justice West-Siberian branch. Postal address: 2 Lenina Av., Tomsk, 634050, Russia. Tel.: +7 (3822) 51-51-80. Email: e.kirilenko@ngs.ru

A piece of thread around the wrist: Tuvan experience of health as seen in interviews with students from the Tuvan diaspora in Tomsk

Elena I. Kirilenko

Russian State University of Justice (West Siberian branch),
Russian Federation

The variety of contemporary systems of healthcare, as well as practices and methods of healing in the modern world of many cultures, has led to the issue of their intercompatibility. In the study of the way Tuvans experience health this problem gives rise to the concern whether the way Tuvan youth imagines health as part of their life and world has been able to survive in the situation when it has to coexist with both alternative non-conventional healing practices and conventional medicine.

For its empirical basis, our study relied on ten semi-formal interviews (2019) with ethnic Tuvans from the Republic of Tuva who came to Tomsk to study at the local branch of the Russian State University of Justice. The study's aim was to describe the experience and practices of preserving health among Tuvan students and the variability of this experience. Methodological foundation of the study was found in Alfred Schutz's paradigm of social phenomenology and aimed at "providing qualitative descriptions of the interlocutor's lifeworld" (S. Kvale).

The study has revealed that the cultural background of the respondents helped them understand health as linked to the following topics: "natural" character of their lifeworld; its sacral status; the experience of the magical in healing practices; the feeling of belonging to ancestral tradition; ritual organization of life; holistic understanding of health as an entity combining religious, metaphysical, aesthetic and practical aspects. Of special interest is the practice of weaving together pieces of thread to be worn around the wrist. Many respondents mentioned this as a symbol of health, protection and welfare.

Their experience of preserving good health puts respondents into the situation of what may be described as "medical syncretism": treatment in a state-run medical institution may well be combined with non-conventional medicine, with emphasis placed on traditional treatments and folk medicine. In the attitudes towards their health, Tuvan students show both the "fundamentalist" (following their cultural traditions) and the "modernist" (leaving these traditions behind) trends.

Keywords: social phenomenology; Alfred Schutz; Tuva; Tuvans; methodology of lifeworld studies; lifeworld; Tuvan student; traditional medicine

For citation:

Kirilenko E. I. A piece of thread around the wrist: Tuvan experience of health as seen in interviews with students from the Tuvan diaspora in Tomsk. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/902> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.1

Введение

Проблема изучения опыта отношения к здоровью и болезни актуальна в современном поликультурном мире. Множественная среда межкультурных коммуникаций, множественность медицинских практик поставили задачу их совместимости¹. Р. Е. Спектор, американская исследовательница и медик-практик, имеющая опыт медсестринского ухода, задалась вопросом: совместимы ли в практике ухода за больными подходы научной медицины и медицины традиционных культур? Способны ли они поддерживать друг друга или разнонаправлены и взаимоисключают друг друга? Возможно ли согласование разнородных, культурно и личностно сформированных направленностей в опыте поддержания здоровья, болезни и лечения, чтобы достичь максимального медицинского эффекта? Исследовательница дает утвердительный ответ на эти вопросы (Spector, 2013). Ее опыт вырастает из практики сестринского ухода, но может быть, по мнению автора, полезен для всех работников системы здравоохранения, особенно для сотрудников гериатрических и хосписных центров, для оказания помощи больным с хроническими заболеваниями (там же: XV). При этом автор настаивает на том, что нужны особые — культурно ориентированные — медицинские компетенции в ситуации множественности современного мира: «Теперь, как никогда, специалисты, работающие в системе здравоохранения, должны быть информированы и чувствительны к культурно разнообразным субъективным значениям» (там же: 4–5).

¹ Известны три модели взаимоотношения национальных медицинских систем и конвенциональной (узаконенной) медицины: интегральная, инклюзивная, толерантная (см.: Степанов, Соколов, Соколова, 2009; Харитоновна, 2018: Электр. ресурс).

Между тем опыт медицинского «синкретизма» отмечен в реальной практике ухода за больными. Мы рассмотрим эту проблему на примере медицинского опыта молодежи Тувы коренной национальности — тувинцев, обследование которых мы выполняли в 2018–2019 годах. Нам представляется этот опыт показательным: по свидетельству одной нашей тувинской информантки, в ситуации госпитализации, например, после операции, родственники под подушку или под матрац больному кладут особый предмет, состоящий из комбинации бусин, предохраняющий «от сглаза».

«Родственники ставят (это. — Е. К.) туда, чтобы он спал легко, чтобы выздоравливал. А сам человек не может во время этого всего держать и молиться» (А., женщина, 17 лет, тувинка).

Эта ситуация согласуется с практическим опытом Р. Спектор, допускавшей использование этноспецифических форм, методов, приемов в практике медсестринского ухода за больными в стенах биомедицинских учреждений.

Данный опыт интересно раскрывается при помощи методологии анализа структур сознания А. Шютца (Шютц, 2003). Если проецировать идеи Шютца на сферу медицинского опыта, то можно сделать вывод, что не только научно-медицинское знание и практика монополюс определяют отношение к состоянию здоровья / болезни, но сама среда жизни, жизненный мир личности, личностный опыт, вплетенный в интересующую схему мировосприятия, — условие координации существования, почва, корневая система, основание, условие бытия в мире.

Исследование медицинского опыта тувинцев рассматривается в аспекте отношения тувинской студенческой молодежи к проблеме поддержания здоровья. Реконструкция медицинских представлений и практик тувинских информантов на основе собранных нарративов раскрывает их своеобразие, а также ситуацию взаимодействия конвенциональных и неконвенциональных, этноспецифических элементов в опыте здоровьесбережения. Предпринятый анализ представлений и практик поддержания здоровья у молодых тувинцев позволяет понять перспективы существования традиционных медицинских представлений, их жизнеспособность в современном глобальном и динамичном мире. Эти представления тувинцев — коренного населения Тувы (Россия) — элемент уникального опыта народа, выражающего его этническую идентичность и самобытность его культуры.

Для исследования опыта здоровья у тувинских информантов необходимо определиться с основной категорией — здоровье. Множество существующих подходов можно условно разделить на две группы. С точки зрения научной медицины, содержание категории редуцируется к телесной или телесно-психической реальности: медицинская модель здоровья «содержит лишь медицинские признаки и характеристики здоровья. Здоровьем считают отсутствие болезней, их симптомов». С позиции биомедицинской модели здоровья, последнее рассматривается как «отсутствие у человека органических нарушений и субъективных ощущений нездоровья» (Психология здоровья, 2006: 43).

Другая группа, собственно, немедицинских определений выходит за рамки телесной или психосоматической реальности, вовлекая социальные, культурные, ценностные параметры, влияющие на состояние здоровья. Таково определение здоровья, содержащееся в преамбуле к Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)¹. В детализированном виде этот подход представлен у Р. Спектор: здоровье — это опыт согласования соматического, психического и ментальных состояний, а также переживаний межличностного, социального и космического порядка (Spector, 2013: 91). В столь же предельно широком культурфилософском ключе осмысливает это состояние В. Н. Топоров: «Болезнь поражает отдельные части тела, но страшнее само отпадение от целого: оно есть первейший признак болезни, общего недуга всего тела, за которым приходят уже конкретные дифференцированные болезни» (Топоров, 1993: 68). Цельба, исцеление есть «возвращение отпавших от целого и от состояния целостности — целостности и цельности частей тела к исходной целостности и поддержание ее» (там же).

Но в этом же ключе понимается здоровье на уровне обыденных представлений у тувинского информанта:

«Здоровье — это когда человек внутренне здоров и внешне тоже. То есть физически и духовно. Духовно — это как бы он нашел себя, ... он уверен в себе. Он говорит, что он здоровый человек. Он здраво мыслит. Все понимает, думает, как бы логично и исповедуется своему богу. Это здоровый человек» (А., женщина, 17 лет, тувинка).

¹ «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» (см.: Устав(конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // WHO.URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 01.08.2019)).

Цель данного исследования — описание опыта и практик поддержания здоровья в среде тувинских студентов. Нарративы о здоровье тувинских информантов понимаются как отличные от нарративов о здоровье и болезни в традиции научной медицины: тувинский опыт — это особый жизненный мир¹.

Задачи исследования: тематизировать элементы общей картины представлений о здоровье и выявить способы его поддержания у тувинских информантов.

Проблема, фиксируемая в исследовании: выявляется и сохраняется ли специфика представлений о здоровье у современных молодых тувинцев как части их жизненного мира в условиях сосуществования с альтернативными вариантами неконвенциональных практик врачевания и конвенциональной медицины².

Объектом исследования явился жизненный мир тувинских студентов, предметом — опыт поддержания здоровья как аспект этой среды жизни, зафиксированный в соответствующих нарративах.

Анализ жизненного мира с необходимостью предполагает глубинное качественное исследование свидетельств информантов. «Качество относится к сути, существенным характеристикам чего-то. Количество относится к тому, сколько, к величине, к сумме» (Квале, 2003: 74). В отличие от позитивистских подходов гуманистическая традиция исходит из того, что «каждая ситуация уникальна, каждый феномен имеет свою собственную внутреннюю структуру и логику» (там же: 230). В этом смысле каждое новое интервью «умалюет» уникальность того опыта, который запечатлен в предшествующем. Множественные уникальные репрезентации позволяют, с одной стороны, не потерять «тепло» личного отношения информанта к миру, а с другой, — выбрать «типификации», конструирующие смысловую реальность тувинского студенческого сообщества. Эмпирической базой исследования явились материалы, полученные при проведении 10 полужформализованных интервью, возраст информантов — 17–29 лет, это студенты очного и заочного отделений Российского государственного университета правосудия г. Томска³. Среди опрошенных 8 женщин и 2 мужчин. Общение велось на русском языке. Материалы в виде аудиозаписей и соответствующих расшифровок находятся у автора исследования⁴.

Методология исследования жизненного мира информантов

Анализ опыта и практик поддержания здоровья был предпринят через субъектные методологии. Этот подход видит представление о здоровье и болезни в качестве элемента структуры жизненного мира личности. Любая терапия, так же, как и практики поддержания здоровья, так или иначе связаны с ним, их нельзя мыслить изолированно от целостной среды жизни. Основные методологические принципы предпринятого исследования формулируются в парадигме социальной феноменологии А. Шютца.

1. Социальная реальность есть конструкт, открывающийся в Я-центристской перспективе: «социальный мир с alter egos в нем организован вокруг Я (Self) как центра» (Шютц, 2003: 170). Я — «центр спонтанности, направленной в мир» (там же: 229).

2. Личностный опыт разносоставен. Вокруг Я высвечивается интуитивная среда существования, где можно «жить своей жизнью» (там же: 169), это гетерогенная среда, сочетающая системы релевантностей разного уровня, переживания, уверенности, типизации (как вариант рационализации), предрассудки, суеверия (там же: 171).

¹ В. Л. Лехциер, ссылаясь на классификацию сторителлингов (сторителлинг — калька с англ. *storytelling*, дословный перевод: рассказывание истории. В медицинской антропологии: рассказ пациента об истории своей болезни) у А. Франка, различает в западной традиции нарративы выздоровления, хаотический и исследовательский (Лехциер, 2018: 162–182). Задача исследования пациентских нарративов у тувинских информантов могла бы быть целью самостоятельного исследования.

² О содержании терминов конвенциональная и неконвенциональная медицина для российской ситуации (см.: Харитоновна, 2018: 7, Электр. ресурс). Об отношении тувинских и нетувинских врачей к методам альтернативной медицины, используемых в Туве, см.: Вяткина, 2018: Электр. ресурс.

³ Томск, как отмечает И. В. Нам, исторически сложившийся переселенческий регион, издавна принимавший значительные группы мигрантов. Кроме того, это крупный университетский центр, принимающий на обучение представителей разных этнических сообществ. К 2015 г. в Томской области образовалось 20 национально-культурных автономий (НКА). «К числу особенностей Томска как университетского города относится образование двух молодежных (студенческих) НКА — бурят и алтайцев ...Интересы студенческих этнических групп представляют также хакасское, тувинское и якутское землячества, объединенные вместе с НКА алтайцев и бурят в «Интер-Землячество»» (Нам, 2015: 36; в цитате приводится ошибочное написание «тувинское», правильно — «тувинское». — ред.).

⁴ Все информанты проходили очное или заочное обучение в Томском филиале Российского государственного университета правосудия. Местом их рождения, постоянного проживания является Тува. Для получения высшего образования они временно проживают в Томске.

3. Жизненный мир может быть понят как личностный опыт, вплетенный в интерсубъективную схему мировосприятия. Мир существует до нас. Он упорядочен в интерсубъективной, коллективной системе типизаций, восходит к коллективному опыту жизнедеятельности, закрепленному в языке (Шютц, 1988). Эта система типизаций частично осваивается в индивидуальном опыте и согревается «личным теплом» отношения к миру.

4. Темы, смыслы, идеи, возникающие в Я-центристской перспективе, имеют центр — и соответствующую смысловую периферию, которая задает определенную направленность сознанию. Есть некоторое смысловое инвариантное ядро любого понятия и смысловая периферия, его окружающая. «Каждое из наших понятий имеет свою периферию, окружающую ядро его немодифицированного смысла» (Шютц, 2003: 167).

5. Эта смысловая периферия формируется биографическими ситуациями и культурной традицией.

«Наличное знание» (Шютц, 1988), сформированное культурной традицией, образует предпосылочное знание, позволяющее распознавать предметы. Биографическая ситуация задает направленности сознания: «Сказать, что определение ситуации биографически детерминировано, значит сказать, что оно имеет свою историю» (там же: 130).

6. Существенен практический аспект нашего опыта. Я, как центр спонтанности, не обязан рефлексировать о своих действиях, рефлексивная позиция — это позиция исследователя. Актер воплощает свои представления в конкретные действия. «У нас нет гарантии надежности всех этих допущений, которые направляют наше поведение. С другой стороны, этого опыта и правил нам достаточно, чтобы обустроить жизнь» (Шютц, 2003: 172).

Таким образом, характеристиками жизненного мира информантов являются горизонт культурной традиции как онтология, основа, фундамент смысловой позиции (1), уникальные биографические ситуации как детерминанты направленности сознания (2) и практические действия как воплощение наивных установок и основание реконструкции жизненного мира (3).

Соответственно, отношение к теме здоровья в дискурсе информантов распознается в горизонте этнокультурной традиции и коллективного культурного опыта, с учетом биографической ситуации (опытом личных переживаний), а также в конкретных поведенческих актах.

«Когда ты слышишь природу — это... счастье»

Анализ исследуемых материалов выявил следующие тематизации в культурном багаже информантов:

- «природность» жизненного мира. Это укорененный в природных основаниях — почве, влаге, растительности опыт жизни в мире;
- причастность к традиции родовой жизни. Это опыт, освященный авторитетом рода, предполагающий преданность родовому началу, памяти предков;
- сакральный характер жизненного мира, наличие опыта «священного», переживание магической природы оздоровительных практик;
- ритуальная организация жизни. Это особым образом организованный универсум, где ритуал выступает элементом порядка, он часть повседневной жизни. Как необходимость воспринимаются ритуальные практики, которые анонимно вовлекают человека в определенный ритм жизни, что мыслится как необходимое условие благополучия;
- отношение к здоровью как целостности, в которой переплетены религиозно-метафизическое, эстетическое и практическое начала.

Выделенные позиции подтверждаются материалами интервью.

Отвечая на вопрос: «В какой мере опыт общения с природой, эстетика, красота природы, пребывание в лесу, на озере, у реки, в горах для Вас целительны?» — информанты делились опытом глубоко одухотворенного отношения к природе:

«Хочется уйти куда-нибудь далеко в горы, далеко в лес, услышать, побыть наедине с самим собой, со своими мыслями, и природа в этом тебе помогает. Когда ты слышишь природу, она тебя успокаивает. Это как бы счастье. Есть такие места, где я провожу (время. — Е. К.) в одиночестве. ... В Кызыле есть такое место — это лес. И там течет река. Маленькая такая речка. Я сижу возле нее и думаю. Вот когда смотришь, как течет вода, твои плохие мысли и все, что с тобой происходило плохое, — оно

утекает с водой, и поэтому я сижу у воды и думаю о том, что произошло. И это меня радует» (А., женщина, 17 лет, тувинка)¹;

«...в Тыве² у нас много таких мест, где можно отдохнуть. И когда ты приходишь в такое место, у тебя внутреннее состояние становится таким спокойным, все открывается, заживает» (А., женщина, 18 лет, тувинка);

«Иногда хочется просто пойти на природу. Мы привыкли на природе жить. Хочется домой поехать и куда-нибудь уйти» (С., женщина, 21 год, тувинка).

При этом природный мир наполнен священными измерениями:

«Некоторые молятся и делают обряды у святых источников. Он у нас называется кара-суг — это начало источника, прямо из-под земли выходит. У меня бабушка и дедушка там молились. Также делали паломничество, также читали молитвы, также кормили духов» (А., женщина, 29 лет, тувинка).

Описываемый опыт несет в себе преданность родовому началу:

«Все семьи собираются и сначала молятся. Вот у нас есть дерево, очень большое, и мы каждый год приходим, вешаем кадаки и молимся, чтобы мы хорошо прожили этот год, чтобы все у нас получилось, чтобы наши все родные были здоровы. Молимся, и вот происходит спартакиада: волейбол, баскетбол, бег, борьба» (В., мужчина, 21 год, тувинец);

«Мы семьей каждый год туда (на аржааны. — Е. К.) едем. Теперь, когда у меня есть младшая сестренка и она (семья. — Е. К.) не может туда поехать, я отдельно со своими друзьями езжу, отдельно от семьи. Для меня важно каждый год туда ездить» (Ч., женщина, 21 год, тувинка).

Религиозный характер отношения к миру раскрывается разнопланово. Здесь выделяются священные, «сильные» места и священное, «сильное» время, в отличие от «профанных» мест и времени. «Сильные» места — места родовой памяти, при этом различаются благоприятные и неблагоприятные для родового схода места:

«Есть такие места, где нельзя проводить (обряд. — Е. К.). Например, шаманы говорят: вот эта вот сила — она не дает. В каждой земле есть же свои хозяева» (Я., женщина, 19 лет, тувинка).

Сильные места — это: аржааны, хурээ, общие культовые места.

Разной силой обладает и переживание времени. По свидетельству тувинских информантов, аржааны имеют самый высокий градус целебности в сентябре. При этом действуют некие «сверхсилы»:

«Если взять 100 (процентов. — Е. К.), то 70 это сверхсилы, а 30 — это самоисцеление» (Ч., женщина, 21 год, тувинка);

«Перед важным событием смотрим день — благоприятный он или нет, по буддийскому календарю» (Я., женщина, 19 лет, тувинка).

Природа священного здесь может мыслиться различно. Это духи предков, или христианские боги, к которым можно обратиться в ситуации неизлечимой болезни:

«Да вот у меня родственница также была больна раком, я не помню, какая стадия, Она была вот тут (в Томске. — Е. К.), проходила обследование там медициной всякой. Она ходила в церковь рядом и там молилась. Я считаю, что это заслуга ее веры в Бога» (Ч., женщина, 21 год, тувинка).

Священное может быть обозначено в именах буддийской традиции (информант назвал Ваджрасаттву), или проявляться во влиянии авторитетных шаманов или лам.

Среди информантов отмечены разные варианты религиозной самоидентификации. По словам А. (женщина, 17 лет, тувинка), «Буддист — это тот человек, который молится Богу каждый день, исповедуется каждый день. Утром, вечером — какая разница. Когда у нас трудности в жизни, мы молимся ... по 2–3 раза в день». А. (женщина, 29 лет, тувинка) рассказывает о шаманизме: «...вешают...предмет. Его можно сделать из кости варана... (предмет. — Е. К.) который охраняет. Из кости животного. Деревянный я не видала. ... И у меня есть лапа медведя».

Следование ритуалу — первостепенная задача и неотъемлемая часть жизни. Ритуал предопределяет всю структуру и динамику жизни: обязательны ритуалы, связанные с рождением, смертью; циклический характер носит посещение «сильных» мест.

¹ Здесь и далее сохранены особенности речи информантов.

² Правильно — «Тыве». — ред.

В ритуально организованном мире вопрос здоровья — это вопрос включенности в систему ритуальных практик:

«Раз в году бывает Новый год. И у нас по традиционному тоже есть Новый год. У нас Шагаа проходит — сначала обряд утром, в 5–6 часов, это обряд кормить, например, хозяина огня, неба или чего там... И после этого... аржааны делают. Аржааны — это святой источник. Мы умываемся этим аржааном. И если что-то останется, можно забрать себе домой — детям, бабушкам. (Это вода. — Е. К.), уже зачитанная ламами. Там молитвы» (А., женщина, 29 лет, тувинка).

Направленность сознания определяется биографическим опытом. Личностно пережитые ситуации формируют «смысловую периферию», задающую перспективу понимания мира. Ч. (женщина, 21 год, тувинка) говорит о паломничестве к «сильным» местам так:

«Если ты туда пошёл, и у тебя в этом году ничего не произошло плохого, ты уже веришь в то, что именно по этой причине у меня ничего не произошло. И поэтому я тоже в этом году обязательно должен пойти».

А. (женщина, 29 лет, тувинка):

«...Вот есть такое растение. По-тувински оно называется пиру удо, в переводе волчье растение. Бабушка говорила — не собирать (в любой день недели. — Е. К.), а собирать по определенным таким дням. Потому что после этого идет сильный дождь... Я один раз в детстве нарвала это растение. Принесла бабушке. Оно раны заживляет. Она сказала: “Ну, хорошо, теперь пойдет дождь”. И три дня шел дождь».

Нить на запястье как философский, эстетический, медицинский феномен

Особым образом необходимо выделить практические действия, предпринимаемые информантами для поддержания здоровья. Отвечая на вопрос: «Могли бы Вы выбрать из вашего наследия четыре образа, которые связаны с физическим или духовным исцелением — для культурного сообщества и для Вас лично?» (см.: Spector, 2013), информанты рассказали о некоторых предметах-оберегах, которые они носят с собой:

«Есть такие вещишки. Называются *эреге*. Это такое кольцо, цепочка. Только с бусинками. Мы ее носим, крутим так, крутим. Она помогает нам справиться с трудностями. Мы в это верим» (А., женщина, 17 лет, тувинка);

«Вот дома у меня ожерелье. 108 бусин. Мантра читается по 108 раз... Одна мантра — это одна бусинка... Если я случайно забыл здесь ожерелье ... я приду, возьму, но не буду одевать это, я не буду читать мантры. Я возьму ожерелье и пойду к ламе, чтобы просвятить его. Скажу, что оно было один день в пустом (нечистом. — Е. К.) месте, надо просвятить его» (В., мужчина, 21 год, тувинец);

«Это бубенчик, так скажем. Мне его дала... Это я приобрела в хурээ, это храм, в храме. Ну как бы звенит — и типа счастье, и к успеху, чтоб хороший был день и как бы сказать (ко. — Е. К.) всему хорошему» (А., женщина, 17 лет, тувинка).

Особое значение имеет плетение из нитей, которое тувинские студенты независимо от гендерной принадлежности носят на запястье. По свидетельству Ч. (женщина, 21 год, тувинка), «вот эта ниточка (показывает на руке. — Е. К.) — она от кожных заболеваний. У меня вот была... кожная болезнь. Потом только шрам один остался».

Плетение из нитей разнообразно по цветовой гамме, каждый цвет имеет свою символику:

«Цвета имеют значение. Тут, насколько я помню, семь разных цветов. Они символизируют свое. Я точно здесь не помню. Но белое это как бы небо символизирует, символизирует Бога. Красная нитка от злых духов. Зеленая — это вроде (символизирует. — Е. К.) землю» (Ч., женщина, 21 год, тувинка);

«Белое — это начало чего-то нового. Белое — это всегда прекрасное, это всегда чистое. Что-то чистое и начало нового, я бы так сказала. А синее — это, конечно, небо, зеленое это трава, земля. Желтый цвет — это огонь, солнце, тепло, радость» (А., женщина, 17 лет, тувинка).

По рассказам информантов, нить завязывает шаман. Развязавшаяся нить трактуется неоднозначно. По свидетельству В. (мужчина, 21 год, тувинец), это знак завершения одного жизненного состояния и начало другого, когда следует ждать либо благоприятных событий, либо опасных, в зависимости от того, добрые или злые дела преобладали в завершившемся периоде жизни. По словам Я. (женщина, 19 лет, тувинка), узелки на нити символизируют защиту. Развязавшаяся нить — плохой знак: «Сразу

нужно выбрасывать. Если они развязались, значит, что-то плохое тут накопилось и ушло». Следует идти к шаману, очиститься и завязать нить.

Фото 1–3. Три варианта браслетов из нитей у тувинских студентов. Фото автора, 2019 г.
Photos 1-3. Three bracelets of thread worn by Tuvan students. Photo by the author, 2019.

Опыт медицинского синкретизма

Практики поддержания здоровья в Туве в значительной степени поддерживаются этноконфессиональной ситуацией. В республике законодательно определены в качестве определяющих религиозных традиций буддизм, шаманизм и православие¹. Информантами отмечена как естественная характеристика их повседневной жизни ситуация религиозной толерантности в Туве. На вопрос: «Что более важно, шаманизм, его верования или буддизм? Или и то, и другое?» С. (женщина, 21 год, тувинка) отвечает:

«В равной, наверное. Шаманизм — это наши предки, наверное. Потом мы более современными стали. Буддизм».

Тувинский буддизм, по мнению исследователей, тесно связан с шаманскими и дошаманскими верованиями². В этих условиях в медицинской практике обнаруживается синкретическое сочетание элементов народной, восточной, биомедицины, сочетание, трансформирующееся в особого рода интеграционные комплексы (Харитоновна, 2009; 2018: 13, Электр. ресурс).

Сами средства лечения, практикуемые неконвенциональной медициной, синкретичны в своем генезисе. Буддистка А., женщина, 17 лет, тувинка («У каждого человека есть какие-то трудности и какие-то проблемы, которые он хочет решить, и я, чтобы их решить, полагаюсь на Бога, на Будду, чтобы он помог. С молитвой я обращаюсь к нему и прошу помощи») апеллирует к распространенной в тибетской медицине, а также и у тюркских народов Сибири, связанной с шаманизмом практике использования горного можжевельника (*артыша*) — для окуривания помещений, а также в качестве еды (его мелко режут, добавляют в молоко и пьют: «Это целебное... Он помогает здоровью, печени, легким» (А., женщина, 17 лет, тувинка)³.

О трехкратном окуривании артышем рассказывает А. (женщина, 29 лет, тувинка):

— Да, высушенные растения, высушенный можжевельник. Просто зажигают и вокруг себя три раза...

Интервьюер:

— И этот дым должен отгонять...

Информантка:

— Да, злых духов.

Технология использования артыша хорошо известна А. (женщина, 18 лет, тувинка):

«Его сушат, сжигают, и тоже как бы молишься».

Практически все информанты упоминают целебную силу аржаанов⁴.

А. (женщина, 17 лет, тувинка):

«А для лечения у нас аржаан... Есть такие места, где люди исцеляются от болезни. Они туда приходят, исповедуются, потом пьют воду, исцеляются и берут эту воду с собой домой, чтоб пить ее регулярно. Потом они выздоравливают».

¹ Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 года №253 О свободе совести и религиозных организациях (с изменениями на 18 мая 2018 года) [Электронный ресурс] // <http://docs.cntd.ru/document/802048821> (дата обращения: 11.07.2019).

² М. В. Монгуш пишет о сложившемся в Туве специфическом шамано-буддистском синкретизме. Став «народной религией», «в Туве буддизм синтезировал все бытовавшие в шаманской и дошаманской практике культы, пополнив их буддийскими идеями...» (Монгуш, 2001: 66).

³ З. И. Минибаева показывает: у народов Сибири практика использования артыша связана с поклонением духу хозяина тайги. У алтайцев и теленгитов артыш использовался для отпугивания злых духов. Вместе с тем очистительные свойства этого растения отмечены и в тибетском медицинском трактате «Чжуд Ши». Не только само растение, но и места его произрастания в Тибете считались святыми и использовались для медитации и созерцания. Ссылаясь на исследование В. Ф. Васильева, автор приводит конкретные примеры использования в тибетской медицине артыша: «При хронической бессоннице давали курить сигареты из сухого истолченного артыша, или же принимать внутрь отвар из веток по 100 грамм перед сном. Окуривали больных также при гриппе, эпилепсии, энурезе и т. д.» (Минибаева, 2009: 43).

⁴ Вера в целебную силу аржаанов квалифицируется исследователями, как «максимально синкретичная и толерантная» система представлений о священных источниках, соединяющая в себе шаманистские, буддистские смыслы, с одной стороны, и вполне практические наблюдения — с другой (Копелиович, 2018: 116, Электр. ресурс).

А. (женщина, 29 лет, тувинка):

«Самые сильные у нас аржааны, источники находится в тайге, прямо в тайге-тайге. Там добираться (можно. — Е. К.) только на больших “Уралах”, три дня ехать... там хорошо лечить от женских болезней. И туда ездят дети с ДЦП, хорошо помогает, говорят... И еще мне говорили (помогает. — Е. К.) от суставов».

А. (женщина, 18 лет, тувинка):

«У нас есть в народе целебные источники, и люди лечатся там. И в большинстве случаев эти источники помогают. И лечат».

Информанты говорят о культуре святых, «сильных» мест, укрепляющих силу человека: кроме озер это горные образования с символическими святынями (След Будды): «Там большая гора и на ней отпечаток — ноги, ступни... Маленький такой след, но он большой. Очень большой» (А., женщина, 17 лет, тувинка).

В представлениях информантов сосуществуют, конкурируя в известной степени, средства различных «медицин». Обращает на себя внимание признание равноценных возможностей народной и восточной традиций в сочетании с использованием возможностей конвенциональной медицины.

А. (женщина, 18 лет, тувинка):

«Я занимаюсь спортом, я закаливаюсь, я принимаю витамины. И это мне помогает».

Вместе с тем, продолжает А., «в кошельке у меня есть “фотография” Бога. И тоже, как бы, это удача». Его имя — Джамбы-лама.

В некоторых случаях отмечается приоритетное значение традиционных практик, когда «люди не идут по врачам, а идут исцеляться по водоемам» (С., женщина, 21 год, тувинка).

Ч. (женщина, 21 год, тувинка):

«Я знаю случаи, когда путем лекарств или при обращении к врачам люди не могут выздороветь и обращаются, ну мы, например, к шаманам обращаемся и обрядами этих шаманов выздоравливаем».

А. (женщина, 18 лет, тувинка) рассказывает о личном опыте эффективности традиционного лечения:

«У меня была шишка на глазу. И мне бабушка провела обряд. И мне стало хорошо».

По свидетельству А. (женщина, 17 лет), лечение в государственном медицинском учреждении может сочетаться с использованием средств традиционной медицины. Она рассказывает историю об обнаружении рака головного мозга у пациентки, лечении в больнице. Больная девочка была буддистской:

«Родители какой-то способ нашли. Она читала (молитвы. — Е. К.). Потом она стала еще сильнее исповедоваться Богу. И она вылечилась от рака».

Свидетельство А. (женщина, 29 лет, тувинка):

«У меня сын начал болеть с 9 месяцев стенозом. Я не знала, что это такое. Когда я пришла уже к медицинским работникам, мне сказали, что это первоначальная стадия астмы. Если это не лечить, будет уже хронический случай. И вот после обследования (куда мы только не ездили, даже в Томске были на обследовании), нам врачи ничего не могли поставить. Потому что ребенок время от времени нормально бегают, играет, кушает. А бывает, у него обострение появляется. И после этого стеноза у нас еще суставы начали болеть. ...Никто не мог. И я тогда уже приняла решение... На сегодняшний день мы пьем лекарства не те, что в аптеках, а другие средства, которые я приобретаю у лам».

В. (мужчина, 21 год, тувинец):

«В нашей республике, по статистике, очень бедный народ: пьющий, с табаком, ...наркотики курят, я не хотел бы такого говорить, но факты есть ... Люди начинают молиться, ходят ко всяким ламам, шаманам и некоторые исцеляются в своих верованиях, а некоторые — нет (исцеляются по своей вере, т. е. вдохновляясь своими верованиями. — Е. К.)».

Информанты отмечают разделение функций представителей конвенциональной медицины и целителей.

Д. (мужчина, 22 года, тувинец) на вопрос: «Обращаются ли люди к знатокам религиозных практик в случае болезни», ответил:

«Болезни — не знаю, но порчу-не порчу они могут сделать... Или могут направить на хорошую дорогу».

«Здоровье — это когда человек внутренне здоров и внешне тоже»

Собранный материал позволяет реконструировать опыт отношения к здоровью у тувинских студентов как части их жизненного мира. Здоровье мыслится и переживается как созвучность природному универсуму, его мистической сущности, оно закрепляется и поддерживается в ритуальной ритмике родовой жизни. Опыт здоровья формируется как целостность, проявляющаяся в религиозно-эстетическом и практическом началах жизни.

Отношение к здоровью, зафиксированное в интервью информантов, можно интерпретировать в статическом и динамическом измерениях. При очевидной синкретичности анализируемых этноконфессиональных представлений, возможно условное выявление трех стратегий поддержания здоровья. Первая связана, прежде всего, с буддизмом. От буддизма идет созерцательность, «растворение напряжения в чистой созерцательности» (Больнов, 1999). Здоровье для этого типа сознания — это вопрос в значительной степени философский и этический.

«Вот две чаши есть — плохие и хорошие дела. Туда накапливаются плохие и хорошие дела. Если плохие дела — они выльются на тебя... Когда нитка распадается, шаман говорит: делай хорошие дела, благие дела. Плохие деяния не делай. Человек старается делать хорошие дела. Ну, если она оборвется, в этот год надо ждать счастья какого-нибудь — если он делал хорошие дела. Если плохие дела — надо расплачиваться за это» (В., мужчина, 21 год, тувинец).

Это рассуждение информанта отсылает к идее реинкарнации как изменения жизненных состояний, собственно, форм жизни, которые как-то проявляются уже в пределах одной человеческой жизни. Тот же информант рассказывает (и это его термины):

«Вот бывает же у человека дежавю. Я в прошлой жизни был каким-то мастером. Наверное, в советское время я жил... Мне нравится какой-то запах станка. Мне нравятся станки. В машине очень хорошо разбираюсь».

Вторая стратегия обнаруживает связь с верованиями и ритуалами, связанными с шаманизмом. На вопрос: «Существуют ли традиции поддержания здоровья в Вашей семейной или этнокультурной (этнорелигиозной среде)?» — Я. (женщина, 19 лет, тувинка) отвечает:

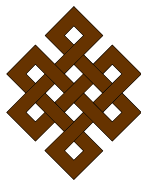
«У нас... в семье как принято, мы каждый год ездим всей семьей, всей, всей... прямо всем потоком собираемся, вызываем шамана и очищаем... и делаем обряд очищения».

Третья стратегия носит практический характер, возникает ситуативно, связана с очевидным личностным выбором информанта. Таковы практика использования артыша (можжевельника), воды из аржаанов — для питья (А., женщина, 18 лет: «Меня тоже мама заставляет пить воду»), омовения, использование хвойного настоя как средства от простуды, препаратов на основе рогов оленей (помогает при анемии, по свидетельству Ч., женщины, 21 года, тувинки).

К практическим действиям следует отнести и выбор предметов-оберегов, с которыми информанты не расстаются. Таковы плетение из нитей на запястье, эреге (ожерелье), образы божеств, духовных авторитетов, которые информанты носят с собой, «бубенчик».

Фото 4. Бубенчик. Фото автора, 2019 г.
Photo 4. A jingle bell. Photo by the author, 2019.

Анализ собранной информации в динамике возможных изменений традиционных представлений о здоровье позволяет обнаружить в отношении к здоровью у тувинских студентов две тенденции: условно говоря, «фундаменталистскую» и «модернистскую». Информанты демонстрируют, с одной стороны, подчеркнутую приверженность национальной культурной традиции, с другой — обнаруживается размывание последней, когда «чужое» постепенно становится своим, а «свое» — чужим. Эти предпочтения могут быть поняты в соответствии с идеей А. Шютца о том, что человек, оказавшийся в инокультурной среде, воспринимает ее, с одной стороны как испытание, лабиринт, то, что порождает трудности, стремясь, с другой стороны — адаптироваться к новой для себя культурной матрице (Шютц, 2003: 191–206). Эта двойственность порождает два разнонаправленных вектора поведения.

Примеры приверженности традиции. С. (женщина, 21 год) об аржаанах:

«Я пользовалась, летом. Мои родственники должны ездить туда 3 года. Я пошла туда в первый год. Получается сейчас стало 2 года (для. — Е. К.) исцеления... Не надо один раз туда ездить. Надо обязательно 3 раза, обязательно каждый год, а то улучшения не будет»;

Ар. (женщина, 18 лет) про ритуальное использование артыша:

«Я тоже это делаю, даже в Томске, например, перед экзаменом или сама для себя. Дом можно «проартыжарить»... Но вечером нельзя его сжигать, только днем. Когда вечером сжигаешь, приходят плохие духи».

Вместе с тем свидетельства информантов показывают симптомы размывания традиционных представлений. На вопрос интервьюера «Знаете ли Вы о существовании святых мест в Вашей культуре? Не могли бы Вы их назвать?», — Я. (женщина, 19 лет) ответила: «Я бы «загуглила» в Инете. Но так на память — нет». Д. (мужчина, 22 года) на вопрос: «Вам приходилось совершать путешествие к «сильным» местам?» — ответил: «Ну, я сам не ходил... Мои родители ходили». С. (женщина, 21 год) на вопрос: «Есть ли какие-то традиционные рекомендации для поддержания здоровья», — отвечает: «Не здесь, в Томске, а в Туве. Когда я отдыхала, мама всегда просила пить аржаан».

Данные опроса показывают, что момент особого, рефлексивного, возможно, отстраненного отношения к традиции присутствуют и в автохтонной среде молодых тувинцев. Рассказывая о фестивале в Чадане «Устуу-Хурээ», А. (женщина, 18 лет) отмечает:

«Я не участвовала. Я просто наблюдала, смотрела... Мне хотелось побыть, поинтересоваться. И понять».

Однако, отчетливее тенденция развития отношения «свое — чужое» проявляется в инокультурной среде.

Можно выделить факторы, влияющие на динамику изменений традиционных представлений о способах поддержания здоровья, провоцирующих их «фундаменталистскую» или модернистскую направленность. Важнейшей в наборе параметров инокультурной среды является конфессиональная специфика региона¹. Важен распорядок учебной работы студента, формирующий ритм жизни, отличный от организации жизни большой семейной общины.

Ч., женщина, 21 год — об участии в семейных путешествиях к аржаанам:

«Когда я была в школе — участвовала, теперь, когда у нас летом сессия, у меня нет возможности... принять участие»².

Необходимо учитывать и возможности, предоставляемые большим городом для поддержания здоровья. Ч. (женщина, 21 год) говорит о том, что занятия спортом позволяют ей поддерживать здоровье на хорошем уровне. С. (женщина, 21 год) на вопрос: «Удастся ли в Томске как-то компенсировать

¹ В Томске в качестве «мэйстримных» в регионе называются две религии — христианство (прежде всего это группы православных верующих, а также объединения католиков и протестантов) и ислам. Картину религиозной жизни дополняют иудаизм, буддизм (с 1998 г. в Томске действует Буддийский центр Алмазного пути «Карма кагью»). Но последователей этого движения в Томске чрезвычайно мало, постоянно работающего ламы в городе нет), группы сторонников учений Сахаджа-Йоги и др. индийских культов. Не отмечены течения, связанные с шаманизмом (см.: Булатова, Галашова, Камарова, 2012).

² В качестве альтернативы можно назвать поведение В., мужчины, 21 года, который, стремясь попасть ко дню сбора родовой общины на родине в Туве, активно сдавал зачеты и экзамены досрочно.

³ Возможно, специфика шамано-буддистского синкретизма способна объяснить устойчивое непринятие информантами йогических техник оздоровления.

эту городскую каменную среду?» — отвечает: «Томск небольшой город, но присутствует здесь природа тоже, вижу... Сады, парки». Для нее пробежки и занятие баскетболом — способы поддерживать физическую форму.

В. (мужчина, 21 год) рассказывает о важных для него техниках поддержания здоровья:

«Я йогу не практикую. Как обычный человек хожу в фитнес-зал. В школе я ходил в национальную борьбу, хуреш. Сюда приехал — тоже борьбой занимаюсь. Самбо занимаюсь».

Вместе с тем возможности, предоставляемые инокультурной средой, используются избирательно. Я. (женщина, 19 лет), комментируя вопрос о современных диетах, отмечает:

«Я ем мясо, я ем овощи. Ну, у нас невозможно без мяса».

Организованные занятия йогой у информантов не встречали отклика: А. (женщина, 18 лет, тувинка) на вопрос: «Вы практикуете йогу?» — ответила: «Я была пару раз, мне не понравилось»³.

Заключение

Возвращаясь к проблеме сосуществования тувинских традиционных представлений о здоровье как части их жизненного мира с опытом альтернативных техник и практик, обратим внимание на ее сложность, допускающую возможность выделения нескольких аспектов.

Методологию анализа (терминологический аппарат) и историю формирования картины медицинских представлений и практик, в особенности организационную сторону сложного и неоднозначного взаимодействия разных «медицин» в разных республиках Сибири, в том числе тувинском регионе, раскрыла В. И. Харитоновна, показав процессы институционализации традиционной, народной, интегративной медицины (Харитоновна, 2014; 2018: Электр. ресурс).

Практический аспект решения проблемы взаимодействия различных медицинских представлений предложила Р. Спектор: как специалист в области медсестринского дела она говорит о возможности корректного сочетания в практике ухода за больными элементов разных представлений о способах исцеления (Спектор, 2013). Будучи регионом с выраженной этнической спецификой, Тува, ее научно-медицинское сообщество, как показала Н. А. Вяткина (Вяткина, 2018: Электр. ресурс), демонстрирует образцы толерантного отношения к приемам альтернативных медицинских практик, при более ревностном отношении к ним со стороны врачей в других регионах.

У данной проблемы есть и философский аспект.

А. Шютц в работе «Социальный мир и теория социального действия» отмечает: «Защита субъективной точки зрения является единственной, но достаточной гарантией того, что мир социальной реальности не будет замещен вымышленным, несуществующим миром, построенным научным наблюдателем» (Шютц, 2003:102).

Соответственно, возможен научно-медицинский, «дистиллированный» взгляд на жизнь тела и его деформации, зафиксированный в системе научных дефиниций, а есть окрашенное светом личных ассоциаций и теплом личных переживаний представление о здоровье. Отмеченные позиции различны и могут, как показывает исследование, неожиданным образом комбинироваться. Опыт переживания здоровья сложен, иерархичен, он может переживаться по-разному — в зависимости от возраста, социально-статусных характеристик, биографической ситуации, например, пережитой серьезной патологии, временных индикаторов (вспомним пушкинское: «И каждой осенью я расцветаю вновь»), культурных императивов и т. д.

Здесь на помощь может прийти языковой материал (Кириленко, 2018). Типизация жизненного мира закрепляется в языковых структурах. Опираясь на данные языка, можно построить иерархию представлений о состоянии здоровья (подобно тому, как, например, М. Фуко строил иерархию болезненных состояний в античном обществе, опираясь на данные древнегреческого языка (Фуко, 1998: 63–64)).

«Оздоровившийся», показывают лингвисты, среди синонимов имеет значение «ставший более здоровым», «нормализовавшийся». Здоровье здесь может восприниматься как устойчивая доминанта стабильного благополучия, сопровождающаяся возможными минимальными ситуативными нарушениями, колебаниями самочувствия¹. Другие коннотации несет в себе слово «оживший» — «возродившийся», «вернувшийся к жизни», «восстановивший свои физический и душевные силы»². Здесь обретение здоровья, самоощущение здоровья иное. Исцеление может пониматься как возвращение к жизни, предполагающее выход из более глубокого поражения. Наконец, здоровье может переживаться как ру-

тинизация болезни в соответствии с известным афоризмом Ф. Раневской: «здоровье — это когда у вас каждый день болит в другом месте» (Раневская, 2017: 77). Может ли и должен ли научно медицинский взгляд вытеснить опыт здоровья, сформировавшийся в культуре и личностно пережитый?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большов, О. Ф. (1999) *Философия экзистенциализма : Философия существования / пер. с нем.* СПб. : Лань. 222 с.

Булатова, Т. А., Галащова, Н. Б., Камарова, Н. А. (2012) К вопросу о религиозной идентичности населения Томской области // *Вестник ТГПУ.* № 11 (126). С. 229–234.

Вяткина, Н. А. (2018) Народная медицина тувинцев глазами врачей (по материалам опроса врачей и другого медицинского персонала в Республике Тыва и соседних регионах) [Электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы,* № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/807> (дата обращения: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.4

Копелиович, Г. Б. (2018) Аржааны как часть культурно-религиозного ландшафта Республики Тыва [Электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы.* № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/809> (дата обращения: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.6

Квале, С. (2003) *Исследовательское интервью.* М. : Смысл. 301 с.

Кириленко, Е. И. (2018) Здоровье как ценность // *Евразийское Научное Объединение.* № 11 (45). Ноябрь. С. 136–138.

Лехциер, В. Л. (2018) *Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины.* Вильнюс : Logvino literaturos namai. 312 с.

Минибаева, З. И. (2009) Народная медицина башкир южного Урала и тюркских народов Сибири: общее и особенное // *Вестник Челябинского государственного университета.* № 37 (175). История. Вып. 36. С. 37–46.

Монгуш, М. В. (2001) *История буддизма в Тыве (вторая половина VI — конец XX века).* Новосибирск : Наука. 200 с.

Нам, И. В. (2015) «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // *Вестник Томского государственного университета. История.* № 5 (37). С. 33–43.

Психология здоровья (2006) / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер. 607 с.

Раневская, Ф. (2017) *Арлекин и скорбный Экклезиаст* М. : АСТ. 160 с.

Степанов, В. В., Соколов, И. И., Соколова, А. Ю. (2009) Проблема регулирования деятельности в области народной медицины // *Метеорологический вестник.* Т. 2. № 2. С. 30–39.

Топоров, В. Н. (1993) *Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Свешникова.* М. : Наука. 240 с. С. 3–103.

Фуко, М. (1998) *Забота о себе : История сексуальности-III ; пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы.* Киев : Дух и литера ; М. : Грунт. 282 с.

Харитонов, В. И. (2009) *Интеграция медицинских систем: идея, практика, человеческий фактор // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: Труды по медицинской антропологии / отв. ред. В. И. Харитонов.* М. : ОАО «Типография “Новости”». С. 275–286

Харитонов, В. И. (2014) Неконвенциональная медицина в современной России [Электронный ресурс] // *Медицинская антропология и биоэтика.* № 1 (7) URL: <http://http://www.medanthro.ru/?p=2017%C2%A0> (дата обращения: 11.07.2019).

Харитонов, В. И. (2018) Народная и традиционная медицина: возможности интеграции медицинских систем, практик и методов в условиях современной Тувы [Электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы,* № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/804> (дата обращения: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.1

¹ Тришин В. Н. (2013) *Словарь синонимов [Электронный ресурс] // Русский язык.* URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 11.07.2019).

² Там же.

Шютц, А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение». 336 с.

Шютц, А. (1988) Структура повседневного мышления // Социологические исследования. № 2. С. 129-137.

Spector, R. E. (2013) Cultural diversity in health and illness. Boston : Pearson. 410 p.

Дата поступления: 19.08.2019 г.

REFERENCES

Bol'nov, O. F. (1999) *Filosofia ekzistentsializma : Filosofia sushchestvovaniia [Philosophy of existentialism : Philosophy of existence]* / transl. from Germ. St. Petersburg, Lan'. 222 p. (In Russ.).

Bulatova, T. A., Galashova, N. B. and Kamarova, N. A. (2012) K voprosu o religioznoi identichnosti naseleniia Tomskoi oblasti [On the religious identity of the population of Tomsk region]. *TSPU Bulletin*, no. 11 (126), pp. 229–234. (In Russ.).

Vyatkina, N. A. (2018) Narodnaia meditsina tuvintsev glazami vrachei (po materialam oprosa vrachei i drugogo meditsinskogo personala v Respublike Tyva i sosednikh regionakh) [Tuvan folk medicine through doctors' eyes: a survey of physicians and other medical personnel in the Republic of Tuva and its environs]. *The New Research of Tuva*, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/807> (accessed: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.4 (In Russ.).

Kopeliovich, G. B. (2018) Arzhaany kak chast' kul'turno-religioznogo landshafta Respubliki Tyva [Arzhaans as part of the cultural and religious landscape of the Republic of Tuva]. *The New Research of Tuva*, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/809> (accessed: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.6 (In Russ.).

Kvale, S. (2003) *Issledovatel'skoe interv'iu [Research interview]*. Moscow, Smysl. 301 p. (In Russ.).

Kirilenko, E. I. (2018) Zdorov'e kak tsennost' [Health as a value]. *Evraziiskoe Nauchnoe Ob'edinenie*, no. 11 (45), November, pp. 136–138. (In Russ.).

Lekhtsier, V. L. (2018) *Bolezn': opyt, narrativ, nadezhda. Ocherk sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy meditsiny [Disease: experience, narrative, hope. An essay on social and humanitarian studies of medicine]*. Vil'nius, Logvino literaturos namai. 312 p. (In Russ.).

Minibaeva, Z. I. (2009) Narodnaia meditsina bashkir iuzhnogo Urala i tiurkskikh narodov Sibiri: obshchee i osobnoe [Folk medicine of the Bashkirs of the southern Urals and the Turkic peoples of Siberia: the general and the particular]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 37 (175), Istoriiia. Vol. 36, pp. 37-46. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI – konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th – late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Nam, I. V. (2015) «Novye» etnicheskie gruppy (diaspory) v g. Tomске [“New” ethnic groups (“diaspora”) of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, no. 5 (37), pp. 33–43. (In Russ.).

Psikhologiiia zdorov'ia [Psychology of health] (2006) / ed. by G. S. Nikiforov. St. Petersburg, Piter. 607 p. (In Russ.).

Ranevskaia, F. (2017) *Arlekin i skorbnii Ekkleziast [Harlequin and the mournful Ecclesiastes]*. Moscow, AST. 160 p. (In Russ.).

Stepanov, V. V., Sokolov, I. I. and Sokolova, A. Yu. (2009) Problema regulirovaniia deiatel'nosti v oblasti narodnoi meditsiny [The problem of regulation of activity in the field of folk medicine]. *Meteorologicheskii vestnik*, vol. 2, no. 2, pp. 30–39. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1993) Ob indoevropeskoii zagovornoii traditsii (izbrannye glavy) [On the Indo-European conspiracy tradition (selected chapters)]. In: *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Zagovor [Charms: Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture]* / ed. by V. Vs. Ivanov and T. N. Sveshnikova. Moscow, Nauka. 240 p. Pp. 3–103. (In Russ.).

Foucault, M. (1998) *Zabota o sebe : Istoriiia seksual'nosti-III [The history of sexuality – III: Self-care]*, transl. from Fr. by T. N. Titova and O. I. Khoma. Kiev, Dukh i litera; M., Grunt. 282 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2009) Integratsiia meditsinskikh sistem: ideia, praktika, chelovecheskii factor [Integration of medical systems: idea, practice, human factor]. In: *Problemy sokhraneniia zdorov'ia v usloviakh*

Severa i Sibiri: Trudy po meditsinskoj antropologii [Problems of health preservation in the conditions of the North and Siberia: Works on medical anthropology] / ed. by V. I. Kharitonova. Moscow, OAO «Tipografia «Novosti»». Pp. 275–286. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2014) Nekonventsional'naiia meditsina v sovremennoi Rossii [Non-conventional medicine in contemporary Russia]. *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, no. 1 (7) [online] Available at: <http://www.medanthro.ru/?p=2017%C2%A0> (access date: 11.07.2019). (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2018) Narodnaia i traditsionnaia meditsina: vozmozhnosti integratsii meditsinskikh sistem, praktik i metodov v usloviakh sovremennoi Tuvy [Folk and traditional medicine: On the possibility of integrating medical systems, practices and methods in contemporary Tuva]. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/804> (accessed: 11.07.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.1 (In Russ.).

Schutz, A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]*. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». 336 p. (In Russ.).

Schutz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp.129–137. (In Russ.).

Spector, R. E. (2013) *Cultural diversity in health and illness*. Boston, Pearson. 410 p.

Submission date: 19.08.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.2

Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках*

Аида И. Егорова, Аграфена П. Кондакова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация,

Мария А. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлено исследование традиционных гендерных стереотипов в тувинских паремиях и их оценке опрошенными респондентами — тувинцами. Используются методы: интент-анализа с целью выявления интенций (скрытой направленности) пословиц и поговорок, шкала оценки гендерных стереотипов. Отобрано 75 пословиц и поговорок, содержащих описание мужского и женского поведения. Для последующей оценки и составления шкалы из них отобрано 45 паремий, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин. В июне 2018 г. опрошено 120 тувинцев обеих полов двух возрастных групп: от 18 до 35 лет, от 35 лет и старше.

В паремиях тувинцев достаточно подробно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов. В паремиях отражены традиционные семейно-родовые отношения, основанные на патриархальных установках, регламентации гендерных различий и дихотомизации мужского и женского. В мужских стереотипах, отраженных в тувинских пословицах, скрыты интенции: «Восхваление», «Оценка», «Наставление», «Совет», «Поучение». Интенции женских стереотипов тувинцев: «Наставление», «Оценка», «Восхваление», «Поучение», «Обличение».

Опрошенные тувинцы в целом согласны с традиционными представлениями о женском и мужском поведении и вполне допускают проявление сексизма в отношении к женщинам. Данные установки особенно выражены у мужчин и у людей старшего поколения. Существенных различий между половыми и возрастными выборками в оценке пословиц не обнаружено.

Ключевые слова: тувинский язык; паремия; пословица; поговорка; тувинский фольклор; гендерный стереотип; андроцентризм; андрократия

* Работа выполнена в рамках научного проекта № 18-013-00212 «Кросс-культурное исследование гендерных стереотипов народов Сибири и Северо-Востока России» при поддержке РФФИ.

Для цитирования:

Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А. Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/903> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.2

Егорова Аида Иуниевна — кандидат психологических наук, директор Института психологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Тел.: +7 (4112) 49-67-53. Эл. адрес: aidaego@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-7985-4134; Researcher ID: F-9556-2014

Кондакова Аграфена Петровна — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Тел.: +7 (4112) 49-67-53. Эл. адрес: agmaks@yandex.ru Researcher ID: W-7038-2019.

Кужугет Мария Амын-ооловна — заведующая литературным музеем Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 383-03-55. Эл. адрес: kuzhuget.m55@mail.ru

Egorova Aida Iyunievna, Candidate of Psychology, Director, Institute of Psychology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 58 Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (4112) 49-67-53. Email: aidaego@mail.ru

Kondakova Agrafena Pavlovna, Candidate of Psychology, Chair, Department of Psychology and Social Sciences, Institute of Psychology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 58 Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (4112) 49-67-53. Email: agmaks@yandex.ru

Kuzhuget Maria Amyin-oolovna, Director, Literary Museum, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 383-03-55. Email: kuzhuget.m55@mail.ru

Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings*

Aida I. Egorova, Agrafena P. Kondakova
North-Eastern Federal University, Russian Federation,

Maria A. Kuzhuget
Tuvan State University, Russian Federation

The article examines traditional gender stereotypes as they appear in Tuvan paroemias and the assessment of these paroemias by Tuvan respondents. The survey made use of the method of intent analysis to identify the intentions (hidden agendas) of proverbs and sayings, and also of the scale of assessment of gender stereotypes. For our study, we selected 75 proverbs and sayings containing a description of male and female behavior. To evaluate and compile the scale, the list was narrowed down to 45 paroemias reflecting gender stereotypes and social behavior of men and women. In June 2018, 120 Tuvans of both genders were surveyed, belonging to either of the two age groups - 18 to 35 and 36 and above.

On the whole, Tuvan paremias reflect in detail the hidden intentions of gender stereotypes. The paremias present traditional family and tribal relations based on patriarchal attitudes, regulation of gender differences and dichotomization of male and female. Male stereotypes, as reflected in Tuvan proverbs, feature such hidden intentions as «Praise», «Evaluation», «Instruction», «Advice», «Teaching», while female Tuvan stereotypes focus on intentions like «Instruction», «Evaluation», «Praise», «Teaching», «Condemnation».

Respondents largely agree with the traditional views of male and female behavior and tend to be sexist to women. These trends are especially pronounced in men and in older people. There was no significant difference between the sex and age samples in the assessment of proverbs.

Keywords: Tuvan language; paroemia; proverbs; sayings gender stereotypes; male stereotypes; female stereotypes; androcentrism; androcracy

* The article has been written with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-013-00212, "A cross-cultural study of gender stereotypes among the peoples of Siberia and Russia's North-East").

For citation:

Egorova A. I., Kondakova A. P. and Kuzhuget M. A. Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/903> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.2

Введение

В условиях глобальных преобразований, трансформации традиционных культурных ценностей, разрушения моральных ориентиров, изменения жизненных приоритетов в большинстве обществ меняются представления о социальной роли мужчин и женщин, карьере, профессии, семье. Гендерные стереотипы поддерживают гендерную асимметрию в обществе, общественную мораль, иерархию ролей мужчин и женщин в обществе и семье, стабилизируют или дестабилизируют брачно-семейные отношения. Трансформация традиционных гендерных ролей и стереотипов существенно повлияла на усиление гендерной асимметрии, феминизации и андрогинизации общества, на превалирование унисексуальных установок во многих сферах общественной жизни, появление новых форм брачно-семейных отношений, рост числа разводов и неполных семей, изменение репродуктивных установок, появление межэтнических браков и сложное отношение к ним в обществе (Доржу, 2019).

В поликультурном российском пространстве нет единой гендерной политики и модели, трансформационные процессы в области гендерных отношений протекают неодинаково в силу сложившихся религиозных и культурных традиций различных этнических сообществ. Изменение гендерных стереотипов в этнической культуре является ярким индикатором глубоких внутренних изменений ценностей, морального сознания и этнического самосознания, так как сфера брачно-семейной отношений наиболее подвержена регуляции религиозными и традиционными нормами культуры. Динамика изменения гендерных стереотипов в разных этнокультурных сообществах различается в зависимости от степени влияния религиозных традиций, нравов, обычаев, образа жизни, менталитета, межпоколенных и внутрисемейных отношений. Исследование гендерных стереотипов разных культур

дает возможность для понимания и объяснения многих когнитивных схем и способов категоризации окружающего мира, в т. ч. взаимоотношений полов, специфики брачно-семейных и супружеских отношений, содержания идеалов маскулинности/фемининности, определения стратегии и модели гендерной социализации детей.

Теоретической основой нашего исследования явились работы в области современной этнической и кросс-культурной психологии гендера (Williams at al., 1982; Best, 2001; Берн, 2007; Lease, Montes, Baggett, 2012), гендерной психологии (Клёцина, 2009), гендерной психолингвистики (Телия, 1996; Кириллина, 1999). Современные исследования гендера в кросс-культурном ключе показывают, что, несмотря на универсальность основных параметров, гендерные стереотипы могут иметь специфику в зависимости от культуры. Этническая культура оказывает сильное влияние на содержание гендерных стереотипов, выдвигая специфические требования к поведению мужчин и женщин.

Гендерные стереотипы, репрезентированные в языковой системе, недостаточно изучены и представляют большой научный интерес. Гендерный код, заложенный в языковой системе, определяет не только модели и паттерны общения, но и нормы и стандарты мужского и женского поведения, существующие в обыденном сознании. Одним из важных источников информации о характере и содержании гендерных отношений являются поговорки (пословицы, поговорки, предписания (экспектации), запреты (табу), обереги, краткие изречения, метафоры). Поговорки как формы мифологического и обыденного сознания обладают признаками стандартизованности, схематизированности, экспрессивности, наличием оценочного и эмоционального компонентов. В поговорках в меткой и схематичной форме отражаются традиционные гендерные роли, психологические корни идеалов и стереотипов маскулинности и фемининности, запретов и предписаний мужского и женского поведения.

Объектом нашего большого исследования, которое выполнялось в 2018 г., явились тюркские народы Сибири: алтайцы, тувинцы, хакасы, якуты, долганы. В 2019 г. исследование было продолжено среди малочисленных народов, проживающих в Республике Саха (Якутия): юкагирах, чукчах, эвенках и эвенках (Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019¹). В проекте решается задача кросс-культурных различий в содержании гендерных стереотипов в зависимости от принадлежности к языковой группе и территориальной общности. В данной статье представлено исследование гендерных стереотипов тувинцев, содержащихся в поговорках.

Например, в мифологическом сознании тувинцев существовали различные архаические культы божеств, однако вопрос о существовании женского божества остается спорным. На вопрос о существовании женского божества Умай у тувинцев Л. П. Потапов пишет, что возможно в прошлом у тувинцев имело место почитание Умай, поскольку у бельтиров, которые являются частью тувинцев, данное божество им зафиксировано (Потапов, 1973).

Идеалы мужественности тувинцев отражены в образах сильных, метких, мудрых, трудолюбивых, добрых воинов-богатырей Алдай-Буучу, Мөге Шагаан-Толай, Мөге Баян-Далай и др. Также у тувинцев существовали андрогинные образы женщин-богатырок, связанные с периодом матриархата, когда женщины-матери занимали лидирующие позиции в родовом обществе. В тувинском эпосе такой образ представлен воинственной богатыркой, метким стрелком и наездницей Бора-Шээлей. В архаическом обществе женщины-богатырки представляли воинов, борцов и защитниц своего племени, народа от иноземных завоевателей и сочетали лучшие качества и идеалы женственности — свободлюбивые, сильные, отважные, мудрые, находчивые (Орус-оол, 1997: 10–38).

Сложившиеся в последующие века традиционные семейно-родовые отношения тувинцев были основаны на патриархальных установках и построены на регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статусов мужчин и женщин.

Целью нашего исследования является анализ гендерных стереотипов, содержащихся в тувинских поговорках и поговорках. В исследовании были использованы интент-анализ для выявления скрытой направленности (интенций) поговорок и шкала оценки гендерных стереотипов при помощи поговорок и поговорок.

Из фольклорных и этнографических источников нами были отобраны 75 тувинских поговорок и поговорок, в которых в той или иной мере отражаются гендерные стереотипы, связанные с пред-

¹ Также в печати статья: Егорова, А. И., Тугужекова, В. Н., Каскаракова, З. Е., Канзычакова, Н. Г. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских поговорках.

писаниями и нормами поведения мужчин и женщин. Тувинские пословицы были отобраны из сборников (Хадаханэ, Саган-оол, 1966; Калзан, 1955; Курбатский, 2001), фразеологического словаря (Хертек, 1985), а также из научных изданий и статей, посвященных анализу паремий (Очерки тувинского фольклора ..., 1976); Кенин-Лопсан, 1987; Дьон-сэргэ ..., 2001; Байжанова, 2004).

Также для оценки степени согласия с гендерными стереотипами по факторам «Традиционализм» и «Сексизм», отраженными в тувинских паремиях, в июне 2018 г. проводился опрос среди населения г. Кызыла. В исследовании приняло участие 120 тувинцев — мужчин и женщин. Анализ результатов по выборке проводился по двум линиям: по полу и двум возрастным категориям респондентов (от 18 до 35 лет — 30 мужчин и 30 женщин, от 36 лет и старше — 30 мужчин и 30 женщин).

Результаты интент-анализа

Всего для анализа было выделено 14 интенций, в т. ч. 11 основных интенций: «Восхваление», «Благопожелание», «Оценка», «Поучение», «Утешение», «Наставление», «Совет», «Запрет», «Порицание», «Предостережение», «Дискредитация» и 3 отдельные интенции, относящиеся к основной интенции «Предостережение»: «Урезонивание», «Обличение», «Упрек» (см. рис. 1).

Первые три ранга интенций в тувинских пословицах заняли «Оценка», «Наставление», «Восхваление», далее следуют «Поучение», «Благопожелание», «Совет», «Обличение». В мужских стереотипах интенции «Восхваление», «Оценка», «Совет», «Поучение» встречаются чаще, а в женских — «Наставление», «Урезонивание», «Запрет», «Обличение», «Дискредитация», «Упрек» чаще.

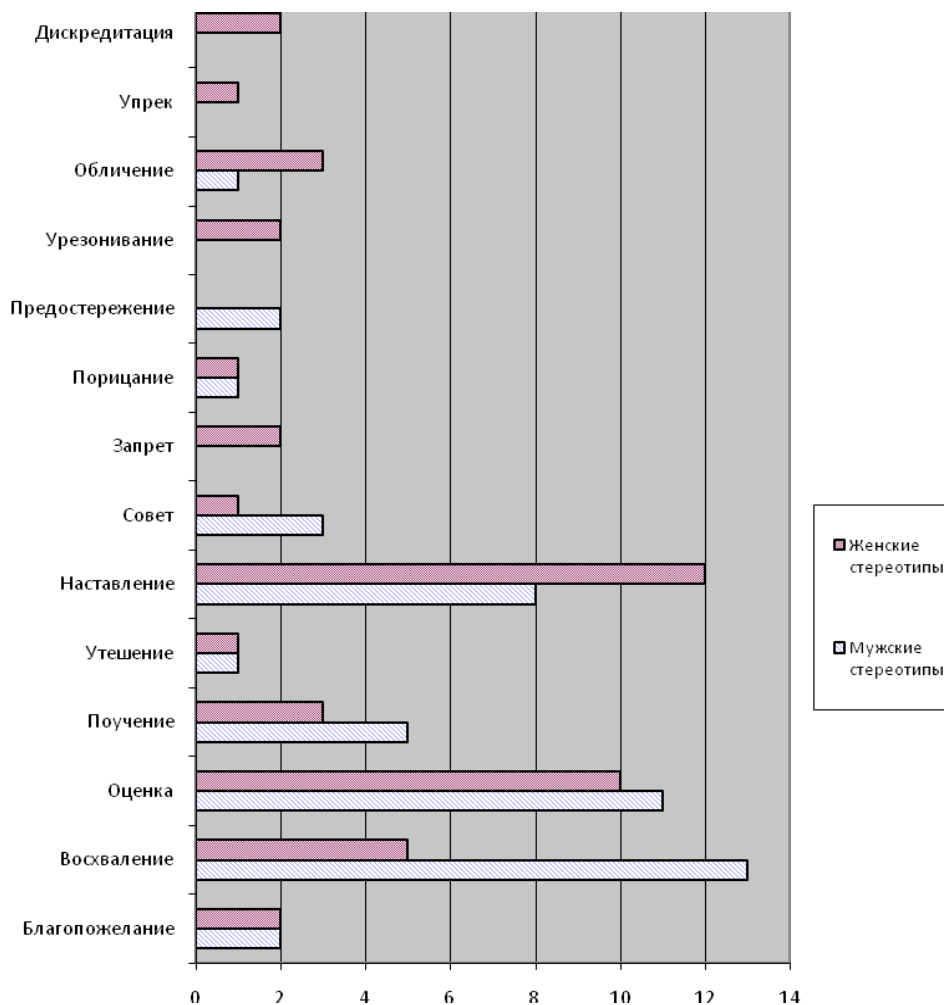

Рисунок 1. Частота встречаемости интенций в тувинских паремиях.

Fig.1. The frequency of intentions in Tuvan paroemias.

Таким образом, очевидно, что в тувинских поговорках интенции, скрытые в мужских стереотипах, в целом благоприятные, что указывает на положительный образ мужчины, а поговорки, связанные с женскими образами, содержат больше негативных интенций.

Анализ гендерных стереотипов

В тувинских поговорках и изречениях отражены андроцентрические установки со скрытой интенцией «Восхваление»:

Ада кижиг олгун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр — Отец гордится сыном, а павлин — хвостом¹,

Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык — 'Дорог охотнику соболев чернов, матери — сын, в мученьях рожденный',

Кайгал эрнин караа илдең — 'Молодца видно по глазам'.

Мужские стереотипы тувинцев тесно связаны с традиционными видами деятельности — скотоводством, охотой, рыболовством, заготовкой дров, постройкой жилища. В поговорках тувинского народа, отражающих идеалы маскулинности и мужские стереотипы, подчеркиваются такие качества как физическая сила, ловкость, меткость, выносливость, трудолюбие, способность переносить тяготы, воинственность, решительность:

Эзир куш шың бажында, эки эр чурт бажында — 'Смелый орел летает над тайгой, умный мужчина правит страной',

Эр — олуттуг, эзир — чиштиг — 'У мужчины — почет, у орла — добыча',

Кажары дилги-ле, кашпагайы диш-не — 'Хитер как лиса, ловок, как белка',

Эки абыдны суглуктуг суггарып өөрөт, эки олгуну кадыг ишке дадыктыр — 'Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй',

Аңчы кижиг одар эндевес, айбычы кижиг аал эндевес — 'Охотник знает, где зверь водится, гонец знает, где аал находится',

Аът болуру кулунундан, кижиг болуру чажындан — 'Конь вырастает из жеребенка, человеком становятся с детства',

Хүн херелдиг, күдээ дузалыг — 'Солнце тепло дает, зять — подмогу',

Хүрең-дайның маңын көөр, күдээзиниң күжүн көөр — 'У лошади надо ход узнать, у зятя надо силу посмотреть'.

В данных поговорках скрыты интенции «Восхваление», «Наставление», «Оценка».

В некоторых тувинских поговорках встречается «Предостережение», т. е. при воспитании мальчиков и юношей нужно придерживаться строгости:

Тоткан эник ээзин эрер, доруккан оол иезин чаңчаар — 'Перекормлен щенок — на хозяина лает, перехвален сынок — он и мать обругает',

Эр эндээр, эрик бустур — 'Мужчина может ошибиться, берег — разрушиться'.

Ряд поговорок и изречений определяют позиции и роль отца, мужчины в семье:

Ада чокта эш чок дег, ады чокта бут чок дег — 'Без отца как без друга, без коня как без ног',

Адалыг кижиг чоргаар — 'Горд тот, у кого есть отец',

Ада турда, чон таныыр; аът турда, чер көөр — 'Если с отцом, то знакомится с людьми; если с конем, то знакомится с округой',

Адалыг оол томаанныг — 'У кого есть отец, у того спокойный нрав',

Ада орнун оол салгаар, аът орнун кулун салгаар — 'Место отца наследует сын, как жеребенок — коня'.

В тувинских поговорках отражена тенденция к андрократии (патриархату), связанная с доминированием мужчин и подчинением женщин:

Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртевес — 'На красе чаю не сварить, к коню не привяжешь',

Кыс кижиг дөр бажынга олурбас, төрө херээ кылбас — 'Женщина не садится на почетное место, не решает государственные дела',

¹ Пословицы даны с переводами из источников.

Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас — ‘Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются’,

Артык тенек агбайын мактаар, аңчы кижги боозун мактаар — ‘Глупый муж жену хвалит, охотник — свое ружье’.

Несмотря на наличие некоторых сексистских установок и тенденцию к андрократии, можно предположить, что тувинские женщины были относительно свободнее в своих решениях. М. Х. Маннай-оол пишет, что «...в семейно-бытовой сфере авторитет тувинской женщины был велик. Согласно общепринятым правилам, морально-этическим нормам поведения тувинцев, к женщине относились с уважением и заботой. Это проявлялось в разных сферах семейной жизни. Долгом мужчины было помогать женщине в беде, оберегать ее, выполнять ее просьбы. На женщину никто не имел права поднять руку, оскорблять и обижать ее. Тот, кто обижал женщину, покрывал себя позором и заслуживал презрения. Если кто-либо из мужчин поступил грубо по отношению к женщине, то говорили: “Женщина неприкосновенна. Для него нет ничего святого, он даже женщину бьет”» (Маннай-оол, 2002: 57).

В тувинских пословицах отражены запреты и обычаи экзогамного брака, когда жен брали из другого рода:

Кыштаг турда, мал белен, кыс турда, күдээ белен — ‘Был бы зимник — скот найдётся, была бы дочь — зять сыщется’,

Даш октаан черинге чыдар, кыс берген черинге орап — ‘Где камень бросил, там и лежит, куда дочь отдал, там век ей жить’.

В паремиях данной категории скрыты интенции: «Наставление», «Поучение», «Запрет», «Упрек».

Женские стереотипы, содержащиеся в паремиях, отражали взгляды о «нечистоте» и опасности женщины, в т. ч. о неполноценности и ограниченности женщины:

Кыс кижги дөр бажынга олурбас, төрө херээ кылбас — ‘Женщина не садится на почетное место, не решает государственные дела’,

Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас — ‘Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются’,

Херээжок кижиниң бодалы ожуун долгандыр, эр кижиниң бодалы делегейни дескиндир — ‘Мысли женщины вокруг очага, мысли мужчины вокруг света’.

Женские стереотипы тувинцев были связаны с умениями женщин шить, мастерить, рукодельничать:

Инези чидигде — шевер, хачызы чидигде — каас — ‘В остроте иголки — наряд, в остроте ножниц — мастерство’,

Уран кыс удазынга ораашпас — ‘Искусная мастерица в нитках не запутается’,

Эки дарган эргээн какпас, уран кыс удазынга ораашпас — ‘Хороший кузнец по пальцу не ударит, искусная швея нитки не запутает’.

В целом женские стереотипы в тувинских паремиях отличаются противоречивостью. С одной стороны подчеркиваются положительные качества женщин как скромность, доброжелательность, гордость:

Уруглуг болуру — улуг кежик, чаштыг болуру — чаагай кежик — ‘Иметь дочь — большое богатство, иметь сына — великое богатство’,

Күдээниң күжү — хүндүлээчелинде, келиниң чаражы — томаанныында — ‘Сила зятя — в его доброжелательности, сила невестки — в её скромности’,

с другой стороны — изобличаются такие недостатки женского характера как скупость, болтливость, сварливость:

Хопчу кадын — сааскан, хоптак хаан — каарган — ‘Ханша болтливая — сорока крикливая, хан прожорливый как черный ворон’,

Демниг сааскан теке тудуп чиир — ‘Много сорок, сообща, и верблюда съедят’,

Калбак кезек — от чуду, харам кадай — өг чуду — ‘Толстое полено огонь гасит, скупая хозяйка дом срамит’,

Харам кадай — өг чуду — ‘Скупая жена — позор для юрты’.

В данных паремиях скрыты интенции: «Наставление», «Упрек», «Обличение».

Важной ценностью в традиционном сознании тувинцев является брачное состояние и создание семьи, в тувинских паремиях осуждается безбрачие, как мужское, так и женское:

Чааскаанда кээргенчиг, эштигде — жежиктиг — ‘Одиноким человек жалок, человек в паре — счастлив’.

В данной паремии скрыта интенция «Наставление».

Таким образом, можно отметить, что в паремиях в полной мере отражены гендерные стереотипы. Скрытыми интенциями мужских стереотипов тувинцев являются «Восхваление», «Оценка», «Наставление», «Поучение» и «Совет», а женских стереотипов — «Наставление», «Оценка», «Восхваление», «Обличение» и «Поучение».

Результаты оценки гендерных стереотипов

В целях изучения степени выраженности традиционализма и сексизма в гендерных стереотипах нами была разработана шкала оценки пословиц и поговорок на тувинском языке. Методом экспертной оценки из 75 пословиц на тувинском языке для включения в инструментарий было отобрано 48.

Список пословиц предъявлялся испытуемым одновременно на двух языках: тувинском и русском¹. Оценка пословиц проводилась по 5-балльной шкале. Максимальное согласие с утверждением оценивалось в 5 баллов, абсолютное несогласие — в 1 балл.

Всего из 48 пословиц 17 отражали мужские стереотипы, 21 — женские стереотипы, 10 — как мужские, так и женские стереотипы. Все пословицы и поговорки были отнесены к одной из 9 шкал², первые 5 шкал объединены в фактор «Традиционализм», следующие 4 шкалы — в фактор «Сексизм». По каждой шкале подсчитывалось среднее значение по выборкам. При обработке различий между выборками применялся непараметрический метод углового преобразования Фишера (φ) и критерий Манна-Уитни (U).

Фактор «Традиционализм» включал шкалу «Традиционная мужественность» (ТМ), отражающую мужские стереотипы, представления о мужском поведении; шкалу «Традиционная женственность» (ТЖ), включающую женские стереотипы, представления о женском поведении; шкалу «Гендерная поляризация» (ГП), противопоставляющую мужские и женские роли, взаимоисключающую правила мужского и женского поведения; шкалу «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС), представляющую традиционные семейные роли как мужчин, так и женщин; шкалу «Мужские роли в семье» (МРС) и шкалу «Женские роли в семье» (ЖРС).

Фактор «Сексизм» включал шкалу «Андроцентризм» (А), отражающую идеализированное представление о мужском; шкалу «Доброжелательный сексизм» (ДС), подчеркивающую идеальные

¹ Все опрошенные владели тувинским языком, но по данной методике на других этнических выборках стимульный материал предъявлялся на 2-х языках во избежание случаев, когда могли в выборку попасть лица, не владеющие ТЯ. В случае с тувинцами мы были приятно удивлены, что все владеют родным языком и даже с нами — исследователями из других регионов — говорили на тувинском. Совершенно иная ситуация была с хакасами.

² Методика включала 9 шкал: Фактор «Традиционализм»: Шкала 1. Традиционная мужественность (ТМ) — мужские стереотипы, представления о мужском поведении; Шкала 2. Традиционная женственность (ТЖ) — женские стереотипы, представления о женском поведении; Шкала 3. Гендерная поляризация (половой диморфизм) (ГП) — противопоставление мужских и женских ролей, взаимоисключение правил мужского и женского поведения; Шкала 4. Мужские и женские роли в семье (МЖРС) — традиционные гендерные роли в семье, представления о семейной роли мужчин и женщин; Субшкала 4.1. Мужские роли в семье (МРС); Субшкала 4.2. Женские роли в семье (ЖРС); Субшкала 4.3. Отношение к безбрачию, одиночеству (ОБ) — традиционное подчеркивание ценности семьи, детоцентризм, осуждение безбрачия. Фактор «Сексизм»: Шкала 5. Сексизм — предубеждение против лиц определенного пола, основанное на идеологии патриархата (С); Субшкала 5.1. Андроцентризм (гегемонная маскулинность) (А); представление о мужском как о норме, стандарте; Субшкала 5.2. Доброжелательный сексизм (ДС); подчеркивание и идеализация отдельных качеств женщин; Субшкала 5.3. Амбивалентный сексизм (АС) — одновременная идеализация и осуждение отдельных качеств мужчин и женщин; Субшкала 5.4. Враждебный сексизм по отношению к мужчинам (ВСМ) — принижение и осуждение отдельных качеств мужчин; Субшкала 5.5. Враждебный сексизм по отношению к женщинам (ВСЖ) принижение и осуждение отдельных качеств женщин; Шкала 6. Андроκραтия (патриархат) (АП) — социальный конструкт, в котором власть в семье полностью принадлежит мужчине, отцу; женщина не имеет прав и рассматривается как объект купли-продажи; Субшкала 6.1. Доминирование мужчин/подчинение женщин (ДП); Субшкала 6.2. Экзогамный брак (ЭБ); Субшкала 6.3. Калым (К); Субшкала 6.4. Умыкание (У); Субшкала 6.5. Избегание (И).

качества женщин; шкалу «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (ВСЖ), отражающую патриархальные взгляды на природу женщин и шкалу «Экзогамный брак» (ЭБ).

Средние оценки по факторам по всей выборке показывают, что опрошенные, в целом, согласны с традиционными представлениями о женском и мужском поведении, и вполне допускают проявление сексизма в отношении к женщинам, что особенно выражено у мужчин и у лиц зрелого возраста (см. рис. 2).

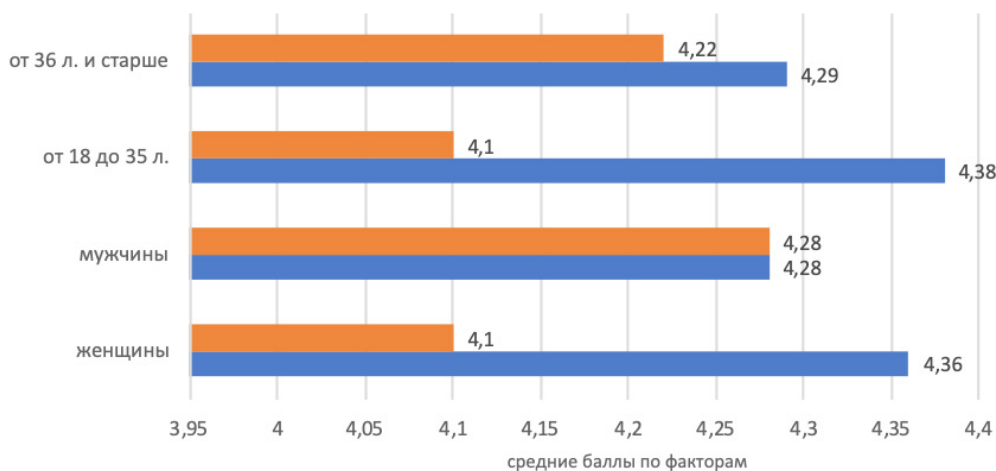

Рис. 2. Средние баллы по факторам «Сексизм» и «Традиционализм» у мужчин/женщин тувинцев от 18 до 35 л. и старше 36 лет.

Fig. 2. Average scores in the “Sexism” and “Traditionalism” factors among male and female Tuvans aged 18-35 and above 36.

Мужские и женские оценки. В среднем оценки пословиц у мужчин составили 4,33 балла, у женщин — 4,31 балл.

У мужчин более высокие оценки оказались по шкалам: «Андроцентризм» (А), «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (ВСЖ), «Мужские роли в семье» (МРС) и «Экзогамный брак» (ЭБ).

У женщин более высокие оценки оказались по шкалам: «Доброжелательный сексизм» (ДС), «Традиционная мужественность» (ТМ), «Традиционная женственность» (ТЖ), «Гендерная поляризация» (ГП) и «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС) (см. рис. 3).

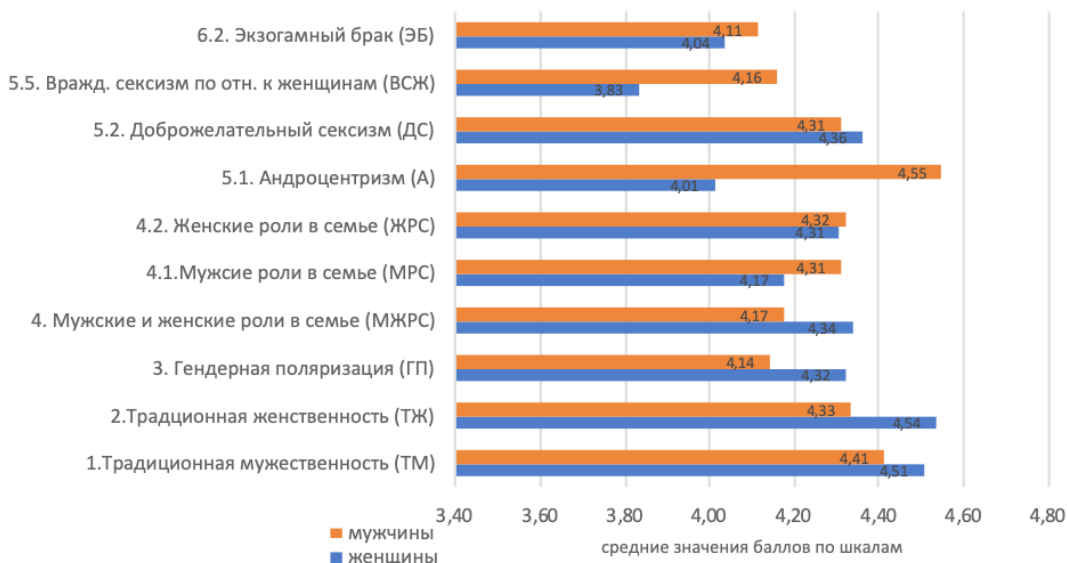

Рис. 3. Средние баллы мужчин и женщин тувинцев по шкалам.

Fig. 3. Average scores of male and female Tuvans along a variety of scales.

Испытуемые обеих полов оказались согласованными в высокой оценке пословиц категории «Традиционная мужественность», «Мужские и женские роли в семье», «Женские роли в семье» (см. табл. 1).

Таблица 1. Пословицы с максимально выраженным согласием мужчин и женщин тувинцев.

Table 1. Proverbs which get the highest support from male and female Tuvans.

Мужчины тувинцы (n=60)		Шкалы	Ср. балл
Аът болуру кулунундан, кижн болуру чажындан	Конь вырастет из жеребенка, человеком становятся с детства	ТМ	4,74
Ада кижн оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр	Отец гордится сыном, а павлин — хвостом	А	4,71
Ава болуру — аас-кежик, ада болуру — алдар-хүндү	Быть матерью — счастье, быть отцом — слава, уважение	МЖРС	4,71
Күжүр ава — хүн караа дег эргим	Милая мама — как солнечный луч дорога	ЖРС	4,71
Эки аъдыңны суглуктуг суггарып өөрөт, эки оглуңну кадыг ишке дадыктыр	Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй	ТМ	4,66
Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртөвөс	На красе чаю не сваришь, к косе коня не привяжешь	ВСЖ	4,62
Хатчыл черниң ыяжы илдең, кайгал эрниң караа илдең	Ветреное место узнают по деревьям, удалого молодца — по глазам	ТМ	4,60
Ада орнун оол салгаар, аът орнун кулун салгаар	Место отца наследует сын, как жеребенок — коня	МРС	4,60
Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс	Без отца полусирота, без матери — круглая сирота	МЖРС	4,60
Ава кижн төлүм дээр, ажы-төлү шөлүм дээр	Думы матери о детях, мысли детей в степи	ЖРС	4,55
Женщины тувинки (n =60)			
Аът болуру кулунундан, кижн болуру чажындан	Конь вырастает из жеребенка, человеком становятся с детства	ТМ	4,90
Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак	Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери ласковее	ЖРС	4,80
Күжүр ава — хүн караа дег эргим	Милая мама — как солнечный луч дорога	ЖРС	4,78
Ава болуру — аас-кежик, ада болуру — алдар-хүндү	Быть матерью — счастье, быть отцом — слава, уважение	МЖРС	4,72
Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртөвөс	На красе чаю не сваришь, к косе коня не привяжешь	ВСЖ	4,72
Авазы хүн болза, ачазы ай болур	Если солнце — мать, отец — луна	МЖРС	4,71
Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс	Без отца полусирота, без матери — круглая сирота	МЖРС	4,70

<i>Эге бениң куну семис, эки иениң төлү эрес</i>	У молодой кобылы жеребенок справный, у хорошей матери ребенок бойкий	ТМ	4,68
--	--	----	------

Прим.: значение средних оценок: от 5 до 4 — полностью согласен, от 2 до 1 — не согласен.

В список пословиц с наименьшей степенью согласия были включены пословицы с вариантами ответа «Затрудняюсь ответить», оценок ниже двух баллов ни в одной выборке тувинцев не обнаружено (табл. 2). В целом, как мужчины, так и женщины не согласны с пословицами категории «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (ВСЖ).

Таблица 2. Пословицы с минимально выраженным согласием мужчин и женщин тувинцев.
Table 2. Proverbs which get the lowest support from male and female Tuvans.

Мужчины тувинцы (n=60)		Шкалы	Ср. балл
<i>Иезин «инээм» дээр, адазын «аъдым» дээр</i>	Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем	МЖРС	3,62
<i>Сен дизе уруу, чемелезе кадайы</i>	Дочку свою ругает, лишь свою жену все укоряет	МРС	3,76
<i>Ада сөзү — амыдырал, ие сөзү — ажыл-иш</i>	Слово отца — жизнь, слово матери — работа	МЖРС	3,81
<i>Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас</i>	Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются	ВСЖ	3,86
<i>Кыс кижидөр бажынга олурбас, төрө херээ кылбас</i>	Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела	ВСЖ	3,88
Женщины тувинки (n =60)			
<i>Кыс кижидөр будун силгивес, халымак, силенцин көргүспес</i>	Девушке нельзя качать ногою, нельзя показывать ветреность и распушенность свою	ВСЖ	3,44
<i>Кыс кижидөр бажынга олурбас, төрө херээ кылбас</i>	Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела	ВСЖ	3,45
<i>Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас</i>	Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются	ВСЖ	3,47
<i>Сен дизе уруу, чемелезе кадайы</i>	Дочку свою ругает, лишь свою жену все укоряет	МРС	3,56
<i>Иезин «инээм» дээр, адазын «аъдым» дээр</i>	Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем	МЖРС	3,65

Прим.: значение средних оценок: от 5 до 4 — полностью согласен, от 2 до 1 — не согласен.

Значимые различия между женщинами и мужчинами обнаружены при оценивании следующих пословиц:

Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киши артык — ‘Дорог охотнику соболь черный, матери — сын, в мученьях рожденный’ (U=0,016),

Хатчыл черниң ыяжы илдең, кайгал эрниң кара илдең — ‘Ветреное место узнают по деревьям, удалого молодца — по глазам’ (U=0,047),

Кыс кижидөр будун силгивес, халымак, силенцин көргүспес — ‘Девушке нельзя качать ногою, нельзя показывать ветреность и распушенность свою’ (U=0,006),

где мужчины больше проявляют согласие с данными утверждениями. Женщины, в отличие от мужчин, согласны с тем, что

Авазы хүн болза, ачазы ай болур — ‘Если солнце — мать, отец — луна’ (U=0,000).

В целом, мужчины выражают больше согласия с пословицами, отражающими гендерные стереотипы, чем женщины.

Возрастные различия. В среднем оценки пословиц у молодых тувинцев составили 4,32 балла, у тувинцев зрелого возраста — 4,27 балла.

Если смотреть по факторам (рис. 4), то у молодых тувинцев выше оценки по фактору «Традиционализм», а у тувинцев зрелого возраста выше оценки по фактору «Сексизма». Тувинцы молодого возраста более высокие оценки продемонстрировали по шкалам: «Доброжелательный сексизм» (ДС), «Традиционная мужественность» (ТМ), «Традиционная женственность» (ТЖ), «Гендерная поляризация» (ГП) и «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС). Тувинцы зрелого возраста дали более высокие оценки по шкалам: «Андроцентризм» (А), «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (ВСЖ), «Мужские роли в семье» (МРС) и «Женские роли в семье» (ЖРС).

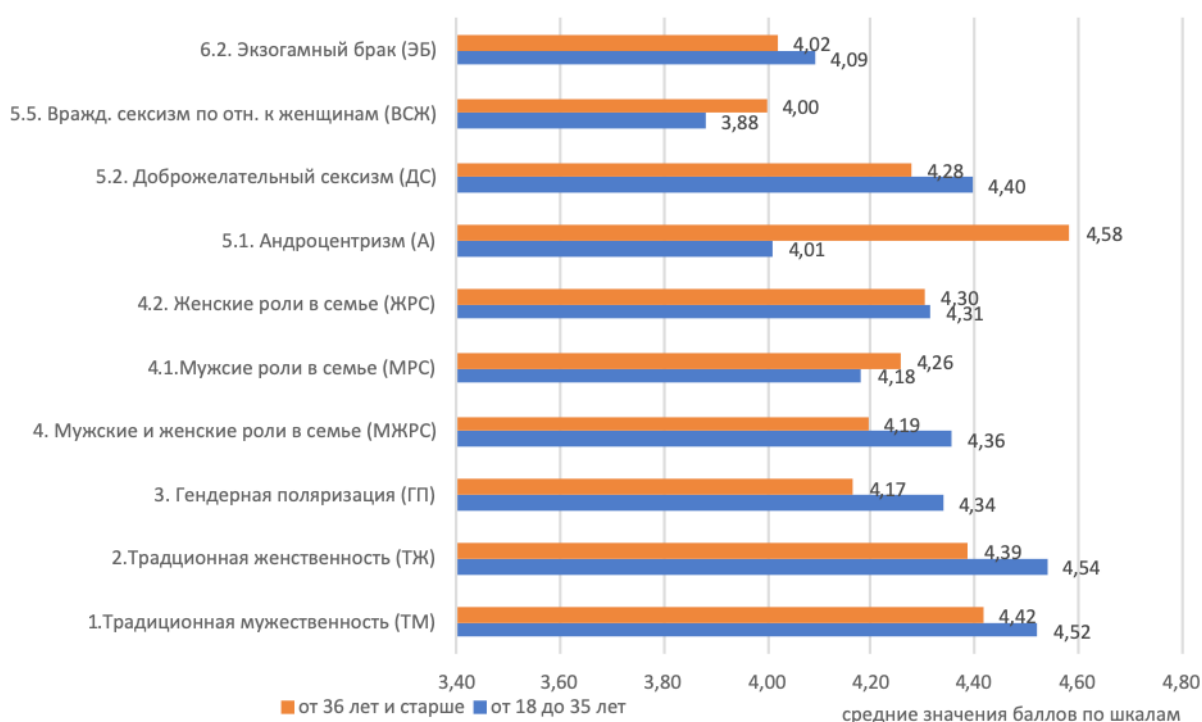

Рис. 4. Средние баллы тувинцев от 18 до 35 лет и от 36 лет и старше по шкалам.

Fig. 4. Average scores among Tuvans aged 18-35, and 36 and above, according to a variety of scales.

Анализ оценок по возрастным группам свидетельствует о том, что у молодых тувинцев наиболее часто высокие оценки встречались по шкалам: «Женские роли в семье» (ЖРС), «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС), у тувинцев зрелого возраста по шкалам: «Традиционная мужественность» (ТМ), «Мужские роли в семье» (МРС), «Женские роли в семье» (ЖРС), «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС) (табл. 3).

Таблица 3. Пословицы с максимально выраженным согласием тувинцев молодого и зрелого возраста.

Table 3. Proverbs which get the highest support from younger and older Tuvans.

Тувинцы молодого возраста (от 18 до 35 лет)		Шкалы	Ср. балл
Аът болуру кулунундан, кижил болуру чажындан	Конь вырастает из жеребенка, человеком становятся с детства	ТМ	4,84
Кужур ава — хүн караа дег эргим	Милая мама — как солнечный луч, дорога	ЖРС	4,78

<i>Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак</i>	Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери ласковее	ЖРС	4,73
<i>Ава болуру — аас-кежик, ада болуру — алдар-хүндү</i>	Быть матерью — счастье, быть отцом — слава, уважение	МЖРС	4,71
<i>Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртөвөс</i>	На красе чаю не сваришь, к косе коня не привяжешь	ВСЖ	4,67
<i>Ада кижиге оглун сактыр, алдындоос кудуруун сактыр</i>	Отец гордится сыном, а павлин — хвостом	А	4,67
<i>Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс</i>	Без отца полусирота, без матери — круглая сирота	МЖРС	4,78
<i>Эки аъдыңны суглуктуг суггарып өөрөт, эки оглуңну кадыг ишке дадыктыр</i>	Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй	ТМ	4,61
<i>Авыралдыг чүвө — ава, аянный эди — сава</i>	Самый благодетельный человек — мать, хорошая вещь — пиала	ЖРС	4,61
<i>Тувинцы зрелого возраста (от 36 лет и старше)</i>			
<i>Аът болуру кулунундан, кижиге болуру чажындан</i>	Конь вырастет из жеребенка, человеком становятся с детства	ТМ	4,90
<i>Эки аъдыңны суглуктуг суггарып өөрөт, эки оглуңну кадыг ишке дадыктыр</i>	Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй	ТМ	4,85
<i>Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак</i>	Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери ласковее	ЖРС	4,85
<i>Кускун кара-даа болза, төлүңге ынак</i>	Ворон, хоть черный, воронят своих любит	ЖРС	4,85
<i>Ада кижиге оглун сактыр, алдындоос кудуруун сактыр</i>	Отец гордится сыном, а павлин — хвостом	А	4,80
<i>Эге бениң куну семис, эки иениң төлү эрес</i>	У молодой кобылы жеребенок справный, у хорошей матери ребенок бойкий	ТМ	4,80
<i>Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртөвөс</i>	На красе чаю не сваришь, к косе коня не привяжешь	ВСЖ	4,80
<i>Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс</i>	Без отца полусирота, без матери — круглая сирота	МЖРС	4,80
<i>Инези чидигде — шевер, хачызы чидигде — каас</i>	В остроте иголки — наряд, в остроте ножниц — мастерство	ТЖ	4,75
<i>Ава болуру — аас-кежик, ада болуру — алдар-хүндү</i>	Быть матерью — счастье, быть отцом — слава, уважение	МЖРС	4,75
<i>Авыралдыг чүвө — ава, аянный эди — сава</i>	Самый благодетельный человек — мать, хорошая вещь — пиала	ЖРС	4,65
<i>Күжүр ава — хүн караа дег эргим</i>	Милая мама — как солнечный луч, дорога	ЖРС	4,60
<i>Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык</i>	Дорог охотнику соболю, а матери — сын, в мученьях рожденный	А	4,55
<i>Аът өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар</i>	Конь падает — коновязь останется, отец умрет — сын останется	МРС	4,55

Авазы хүн болза, ачазы ай болур	Если солнце — мать, отец — луна	МЖРС	4,55
---------------------------------	---------------------------------	------	------

Прим.: значение средних оценок: от 5 до 4 — полностью согласен, от 2 до 1 — не согласен.

Наибольшую степень несогласия тувинцы молодого и зрелого возраста выразили с пословицами, отнесенными к шкалам: «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (ВСЖ), «Мужские роли в семье» (МРС), «Мужские и женские роли в семье» (МЖРС) (см. табл. 4).

Таблица 4. Пословицы с минимально выраженным согласием тувинцев молодого и зрелого возраста
Table 4. Proverbs which get the lowest support from younger and older Tuvans.

Тувинцы молодого возраста (от 18 до 35 лет)		Шкалы	Ср. балл
Кыс кижн будун силгивес, халымак, сишеңин көргүспес	Девушке нельзя качать ногою, нельзя показывать ветреность и распушенность свою	ВСЖ	3,64
Сен дизе уруу, чемелезе кадайы	Дочку свою ругает, лишь свою жену все укоряет	МРС	3,64
Кыс кижн дөр бажынга олурбас, төре херээ кылбас	Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела	ВСЖ	3,65
Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас	Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются	ВСЖ	3,72
Иезин «инээм» дээр, адазын «аъдым» дээр.	Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем	МЖРС	3,73
Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык	Дорог охотнику соболь, а матери — сын, в мученьях рожденный	А	3,82
Тувинцы зрелого возраста (от 36 лет и старше)			
Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас	Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются	ВСЖ	2,85
Иезин «инээм» дээр, адазын «аъдым» дээр.	Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем	МЖРС	3,10
Кыс кижн дөр бажынга олурбас, төре херээ кылбас	Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела	ВСЖ	3,11
Даш октаан черинге чыдар, кыс берген черинге орап	Где камень бросил, там и он лежит, куда ты отдал дочь — там ей век жить	ЭБ	3,50
Сен дизе уруу, чемелезе кадайы	Дочку свою ругает, лишь свою жену все укоряет	МРС	3,50
Кыс кижн будун силгивес, халымак, сишеңин көргүспес	Девушке нельзя качать ногою, нельзя показывать ветреность и распушенность свою	ВСЖ	3,65

Прим.: значение средних оценок: от 5 до 4 — полностью согласен, от 2 до 1 — не согласен.

Список допустимых пословиц, у тувинцев зрелого возраста шире, чем у молодых тувинцев. Статистически значимые возрастные различия выявлены при оценивании пословиц:

Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык — 'Дорог охотнику соболь, а матери — сын, в мученьях рожденный' (U=0,040),

Эки аьдынны суглуктуг суггарып өрөт, эки оглуңну кадыгк ишке дадыктыр — ‘Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй’ (U=0,042),

Кускун кара-даа болза, төлүнге ынак — ‘Ворон, хоть черный, воронят своих любит’ (U=0,044), где степень допустимости таких поступков выше в выборке респондентов зрелого возраста.

С такой пословицей, как: Өшкү бажын тавакка салбас, кыс кижиниң сөзүн херекке албас — ‘Козьей головой не угощают, с бабьим словом не считаются’ (U=0,013) — люди старшего поколения скорее не согласны, в отличие от молодых людей.

Тувинцы молодого возраста согласны с такой пословицей: Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр — ‘Половодье крепкий берег размывает, оговор на грех невестку подбивает’ (U=0,020).

У молодых тувинцев высокие значения получились по шкалам: «Традиционная женственность» и «Традиционная мужественность», а низкие значения по шкале «Враждебный сексизм по отношению к женщинам». У респондентов старшего поколения наиболее высокие оценки были даны по шкалам: «Андроцентризм» (U=0,043), а также по шкале «Традиционная мужественность», и низкие значения по шкале «Враждебный сексизм по отношению к женщинам» (U=0,046), хотя средние значения по этой шкале находятся скорее на уровне допустимости, чем несогласия.

Таким образом, статистически значимых половых и возрастных различий в оценке пословиц, отражающих гендерные стереотипы, в выборке тувинцев не выявлено. Большинство опрошенных тувинцев считают вполне допустимыми традиционные представления о мужественности и женственности. В отличие от женщин, мужчины и люди старшего поколения в целом согласны с сексистскими пословицами в отношении женщин. Можно отметить, что отраженные в пословицах традиционные представления о мужском и женском поведении в целом принимаются и соблюдаются в межполовых отношениях современных тувинцев.

Заключение

В целом в паремиях тувинцев достаточно подробно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов. В паремиях тувинского народа отражены традиционные семейно-родовые отношения, основанные на патриархальных установках, регламентации гендерных различий и дихотомизации мужского и женского. Несмотря на наличие тенденции к андроцентричности, идеи о неравенстве полов, обычаи и запреты экзогамного брака встречаются у тувинцев не так часто. В тувинских пословицах преобладают интенции: «Восхваление», «Оценка», «Наставление», «Совет», «Обличение». В мужских стереотипах тувинцев преобладают интенции: «Восхваление», «Наставление», «Оценка», а женские стереотипы связаны с интенциями «Предостережение», «Обличение», «Наставление», «Упрек».

Большинство опрошенных тувинцев выражают согласие с пословицами, отражающими традиционные представления о мужском и женском поведении, в целом разделяют пословицы с сексистскими установками в отношении женщин. Данные тенденции особенно выражены у мужчин и у людей старшего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широкова, А. Р. Тазранова. Вып. 14. Новосибирск : НГУ. 236 с. С. 60–72.

Берн, Ш. (2007) Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб. : Прайм-Еврознак. 318 с.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/835> (дата обращения: 11.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.1.11

Дьон-сэргэ ох тыла (2001) (Тыва өһүн хоһоонноро, ох тыллара) [Тувинские пословицы, меткие изречения] / под ред. Н. И. Сафронова. Якутск : Бичик. 40 с. (На як. яз.).

Егорова, А. И., Чочкина, М. П., Сарбашева, С. Б. (2019) Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2. С. 51–63. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-2-51-63

Калзан, А. К. (1955) Тувинские народные пословицы и поговорки. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 55 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства конца XIX — нач. XX в. Новосибирск : Сибирское отделение. 162 с.

Кирилина, А. В. (1999) Гендер: лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН. 189 с.

Клёцина, И. С. (2009) Гендерная психология. СПб. : Питер. 496 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Маннай-оол, М. (2002) Обычаи тувинского народа // Ученые записки. Вып. 19. Кызыл : ТИГИ. 326 с. С. 52–59.

Орус-оол, С. М. (1997) Тувинские героические сказания. Новосибирск : Наука. 479 с.

Очерки тувинского фольклора = Тыва улустун аас чогаалы (1976) / Куулар, Д. С., Гребнев, Л. В., Калзан, А. К. и др. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 146 с.

Потапов, Л. П. (1973) Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука. 412 с. С. 265–286.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки славянской культуры. 289 с.

Хадаханэ, М., Саган-оол, О. (1966) Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 77 с.

Хертек, Я. Ш. (1985) Русско-тувинский фразеологический словарь. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 299 с.

Best, D. L. (2001) Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research and Methodologies // Cross-Cultural Research. № 1. P. 23–43.

Lease, S. H., Montes, S. H., Baggett, L. R., Sawyer, J., Fleming-Norwood, K. M., Hampton, A. B., Ovrebo, E., Ciftci, A., Boyraz, G. (2012) A Cross-Cultural Exploration of Masculinity and Relationships in Men From Turkey, Norway, and the United States // Journal of Cross-Cultural Psychology. № 6. P. 84–105.

Williams, J. E., Best, D. L., Haque, A., Pandey, J., Verma, R. K. (1982) Sex-trait stereotypes in India and Pakistan // Journal of Psychology. № 111. P. 167–181.

Дата поступления: 11.03.2019 г.

REFERENCES

Baizhanova, N. R. (2004) Metaforicheskie obrazy, kharakterizuiushchie cheloveka, v altaiskikh poslovitsakh (v sopostavlenii s tuvinskimi) [Metaphorical characteristics of people in Altai proverbs (in comparison with Tuvan)]. In: *Iazyki korennykh narodov Sibiri [Indigenous languages of Siberia]* / ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova and A. R. Tazranova. Vol. 14. Novosibirsk, NGU. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Bern, Sh. (2007) *Gendernaia psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniia [The Social Psychology of Gender]*. Transl. from Engl. St. Petersburg, Praim-Evroznak. 318 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: the case of ethnically mixed families. *The New Research of Tuva*, no. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/835> (access date: 11.03.2019). (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2019.1.11

D'on-serge okh tyla (Tyva öhiin khohoonnoro, okh tyllara) [Tuvan proverbs and witty sayings] (2001) / ed. by N. I. Safronova. Yakutsk, Bichik. 40 p. (In Yakut).

Egorova, A. I., Chochkina, M. P. and Sarbasheva, S. B. (2019) Psikholingvistikheskii analiz gendernykh stereotipov v altaiskikh i iakutskikh poslovitsakh [Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2019-2-51-63

Kalzan, A. K. (1955) *Tuvinskie narodnye poslovitsy i pogovorki [Tuvan folk proverbs and sayings]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 55 p. (In Russ.).

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvinian shamanism. Late XIX — early XX century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

- Kirilina, A. V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]*. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 189 p. (In Russ.).
- Kletsina, I. S. (2009) *Gendernaia psikhologiya [Gender psychology]*. St. Petersburg, Piter. 496 p. (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 464 p. (In Russ.).
- Mannai-ool, M. (2002) *Obychai tuvinskogo naroda [Customs of Tuvan people]*. In: *Uchenye zapiski*, vol. 19. Kyzyl, TIGI. 326 p. Pp. 52–59. (In Russ.).
- Orus-ool, S. M. (1997) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic legends]*. Novosibirsk, Nauka. 479 p. (In Russ.).
- Ocherki tuvinskogo fol'klora = Tyva ulustung aas chogaaly [Essays on Tuvan folklore]* (1976) / Kuular, D. S., Grebnev, L. V., Kalzan, A. K. et al. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 146 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1973) *Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai, the deity of the ancient Türks, in the light of ethnographic data]*. In: *Tiurkologicheskii sbornik* / ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka. 412 p. Pp. 265–286.
- Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 289 p. (In Russ.).
- Khadakhane, M. and Sagan-ool, O. (1966) *Tuvinskie poslovitsy i pogovorki [Tuvan proverbs and sayings]* / comp. by M. Khadakhane and O. Sagan-ool. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 77 p. (In Russ.).
- Khertek, Ia. Sh. (1985) *Russko-tuvinskii frazeologicheskii slovar' [A Russian-Tuvan phraseological dictionary]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 299 p. (In Russ. And Tuv.).
- Best, D. L. (2001) *Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research and Methodologies. Cross-Cultural Research*, no. 1, pp. 23–43.
- Lease, S. H., Montes, S. H., Baggett, L. R., Sawyer, J., Fleming-Norwood, K. M., Hampton, A. B., Ovrebo, E., Ciftci, A. and Boyraz, G. (2012) *A Cross-Cultural Exploration of Masculinity and Relationships in Men From Turkey, Norway, and the United States. Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 6, pp. 84–105.
- Williams, J. E., Best, D. L., Haque, A., Pandey, J. and Verma, R. K. (1982) *Sex-trait stereotypes in India and Pakistan. Journal of Psychology*, no. 111, pp. 167–181.

Submission date: 11.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.3

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса)***Валерий Н. Бадмаев, Мерген С. Уланов***Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,***Чимиза К. Ламажаа***Московский гуманитарный университет; Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,***Ульяна П. Бичелдей***Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,***Владимир И. Антонов, Оюна А. Очирова***Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация*

В статье представлены результаты социологического исследования сентября–октября 2019 г. 709 студентов трех российских вузов в Туве, Бурятии и Калмыкии. Молодежь трех традиционно буддийских регионов опрашивалась по вопросам ее отношения к религии, к буддизму в частности. Ответы проанализированы сквозь призму идентичностей респондентов: российской, этнической, религиозной.

Молодежь рассматривает религиозность прежде всего как следование духовно-нравственным ценностям, понимает ценностно-регулятивный аспект религиозной жизни и ее связь с духовной жизнью всего общества. Россия понимается большинством респондентов как евразийское государство, объединяющее в себе и европейские, и азиатские народы и культуры. В целом, отношение у молодежи к буддизму положительное. Но он далеко не всеми понимается как неотъемлемая часть культуры страны, есть разногласия и по поводу термина «российский буддизм». Регионы, где они живут и обучаются, студенты более определенно называют буддийскими, а вот в отношении других — не столь уверены в этом. Стало очевидно, что среди молодежи знания вопросов истории религии в целом (и истории буддизма в частности) не слишком четкие.

Исследование показывает, что высокая религиозная идентификация молодежи имеет достаточно декларативный характер, нуждается в дополнительных исследованиях.

Ключевые слова: Россия; буддийский мир; российская молодежь; студент; Тува; Бурятия; Калмыкия; буддизм; буддийская культура; буддийский регион; религиозная идентичность; самоидентификация молодежи; религиозность

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (грант № 19-18-00118).

Для цитирования:

Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Антонов В. И., Очирова О. А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/...> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.3

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 844-37-73. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-1066-8314

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7(961) 541-11-38. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета; приглашенный исследователь Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 18. Тел.: +7 (499) 374-73-90. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (PhD), руководитель научно-исследовательской группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 66700, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: opei-ool@yandex.ru ORCID ID: 0000-0001-5588-9167

Антонов Владимир Иосифович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1. Тел.: +7 (914) 984-11-11. Эл. адрес: wlanto50@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-9920-0667

Очирова Оюна Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социальные технологии» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1. Тел.: +7 (914) 052-21-56. Эл. адрес: sociologm@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-8376-4086

Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes*

Valeriy N. Badmaev, Mergen S. Ulanov

Kalmyk State University, Russian Federation,

Chimiza K. Lamazhaa

Moscow University for the Humanities; Kalmyk State University, Russian Federation,

Ulyana P. Bicheldey

Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, Russian Federation,

Vladimir I. Antonov, Oyuna A. Ochirova

East Siberian State University of Technology and Management, Russian Federation

The article presents the outcomes of a sociological study held in September and October 2019, with 709 students of three universities in Tuva, Buryatia and Kalmykia as its respondents. The youth of the three regions of Russia where Buddhism is a prevailing religion was asked questions on their attitudes to religion, and Buddhism in particular. Their responses were collated with their own mix of identities as Russian citizens of a certain ethnic background and religious preferences.

Seeing religiosity primarily as following a set of spiritual and moral principles, the youth focuses on values and regulations of religious life of an individual and its connection to the spirituality of society in general.

Most respondents see Russia as a Eurasian state uniting both European and Asian peoples and cultures. On the whole, their attitude to Buddhism is positive, but few see this religion as an integral part of Russia's culture, and there are also disagreements on what "Russian Buddhism" may mean. While respondents are certain that the region they live and study in can be described as Buddhist, they are far from sure when it comes to Russia's other territories. It has become evident that the youth has only a superficial knowledge of history of religions, including the history of Buddhism.

The study has shown that the high degree of religious self-identification among youth is rather declarative and requires further in-depth studies.

Keywords: Russia; Buddhist world; youth in Russia; student; Tuva; Buryatia; Kalmykia; Buddhism; Buddhist culture; Buddhist region; religious identity; self-identification of youth; religiosity

* The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, Grant No. 19-18-00118, «Russia and the Buddhist world in the discourse of the philosophy of Oriental Studies».

For citation:

Badmaev V. N., Ulanov M. S., lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. N., Antonov V. I. and Ochirova O. A. Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes. *The New Research of Tuva*, 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/904> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.3

Badmaev Valeriy Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 844-37-73. E-mail: badmav07@yandex.ru

Ulanov Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 541-11-38. E-mail: ulanov1974@mail.ru

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Visiting Researcher, Kalmyk State University. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-73-90. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious studies (Ph.D), Head, Religious studies unit, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel. +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

Antonov Vladimir Iosifovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Cultural studies, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 40B Bldg. 1, Klyuchevskaya str., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (914) 984-11-11. E-mail: wlanto50@mail.ru

Ochirova Oyuna Anatolyevna, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social technologies, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 40B Bldg. 1, Klyuchevskaya str., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (914) 052-21-56. E-mail: sociologm@mail.ru

Введение

Популярность и значимость буддизма в современном культурно-конфессиональном ландшафте глобального мира продолжает расти (Уланов, 2007; Урбанаева, 2012: 126; Базаров, 2015). При этом буддизм все активнее выходит за рамки своих прежних локально-исторических и национально-географических границ, он охватывает все новые культурные ареалы, т. е. происходит де-территориализация религии, ее транснационализация. Буддизм становится религией свободного выбора индивидов, его начинают рассматривать как один из ресурсов на свободном рынке религий (Варнавский, 2011: 194), как фактор межкультурного взаимодействия и диалога (Буддизм в контексте ... , 2015).

Расширение и увеличение значимости буддийского мира (территорий, население которых традиционно исповедует буддизм — государств или отдельных регионов государств; отдельных локальных общин, организаций и даже персон) идет не только экстенсивным путем. Общий рост значения религии также выражает собой и ответы локальных культур на вызовы глобализации (Базаров, 2014), когда усиливающееся влияние чужеродных культур оборачивается стремлением сообществ сохранять и развивать свои традиции, в том числе религиозные. При этом, как полагает академик РАН Б. В. Базаров, важна роль буддизма «в решении проблемы соотношения традиционных ценностей и ценностей XXI в., обусловленных современными высокими технологиями и широкой информатизацией, которые создают благодатную почву для беспрепятственного взаимопроникновения культур, навязывания чужих ценностей и чужого образа жизни. Важно понять, в какой степени философско-этические принципы, религиозная установка буддизма смогут стать гарантом сохранения традиционных ценностей, обеспечить их адаптацию к новым реалиям третьего тысячелетия?» (Базаров, 2015: 12).

Соответственно, исследование особенностей современного буддийского мира выходит за рамки религиоведческого дискурса и включает в себя исследование социокультурных феноменов, а также их осмысление как представителями академической науки, так и общественностью, причем разными поколениями. Особый интерес приобретает изучение мотиваций религиозного выбора, отношения к религии как традиционному вероисповеданию в исконно буддийских регионах и понимание буддистами связей между территориями. В России такими регионами являются республики Тува, Бурятия, Калмыкия, а также ряд областей, краев.

Исследовательский интерес группы ученых обращен к молодому поколению населения названных республик. Известно, что молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу населения, которая особенно восприимчива к изменениям духовно-нравственных ценностей. Источниками ее ценностных ориентиров могут быть как традиционные социокультурные институты, так и новые. Соответственно, ее мнение может складываться в сочетании различных социокультурных установок, а также может определять тенденции религиозности населения. Исследования последних лет указывают на тот факт, что религиозность населения характеризуется устойчивой положительной динамикой, в том числе за счет роста молодежи, которая считает себя буддистами (например, в Туве 83% молодежи тувинской национальности называет себя буддистами, см. Анайбан, 2017: 169). Тем не менее, в представлениях современной молодежи входит не только признание авторитета религии, не только следование ее предписаниям. Интересно осмысление молодыми людьми роли религии в их жизни, понимание ими буддизма и буддийского мира. Такой ракурс мнения молодежи еще не исследовался, в том числе в плане общего и особенного в представлениях юношей и девушек сразу трех буддийских регионов.

Исходя из этого, коллектив исследователей во главе с профессором Калмыцкого государственного университета В. Н. Бадмаевым в сентябре — октябре 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (по проекту «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения») инициировали и провели одновременно в трех российских республиках — в Туве, Бурятии и Калмыкии — социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (с помощью сервиса Google Forms), посвященное изучению представлений о буддизме и буддийском мире среди студенческой молодежи¹.

¹ Следует отметить востребованность социологических исследований религии (Островская, 2018; Синелина, 2009; Социология религии, 2013; Энциклопедический словарь, 2017), вообще, и буддизма (Бадмацыренов, 2016; Бадмацыренов, Родионов, 2014; Намруева, 2012; Островская, 1999), в частности, в современном российском научном дискурсе. Российская социология религии, прошедшая свою институционализацию и обладающая «собственным теоретико-методологическим инструментарием и тематически разнообразными прикладными исследованиями религий современного общества» (Островская, 2018: 1–2), отличается также и развитием

В исследовании приняли участие 709 студентов высших учебных заведений: Тувы — Тувинского государственного университета (г. Кызыл) — 224 чел., Бурятии — Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ) — 251 чел., и Калмыкии — Калмыцкого государственного университета (г. Элиста) — 234 чел.¹, как гуманитарных, так и естественнонаучных специальностей. Вид выборки исследования — целевая. Исследование по критерию самоопределения показало, что в двух из трех регионах большинство опрошенных студентов считает себя исповедующими буддизм: в Туве — 68,3%; в Калмыкии — 62,8%, а в Бурятии — 36,3%.

Национальный состав выборки отразил примерно близкое соотношение национального состава населения регионов:

— в Туве тувинцев среди опрошенных оказалось 90,5%, русских — 2,3% (остальные ответившие называли себя не только представителями других национальностей, но и метисами, а также просто «россиянами», «буддистами» и пр.);

— в Бурятии бурятов насчиталось 40,5%, русских — 45,2%, остальных — 14,3%,

— в Калмыкии калмыками назвались 70% опрошенных, русскими — 9,7%, остальные 20,3% распределились на представителей других национальностей (таджики, украинцы, узбеки и пр.).

По возрастным подгруппам наиболее многочисленной во всех трех регионах оказалась молодежь в возрасте от 17 до 22 лет: Тува — 81,6%, Бурятия — 81,3%, Калмыкия — 87,3%. Состав общей выборки по полу: юношей — 39%, девушек — 61%.

Представим в данной статье основные результаты этого опроса.

Представление о религиозности

Одним из основных пунктов анкеты был вопрос о том, что означает быть религиозным человеком. Распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено в таблице 1.

Таблица 1. Ответы на вопрос «Что для Вас означает, прежде всего, быть религиозным человеком?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 1. Responses to the question, “What does being religious primarily mean to you?”, % of respondents by region.

№	Вариант	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Соблюдать человеческие и морально-этические нормы	76,8	61,4	68,8
2	Молиться и посещать религиозные места (мечети, церкви, храмы, хурулы, хурээ, синагоги, священные места и пр.)	49,6	47,8	52,1
3	Твердо придерживаться норм и правил священных писаний (Коран, Библия, Тора, Ганджур/Канчыыр и др.)	19,6	23,5	26,1
4	Ощущать себя представителем той или иной религиозной группы	20,1	19,1	26,9
5	Носить религиозную одежду	2,2	1,2	2,6
6	Выполнять необходимые религиозные обряды в любом месте	14,3	15,1	20,9
7	Свой вариант ответа	0,8	0,4	0,4
10	Затрудняюсь ответить	7,1	10	5,6

Прим.: Отмечать можно было несколько вариантов ответа. Также можно было вписать свой вариант ответа.

комплекса «направлений, концепций и отдельных исследований, который можно обозначить как буддийскую социологию» (Бадмацыренов, 2016: 181). Буддийская социология акцентирует внимание на то, на то, каким образом буддийская мысль и практика могут внести вклад в область социологического знания, в понимание социальных институтов, социальных проблем, а также динамики и возможностей социальных изменений (Bell, 1979; Schipper, 2012).

¹ Опросы в университетах проводились при любезном разрешении и содействии руководства вузов. См. раздел «Благодарности» в конце статьи.

Распространенным остается мнение о том, что истинно верующий человек — это тот человек, который обязательно посещает храмы (хурээ, хурулы, дацаны, церкви, мечети в зависимости от вероисповедания верующего). Его разделяет практически половина из наших опрошенных в каждом регионе: Тува — 49,6%; Бурятия — 47,8%; Калмыкия — 52,1%.

Тем не менее, наше исследование позволило констатировать, что для большинства студентов религиозность связана прежде всего с соблюдением общечеловеческих и морально-этических норм: Тува — 76,8%; Бурятия — 61,4%; Калмыкия — 68,8%. То есть, мнение о том, что самое важное в религиозном человеке — его приверженность в целом морали — превалирует над представлением о важности религиозной обрядности. Еще меньше мнений о том, что религиозный человек — тот, кто «твердо придерживается норм и правил священных писаний» (Тува — 19,6%; Бурятия — 23,5%; Калмыкия — 26,1%). Примерно столько же набрал вариант ответа «Ощущать себя представителем той или иной религиозной группы»: Тува — 20,1%; Бурятия — 19,1%; Калмыкия — 26,9%.

Значительно меньшая часть респондентов связывает проявление веры с необходимостью выполнения религиозных обрядов в любом месте (Тува — 14,3%; Бурятия — 15,1%; Калмыкия — 20,9%) и ношением религиозной одежды (Тува — 2,2%; Бурятия — 1,2%; Калмыкия — 2,6%).

Соответственно, мы видим, что молодежь рассматривает религиозность прежде всего как следование духовно-нравственным ценностям, понимает ценностно-регулятивный аспект религиозной жизни. И этот факт отраден особенно в свете регулярно высказываемого пожелания Его Святейшества Далай-ламы XIV, о котором пишет Р. Турман: «Уже много лет тому назад он сказал и всегда повторяет, что не желает обратить всех в буддизм. Он не хочет, чтобы все приняли буддизм, но при этом продолжали действовать эгоистически. Если вы просто номинально меняете свое вероисповедание, от этого нет особой пользы» (Турман, 2015: 22).

Существенных территориальных различий во мнениях мы здесь не получили, что подчеркивает значимость и общность мнения молодого поколения в традиционно буддийских территориях.

Самоидентификация молодежи

Последующие вопросы относительно буддизма и отношения молодых к нему мы посчитали необходимым выяснять, прежде всего, уточнив важность их самоидентификации — этнической, религиозной, государственной.

На вопрос «Кем Вы себя считаете прежде всего?» были предложены несколько вариантов ответов, которые надо было ранжировать — расставить в порядке убывания важности: от самого важного до менее важного.

Студенты из Тувы расположили свой выбор следующим образом: представителем своей национальности прежде всего себя считают 50,4%; россиянами — 47,4%; евразийцами — 35,7%; представителями своей религии — 34,8%; гражданами мира — 33,5% опрошенных.

Студенты Бурятии на первое место поставили национальную идентичность — 35,4%; на второе место — евразийскую — 34,7%; на третье место — российскую — 31,9%; гражданами мира себя считают 28,7%; представителями своей религии — 28,2%.

Студенты Калмыкии сделали свой выбор в следующем порядке. Считают себя россиянами — 46%; калмыками — 40,2%; евразийцами — 39,3%; гражданами мира — 39%; представителями своей религии — 38% опрошенных.

Учитывая национальную идентификацию наших опрошенных (национальный состав выборки, представленный выше), мы можем отметить тот факт, что российская идентичность в среде молодежи национальных республик принимается и у значительной части даже является приоритетной (у учащихся Калмыкии это чуть более выражено). Однако, все же этническая идентичность является более приоритетной для студентов Тувы и Бурятии. В случае Тувы это вполне объяснимо, учитывая традиционно сильную региональную и этническую идентичность коренного населения республики (см. также: Leung, 2017). Бурятская картина мнений здесь нам представляется тоже достаточно очевидной: национальный состав региона, история культурного диалога в нем, геополитическое расположение — все это способствует превалированию как этнической, так и евразийской идентичности молодежи. В данном случае можно говорить о феномене национально-цивилизационной идентичности, которая отличается как от национальной, так и от цивилизационной идентичности, и представляет собой «отождествление или соотнесение себя индивидами с определенной национально-цивилизационной

общностью, т. е. такой общностью, которая одновременно имеет черты как нации, так и цивилизации, или же является промежуточным образованием между нацией и цивилизацией» (Пантин. 2017: 462). Мы полагаем, что вопрос иерархии идентичности российской молодежи в национальных регионах требует специального исследования.

Большинство наших опрошенных во всех трех регионах считают себя людьми, исповедующими какую-либо религию: Тува — 74,6%; Бурятия — 70,1%; Калмыкия — 71,9%. Уточняющий вопрос о религии показал, что в двух республиках среди наших респондентов преобладают буддисты: Тува — 68,3%; Калмыкия — 62,8%, а вот в Бурятии буддистов наш опрос насчитал только 36,3% (помимо них было 34,4% христиан, 20,3% — тех, кто назвал себя «не верующими» и «атеистами», и тех, кто считает себя приверженцем иных конфессий).

Скорее всего, этот показатель не раскрывает точного положения вещей с религиозной идентичностью, которая «формируется в результате соотношения себя с определенной религией и определяется значением веры и ролью религиозных институтов в его сознании и поведении», ее «можно рассматривать как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью» (Мчедлова, 2017: 335). Во многом, религиозную принадлежность, особенно молодые люди, начинают указывать по этническому принципу: раз я — калмык, значит — буддист (см.: Филатов, Лункин, 2005).

В нашей работе мы не ставим целью установить истинное число буддистов среди опрошенных, полученный нами показатель лишь рассматривается как показатель самоидентификации молодежи, которая и достаточно свободно и активно «примеряет» на себя религиозную идентичность, и имеет желание рассуждать о религии.

Общественные функции религии

Учитывая тот факт, что молодежь стремится познавать мир, рассуждать о значимых социальных проблемах, составляя при этом свое мнение, исследователи заинтересовались ответами на вопрос «На какие сферы общества оказывает влияние религия?» (таб. 2).

Таблица 2. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, на какие сферы общества оказывает влияние религия?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 2. Responses to the question, “In your opinion, what areas of social life are influenced by religion?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Духовно-нравственное состояние общества	83	75,3	80,8
2	Семья	53,6	49,8	55,6
3	Межнациональные отношения	37,1	37,8	51,7
4	Внутренняя политика государства	12,5	17,5	17,9
5	Внешняя политика государства	6,3	13,5	12,4
6	Социально-экономическое развитие общества	7,6	14,3	15,8
7	Не оказывает никакого влияния ни на какие сферы общества	1,8	4,4	2,6
8	Затрудняюсь ответить	4,9	6,8	6,4
9	Свой вариант ответа	-	0,4	0,4

Прим.: Отмечать можно было несколько вариантов ответа. Также можно было вписать свой вариант ответа.

Большинство опрошенных во всех трех регионах сошлось на том, что религия оказывает влияние прежде всего на духовно-нравственное состояние общества: Тува — 83%; Бурятия — 75,3%; Калмыкия — 80,8%. Второй по значимости социальный институт, испытывающий на себе влияние религии — семья:

Тува — 53,6%; Бурятия — 49,8%; Калмыкия — 55,6%. Третья значимая сфера — межнациональные отношения: Тува — 37,1%; Бурятия — 37,8%; Калмыкия — 51,7%.

Политика государства, как внутренняя, так и внешняя, социально-экономическое развитие страны, по мнению молодых, очень мало зависят от религии. Были также и немногочисленные мнения о том, что религия ни на какие сферы не влияет, были и затруднившиеся с ответами.

Ранжирование сфер, полученное в результате опроса, с одной стороны, практически повторяет порядок, который был предложен респондентам для выбора в анкете на данный вопрос. Соответственно, мы можем предположить, что на результат в определенной степени повлияло исследовательское ранжирование сфер.

Тем не менее, общий итог, практически совпадающий по трем регионам, показывает нам реальную тенденцию, особенно во взаимосвязи с ответами на предыдущий вопрос. Как видно, большинство молодежи связывает религию с духовным состоянием общества, с жизнью семьи, со сферой межнациональных отношений.

Цивилизационная идентичность России

Вопрос, связанный с цивилизационной идентичностью России («Какой тезис представляется Вам наиболее верным» с выбором одного из предложенных вариантов ответа), дал нам следующую картину мнений (см. таб. 3).

Два «крайних» варианта ответа «Россия, прежде всего, — это часть Европы» и «Россия, прежде всего — часть Азии» была поддержана лишь небольшой частью опрошенных. При этом особый географический «перекосяк» становится очевиден, учитывая подавляющее этническое большинство опрошенных в Туве. 11,2% респондентов из этой республики (против 1,6% в Бурятии и 0,9% — в Калмыкии) считают, что Россия — прежде всего часть Азии, а иной вариант (Россия — часть Европы) здесь же получил относительно меньшее число голосов (5,4%, тогда как в Бурятии это — 7,2 и в Калмыкии — 7,7%).

Таблица 3. Ответы на вопрос «Какой тезис представляется Вам наиболее верным?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 3. Responses to the question, “Which of these statements seem true to you?”, % of respondents by region

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Россия исторически и географически формировалась как евразийское государство, объединяющее в себе и европейские, и азиатские народы и культуры	62,1	63,3	60,7
2	Россия, прежде всего, — это часть Европы	5,4	7,2	7,7
3	Россия, прежде всего, это часть Азии	11,2	1,6	0,9
4	Россия — это самобытная цивилизация, не похожая ни на Запад, ни на Восток	21,3	26,3	30,7
5	Свой вариант ответа	-	1,6	
6	ИТОГО	100	100	100

Наиболее популярным мнением во всех трех регионах стало высказывание «Россия исторически и географически формировалась как евразийское государство, объединяющее в себе и европейские, и азиатские народы и культуры»: Тува — 62,1%, Бурятия — 63,3% и Калмыкия — 60,7%. Представление о том, что наша страна объединяет народы, очевидно, превалирует над вторым по популярности мнением о том, что «Россия — это самобытная цивилизация, не похожая ни на Запад, ни на Восток»: Тува — 21,3%; Бурятия — 26,3%; Калмыкия — 30,7%.

Несмотря на то, что оба высказывания делают акцент на своеобразии России, тем не менее, большинство молодежи понимает разницу между двумя характеристиками и отдает предпочтение той, где речь идет об объединении культурных начал, а не об их отрицании.

Буддизм и Россия

На вопрос «Как Вы относитесь к утверждению, что буддизм — это органичная, неотъемлемая часть российской истории, исторического наследия народов России?» большинство респондентов ответили положительно во всех трех регионах: в Туве — 70,1%; в Бурятии — 71,3%; в Калмыкии — 75,3% (таб. 4).

Таблица 4. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к утверждению, что буддизм — это органичная, неотъемлемая часть российской истории, исторического наследия народов России?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 4. Responses to the question, “Do you agree that Buddhism is an integral part of Russian history and the heritage of the peoples of Russia?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Да, согласен	70,1	71,3	75,3
2	Нет, не согласен	29	24,7	21,9
3	Свой вариант ответа	0,9	3,2	2,8
4	ИТОГО	100	100	100

В то же время определенная часть опрошенных, чуть более или почти четверть опрошенных (в Туве — 29%; в Бурятии — 24,7%; в Калмыкии — 21,9%) не считает буддизм неотъемлемой частью российской культуры.

С одной стороны, этот факт удивляет, учитывая как то, что опрос проводился в традиционно буддийских регионах, так и то, что среди опрошенных, по крайней мере в Туве и Калмыкии, значительное число приверженцев буддийской религии. Но, с другой стороны, если мы сопоставим эту картину мнений с ответами на вопрос о преимущественной самоидентификации молодежи, то мы можем понять этот парадокс. Если российская идентичность у молодежи не в приоритете (считают себя прежде всего россиянами: Тува — 47,4%; Бурятия — 31,9%; Калмыкия — 46%, то есть менее половины опрошенных), то здесь имеет место не сколько представление «отчуждения» буддизма от России, сколько представление о некоторой собственной отчужденности от российского дискурса. Подобный факт недавно фиксировался в исследовании образа России у буддистов Тувы (см.: Шестопал, Смутькина, Сорозикова, 2019; см. об этом также: Ламажаа, 2019).

Существует ли российский буддизм

Безусловно, задавая студентам вопрос «Можно ли говорить о таком явлении, как российский буддизм?», мы осознавали, что ставим молодых респондентов перед сложной задачей, которую до сих пор решают исследователи и продолжают о ней дискутировать (говорим ли мы о российском буддизме в историческом аспекте или о доктринальных различиях; возможно ли вообще выделять как «российский буддизм», так и его локальные версии, типа «бурятский буддизм» и пр., см. Кузьмин, 2016).

Тем не менее, вопрос был задан и ответы на него отчасти отразили предыдущую картину мнений, когда буддизм не рассматривается определенной частью молодежи как неотъемлемая часть российской истории и культуры (см. таб. 5).

Таблица 5. Ответы на вопрос «Можно ли говорить о таком явлении, как российский буддизм?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 5. Responses to the question, “Is there such a phenomenon as Russian Buddhism?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Да, согласен	63	59	69
2	Нет, не согласен	35	37,4	27,8

3	Не знаю, затрудняюсь ответить	1,6	2,4	2,4
4	Свой вариант ответа	0,4	1,2	0,8
5	ИТОГО	100	100	100

Значительная часть респондентов согласилась с трактовкой российского буддизма: Тува — 63%; Бурятия — 59%; Калмыкия — 69%. Но в то же время треть опрошенных с этим определением не согласилась: Тува — 35%; Бурятия — 37,4%; Калмыкия — 27,8%.

При этом другой вопрос на эту же тему («Какие регионы мира считаются регионами традиционного распространения буддизма?») показал, что Россию как подобной территорией считает лишь треть опрошенных в каждом регионе: Тува — 27,7%, Бурятия — 31,5%, Калмыкия — 27%.

Необходимо уточнить термин «российский буддизм» в понимании авторов исследования: ему придается условный характер; и относится термин не к теологическим вопросам, не к доктринальным отличиям традиции, а к историческому и социокультурному явлению. Российские буддисты, в своем большинстве придерживаясь традиции буддийской школы Гэлуг (пришедшей из Тибета, где сохранилась тибетоязычная версия позднеиндийского буддизма Махаяны), тем не менее, не поменяли своих этнокультурных традиций, образа жизни, они проживают в иной политической и социально-экономической ситуации, поэтому, безусловно, этнокультурная, цивилизационная идентичность россиян-буддистов позволяет им ощущать свое отличие от других буддистов Азии.

Наши студенты в качестве оснований для «легитимности» понятия «российский буддизм» выбрали следующие ответы на вопрос о конкретизации своего мнения:

- «Буддизм традиционно исповедуется российскими народами (буряты, калмыки, тувинцы)» (Тува — 73,2%; Бурятия — 67,7%; Калмыкия — 72,2%);
- «Буддизм — это одна из основных религий России» (Тува — 41,5%; Бурятия — 29,1%; Калмыкия — 33,3%);
- «Буддизм занимает важное место в российском цивилизационном пространстве России» (Тува — 12,5%; Бурятия — 16,7%; Калмыкия — 16,2%);
- «Россия — единственная страна в Европе, в которой буддизм является традиционной религией» (Тува — 5,4%; Бурятия — 6,8%; Калмыкия — 20,5%¹);
- «Буддизм близок русской культуре, менталитету» (Тува — 3,1%; Бурятия — 4,4%; Калмыкия — 2,6%).

Как мы видим, традиционность стала наиболее определяющим фактором для большинства. Тем самым, можно констатировать, что в целом значительная часть студентов также отмечает прежде всего исторический аспект в данном терминологическом вопросе.

Интересная закономерность во мнениях установлена нами при выяснении понимания студентами какие из российских регионов можно назвать буддийскими. На вопрос «Какие регионы России считаются традиционно буддийскими?» мы предложили список территориальных образований для отметок, причем в нем были названы как действительно регионы, считающиеся буддийскими (Тува, Бурятия, Калмыкия и ряд краев), так и те, которые не считаются буддийскими (тем не менее со значительным этническим колоритом).

Свои регионы (регионы, где они живут и обучаются) молодежь склонна более определенно называть буддийскими, а вот в отношении других (тех, которые определяются большинством исследователей как буддийские) — не столь уверена в этом.

Например, тувинские студенты считают буддийскими регионами:

Туву — 96%,

Бурятию — 89,7,

Калмыкию — 74,1%.

Бурятские студенты считают буддийскими регионами:

Бурятию — 97,2%,

¹ Здесь значительное число студентов Калмыкии объяснимо, поскольку в общественном дискурсе республики часто подчеркивается факт того, что калмыки — единственный буддийский народ в Европе.

Туву — 58,6%,
Калмыкию — 56,2%.

Калмыцкие студенты считают буддийскими регионами:

Калмыкию — 98,3%,
Бурятию — 84,6%,
Туву — 65,8%.

Также интерес представляет общее мнение молодежи всех трех регионов (по крайней мере четверти из опрошенных), что Якутию следует называть буддийским регионом: Тува — 25%, Бурятия — 31,9%, Калмыкия — 18,8%. В отношении остальных регионов мнения уже не столь многочисленные и определенные.

Также, несколько провокационный вопрос (о странах традиционного распространения буддизма) показал, что среди молодежи знания вопросов истории религии в целом (и истории буддизма в частности) не слишком четкие. Монголию — определенно буддийскую страну — таковой назвали в Туве лишь 51,3% (что вызвало наше удивление), а вот в Бурятии и Калмыкии мнения более определенные — 71,3% и 77% соответственно. Только чуть более половины опрошенных в каждой республике назвали регионом распространения буддизма Индию (что, конечно, тоже весьма странно, учитывая то, что основы религиозной культуры, которые преподаются в школе, начинаются по теме буддизма с истории индийского принца Сиддхартхи Гаутамы — основателя буддизма): Тува — 61,2%, Бурятия — 56,6%, Калмыкия — 54,3%. В целом, ответы на этот вопрос показывают невысокий уровень знаний молодежью — жителями буддийских регионов — истории буддизма.

Отношение к буддизму

Вопросы, связанные с личным отношением к буддизму и личной оценкой роли буддизма в современном мире, вызвали вполне понятные положительные оценки у респондентов: Тува — 84%; Бурятия — 67%; Калмыкия — 80,3% (таб. 6).

Таблица 6. Ответы на вопрос «Как Вы лично относитесь к буддизму?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 6. Responses to the question, “What is your personal attitude to Buddhism?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Положительно	84,0	67,0	80,0
2	Безразлично	-	29,0	17,6
3	Отрицательно	2,0	1,0	-
4	Затрудняюсь ответить	14,0	3,0	2,1
5	ИТОГО	100	100	100

Конкретизация тех аспектов буддизма, которые вызывают эти эмоции, была сделана в следующем вопросе «С чем для Вас ассоциируется буддизм?» с вариантами ответов, которых можно было выбирать несколько, а также указать свой вариант.

У большинства опрошенных студентов буддизм ассоциируется с:

- «верой, религией, ее последователями»: Тува — 64,7%; Бурятия — 47,8%; Калмыкия — 59,8%;
- «народами, традиционно исповедующими буддизм; буддийскими странами»: Тува — 48,2%; Бурятия — 58,6%; Калмыкия — 56,8%;
- «частью мировой культуры и истории»: Тува — 49,6%; Бурятия — 49%; Калмыкия — 60,7%;
- «религиозной практикой, религиозными обрядами»: Тува — 25%; Бурятия — 23,5%; Калмыкия — 31,2%;
- «положительными суждениями»: Тува — 24,6%; Бурятия — 21,1%; Калмыкия — 35,5%;
- «родственниками, знакомыми»: Тува — 17%; Бурятия — 18,3%; Калмыкия — 20,9%.

Наибольшее число мнений получили первые три позиции. Ранжирование почти повторило ранжирование готовых, предлагаемых респондентам вариантов, поэтому отчасти этот порядок

очевидно снова отразился на полученной картине. Мы можем только отметить, что молодежь рассматривает буддизм достаточно широко, не ограничиваясь представлением о том, что это ритуальная жизнь, которой живет близкий им социальный круг родственников и знакомых.

В любом случае широкий взгляд молодых позволил большинству более определенно оценить роль буддизма в современном мире (таб. 7). Положительной эту роль называют: в Туве — 83,5%¹; в Бурятии — 70,9%; в Калмыкии — 76,6%, тогда как об отрицательной роли говорят единицы. Тем не менее, остальные (а это: 14,3, 25,5 и 22,6% соответственно) все же затрудняются дать тот или иной ответ.

Таблица 7. Ответы на вопрос «По Вашему мнению, в современном мире буддизм играет положительную или отрицательную роль?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 7. Responses to the question, “In your opinion, does Buddhism play a positive or negative role in the contemporary world?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Положительную	83,5	70,9	76,6
2	Отрицательную	1,8	1,6	0,4
3	Затрудняюсь ответить	14,3	25,5	22,6
4	Свой вариант ответа	0,4	2	0,4
5	ИТОГО	100	100	100

Буддизм как геополитический фактор

Мы также попросили молодых людей оценить перспективы сотрудничества России со странами буддийского Востока — странами, где традиционно исповедуют буддизм (таб. 8).

Большинство ответивших считает, что между странами «Есть общие интересы в различных сферах (политика, геополитика, экономика, культура)»: Тува — 61,6%; Бурятия — 57,4%; Калмыкия — 63,7%. В качестве оснований перспектив сотрудничества России и буддийского мира отметили «общие конфессиональные корни, которые могут послужить интеграции и сотрудничеству»: 38,4% в Туве; 40,6% в Бурятии; 40,6% в Калмыкии. Таким образом, студенты небезосновательно полагают, что буддийские народы России, являющиеся ее «внутренним Востоком» выступают своеобразным мостом, соединяющим Россию и буддийский мир.

Таблица 8. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы сотрудничества России со странами буддийского Востока (странами, где традиционно исповедуют буддизм)?», в % от числа опрошенных по каждому из регионов.

Table 8. Responses to the question, “What do you think of the prospects of Russia’s relations with the countries of the Buddhist East (countries where Buddhism is the prevalent religion)?”, % of respondents by region.

№	Вариант ответа	Тува	Бурятия	Калмыкия
1	Есть общие интересы в различных сферах (политика, геополитика, экономика, культура)	61,6	57,4	63,7
2	Есть общие конфессиональные корни, которые могут послужить интеграции и сотрудничеству	38,4	40,6	40,6
3	Перспектив нет	9,8	7,2	6
4	Более перспективным является сотрудничество со странами Запада	8,5	12,4	12,8
5	Затрудняюсь ответить			1,2
6	Свой вариант ответа	0,4	0,8	

Прим.: Отмечать можно было несколько вариантов ответа. Также можно было вписать свой вариант ответа.

¹ См. также исследование о большом интересе к буддизму среди молодых тувинцев, которые его рассматривают как возможную детерминанту экономического развития тувинского общества: Тарбастаева, 2018.

В то же время были даны и другие ответы:

- «Перспектив нет»: Тува — 9,8%; Бурятия — 7,2%; Калмыкия — 6%;
- «Более перспективным является сотрудничество со странами Запада»: Тува — 8,5%; Бурятия — 12,4%; Калмыкия — 12,8%.

Заключение

Можно заключить, что буддизм, буддийский мир, буддийская культура воспринимаются студентами из российских буддийских регионов одинаково положительно. Буддизм для них большей частью ассоциируется с верой, религией, ее последователями, с народами, традиционно исповедующими буддизм, и буддийскими странами, как часть мировой культуры и истории. А российская евразийская идентичность, складывавшаяся на протяжении веков, воспринимается ими как органично интегрировавшая в себя культуры и конфессии всех народов России. Тем не менее, знание молодежью ряда аспектов истории и распространения буддизма явно недостаточное. Причем этот момент нам кажется требующим особого внимания в свете того, что речь идет о молодежи — представителях традиционно буддийских регионов страны.

Наши респонденты, характеризуя буддизм как органичную, неотъемлемую, часть российской истории, исторического наследия народов России, в большинстве своем положительно оценивают перспективы сотрудничества России со странами буддийского Востока (странами, где традиционно исповедуют буддизм). При этом своеобразным мостом, соединяющим Россию и буддийский мир, является ее «внутренний Восток» — народы и регионы, относящиеся к буддийской культуре, буддийскому миру. Но все геостратегические вопросы невозможно решать без участия населения, без его информированности, знаний.

Соответственно, наше исследование показывает, что высокая религиозная идентификация молодежи имеет достаточно декларативный характер, нуждается в дополнительных исследованиях и последующей формулировке рекомендаций для образовательных программ и управленческих решений.

Благодарности

Коллектив авторов благодарит за любезное разрешение провести опрос студентов и содействие в организации опроса — руководство высших учебных заведений: О. М. Хомушку, ректора Тувинского государственного университета; А. А. Стороженко, проректора Тувинского государственного университета; В. Е. Сактоева, ректора Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления; К. Е. Бадмаеву, проректора Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Годовикова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. М. : ИВ РАН. 240 с.
- Бадмацыренов, Т. Б. (2016) Социология буддизма в России // Власть. № 6. С. 179–185.
- Бадмацыренов, Т. Б., Родионов, В. А. (2014) Социология экономики буддизма: концептуальный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. № 14–2. С. 49–54.
- Базаров, Б. В. (2014) Буддизм и вызовы XXI века // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 3 (15). С. 12–16.
- Базаров, Б. В. (2015) Буддизм в условиях изменяющегося мира // Буддизм в контексте диалога культур: сборник статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 384 с. С. 8–15.
- Буддизм в контексте диалога культур: сборник статей (2015) / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 384 с.
- Варнавский, П. (2011) «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. № 14. С. 192–211.

Кузьмин, С. Л. (2016) Буддизм как традиционная религия России: историческая основа и перспективы // Буддизм в третьем тысячелетии: тенденции и перспективы развития. Т. 1. Материалы Международной научной конференции (7-9 сентября 2016 г.) / отв. ред. М. М.-Б. Харунова, О. М. Хомушку. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 216 с. С. 24–31.

Ламажаа, Ч. К. (2019) Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/862> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.3.3

Мчедлова, М. М. (2017) Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир. 992 с. С. 334–339.

Островская, Е. А. (1999) Буддийские мирские общины Санкт-Петербурга // Социологические исследования. № 3. С. 107–113.

Островская, Е. А. (2018) Российская социология религии: религия общества (вступительная статья приглашенного редактора) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2. С. 1–31. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.01

Пантин, В. И. (2017) Национально-цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир. 992 с. С. 461–464.

Синелина, Ю. Ю. (2009) Концепции секуляризации в социологической теории. Теоретические аспекты изучения религиозности населения в социологии религии. М. : ИСПИ РАН. 120 с.

Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной) (2013) : материалы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г./ отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород : ИД «Белгород». 460 с.

Тарбастаева, И. С. (2018) Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/772> (дата обращения: 10.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.2.5

Турман, Р. (2015) Вклад буддизма в глобальную цивилизацию в контексте современного мирового кризиса: где мы находимся? Что мы должны делать? Каковы перспективы успеха или поражения? // Буддизм в контексте диалога культур: сборник статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета. 384 с. С. 16–25.

Уланов, М. С. (2007) Буддизм в контексте глобализации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 25, № 1–2. С. 252–261.

Урбанаева, И. С. (2012) Буддийский вектор цивилизационного пограничья // Пограничье культур — Культуры пограничья. — *Debaty artes liberales*. Т. 4 / науч. ред. З. Морохоева. Варшава : Druk Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego. 307 с. С. 122–152.

Филатов, С. Б., Лункин, Р. Н. (2005) Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. № 6. С. 35–45.

Шестопал, Е. Б., Смутькина Н. В., Сорозикова, И. В. (2019) Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика и геополитика. Т. 10, № 3. С. 74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

Энциклопедический словарь социологии религии (2017) / под редакцией М. Ю. Смирнова. СПб. : Платоновское философское общество. 508 с.

Bell, I. (1979) Buddhist sociology: Some thoughts on the convergence of sociology and the Eastern paths of liberation // Scott, G., McNall, S. G. (Eds.) *Theoretical perspectives in sociology*. New York : St. Martin's. 562 p. P. 53–68.

Leung, K. Z. (2017) Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/725> (дата обращения: 10.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.3.3

Schipper, J. (2012) Toward a Buddhist Sociology: Theories, Methods, and Possibilities // *The American Sociologist*. Vol. 43. Issue 2. P. 203–222.

Дата поступления: 18.11.2019 г.

REFERENCES

- Anaiban, Z. V. (2017) *Molodezh' Tuvy i Khakasii v XXI veke. Etnosotsiologicheskie ocherki [Young people of Tuva and Khakassia in the twenty-first century: Ethno-sociological essays]*. Moscow, MBA Publ. 240 p. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B. (2016) Sotsiologiya buddizma v Rossii [Sociology of Buddhism in Russia]. *Vlast'*, no. 6, pp. 179–185. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B. and Rodionov, V. A. (2014) Sotsiologiya ekonomiki buddizma: kontseptual'nyi analiz [Sociology of the Buddhist economics: conceptual analysis]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14–2, pp. 49–54. (In Russ.).
- Bazarov, B. V. (2014) Buddizm i vyzovy XXI veka [Buddhism and the challenges of the third millennium]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3 (15), pp. 12–16. (In Russ.).
- Bazarov, B. V. (2015) Buddizm v usloviakh izmeniaiushchegosia mira [Buddhism in a changing world]. In: *Buddizm v kontekste dialoga kul'tur [Buddhism in the context of a dialogue of Cultures]: a collection of articles: / ed. by L. E. Iangutov. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 384 p. Pp. 8–15. (In Russ.).*
- Buddizm v kontekste dialoga kul'tur [Buddhism in the context of a dialogue of Cultures] (2015): a collection of articles / ed. by L. E. Iangutov. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 384 p. (In Russ.).*
- Varnavsky, P. (2011) «Natsional'naia» religiiia v kontekste globalizatsii: traditsionnyi buddizm v sovremennoi Buriatii ['National' Religion in the Context of Globalization: Traditional Buddhism in Contemporary Buryatia]. *Antropologicheskoye Forum*, no. 14, pp. 192–211. (In Russ.).
- Kuz'min, S. L. (2016) Buddizm kak traditsionnaia religiiia Rossii: istoricheskaya osnova i perspektivy [Buddhism as a traditional religion in Russia: Historical foundation and prospects]. In: *Buddizm v tret'em tysiacheletii: tendentsii i perspektivy razvitiia [Buddhism in the third Millennium: trends and prospects for development]*. Proceedings of the international research conference (September 7–9, 2016) / ed. by M. M.-B. Kharunova and O. M. Khomushku. Kyzyl, TuvGU Publ. Vol. 1. 216 p. Pp. 24–31. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2019) Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: historical context and modernity. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/862> (access date: 10.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.3.3
- Mchedlova, M. M. (2017) Religioznaia i kofessional'naia identichnost' [Religious and confessional identity]. In: *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika [Identity. The individual, society, and politics]*. An encyclopedia / ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir. 992 p. Pp. 334–339. (In Russ.).
- Ostrovskaya, E. A. (1999) Buddiiskie mirskie obshchiny Sankt-Peterburga [Buddhist lay communities of Saint Petersburg]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 107–113. (In Russ.).
- Ostrovskaya, E. A. (2018) Russian Sociology of Religion: Religion of Society (introductory article of the guest editor). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2, pp. 1–31. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.01
- Pantin, V. I. (2017) Natsional'no-tsivilizatsionnaia identichnost' [National and Civilizational identity]. In: *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika [Identity. The individual, society, and politics]*. An encyclopedia / ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir. 992 p. Pp. 461–464. (In Russ.).
- Sinelina, Yu. Yu. (2009) Kontseptsii sekuliarizatsii v sotsiologicheskoi teorii. Teoreticheskie aspekty izucheniia religioznosti naseleniia v sotsiologii religii [Concepts of secularization in sociological theory. Theoretical aspects of studying the religiosity of the population in the sociology of religion]. Moscow, ISPI RAN. 120 p. (In Russ.).
- Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna (pamiati Iu. Iu. Sinelinoi) [Sociology of religion in Late Modern society (in the memory of Yu. Yu. Sinelina)] (2013): proceedings of the Third International research conference, 13 September / ed. by S. D. Lebedev. Belgorod, «Belgorod» Publ.. 460 p. (In Russ.).*
- Tarbastaeva, I. S. (2018) Buddiiskie tsennosti kak vozmozhnaia ekonomicheskaya determinanta razvitiia tuvinskogo obshchestva [Buddhist values as a potential economic determinant in the development of Tuvan society]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/772> (access date: 10.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.2.5. (In Russ.).
- Turman, R. (2015) Vklad buddizma v global'nuiu tsivilizatsiiu v kontekste sovremennogo mirovogo krizisa: gde my nakhodimsia? Chto my dolzhny delat'? Kakovy perspektivy uspekha ili porazheniia? [The Contribution of Buddhism to global civilization in the context of the current global crisis: Where are we? What should we do? What are the prospects for success or failure? In: *Buddizm v kontekste dialoga kul'tur [Buddhism in the context*

of the dialogue of Cultures]: a collection of articles / ed. by L. E. Yangutov. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 384 p. Pp. 16–25. (In Russ.).

Ulanov, M. S. (2007) Buddizm v kontekste globalizatsii [Buddhism in the context of globalization]. *State, Religion and Church*, vol. 25, no. 1–2, pp. 252–261. (In Russ.).

Urbanaeva, I. S. (2012) Buddiiskii vektor tsivilizatsionnogo pogranich'ia [The vector of Buddhist civilization in the Borderlands]. In: *Pogranich'e kul'tur — Kul'tury pogranich'ia. — Debaty artes liberales [Borderlands of Cultures — Culture of the Borderland. — Debaty artes liberales]*. Vol. 4 / ed. by Z. Morokhoeva. Varshava, Druk ZakŁad Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego. 307 p. Pp. 122–152. (In Russ.).

Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005) Statistika rossiiskoi religioznosti: magiia tsifr i neodnoznachnaia real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 35–45. (In Russ.).

Shestopal, E. B., Smul'kina N. V. and Sorozikova, I. V. (2019) Sravnitel'nyi analiz obrazov svoei strany u zhitelei rossiiskikh regionov [Comparative analysis of one's own country images in Russian regions]. *Comparative Politics Russia*, vol. 10, no. 3, pp. 74–94. (In Russ.). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii [An encyclopedic dictionary of the sociology of religion] (2017) / ed. by M. Yu. Smirnov. St. Petersburg, Platonovskoe filosofskoe obshchestvo. 508 p. (In Russ.).

Bell, I. (1979) Buddhist sociology: Some thoughts on the convergence of sociology and the Eastern paths of liberation. In: Scott, G., McNall, S. G. (Eds.) *Theoretical perspectives in sociology*. New York, St. Martin's. 562 p. Pp. 53–68.

Leung, K. Z. (2017) Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/725> (access date: 10.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.3.3

Schipper, J. (2012) Toward a Buddhist Sociology: Theories, Methods, and Possibilities. *The American Sociologist*, vol. 43, issue 2, pp. 203–222.

Submission date: 18.11.2019.

Тувинский язык в правовом и функциональном измерении*

Тамара Г. Боргоякова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Российская Федерация

В статье анализируются позитивные и проблемные аспекты языковой политики в Республике Тыва. Несмотря на высокую демографическую мощь тувинского языка и его статус государственного языка республики, продолжают негативные процессы языкового сдвига у молодого поколения тувинцев. Отмечается ослабление функциональной мощи тувинского языка не только как государственного, но и как родного языка титульного этноса республики.

Сегодня чуть более 50% тувинских респондентов 18–30 лет свободно владеет родным языком и около 70% из них разговаривает на нем с детьми. В столице республики лишь 62% тувинских школьников изучают родной язык. В результате активными тувинско-русскими билингвами является лишь часть детей при увеличении категории русскоязычных монолингвов. В то же время есть группа сельских детей со слабым или почти нулевым владением русским языком. Выявленная противоречивость между позитивным отношением к родному языку и выбором русского для обучения в школе и даже для семейного общения связана с недоступностью или недостаточностью научной и образовательной информации о преимуществах билингвизма, об особой важности родного языка для интеллектуального и эмоционального развития детей, их психологической устойчивости.

Важной позитивной особенностью языковой политики республики является наметившийся конструктивный диалог ее основных субъектов — власти и активных защитников родного языка. Соответствующее финансирование в рамках Государственной программы развития тувинского языка 2017–2020 гг., открытое обсуждение хода ее реализации позволяет прогнозировать возможность поворота языкового сдвига и постепенное развитие сбалансированного активного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма при сохранении межэтнического согласия в Республике Тыва.

Ключевые слова: языковая политика; тувинский язык; Тыва; родной язык; активный билингвизм; языковая лояльность; языковой сдвиг; общественное обсуждение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426.

Для цитирования:

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 92. Тел.: +7 (390) 222-34-94. Эл. адрес: tamarabee@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-9958-9086

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

Borgoiakova Tamara Gerasimovna, Doctor of Philology, Director, Research Institute of Humanities and Sayano-Altai Turkology; Professor, Department of Foreign Linguistics and Language Theory, N.F. Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. E-mail: tamarabee@mail.ru

Bitkeeva Aysa Nikolaevna, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1/1 Bolshoy Kislovsky per., 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Tuvan language in legal and functional aspect*

Tamara G. Borgoiakova

N.F. Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Aysa N. Bitkeeva

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article examines both positive and negative aspects of the language policy in the Republic of Tuva. Although Tuvan language still preserves its high demographic power and the status of a state language of one of the Russia's constituent republics, the younger generation of Tuvans keeps suffering from a linguistic shift. The language is functionally weakening its position both as the state language of a region and as the first language of its titular ethnicity.

At present, slightly over 50% respondents from among Tuvans aged 18-30 are fluent in their native tongue, and over 70% of these speak Tuvan with their children. In the capital of the republic, only 62% of Tuvan schoolchildren study their native language. As a result, active Russian-Tuvan bilingualism is not universal among Tuvan children, while the number of those speaking only Russian keeps increasing. At the same time, in the countryside there are children who know little or almost no Russian. What is perceived as a contradiction between the positive attitude to the native language among Tuvans and the choice of Russian as the language of school education and even of family communication. This is due to the insufficiency or inaccessibility of information on the benefits of bilingualism and on the importance of one's native language for children's intellectual and emotional development, as well as their psychological stability.

An important positive factor of Tuva's language policy is the start of a dialogue between its two major actors – the authorities and language activists. Under the State Development program of supporting Tuvan language, 2017-2020, language protection will receive financial aid, and the implementation of the program will be publicly discussed. This implies an opportunity to reverse the language shift and build up a balanced Tuvan-Russian and Russian-Tuvan bilingualism while preserving the existing interethnic consensus in the Republic of Tuva.

Keywords: *language policy; Tuvan language; Tuva; mother tongue; active bilingualism; language loyalty; language shift; public debate*

* The research was conducted with financial support from RFBR, project № 20-012 -00426.

For citation:

Borgoiakova T. G. and Bitkeeva A. N. Tuvan language in legal and functional aspect. *The New Research of Tuva*, 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4

Введение

2019 год был провозглашен Генеральной Ассамблей ООН годом языков коренных народов для привлечения общественного внимания к критическим рискам их витальности и повышению значимости в интересах устойчивого развития мирового сообщества. Для многоязычной России это событие стало еще одним поводом для актуализации внимания к приоритетам и динамике языковой жизни страны в контексте проводимой языковой политики с учетом международного опыта ревитализации языков коренных народов (Боргоякова, 2018). Дискуссии о необходимости гармонизации двух противоположных потребностей — языкового единства страны и стремления разных народов сохранять и развивать свои национальные языки и культуры с акцентом на региональной языковой проблематике — прошли в 2019 г. в рамках ряда научных мероприятий в Сибири, включая Всероссийские конференции в Республиках Тыва и Хакасия: «Родные языки тюркских народов Сибири в современном изменяющемся мире: перспективы научных исследований, документирование, преподавание» и «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири»¹.

Авторы современных российских социолингвистических исследований отмечают кардинальную противоположность оценок языковой политики в последние десятилетия. Так, если в СССР требовалось писать о «благоприятных» условиях для развития всех языков, то в годы перестройки политика

¹ В Хакасии учёные обсуждают вопросы сохранения и развития языков и культур коренных народов Сибири (2019) [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам национальностей. 17 мая. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2019/05/17/3775-v-hakasii-uchyonye-obsuzhdayut-voprosy-sohraneniya-i-razvitiya-yazykov-i-kultur-korennyh-narodov-sibiri>; Родные языки тюркских народов Сибири в центре научного внимания (2019) [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. 19 сентября. URL: <http://tuvsu.ru/news/2565/>

советского периода уже оценивалась как «духовно-культурно-языковой геноцид». До середины 1990-х годов отечественная социолингвистика переживала период «определенной растерянности» (Алпатов, 2018), но сегодня, на наш взгляд, она существенно продвинулась вперед в аналитической работе по оценке языковой политики России и прогнозированию развития языковой ситуации. Отмечая декларативный характер многих положений федерального языкового законодательства и сокращение языкового разнообразия, ученые обращают внимание на отсутствие четкой и продуманной языковой политики в РФ (Алпатов, 2015, 2018; Головкин, 2016). И если первое было преодолено в отношении русского языка после принятия адекватного новому времени Федерального закона о государственном языке РФ, то в законодательстве республиканского уровня подобных законов или поправок, «четко устанавливающих сферы обязательного использования государственных языков республик принято не было» (Замятин, 2012: 121). Большинство положений в законах о языках народов Южной Сибири, например, ограничены разрешением использовать титульные языки в ограниченном количестве социальных сфер, во многом повторяя положения федерального языкового законодательства (Боргоякова, 2013).

Критический уровень социальной напряженности и протестной деятельности в 2018 г. был связан с введением добровольного изучения титульных языков республик РФ с переходом к более нейтральной оценке ситуации при активности устных и письменных обращений в местные органы управления с пожеланиями и требованиями уладить ситуацию (Биткеева и др., 2019). Формы их изучения в РФ были разными в зависимости от языкового законодательства республик: от обязательности изучения для всех с различиями в объеме отводимых часов (Татарстан, Башкортостан, Коми, Чувашия, Ингушетия и др.) до факультативности (Алтай, Крым, Мордовия, Удмуртия и др.) или императивности только для детей титульного этноса (Кабардино-Балкария, Чечня, Карачаево-Черкессия) (Арутюнова, 2018). Возможно, именно отсутствие единой и продуманной политики в этом вопросе приводило к недовольству и протестам русскоязычных родителей из первой группы республик.

В свою очередь внесение в Госдуму РФ законопроекта о добровольном изучении национальных языков в школах вызвало острую реакцию в национальных республиках, была создана группа «За сохранение родных языков в обязательной части учебных планов общего образования» из представителей разных народов и республик РФ (см.: Биткеева, 2018: 33).

Особенности развития тувинского языка, тувинско-русского билингвизма в постсоветский период неоднократно привлекали внимание исследователей (Мартан-оол, 2000; Боргоякова, 2002; Бавуу-Сюрюн, 2010; Ламажаа, 2014; Боргоякова, Гусейнова 2017; Цыбенова, 2017; Сэрээдар, 2018 и др.). В указанных работах отмечается более высокий уровень демографической и коммуникативной мощности тувинского языка по сравнению со многими другими языками РФ, также имеющими статус государственных на территории своих республик. Это связывается со значительно более поздним вхождением Тувинской народной Республики в состав СССР (1944 г.), высокой долей коренного этноса в структуре населения республики (82%) и сохранением его компактного проживания в сельской местности. Следующий индикатор вектора развития языковой ситуации — языковая лояльность или степень приверженности к родному языку, проявляющаяся в признании его родным, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения (Словарь ... , 2006) — также выглядит благополучным, составляя по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. — 96,1%.

Но, как известно, функциональное ограничение языкового пространства в официальном дискурсе приводит к снижению социального статуса языка, сокращению или остановке естественной передачи языка детям в семье или ограничению его функционирования только семейными рамками. Именно по этой причине многие языки народов РФ, включая тувинский язык, были внесены в Атлас языков мира под угрозой исчезновения ЮНЕСКО. Тувинский язык отнесен к группе уязвимых (*vulnerable*) языков. В данной группе большинство детей говорят на языке, но это может быть ограничено определенными доменами (например, семьей) (*most children speak the language, but it may be restricted to certain domains (e. g., home)*)¹.

Наметившиеся процессы языкового сдвига, обусловленные ограниченностью сфер функционирования, становились очевидными и для рядовых носителей языка. Так, по итогам социолингвистических опросов 2013 г. 62% тувинских респондентов считали, что будущее тувинского языка находится под угрозой (Боргоякова, Гусейнова 2017: 69–70).

¹ UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения: 12.04.2019).

Цель данной статьи заключается в выявлении позитивных и проблемных аспектов языковой политики в части современного функционирования тувинского языка в Республике Тыва в контексте развития его нормативно правового статуса и содержания соответствующего научного, официального и публицистического дискурсов. Применение дискурс-анализа на материале большого спектра тувинских акторов, участвующих в дебатах о языке, предпринимается впервые и позволяет выявить и раскрыть их «аргументативные паттерны», отразить динамику языковых процессов и обнаружить области этноязыковой напряженности (см. об этом: Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019). К основным задачам работы относится:

- определение тенденций и изменений в правовом обеспечении функционирования тувинского языка в Туве за последние годы в контексте языковой политики РФ;
- анализ репрезентации динамики и перспектив функционирования тувинского языка в современном научном, официальном и публицистическом дискурсах;
- выявление роли основных субъектов языковой политики в Республике Тыва.

Динамика развития языкового законодательства в Республике Тыва

В Российской империи не было специального языкового законодательства и правовое урегулирование языкового разнообразия впервые было введено Законом РСФСР от 25 октября 1991 г. «О языках народов РСФСР». Конституция РФ 1993 г. создала юридические основы языковой иерархии и, руководствуясь принципами равноправия и самоопределения народов, закрепила за республиками право устанавливать свои государственные языки. Республиканские законы о языках сохранили в общих чертах структурную и содержательную часть статей Закона о языках РФ и создали базу для «государственного двуязычия» или даже «государственного многоязычия» в республиках.

В 1998 г. был принят федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»», в соответствии с которым существенная часть полномочий в области языковой политики была передана на региональный уровень. Изменения носили столь кардинальный характер, что закон стал в сущности «его новым вариантом» (Нерознак 2002: 9). Передача большинства полномочий на уровень республик РФ произошла с помощью замены положений, предписывавших сферы и обязательность использования в них государственных языков республик, на формулировки разрешительного характера (см., напр., статьи 12, 13, 16, 23¹). Так, например, статья 7 п. 1 в редакции 1991 г. устанавливала, что государственные программы РСФСР и республик в составе РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР разрабатываются и реализуются соответствующими органами власти. В измененной редакции «органы государственной власти субъектов РФ могут разрабатывать соответствующие региональные целевые программы»². В результате в ряде республик, в частности в Республике Хакасия, отказались от разработки и принятия долгосрочных программ по сохранению и развитию языков народов республики.

Тыва была одной из первых республик, принявших закон о языках (в 1990 г.) и тувинский язык провозглашался единственным государственным языком на ее территории. За русским языком был закреплен статус языка межнационального общения. Новый закон «О языках в Республике Тыва» был принят в 2003 г. Он отменил принятый ранее республиканский закон 1990 г. и закон об изменениях к нему от 1994 г.

Новый закон устанавливает статус государственных языков республики для двух языков — тувинского и русского. За русским языком также сохраняется роль «языка межнационального общения» (ст. 2)³. К ведению органов государственной власти РТ относится «обеспечение равноправного функционирования тувинского и русского языков как государственных», а также «создание условий для функционирования языков других народов, представители которых компактно проживают на территории РТ» (ст. 5).

Анализ положений данного закона выявляет закрепление возможности использовать оба государственных языка в 12 случаях, что превышает показатели аналогичных законов в соседних рес-

¹ Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Pravo.gov.ru. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883> (дата обращения: 12.04.2019).

² Там же.

³ Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 года № 462 ВХ-1 «О языках в Республике Тыва» [Электронный ресурс] // Электронный Фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 12.04.2019).

публиках Алтай и Хакасия. Прежде всего, речь идет о функционировании двух государственных языков республики в органах государственной власти и местного самоуправления, при официальном опубликовании республиканских законов и других правовых актов, при проведении референдумов и выборов в представительные и исполнительные органы Республики Тыва, в работе государственных органов, организаций, предприятий и учреждений и в официальном делопроизводстве. Двухязычие распространяется также на работу СМИ и на ограниченные сферы обслуживания и коммерческой деятельности. Использование языков в сфере образования включает право на получение основного общего образования на родном языке, которое обеспечивается «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также условий для их функционирования. При выборе языка обучения и воспитания в образовательных учреждениях создаются равные условия для изучения государственных языков РТ в соответствии с федеральными и республиканскими государственными образовательными стандартами (ст. 7, 9–13, 17, 18)¹.

Впоследствии в данный закон также вносились корректировки и изменения. В частности, изменения коснулись статьи 6, в которой закрепляется формулировка «Государственные программы Республики Тыва» вместо «Республиканские целевые программы». Статус госпрограмм переводит их в инструменты стратегического планирования государственной языковой политики республики. Новый вектор развития языковой политики получил отражение в разработке и принятии государственных программ, посвященных языкам республики. Первой в республике в 2013 г. была утверждена государственная программа по развитию русского языка на период с 2014 по 2018 гг.² Государственная программа развития тувинского языка появилась позднее, охватывая период с 2017 по 2020 гг.³ Появлению данной программы предшествовали как исследования и рекомендации ученых в области социолингвистики, так и активные и порой эмоциональные дискуссии об особенностях функционального взаимодействия государственных языков РТ с участием основных субъектов языковой политики.

Анализ положений второй государственной программы показывает, что в ее концептуальной и аналитической части учтены основные научные знания об особенностях и противоречиях официальной и неофициальной языковой политики с начала 2000-х годов, а также предложения представителей гражданского общества.

Мы вернемся к анализу данного документа ниже.

Проблемы функционирования тувинского языка в социолингвистическом дискурсе

Анализ реального софункционирования государственных языков республики — тувинского и русского — получил отражение в ряде научных публикаций, изданных после вступления в силу нового закона о языках в РТ (Бавуу-Сюрюн, 2010; Боргоякова, 2013; Цыбенова, 2017 и др.). В них содержатся выводы о слабой эффективности языковой политики в части несбалансированности функционирования государственных языков и финансирования мероприятий по их поддержке, а также о продолжающихся процессах языковой ассимиляции. Так, по мнению М. В. Бавуу-Сюрюн, «простое декларирование равноправного применения языков в различных сферах жизни общества без программного, соответствующего научного, кадрового обеспечения, финансирования из бюджетов разных уровней не дали ожидаемых положительных результатов» и в республике происходят процессы «реальной ассимиляции» (Бавуу-Сюрюн, 2010: 62). Поиск причин закрепления за тувинским языком преимущественно неофициальных сфер коммуникации приводит к выводу, что подобная функциональная дистрибуция носит не только субъективный характер, но и объясняется отсутствием «конкретных мер по расширению функций тувинского языка как государственного» (Цыбенова, 2017: 27).

¹ Там же.

² Государственная программа Республики Тыва «Развитие русского языка на 2014–2018 годы» [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. URL: <http://monrt.ru/images/deyatelnost/gosrrogrammy/RazvitieRusskogoYazykaNa2014-2018.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

³ Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [Электронный ресурс] // Электронный Фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://mert.tuva.ru/directions/fcp/gp/31.html> (дата обращения: 12.04.2019).

В то же время происходит заметное снижение уровня владения русским языком, прежде всего, среди тувинских жителей села, что также диктует необходимость мер государственной поддержки для его более качественного преподавания в национальной школе, в которой формирование коммуникативных навыков сведено к пассивной способности только восприятия и понимания, но не порождения речи на русском языке (Сегленмей, 2007; Цыбенова, 2017: 27).

Объяснение сложившейся языковой ситуации в контексте реформ национального образования на федеральном уровне содержится в статье Г. М. Селиверстовой¹. Автор обращает внимание на серьезные пробелы в обучении русскому языку школьников, получающих дошкольную первичную социализацию на родном (нерусском) языке, включая, в том числе: а) низкое качество учебно-методического обеспечения, спускаемого из Федерального института развития образования; б) очередное сокращение часов на изучение русского языка на начальном этапе обучения в национальной школе. Последнее имело негативный эффект в Туве с наличием острой проблемы развития тувинско-русского двуязычия. При этом более 50% респондентов из числа учителей начальных классов Тувы в 1993 г. поддержали готовящееся сокращение. Они все считали, что «языком обучения в тувинской школе должен быть родной язык с 1 по 10-й класс»². Кардинальные изменения в языковых установках и ориентациях были выявлены через 5 лет, когда, по итогам опроса, более 36% опрошенных считали, что языком обучения в тувинской школе должен быть русский язык (с первого класса, оставив родной как предмет), 47,5% — тувинский и русский языки и 15,3% — тувинский язык³.

По мнению С. Ф. Сегленмей, в республике сложилась трехмерная дифференциация тувинских детей по уровню языковой компетенции на государственных языках. Только одна часть детей является активными тувинско-русскими билингвами. Вторая — увеличивающаяся — часть представлена русскоязычными монолингвами, не владеющими тувинским языком, чьи родители считают, что родной язык — «лишний предмет, мешающий учебе». И третья категория детей из сельской глубинки имеет слабую или даже нулевую языковую компетенцию на русском языке, которая не улучшается ко времени окончания школы и сдачи ЕГЭ (Сегленмей, 2016: 106).

Оценивая языковую политику в аспекте коммуникативной регламентации софункционирования тувинского и русского языков, Ч. С. Цыбенова делает вывод о том, что она направлена, «в основном, на укрепление позиций русского языка» (Цыбенова, 2017: 27). Противоречивость соотношения языковой лояльности и языкового поведения родителей выражается в том, что у них практически нет принципиального отказа от передачи родного языка. Но образование идет только на русском языке, поэтому ему отдается предпочтение, а тувинский язык дети выучат самостоятельно и стихийно в общении с родными (Сэрээдар, 2018: 13, Электр. ресурс). Н. Ч. Сэрээдар также приводит тревожные симптомы ухудшения языковой компетенции носителей тувинского языка, подчеркивая актуальность возврата к разумному использованию родного языка в начальных классах ... «в зависимости от реального уровня владения русским языком у поступающих в школу» (там же).

Данные по итогам массовых социолингвистических опросов, проведенных в Туве под руководством Н. Ч. Сэрээдар в 2016 г., показывают, что лишь чуть более 50% тувинских респондентов 18–30 лет свободно владеет родным языком и около 70% из них разговаривает на нем с детьми. Что касается возрастной группы 56 лет и старше, то в ней менее 70% оценили свой уровень владения родным языком как свободный. Около 20% респондентов разговаривает с детьми на русском языке (Сэрээдар, 2018: 10–11, Электр. ресурс).

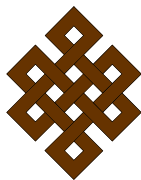
Приведенные данные свидетельствуют о сдвиге и в языковой лояльности, выраженной изменениями языкового поведения и увеличением доли тувинцев, не владеющих свободно родным языком, при сохранении «правильных» языковых убеждений по отношению к родному языку. По мнению исследователей, обнадеживающими являются тенденции последних десятилетий по активному переселению тувинцев из сел в города, что может оказать положительное влияние на перспективы витальности тувинского языка, так как для мигрантов характерен высокий уровень владения родным языком, являющегося языком детства и школьного образования (Монгуш, 2010: 128).

Стремление остановить языковое смещение с сохранением тувинского языка как родного без ущерба свободному владению общегосударственным русским языком стало основным лейтмотивом

¹ Селиверстова, Г. М. (2007) Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия [Электронный ресурс] // Учительская газета. 8 января. URL: <http://www.ug.ru/archive/22167> (дата обращения: 12.04.2019).

² Там же.

³ Там же.

общественного обсуждения в Туве в 2015 г., получившем освещение в он-лайн медиа дискурсе. Анализ доступных материалов выявил убедительность и обоснованность приведенной аргументации, а также активность защитников родного языка, представляющих движение «снизу» (*grassroot movement*).

Взаимодействие субъектов языковой политики Республики Тыва

Широкий общественный резонанс в 2015 г. вызвало открытое письмо представителей интеллигенции Тувы «О праве изучать тувинский язык», направленное руководству республики с размещением в СМИ¹. Поводом для обращения послужила информация о предложениях тувинского отделения Общественного народного фронта (ОНФ) по решению проблем языкового образования, включая изучение тувинского языка как второго иностранного. Можно предположить, что речь в нем шла о передаче или перенаправлении часов, отводимых в школе для обязательного изучения второго иностранного языка, на изучение тувинского как родного и государственного языка республики. Такой вариант теоретически представляется вполне разумным, и возможность его решения необходимо бы было передать на республиканский уровень.

В целом в открытом письме приводится убедительная характеристика серьезных пробелов в организации языкового образования в республике с выходом на конкретные предложения, включая необходимость разработки и принятия Государственной программы «Сохранение и развитие тувинского языка», а также формирования «двуязычия на начальном этапе образования и в средних классах, шире — многоязычия — без конфликта интересов русского, тувинского и иностранного языков и с учетом достижений мировой практики обучения языкам, не вынуждая родителей тувиноязычных детей отказываться от родного языка»².

Обращение, принятое на собрании представителей тувинской интеллигенции 2 июня 2015 г. с участием 67 школьных педагогов, ученых и преподавателей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Тувинского государственного университета и Управления Камбы-Ламы Тувы, является примером заинтересованной и активной деятельности важного субъекта языковой политики — самих носителей языка. Ведь эффективность и бесконфликтность языковой политики обеспечивается встречным движением «сверху» и «снизу», т. е. органов власти и представителей гражданского общества.

На последовавшем за обращением круглом столе, которое состоялось в г. Кызыле 10 июня 2015 г., было продолжено обсуждение острых проблем языкового образования в республике. По информации, представленной участникам круглого стола республиканским Министерством образования и науки, в Туве четыре школы с тувинским языком обучения, остальные 143 — с русским или «смешанными языками обучения». В выступлениях участников дискуссии были приведены данные о том, что в республиканской столице изучением тувинского языка охвачено лишь 62% тувинских школьников, а в ряде школ (особенно сельских) родителей принуждают «писать отказы от изучения детьми родного языка». В разделе предложений содержатся следующие рекомендации: «разработать и принять государственную программу по сохранению тувинского языка», «добиться сбалансированного реального двуязычия...», издавать детскую литературу на тувинском языке и др.³

Активные дискуссии с участием заинтересованных субъектов языковой политики, несомненно, внесли определенный вклад в дальнейшее развитие государственной языковой политики в республике. Так, 2016 г. открылся изданием Указа Главы Республики Тыва «О Дне тувинского языка»⁴. Основным итогом работы первого республиканского форума, посвященного Дню тувинского языка в 2016 г., также стало решение о необходимости разработки государственной программы, которое было поддер-

¹ Открытое письмо интеллигенции Тувы о праве изучать тувинский язык (2015) [Электронный ресурс] // Тува. Азия. 2 июня. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/7984-otkrytoe-pismo.html> (дата обращения: 20.12.2019).

² Там же.

³ Монгуш, С. (2015) В государственном лицее Республики Тыва — 0% изучающих родной язык [Электронный ресурс] // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/news/7905> (дата обращения: 20.12.2019). См. также видеозапись: https://www.youtube.com/watch?time_continue=7&v=x7VyF7yqDwk&feature=emb_title

⁴ Указ Главы Республики Тыва «О Дне тувинского языка» (2016) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 18 января. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/22243/ (дата обращения: 20.12.2019).

жано Главой республики Ш. Кара-оолом¹. В 2017 г. Государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» (далее — Программа) получила официальное утверждение и находится в открытом доступе на интернет-ресурсах².

В то же время в 2018 г. в прессе появилось сообщение о том, что Министерство образования и науки РТ издало распоряжение об обучении всех предметов с первого класса на русском языке, запрещая, таким образом, обучение на родном языке, о чем пишет С. Сегленмей³. По ее мнению, данное предписание противоречит «педагогическим и психологическим принципам обучения в начальной школе», когда дети, не владеющие или плохо владеющие русским языком, вынуждены учиться по учебникам для детей с родным русским языком. Она приводит убедительное мнение К. Г. Паустовского о том, что «человек, равнодушный к своему языку, — дикарь. Он вредоносен по своей сути потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа»⁴.

Обнадеживают в какой-то степени рекомендации круглого стола в Министерстве образования и науки РТ, прошедшего 12 апреля 2019 г. в рамках Международного года языков коренных народов. Среди рекомендаций значится и разработка программы обучения родному языку в 1–4 классах, включая математическую и естественно-научную терминологию. Не вполне понятным остается, идет ли здесь речь об обучении на языке с дополнительным вниманием к соответствующей терминологии, что было бы совершенно правильным решением. В случае, если перевод всех детей начальной школы без учета уровня владения русским языком все-таки состоялся, то можно предположить, что причиной этому являются либо невежественность чиновников в вопросах естественной и неразрывной связи языка и мышления, либо это их попытка таким образом избавиться от необходимости учебно-методического обеспечения обучения на родном языке.

Следует отметить, что в аналитической части указанной выше Программы вполне адекватное отражение получили основные проблемные аспекты функционирования тувинского языка, включая негативные последствия декларативности языковых прав, сужения сфер использования и ослабления значения тувинского языка в получении образования, снижения роли СМИ в поддержке развития тувинского языка и др. Исходя из этого, в качестве основы языковой политики республики там выделяется стратегия «сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия... для гармоничного взаимодействия государственных языков республики»⁵. В Программе выделены приоритеты и сформулирована ее цель: «создание условий для сохранения, равноправного развития тувинского языка и его использования как государственного языка Республики Тыва»⁶.

В число ожидаемых результатов реализации Программы входят такие важные показатели, как, например, «увеличение доли выпускников... с качественным уровнем владения тувинским языком до 55%», расширение сфер использования тувинского языка и заинтересованности населения в его изучении, а также учебно-методическое обеспечение изучения тувинского языка. В Программе логично выделены три подпрограммы с указанием финансового обеспечения и возможных рисков.

Таким образом, можно сказать, что открыт новый этап развития нормативно правовой регламентации языковой политики республики, укрепляющий и логично развивающий основы языкового законодательства, изложенные в Законе о языках Республики Тыва и в Конституции Республики Тыва.

¹ Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» (с изменениями на 3 июня 2019 года) [Электронный ресурс] // Электронный Фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 20.12.2019).

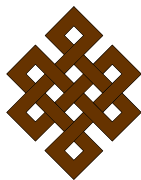
² Государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [Электронный ресурс] // Официальный портал Министерства экономики Республики Тыва. <http://mert.tuva.ru/directions/fcp/gp/31.html> (дата обращения: 20.12.2019).

³ Сегленмей, С. Ф. (2018) День тувинского языка. О языке обучения в начальной школе [Электронный ресурс] // ИА Туваонлайн. 1 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/11/01/den-tuvinskogo-yazyka-o-yazyke-obucheniya-v-nachalnoy-shkole.html> (дата обращения: 20.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Государственная программа «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» ... , Электр. ресурс.

⁶ Там же.

Заинтересованное участие широкой научной и педагогической общественности республики в определении стратегии, цели и основных задач Программы является ее важной особенностью, позитивно характеризующей становление конструктивного взаимодействия субъектов языковой политики в Республике Тыва. Их путь к взаимопониманию и диалогу был и остается непростым. Но он позволяет выявить противоречивость между позитивным отношением к родному языку и выбором русского как языка обучения в школе в ущерб родному, с одной стороны, и ее обусловленность явной недостаточностью научного знания и образовательной информации об исключительной важности родного языка для интеллектуальной, эмоциональной и психологической успешности детей. И, кроме того, как справедливо утверждает авторитетный классик социолингвистики Д. Фишман, только возрождение или сохранение статуса родного языка позволяет остановить языковое смещение. В остальных случаях оно приводит к сохранению родного языка как второго или к потере родного языка (Fishman, 1991). Поэтому для всех субъектов языковой политики, включая семью и руководителей образовательных учреждений, важно четкое понимание стратегических целей и путей достижения или приближения к социальной справедливости, включая надежную витальность родных языков.

Заключение

Три десятилетия развития языковой политики Республики Тыва определялись как динамикой российского языкового законодательства, так и особенностями функционирования тувинского языка с учетом его параметрических и статистических характеристик в диахроническом и синхроническом аспектах. Сохранность высоких позиций тувинского языка с точки зрения его демографической мощности и правового статуса происходит на фоне негативных процессов языкового сдвига, особенно заметного у молодого поколения городских тувинцев в последние два десятилетия, а также не всегда продуманной языковой политикой в сфере образования. Достижение качественного владения родным языком для 55% выпускников школ поставлен в качестве задачи в Государственной программе «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы».

Разработку и принятие данной Программы с учетом выделенных в ней приоритетов и задач, можно отнести к позитивным направлениям развития языковой политики республики. Важной особенностью языковой жизни Тувы является активное и конструктивное участие представителей тувинского гражданского общества в обсуждении проблем и угроз в сохранении и развитии тувинского языка, отражение их позиции в СМИ республики, а также готовность власти к учету их рекомендаций. Это должно будет способствовать развитию более сбалансированного и активного билингвизма, сохранению тувинского языка как родного языка титульного этноса республики, а также сохранению межэтнического согласия. Перспективным представляется продолжение исследования динамики правового и функционального развития тувинского языка в условиях контактного билингвизма и определение его места в прогностической классификации языков РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов, В. М. (2015) Языковая политика в XXI веке // Языковая политика в контексте современных языковых процессов / отв. ред. А. Н. Биткеева. М. : Издательский центр «Азбуковник». 471 с. С. 10–19.

Алпатов, В. М. (2018) Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М. : Языки народов мира. 751 с. С. 24–33.

Арутюнова, Е. М. (2018) Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. № 4. С. 25–35. DOI: 10.7868/S0132162518040037

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (дата обращения: 06.11.19).

Биткеева, А. Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1. С. 31–38.

Биткеева, А. Н., Вингендер, М., Михальченко, В. Ю. (2009) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. С. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1

Боргоякова, Т. Г. (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 166 с.

Боргоякова, Т. Г. (2013) Развитие билингвизма в республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (25). С. 36–39.

Боргоякова, Т. Г. (2018) Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 36–42. DOI: 10.20339/PhS.6-18.036

Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 136 с.

Головко, Е. В. (2016) Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 368 с. С. 9–12.

Замятин, К., Пасанен, А., Саарикиви, Я. (2012) Как и зачем сохранять языки народов России? / отв. ред. Янне Саарикиви. Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala. 178 с.

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138> (дата обращения: 01.11.2019).

Мартан-оол, М. Б. (2000) Проблемы и перспективы тувинского языка // Языки народов России: перспективы развития: материалы международного семинара. Элиста : АПП «Джангар». 544 с. С. 137–147.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 359 с.

Нерознак, В. П. (2002) Языковая ситуация в России: 1991–2001 годы // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 616 с. С. 5–19.

Сегленмей, С. Ф. (2007) К проблеме билингвизма в Тыве // Русский язык в Тыве: Материалы республиканской научно-практической конференции (22–23 ноября 2007 года, г. Кызыл) / отв. ред. Б. К. Ондар. Кызыл : ТывГУ РИО. 138 с. С. 92–99.

Сегленмей, С. Ф. (2016) Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. С. 105–112.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН. 313 с.

Сэрээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 05.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

Цыбенова, Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Иркутск: Изд-во «Оттиск». 170 с.

Fishman, J. A. (1991) Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon & Philadelphia. Multilingual Matters. 431 p.

Дата поступления: 20.12.2019 г.

REFERENCES

Alpatov, V. M. (2015) Iazykovaia politika v XXI veke [Language policy in the 21st century]. In: *Iazykovaia politika v kontekste sovremennykh iazykovykh protsessov [Language policy in the context of modern linguistic processes]* / ed. by A. N. Bitkeeva. Moscow, Azbukovnik Publishing center. 471 p. Pp. 10–19. (In Russ.).

Alpatov, V. M. (2018) Iazykovaia politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. In: *Iazykovoie edinstvo i iazykovoie raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve [Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state]*: International conference (Moscow, November 14–17, 2018): reports / ed. by A. N. Bitkeeva and M. A. Goriacheva. Moscow, Iazyki narodov mira. 751 p. Pp. 24–33. (In Russ.).

Arutyunova, E. M. (2018) Ethno-linguistic problems and prospects in educational sphere of the Russian Republics (the case of Bashkortostan). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, no. 4, pp. 25–35 (In Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518040037

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Tuvinskii iazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt [Tuvan language on modern stage: educational aspect]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500> (access date: 06.11.19). (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2018) Razvitie iazykov Rossiiskoi Federatsii: dinamika, problemy, prognozy [The case study of the development of languages in the Russian Federation: dynamics, problems, perspectives]. *Voprosy filologii*, no. 1, pp. 31–38. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N., Wingender, M. and Mikhailchenko, V. Yu. (2009) Prognozirovaniie i iazykovoie mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1

Borgoiakova, T. G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. (2013) Razvitie bilingvizma v respublikakh Tyva i Khakassii [Development of bilingualism in the Republics of Tuva and Khakassia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (25), pp. 36–39. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. (2018) Iazyki korennykh narodov CShA: terminologicheskie i zakonodatel'nye aspekty [Indigenous Languages of the United States: Terminological and legislative aspects]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 36–42. (In Russ.). DOI: 10.20339/PhS.6-18.036

Borgoiakova, T. G. and Guseinova, A. V. (2017) *Status i funktsionirovaniie tiurkskikh iazykov Iuzhnoi Sibiri [Status and functioning of the Turkic languages of southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University Press. 136 p. (In Russ.).

Golovko, E. V. (2016) Sovremennaiia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziiia v Rossiiskoi Federatsii [Modern language policy and the problem of preserving language and cultural diversity in the Russian Federation]. In: *Sokhraneniie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri [Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia]*: Proceedings of the 4th research and practical International conference (Abakan, Republic of Khakassia, May 19–20, 2016) / ed. by T. G. Borgoiakova. Abakan, Khakass State University Press. 368 p. Pp. 9–12. (In Russ.).

Zamiatin, K., Pasanen, A., Saarikivi, Ia. (2012) *Kak i zachem sokhraniat' iazyki narodov Rossii? [How and why to preserve the languages of the peoples of Russia?]*. Ed. by Ianne Saarikivi. Khel'sinki, Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala. 178 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvinty: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan mountains: way of living, values and ideals]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138> (access date: 01.11.2019). (In Russ.).

Martan-ool, M. B. (2000) Problemy i perspektivy tuvinskogo iazyka [Problems and prospects of the Tuvan language]. In: *Iazyki narodov Rossii: perspektivy razvitiia: materialy mezhdunarodnogo seminara [Languages of the peoples of Russia: Prospects for development]*: Proceedings of the international seminar. Elista, APP «Dzhangar». 544 p. Pp. 137–147. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvinty Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste [One people, three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context]*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Neroznak, V. P. (2002) Iazykovaia situatsiia v Rossii: 1991–2001 gody [Language situation in Russia: 1991–2001]. In: *Gosudarstvennye i titul'nye iazyki Rossii. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik [State and title languages of Russia: A dictionary and reference book]* / ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 616 p. Pp. 5–19. (In Russ.).

Seglenmey, S. F. (2007) K probleme bilingvizma v Tuve [On the problem of bilingualism in Tuva]. In: *Russkii iazyk v Tuve [Russian language in Tuva]: Proceedings of the scientific and practical republican conference (November 22–23, 2007, Kyzyl)* / ed. by B. K. Ondar. Kyzyl, TyvGU RIO. 138 p. Pp. 92–99. (In Russ.).

Seglenmey, S. F. (2016) Rol' rodnogo iazyka kak iazyka obucheniia v nachal'noi shkole [Role of the native language as the language of instruction in primary schools]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 105–112. (In Russ.).

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms] (2006) / ed. by V. Yu. Mikhal'chenko. Moscow, Institut iazykoznanii RAN. 313 p. (In Russ.).

Sreedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: problems and prospects]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (access date: 05.11.2019). (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

Tsybenova, Ch. S. (2017) *Sovremennaia iazykovaia situatsiia v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskii aspekt [Modern language situation in the Republic of Tuva: Sociolinguistic aspect]* / ed. by G. A. Dyrkheeva. Irkutsk, Ottisk Publ. 170 p. (In Russ.).

Fishman, J. A. (1991) *Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon & Philadelphia. Multilingual Matters. 431 p.

Submission date: 20.12.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.5

Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев)*

Галина А. Дырхеева, Чечек С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируются языковые установки и ориентации современных носителей бурятского и тувинского языков в России (в Республике Бурятия и Республике Тыва). Необходимость профессиональной и культурной интеграции носителей малых языков в общероссийское и мировое пространство сегодня постепенно приводит к трансформации этноязыкового сознания.

Эмпирическая база исследования основывается на результатах комплексных социолингвистических обследований, проведенных в Бурятии в 1999–2000 гг. и Тыве в 2009–2010 гг. с использованием единой методики. Впервые проводится сопоставительный анализ языковых ситуаций в указанных регионах.

Анализ оценочных параметров языковых ситуаций в Бурятии и Тыве выявил, что на языковую лояльность и языковые установки огромное влияние оказывает демографически и функционально доминирующий русский язык. В условиях национально-русского двуязычия носители малых языков выбирают стратегию символизации родного языка. Этот факт косвенно подтверждает трансформацию языкового сознания малых народов. Указанная стратегия вероятно также обусловлена адаптационными механизмами, вызванными новыми социально-экономическими условиями, информатизацией, технологизацией современного общества. Выявленная стратегия символизации свидетельствует о том, что пока русский язык для большинства носителей бурятского и тувинского языков несет сугубо функциональное коммуникативное значение и выполняет функцию инструментального языка.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковые установки; языковая лояльность; двуязычие; бурятский язык; тувинский язык; Тыва; Бурятия

* Статья подготовлена в рамках государственного задания XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации №АААА-А17-117021310266-8 (“Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language”).

Для цитирования:

Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.5

Дырхеева Галина Александровна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670045, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Тел.: +7 (301-2) 43-35-51. Эл. адрес: an5dag1@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3477-6280

Цыбенова Чечек Сергеевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670045, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Тел.: +7 (301-2) 43-35-51. Эл. адрес: tschechek@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-7789-1492

Dyrkheeva Galina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Chief Research Fellow, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Sakhianova Str., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7(301-2) 43-35-51. E-mail: an5dag1@mail.ru

Tsybenova Chechek Sergeevna, Candidate of Philology, Junior Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Sakhianova Str., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7(301-2) 43-35-51. E-mail: tschechek@mail.ru

Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans*

Galina A. Dyrkheeva, Chechek S. Tsybenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, Russian Federation

The article examines the language attitudes and orientations of modern speakers of Buryat and Tuvan languages in Russia (more specifically, in the Republic of Buryatia and the Republic of Tuva). The need for professional and cultural integration of minor language speakers into all-Russian and global space today gradually leads to the transformation of their ethno-linguistic consciousness.

For its empirical base, the study relies on the results of complex sociolinguistic surveys conducted in Buryatia (1999–2000) and in Tuva (2009–2010) according to identical methodology. However, a comparative analysis of language situations in these regions has been carried out for the first time.

Examining the evaluation characteristics of language situations in both regions revealed that the Russian language, which is demographically and functionally dominant, has a huge impact on language loyalty and language attitudes. Under the conditions of national-Russian bilingualism, speakers of minor languages choose the strategy of symbolization of the native language. This fact indirectly confirms the transformation of the linguistic consciousness of small nations. This strategy must have been triggered by adaptation mechanisms, which in their turn have been set in motion by new socio-economic conditions, informatization, and technologization of modern society. The strategy of symbolization indicates that the Russian language for the majority of Buryats and Tuvans has only functional communicative value and carries out the function of an instrumental language.

Keywords: language situation; language attitudes; language loyalty; bilingualism; Buryat language; Tuvan language; Tuva; Buryatia

*The article was prepared within the government assignment (project XII.193.1.5 'Mentality of Mongolic Peoples in the Mirror of Language', reg. No.AAAA-A17-117021310266-8).

For citation:

Dyrkheeva G. A. and Tsybenova Ch. S. TLanguage attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *The New Research of Tuva*, 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.5

Введение

Современная эпоха, процессы модернизации и глобализации, охватившие практически весь мир, привели к тому, что в многонациональных обществах остро встала проблема сосуществования языков. Учеными отмечается, что в любой стране с этническим и языковым многообразием существуют две тенденции. Одна из них связана с необходимостью языкового единения государства, а другая — стремлением разных языковых общностей сохранить и развивать свой национальный язык и национальную культуру (Функционирование языков ... , 2008: 6). Актуальной указанная проблема является и для языковой ситуации в России, на территории которой, по подсчетам специалистов, функционируют 92 языка коренных народов.

С точки зрения социолингвистической типологии общим для большинства национальных субъектов РФ является софункционирование нескольких типов языков в едином коммуникативном пространстве и их функциональная неравнозначность: русский язык, выполняющий максимальные общественные функции, региональные титульные языки с ограниченными функциями и локальные языки этнических групп с минимальными функциональными возможностями. При этом языковая ситуация в российских регионах имеет свои особенности, определяющие уникальность и своеобразие каждого из них.

В этом плане показательными можно назвать языковые ситуации (ЯС) в Бурятии и Туве. Несмотря на разные культурно-исторические и социальные условия функционирования бурятского и тувинского языков, мы наблюдаем одинаковые тенденции, связанные с узостью сфер их функционирования, ухудшением языковой компетенции национальной молодежи, сокращением количества носителей

языков. В основе указанных процессов лежат и объективные, и субъективные факторы, которые способствуют смене языковых установок, трансформации системы традиционных ценностей, языкового сознания. В связи с этим, в рамках настоящей статьи сделана попытка анализа особенностей языковой лояльности и языковых установок бурят и тувинцев по отношению к родным (бурятскому и тувинскому) и русскому языкам.

Материал исследования

Для описания языковых установок и степени языковой лояльности носителей бурятского и тувинского языков в статье использованы результаты массовых опросов, проведенных авторами в разное время. Языковая ситуация в Республике Бурятия (РБ) активно исследуется с середины XX в. Ее мониторинг на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ) ведется с 1989 г. В частности, уже проведено несколько массовых обследований в 1989–1990, 1999–2000 и 2008–2009 гг. Данные исследования были проведены на территории этнографической Бурятии (Республика Бурятия, Усть-Ордынский Бурятский округ Иркутской области, Агинский Бурятский округ Забайкальского края) (Дырхеева, Будаев, Бажеева, 1999; Дырхеева, 2002, 2011). В 2005–2006 гг. полевой материал социолингвистами ИМБТ был собран среди бурятского населения Китая и Монголии (Дырхеева и др., 2009). Таким образом, полученные данные по различным районам бытования бурятского языка, по его диалектам позволяют проводить постоянный мониторинг ЯС в Бурятии, сопоставлять их по разным показателям, анализировать различные группы населения, выявлять особенности изменения ситуации.

Социолингвистическое обследование по Республике Тыва (РТ) было проведено по этой же методике в период с 2009 по 2010 гг. (Цыбенкова, 2017). Сферы функционирования тувинского языка, уровень языковой компетенции его носителей, различные аспекты языковой ситуации как в Тыве, так и в других местах постоянного проживания тувинцев изучались в разные годы многими специалистами (Анайбан, 1996; Бавуу-Сюрюн, 2010; Боргоякова, 2002; Вэй Цень Фан, 2016; Журавель, 2015). Среди них можно выделить недавние исследования, проведенные сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Например, в рамках 80-летнего юбилея тувинской письменности в 2010 г. ими было проведено социологическое исследование городского населения Тувы «Тувинский язык и письменность в общественном мнении кызылчан». Исследование получило широкий общественный резонанс, результаты его были опубликованы в средствах массовой информации¹. В 2016 г. сотрудниками института было проведено очередное массовое обследование населения Тувы (Серээдар, 2018). Однако проведенные исследования, к сожалению, преследуют разные цели и содержат разную методику. В связи с этим сравнение полученных данных, проведение мониторинга, подобно тому, что было в отношении бурятского языка, выявление динамики развития тувинского языка представляется пока невозможным из-за несводимости и недостаточности сведений.

Целью настоящей статьи является анализ результатов исследования языковых установок и степени языковой лояльности бурят и тувинцев, по результатам обследований, проведенных авторами в 1999–2000-х гг. по Бурятии и в 2009–2010-х гг. — по Тыве. Несмотря на то, что выборка, цели и задачи опросов имели свои особенности, теоретические подходы, также берутся два различных отрезка времени — методология исследований оставалась единой и ключевые вопросы относительно языковой компетенции и языковой лояльности респондентов не менялись (Дырхеева, 2002; Цыбенкова, 2017). Поэтому полученные результаты позволяют сравнить некоторые данные. Таким образом, в работе впервые предпринята попытка сравнительного анализа функционального состояния бурятского и тувинского языков по отдельным показателям, а именно степени языковой лояльности, характеру и направлению языковых ориентаций носителей указанных языков. Общие сведения выборок представлены в следующей таблице (табл. 1).

¹ Кан, В. С. (2010) Тувинский язык и письменность в общественном мнении кызылчан [Электронный ресурс] // Плюс Информ. 2 августа URL: <http://plusinform.ru/main/1669-sotsiologicheskie-issledovaniya.html> (дата обращения: 05.06.2019).

Таблица 1. Основные демографические сведения выборки исследований
Table 1. Key demographics of the research sample

Регион	Годы	Всего опрошено, чел.	муж. / жен. %		Родились в городе / селе, %
Республика Бурятия	1999–2000	1505	40,5	59,5	38,9/60,9
Республика Тыва	2009–2010	637	47,7	52,3	28,7/71,0

Отметим, что временной разрыв между проведенными исследованиями существенную разницу в показателях не вносит. В науке известно, что языковые процессы меняются гораздо медленнее, чем социальные и культурные. С точки зрения диахронической социолингвистики, заметить те или иные перемены в языке можно на достаточно значительных временных отрезках — не менее чем в два-три десятилетия (Беликов, Крысин, 2001: 323). Проводимые сотрудниками ИМБТ регулярные исследования свидетельствуют о том, что различные показатели состояния языка (признание языка родным, формам и степени его владения, сферам его использования) в среднем меняются на 3–10% за десятилетие (Дырхеева, 2002, 2011).

Общая социолингвистическая характеристика

Языковая ситуация как в Бурятии, так и в Туве по составу языков-компонентов характеризуется как многокомпонентная: русский язык — государственный язык, язык межнационального общения; бурятский и тувинский языки — основные языки-компоненты, имеющие государственный статус в своих республиках. По функциональной нагрузке ЯС в регионах является неравновесной: русский язык — мажоритарный, обслуживает практически все сферы общения; бурятский и тувинский языки — миноритарные, выполняющие ограниченную функциональную нагрузку.

Необходимо отметить, что объем общественных функций, выполняемых тувинским и бурятским языками, немного различаются. Это связано с разной демографической мощностью (общая доля носителей языка в структуре численности всего населения региона) указанных языков (табл. 2).

Таблица 2. Динамика численности наиболее многочисленных национальностей Бурятии и Тувы по итогам переписей населения, чел.

Table 2. Dynamics of the most numerous nationalities of Buryatia and Tuva according to the results of censuses, people.

Переписи населения	Республика Бурятия		Республика Тыва	
	буряты	русские	тувинцы	русские
1989 г.	249525	726165	198448	98831
2002 г.	272910	665512	235313	61442
2010 г.	286839	630783	249299	49434

Кроме этого, функциональное состояние бурятского и тувинского языков обусловлены внешними, экстралингвистическими факторами, связанными с географическим расположением регионов, с историческими, социально-культурными и другими особенностями развития бурят и тувинцев. Наиболее существенное влияние на функциональное состояние бурятского языка оказывают территориальная дисперсность бурят (они проживают на территории трех административных образований: Республика Бурятия, Усть-Ордынский округ Иркутской области, Агинский округ Забайкальского края), значительные междиалектные расхождения, транспортная доступность Бурятии (проходимость территории республики способствует ее заселению различными народами), многолетняя история бурятско-русских этноязыковых контактов (с середины XVII — начале XVIII в.). Дисперсность проживания бурят, их активное общение в ходе совместной деятельности с русским населением, составляющим большинство в республике, привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости современных бурят, утрате некоторых элементов этнической самобытности, к постепенной потере родного языка.

Среди факторов, положительно влияющих на состояние бурятского языка, следует назвать увеличение численности бурятского населения во всех трех административных образованиях, восстановление преподавания на бурятском языке и обучение бурятскому языку, рост национального и религиозного самосознания бурят. Наблюдаются положительные изменения в отношении русского населения республики по отношению к изучению бурятского языка в школе. Следует отметить установившийся в последнее время активный туристический поток с Монголией, жители которого являются носителями родственного языка. В этом случае между бурятами и монголами нередко возникают ситуации, когда бурятский язык используется как средство межнационального общения. Данная ниша создает благоприятные условия для дальнейшего развития и популяризации бурятского языка и культуры.

Языковую ситуацию в Туве определяют его труднодоступность и отдаленность от основных транспортных путей (до ближайшей железнодорожной станции в Абакане 410 км), компактное расселение основной части тувинцев на одной территории, более позднее вхождение Тувы в состав СССР (в 1944 г.). Большую роль в укреплении и становлении общественных функций и стилистического разнообразия тувинского литературного языка сыграло его бытование в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Эти факторы во многом предопределили численное преобладание тувинцев по отношению к другим национальностям республики и создали основу для успешного функционирования тувинского языка в различных коммуникативных сферах.

Вместе с тем относительно однородный (тувинский) тип этнической среды, сложившийся в постперестроечные годы в Туве, привел к ухудшению владением большинством населения русским языком. Вследствие такого положения, а также образовательной политики государства в настоящее время наблюдается искусственное нарушение межпоколенной передачи тувинского языка: многими родителями-тувинцами сознательно практикуется использование русского языка как языка межличностного общения со своими детьми, многие из них намеренно отдают неподготовленных детей с ранних лет в классы с русским языком обучения. Общение на русском постепенно становится привычкой даже в этнически гомогенных браках, в сельской местности, среди молодежи. Ситуация с тувинским языком ухудшается быстрыми темпами, чему способствуют и постепенное распространение сети Интернет, доступность коммуникационного пространства на русском языке (телевидение, радио, пресса, медиа и т. д.), вовлеченность молодежи в различные социальные сети и т. п. Частично данная проблема рассматривалась в публикации Ч. С. Цыбеновой (Цыбенова, 2019).

В силу указанных выше факторов функциональная мощность бурятского и тувинского языков имеет как схожие, так и отличительные черты. Результаты проведенных социолингвистических опросов в целом показывают одинаковую функциональную дистрибуцию исследуемых языков по различным сферам: в сферах организованного общения доминирует преимущественно русский язык, в сферах неорганизованного общения — бурятский и тувинский языки. Как видно из табл. 3, в разных сферах общения тувинский язык используется пока интенсивнее, что обусловлено относительно однородным этническим составом населения Тувы.

Таблица 3. Использование языков в различных сферах общения, в %
Table 3. Use of languages in various domains of communication, in %

Сферы общения	Республика Бурятия		Республика Тыва	
	бурятский	русский	тувинский	русский
Дома, в семье	38,2	50,5	91,3	8,7
На работе/учебе	14,7	22,6	52,8	50,1
В государственных учреждениях	-	-	31,3	53,4
С родственниками	36,4	48,9	92,3	6,0
С друзьями	19,5	64,7	79,5	13,1
В культовых местах	-	-	92,6	2,8
В общественных местах (в магазине, транспорте, на улице)	7,2	80,7	55,7	33,5

При чтении художественной литературы	3,3	79,4	31,0	60,2
-специальной литературы	2,1	70,6	11,7	59,8
-периодики	1,5	75,6	29,3	67,9
При просмотре ТВ и прослушивании радио	2,4	81,5	24,9	83,6

Степень языковой лояльности

Наиболее показательным оценочным признаком, поддающимся статистическому измерению, считается степень языковой лояльности, т.е. признание родным своего этнического языка. По мнению специалистов, у каждого народа существует свой набор оценочных признаков. Например, выбор языка в качестве средства общения и языка обучения, защита языка правовыми актами, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, передача языка подрастающим поколениям (Кондрашкина, 2010: 198).

Уровень языковой лояльности носителей бурятского и тувинского языков по результатам опросов выглядит следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Родной язык респондентов
Table 4. Native language of respondents

Регион	Всего опрошено, чел.	Язык	% от общего числа опрошенных
Республика Бурятия	1505	бурятский	67,7
		русский	9,2
		оба языка	2,4
Республика Тыва	637	тувинский	97,8
		русский	1,4

Следует отметить, что понятие «родной язык» у большинства людей ассоциируется только лишь с национальной принадлежностью, многими из них не подразумевается реальное владение самим языком. В нашем случае респонденты в Бурятии указывали родным бурятский язык, в Тыве — тувинский. Хотя на самом деле преимущественным языком повседневного общения у них был русский. Поэтому многие специалисты отмечают, что национальное самосознание более устойчивый компонент в структуре личности, чем национальный язык, и они не всегда совпадают.

Степень языковой лояльности тесно взаимосвязана с уровнем владения языками. Уровень языковой компетенции бурят и тувинцев во владении родными и русским языками по результатам опросов также имеет свои особенности (табл. 5).

Таблица 5. Формы и степень владения языками, в %
Table 5. Forms and degrees of language proficiency, in %

Республика Бурятия									
степень формы	бурятский язык					русский язык			
	очень хорошо	хор.	удовл.	плохо	не владею	очень хорошо	хор.	удовл.	плохо
понимаю	23,4	37,5	19,7	13,8	4,9	65,6	29,6	3,8	0,6
говорю	13,7	26,8	22,2	24,1	12,1	47,6	37,4	12,0	1,8
читаю	11,5	28,2	23,2	22,2	13,9	53,5	39,9	4,6	0,9
пишу	8,9	23,0	22,2	23,0	21,6	37,7	45,0	14,4	1,6

Республика Тыва									
степень формы	тувинский язык					русский язык			
	очень хорошо	хор.	удовл.	плохо	не владею	очень хорошо	хор.	удовл.	плохо
понимаю	57,6	39,5	2,5	0,3	-	36,2	52,8	9,9	1,1
говорю	47,9	46,8	4,9	0,5	-	20,6	55,4	20,8	3,1
читаю	49,6	39,2	8,7	2,4	0,2	32,3	55,7	10,1	1,9
пишу	43,3	43,0	9,4	3,8	0,5	26,1	55,1	16,2	2,5

Из представленной таблицы видно, что никто из респондентов по обоим массивам не указали параметр «не владею» для русского языка, отрицательные значения также минимальны. Соответственно, можно утверждать, что русским языком и буряты, и тувинцы владеют достаточно хорошо — в письме, чтении, в разговорной форме и понимании. При этом буряты формами русского языка владеют лучше, чем родного бурятского. Тувинцы же формами русского языка владеют немного хуже, чем буряты.

По бурятскому языку данные распределились в основном между тремя показателями: «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо». По тувинскому языку заметно преобладание в сторону оценки «очень хорошо». В целом указанные значения коррелируют с уровнем языковой лояльности респондентов: средние значения характерны для бурят, более высокие для тувинцев.

Языковые установки

Субъективные факторы выбора бурятского языка и отношение к нему целенаправленно стали исследоваться с 2000-х гг. В основном они выявлялись прямыми методами. Так, в анкету были включены ряд вопросов, направленных на выявление отношения респондентов к образовательному процессу на бурятском языке: «Удовлетворены ли Вы процессом обучения на бурятском языке, если Вы изучаете (или изучали) его в школе (техникуме, институте)?»; «Хотели бы Вы знать его в совершенстве?»; «Почему Вы изучаете/изучали бурятский язык?»

Согласно результатам, преподавание бурятского языка в школах республики положительно оценили 51,8% респондентов, отрицательно — 25%. Отрицательные ответы на серию указанных вопросов были объяснены либо нежеланием отвечать на вопрос, либо отсутствием обучения. Кроме того, многие респонденты посчитали, что они знают язык Основным мотивом изучения бурятского языка чаще всего указывалось то, что он является для них родным языком (71,3%) (табл. 6).

Таблица 6. «Почему Вы изучаете (изучали) бурятский язык?», в %

Table 6. «Why do (did) you study the Buryat language?», in %

Считаю его родным	71,3
Его преподавали	21,3
Мне нравится изучать языки	9,8
Заставляют изучать родители	4,0
Он помогает в общении с друзьями, родственниками	21,3
Он позволяет знакомиться с достижениями бур. нац. культуры	31,2
Другие причины	1,6
Нет ответа	6,9

Основными причинами нежелания или невозможности изучать бурятский язык респонденты указывали такие ответы, как «испытываю трудности в изучении языков» и «считаю, что он не пригодится в жизни». При анализе ответов был выявлен своеобразный перенос фокуса внимания с себя на детей, на других людей. Например, на вопрос «Должен ли Президент Бурятии знать бурятский язык?»,

подавляющее большинство 92,6% ответили положительно. Или более 90% респондентов хотели бы, чтобы их дети знали бурятский язык.

Полученные результаты выявили противоречие между собственным нежеланием и желанием того, чтобы другие люди знали и владели языком. На данное противоречие указывают и другие исследователи. Например, Э. В. Хилханова связывает ее со стратегией идеализации и символизации титульного языка и называет эту стратегию «...ностальгией по той утерянной цельной этнической идентичности наших предков, когда в ней присутствовали все компоненты, в том числе и языковой. Ностальгия тесно связана с идеализацией языка своего народа и отнюдь не влечет за собой реальных мер по его овладению» (Хилханова, 2007: 92).

Необходимо отметить, что результаты исследований проведенных на материале многих титульных языков РФ, также подтверждают наличие фрагментации (множественности) этничности современного поколения носителей малых языков. Например, в Республике Татарстан в 2012 г. 54% опрошенных татар (из 1590 респондентов) считали, что можно быть татариним, не владея татарским языком. Татарские исследователи отмечают, что татарско-русское двуязычие среди татар сегодня широко распространено и все больше татар готовы признать и русский, и татарский языки родными, «вопреки принятому правилу о признании одного языка родным» (цит. по: Степанова, 2015: 177). Якутские исследователи также отмечают толерантное отношение к подобному явлению. Среди якутов на вопрос «Как Вы относитесь к людям своей национальности, не владеющим родным языком?» положительно ответили 39,4% опрошенных (Иванова, 2012: 26).

Ряд оценочных вопросов был включен и в социолингвистический опросник по Туве. Анализ ответов выявил две тенденции: направленную на владение русским языком и связанную с символизацией тувинского языка. В ходе опроса многие респонденты отмечали, что «Если не знать тувинского языка, отдалиться от своего народа, если не знать русского, не увидишь светлого будущего» (досл. перевод от «Тыва дылды билбес болза төрээн чондан хоорлур апаар, орус дылды билбес болза от дег чырык көрбес апаар»). Приведенное высказывание является ярким примером того, какую роль выполняет сегодня русский язык в жизни современного тувинского общества. Так, ответы на вопрос о необходимости владения языками показали, что значение параметра «очень важно» несколько выше у русского языка (78,0%), чем у тувинского (72,8%). Ответы на вопрос о том, какие языки необходимо изучать их детям, также выявили доминирующее положение русского языка (86,6%), затем следуют тувинский (73,7%) и иностранный (66,8%) языки.

Значение тувинского языка для будущих поколений выяснялось вопросом «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети знали тувинский язык?» Большинство респондентов ответили положительно — 95,0%. При этом была выявлена положительная корреляция по параметру «возраст», т. е. чем моложе носители языка, тем ниже показатели по параметру «тувинский язык» (табл. 7).

Таблица 7. Значение тувинского языка для детей в зависимости от возраста, в %
Table 7. Value of the Tuvan language for children, age-correlated, in %

Поколения	Показатели		
	да	нет	безразлично
старшее	96,9	1,0	1,0
среднее	95,8	0,8	1,1
младшее	92,3	1,6	4,4

Эти данные позволяют утверждать, что младшее поколение больше ориентировано в сторону русского языка, и их ответы можно оценивать как индикаторы языкового сдвига. Отметим, что процессы языкового сдвига пока еще недостаточно изучены. Большинство исследователей утверждают, что языковой сдвиг зарождается в условиях языкового контакта и в зависимости от ситуации его темпы могут быть медленными (сотни лет), быстрыми (три-четыре поколения) или даже катастрофическими, когда переход на доминирующий язык происходит в течение жизни одного поколения (Вахтин, Головкин, 2004: 119). Известно, что на начальных этапах сам факт языкового сдвига еще неочевиден и в структуре языка он не проявляется. Характерными для сдвига процессами являются изменение языковой среды, утрата языка в некоторых сферах его употребления, утрата отдельных функций языка,

следы интерференции, рост удельного веса двуязычных носителей и пр. В условиях сдвига дети также утрачивают мотивацию активно владеть родным (материнским) языком.

Результаты проведенного нами исследования показали, что использование языков зависит от определенной сферы. Несмотря на относительно однородную среду тувинцы, например, в сферах государственного управления, образования русский язык используют гораздо интенсивнее (Цыбенова, 2017). Вероятно это связано с узостью и недостаточной развитостью функциональных стилей тувинского языка, необходимостью ведения деловой документации на русском языке. Кроме того, академический дискурс и какая-либо специальная литература больше распространены и доступны также на русском, нежели на тувинском языке.

В связи с этим, нами проверялась стереотипность взглядов в использовании конкретного языка и позиция респондентов по отношению к использованию тувинского языка в тех коммуникативных сферах, где преимущественно используется русский язык: образование, делопроизводство, общественные места и средства массовой информации. Ответы на данный вопрос выявили положительное отношение к использованию тувинского языка в указанных сферах. При этом большинство респондентов отметили, что в делопроизводстве его применение весьма затруднительно, т. к. может возникнуть «путаница в делах» (табл. 8).

Таблица 8. Отношение респондентов к введению тувинского языка в следующие сферы, в %

Table 8. Respondents' attitudes to the introduction of the Tuvan language into several domains of use, in %

Сферы	Отношение		
	положительно	отрицательно	безразлично
образование	79,8	12,9	6,0
делопроизводство	59,5	26,5	11,8
общественные места	68,2	13,4	15,4
средства массовой информации	79,1	9,8	9,0

Доминирование русского языка в регламентируемых сферах связано и с недостаточной развитостью официально-делового и научного стилей малых языков, в свою очередь такое положение влияет на языковые установки населения, и соответственно заставляет употреблять в данных сферах именно русский язык. В ходе опроса также было выявлено отношение к закону «О языках в Республике Тыва» (принят 31 декабря 2003 г.). Большинство респондентов согласились, что это важный и необходимый акт (77,8%), необязательность данного закона отметили 3,9%, а 13,6% выбрали ответ «безразлично».

Таким образом, тувинцы при выражении отношения к передаче языка своим детям, при оценке степени его востребованности выбирают ту же стратегию, что и носители бурятского языка. При этом тувинский язык в основном рассматривается многими лишь как средство повседневного общения. Более лояльное отношение к русскому языку части тувинцев вероятно объясняется и тем, что в относительно однородной тувиноязычной среде значимость языкового признака ослабляется. Поэтому многие носители не осознают и не замечают степень изменения своей языковой компетенции во владении родным языком. Татарские исследователи также констатируют, что в ситуации этнически гомогенного состава населения роль оппозиции «мы — они» снижается, наблюдается низкая актуализация этнического самосознания (Язык и этнос ..., 2002: 44–45). Результаты исследования по Туве опосредованно отражают и общую картину изменения социокультурных ценностей. Исследования специалистов показывают, что в ценностном мировоззрении современных тувинцев наметилась переориентация на западные жизненные ориентиры: направленность на учебу и получение высшего образования, материальное благосостояние и карьерный рост (Семенова, 2009: 139–140; Leung, 2017).

Заключение

Оценочные вопросы мы относим к прогностическим вопросам. Направленные на выявление языковых установок они актуализируют этнопсихологические составляющие сознания. Таким образом,

в ответах отражается установка естественных защитных механизмов, наблюдается символизация языка, несоответствие между реальной/объективной и желаемой ситуацией. В этом случае статус не-доминантного языка (бурятского или тувинского), уровень его субъективной жизнеспособности с точки зрения его носителей является довольно высоким. Как известно, любой язык является важнейшим инструментом самоидентификации этноса, наряду с другими культурными факторами (Головко, 2018: 45). Поэтому вполне очевидно, что указанная стратегия основана на подсознательных и инстинктивных процессах, в частности самосохранения.

Усиление символической функции языка скорее всего обусловлено и адаптационными механизмами, вызванными новыми социально-экономическими условиями, информатизацией, технологизацией современного общества. Психолингвисты пишут, что: «Биологическая природа сознания проявляется в его адаптирующей функции “там, где прекращают действовать врожденные законы поведения, вступает в силу врожденная способность приспосабливаться к условиям окружающей среды”» (цит. по: Шаховский, 2006: 67–68). Таким образом, можно утверждать, что в основе языковых установок заложены несколько механизмов.

В ходе анализа некоторых оценочных параметров ЯС в Бурятии и Туве мы выявили, что на языковую лояльность и языковые установки современных бурят и тувинцев огромное влияние оказывает демографически и функционально доминирующий русский язык. Интеграция носителей малых языков в общероссийское и мировое пространство требует высокого уровня владения русским языком. Выявленная стратегия символизации свидетельствует о том, что пока русский язык для большинства носителей бурятского и тувинского языков несет сугубо функциональное коммуникативное значение, выполняет функцию инструментального языка. В этом случае малые языки, как языки, основанные на культурном и этническом прошлом, имеют пока достаточную субъективную жизнеспособность и обладают высоким уровнем символической мощности. Поэтому сегодня основной задачей следует назвать повышение уровня языкового самосознания национальной молодежи, усиление социальной значимости родного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В. (1996) Республика Тува: модель этнологического мониторинга. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН. 96 с.
- Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию тувинской письменности : в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан: Хакас. кн. изд-во. Ч. 1. 220с. С. 53–57.
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) Социоллингвистика : учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 439 с.
- Боргоякова, Т. Г. (2002) Развитие социальных функций государственных тюркских языков Республик Южной Сибири : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М. 37 с.
- Вахтин, Н. Б., Головко, Е. В. (2004) Социоллингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия» ; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 336 с.
- Вэй Цень Фан (2016) Государственная языковая политика в Республике Тыва в конце XX — начале XXI вв. : дис. ... магистра гум. наук [Электронный ресурс] / Гос. ун-т. Чжэнчжи. Тайбэй. 274 с. URL: <https://nccur.lib.nccu.edu.tw/handle/140.119/81442> (дата обращения: 25.01.2017).
- Головко, Е. В. (2018) Язык как инструмент этнической самоидентификации // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М. : Языки народов мира. 752 с. С. 44–46.
- Журавель, Т. Н. (2015) Этноразноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск. 23 с.
- Дырхеева, Г. А. (2002) Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 187 с.
- Дырхеева, Г. А. (2011) Языковая ситуация в Бурятии: двадцать лет спустя // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 2. С. 132–138.

Дырхеева, Г. А., Будаев, Б. Ж., Бажеева, Т. П. (1999) Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 142 с.

Дырхеева, Г. А., Даржаева, Н. Б., Бальжинимаева, Ц. Ц., Бороньева, Д. Ц., Сундуева, Д. Б., Аюшеев, Б. Б., Шожоева, Б. Д. (2009) Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 232 с.

Иванова, Н. И. (2012) Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука. 130 с.

Кондрашкина, Е. А. (2010) Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М. : Языки народов мира. 608 с. С. 198–201.

Семенова, Н. Б. (2009) Этнокультуральные особенности самосознания и иерархия жизненных ценностей в структуре мировоззрения тувинской молодежи // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. № 2. С. 136–140.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 12.10.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

Степанова, А. А. (2015) Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие? // Вопросы психолингвистики. № 4 (26). С. 169–181.

Хилханова, Э. В. (2007) Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. 205 с.

Функционирование языков в многонациональном государстве: Россия и Вьетнам (2008) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Советский писатель. 451 с.

Цыбенова, Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Иркутск : Изд-во «Оттиск». 170 с.

Цыбенова, Ч. С. (2019) Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // *Oriental Studies*. № 43(3). С. 460–477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477

Шаховский, В. И. (2006) Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. № 4. С. 64–69.

Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан (2002)/ отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Магариф. 208 с.

Leung, K. Z. (2017) Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/725> (дата обращения: 12.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.3.3

Дата поступления: 17.11.2019 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (1996) *Respublika Tuva: model' etnologicheskogo monitoringa [The Republic of Tuva: A model of ethnological monitoring]*. Moscow, Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences. 96 p. (In Russ.)

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Tuvinskii yazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt [Tuvan language on modern stage: educational aspect]. In: *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennosti i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona [Tuvan writing and issues of writing and written monuments of Russia and the Central Asian region]*. Proceedings of the international conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan written language]. In 2 vols. Executive editor: K. A. Bicheldei. Abakan, Khakass book publishing house. Vol. 1. 220 p. Pp. 53–57. (In Russ.)

Belikov, V. I. and Krysin, L. P. (2001) *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]: textbook for universities*. Moscow, Russian State Humanitarian University Press. 439 p. (In Russ.)

Borgoyakova, T. G. (2002) *Razvitie sotsial'nykh funktsii gosudarstvennykh tyurkskikh yazykov Respublik Yuzhnoi Sibiri [The development of social functions of the state Turkic languages of the republics of Southern Siberia]: Thesis of Diss. ... Doctor of Philology*. Moscow. 37 p. (In Russ.)

Vakhtin, N. B. and Golovko, E. V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]: A Textbook*. Saint-Petersburg, Humanitarian Academy Press, Printing House of European University in Saint-Petersburg. 336 p. (In Russ.)

Wei Tsen Fang (2016) *Gosudarstvennaya yazykovaya politika v Respublike Tyva v kontse XX — nachale XXI vv. [State language policy in the Republic of Tuva]*: Diss. ... Magister of Humanitarian. State University of Chenji. Taipei. 274 p. [online] Available at: //nccur.lib.nccu.edu.tw/handle/140.119/81442 (accessed: 25.01.2017). (In Russ.)

Golovko, E. V. (2018) Yazyk kak instrument etnicheskoi samoidentifikatsii [Language as a means of ethnic self-identification]. In: *Yazykovoje edinstvo i yazykovoje raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve [Language unity and language diversity in a polyethnic state]*: International Conference (Moscow, 14–17 November 2018): Papers and communications / Executive editors: A. N. Bitkeeva and M. A. Goryacheva. Moscow, Languages of the Peoples of the World. 752 p. Pp. 44–46. (In Russ.)

Zhuravel', T. N. (2015) *Etnoiazykovaia situatsiia v Usinskoj doline Krasnoiarskogo kraia [Ethnolinguistic Situation in the Usinsk valley, Krasnoiarsk krai]*: Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Krasnoiarsk. 23 p. (In Russ.)

Dyrkheeva, G. A. (2002) *Buryatskii yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya [The Buryat language under the conditions of Bilingualism: Problems of functioning and prospects of development]*. Ulan-Ude, Publishing house of the Buryat Scientific Center. 187 p. (In Russ.)

Dyrkheeva, G. A. (2011) Yazykovaya situatsiya v Buryatii: dvadtsat' let spustya [Language situation in Buryatia: 20 years later]. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 132–138. (In Russ.)

Dyrkheeva, G. A., Darzhaeva, N. B., Bal'zhinimaeva, C. C., Boronoeva, D. Ts., Sundueva, D. B., Ayusheev, B. B. and Shozhoeva, B. D. (2009) *Buryatskii yazyk v polikul'turnom prostranstve (sociolingvoistoricheskoe issledovanie) [The Buryat language in polycultural area: a sociolinguistic and historical study]*. Ulan-Ude, Publishing house of the Buryat Scientific Center. 232 p. (In Russ.)

Dyrkheeva, G. A., Budaev, B. Zh. and Bazheeva, T. P. (1999) *Buryatskii yazyk: sovremennoe sostoyanie (sociolingvisticheskiy aspekt) [The Buryat language and its contemporary status: a sociolinguistic aspect]*. Ulan-Ude, Publishing house of the Buryat Scientific Center. 142 p. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2012) *Sovremennoe kommunikativnoe prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Saha (Yakutiya): sociopsiholingvisticheskiy aspekt [Contemporary communicative area of the Russian language in the Republic of Saha (Yakutia)]*. Novosibirsk, Nauka. 130 p. (In Russ.)

Kondrashkina, E. A. (2010) Dinamika yazykovoi loyali'nosti u finno-ugorskih narodov Rossii [The dynamic of language loyalty of Finno-Ugric peoples of Russia]. In: *Yazyk i obshchestvo v sovremennoi Rossii i drugikh stranakh [Language and society in modern Russia and other countries]*: International Conference (Moscow, June 21–24, 2010): Reports and communications / Executive editors: V. A. Vinogradov, V. Yu. Mikhailchenko. Moscow, The Languages of the Peoples of the World. 608 p. Pp. 198–201. (In Russ.)

Semenova, N. B. (2009) Etnokul'tural'nye osobennosti samosoznaniya i ierarhiya zhiznennykh tsennostei v strukture mirovozzreniya tuvinskoj molodezhi [Ethnocultural features of self-consciousness and hierarchy of life values in the structure of the worldview of Tuvan youth]. *The Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.)

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvincev: problemy i perspektivy [Tuvan language as a mean of communication among Tuvans: problems and prospects]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: //nit.tuva.asia/nit/article/view/752 (accessed: 12.10.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1 (In Russ.)

Stepanova, A. A. (2015) Yazykovaya situatsiya v Respublike Tatarstan: konflikt ili tolerantnoe ravnovesie? [Language situation in the Republic of Tatarstan: conflict or tolerant balance?]. *Journal of Psycholinguistics*, no. 4 (26), pp. 169–181. (In Russ.)

Hilhanova, E. V. (2007) *Faktory kollektivnogo vybora yazyka I etnokul'turnaya identichnost' u sovremennykh Buryat (diskurs-analiticheskii podhod) [Factors of collective choice of language and ethnocultural identity among modern Buryats: a discourse-analytical approach]*. Ulan-Ude, Univ. press, 205 p. (In Russ.)

Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom gosudarstve: Rossiya i Vietnam [Functioning of languages in multiethnic states: Russia and Vietnam] (2008). Executive editor: V. Yu. Michal'chenko. Moscow, Soviet writer publ. 451 p. (In Russ.)

Tsybenova, Ch. S. (2017) *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sociolingvisticheskii aspekt. [Contemporary language situation in the Republic of Tyva: sociolinguistic aspect]*. Executive editor: G. A. Dyrkheeva. Irkutsk, Ottisk publ. 170 p. (In Russ.).

Tsybenova, Ch. S. (2019) Language Situation in the Tuva Republic: Social Characteristics. *Oriental Studies*, no. 43(3), pp. 460–477. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477

Shahovskii, V. I. (2006) Emotsii — motivacionnaya osnova chelovecheskogo soznaniya [Emotions as the motivational basis of human consciousness]. *Journal of psycholinguistics*, no. 4, pp. 64-69. (In Russ.)

Yazyk i etnos na rubezhe vekov: Etnosociologicheskie ocherki o yazykovo situatsii v Respublike Tatarstan [Language and ethnicity at the turn of the century: Ethnosociological essays on the language situation in the Republic of Tatarstan] (2002). Executive editor: R. N. Musina. Kazan, Magarif publ. 208 p. (In Russ.).

Leung, K. Z. (2017) Contemporary Youth Identity in the Republic of Tuva, Russia. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/725> (access date: 12.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.3.3

Submission date: 17.11.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.6

Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги*

Аэлита Я. Салчак, Валентина С. Ондар

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены предварительные итоги работ по созданию русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка, которые ведутся в Научно-образовательном центре «Тюркология» Тувинского государственного университета.

Рассмотрено примерное количество переводных русско-тувинских произведений, в том числе переводных произведений как зарубежных писателей, так и писателей национальных республик Советского Союза, переведенных на тувинский язык с русского языка. Авторами были использованы данные Национальной библиотеки Тувы и Тувинского государственного университета. По данным карточек библиотек насчитывается более 700 переводных произведений.

В состав русско-тувинского параллельного подкорпуса включены переведенные на тувинский язык произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», М. А. Шолохова «Поднятая целина», В. П. Катаева «Я, сын трудового народа», А. П. Чехова «Человек в футляре» А. Фадеева «Молодая гвардия» М. Горького «Свидание», Б. Васильева «А зори здесь тихие», Е. Ильиной «Четвертая высота». На 2019 г. объем собранного русско-тувинского параллельного корпуса составляет 7631813 словоупотреблений.

В работе приводятся примеры выравнивания русско-тувинских параллельных текстов, рассмотрена проблема перевода этнокультурных реалий на тувинский язык. Сравнительный анализ русско-тувинских параллельных текстов показывает степень эквивалентности и неэквивалентности перевода; трудности передачи лексики, содержащей национально-культурный компонент (слова-реалии); лексико-семантические и стилистические трансформации при переводе.

Ключевые слова: тувинский язык; русский язык; переводная литература; корпусная лингвистика; электронный корпус; электронный корпус тувинского языка; параллельный текст

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Салчак А. Я., Ондар В. С. Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/912> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.6

Салчак Аэлита Яковлевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, Студенческий квартал, д. 5, ауд. 129. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69. Эл. адрес: aelita_74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2304-6901

Ондар Валентина Сувановна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, Студенческий квартал, д. 5, ауд. 129. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69. Эл. адрес: barys-hoov@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6882-7720
Salchak Aelita Yakovlevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior researcher, Research and Education Center of Turkic Studies, Tuvan State University. Postal address: R. 129, 5 Studencheskii Kvartal, 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69. E-mail: aelita_74@mail.ru

Ondar Valentina Suvanovna, Candidate of Philology, Senior lecturer, Senior researcher, Research and Education Center of Turkic Studies, Tuvan State University. Postal address: Room 129, 5 Studencheskii Kvartal, 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69. E-mail: barys-hoov@mail.ru

Setting up a parallel Russian-Tuvan subcorpus within the electronic corpus of Tuvan language: preliminary outcomes

Aelita Ya. Salchak, Valentina S. Ondar

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents preliminary outcomes of setting up a subcorpus of parallel texts in Russia and Tuvan, which is to become part of the electronic corpus of Tuvan language. The work on the subcorpus is being carried out at the Research and Education Center for Turkic Studies at the Tuvan State University.

The subcorpus includes data from a certain number of works of literature translated from Russian into Tuvan. They were written by foreign authors or those from the ethnic republics of the Soviet Union, and then translated into Tuvan. For sources, the corpus relies on the collections of the National Library of Tuva and Tuvan State University, which together have over 700 works of literature that fall within this group.

The Russian-Tuvan parallel text subcorpus includes, among other works, M.Yu. Lermontov's "A Hero of Our Times", M.A. Sholokhov's "Virgin Soil Uplturned", V.P. Katayev's "I am the Son of the Nation of Labour", A.P. Chekhov's "Man in a Case", A.A. Fadeev's "The Young Guard", Maxim Gorky's "The Rendez Vous", B.A. Vasilyev's "The Dawns Here Are Quiet", Ye. Ilyina's "Fourth Height". As of 2019, the total volume of the corpus is 7631813 word samples.

The article provides examples of alignment of Russian and Tuvan parallel texts, with a focus on how words referring to ethnospecific realities are translated into Tuvan. A comparative analysis of Russian-Tuvan parallel texts allows researchers to assess the adequacy of translation, the difficulty of translating vocabulary belonging to the ethnically and culturally specific group of "reality words", as well as the lexical, semantic and stylistical transformation as a result of translation.

Keywords: *Tuvan language; Russian language; translated literature; corpus linguistics; electronic corpus; electronic corpus of Tuvan language; parallel text*

* The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).

For citation:

Salchak A. Ya. and Ondar V. S. Setting up a parallel Russian-Tuvan subcorpus within the electronic corpus of Tuvan language: preliminary outcomes. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/912> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.6

Введение

На сегодняшний день невозможно представить сохранение и развитие языков без информационных технологий. В этом отношении создание и развитие электронных корпусов является одним из инструментов поддержки языков и эффективности филологических исследований. Корпусная лингвистика является интенсивно развивающейся областью лингвистики. На данный момент созданы и функционируют корпуса для многих мировых языков. Активно развивается и совершенствуется Национальный корпус русского языка (НКРЯ) <http://ruscorpora.ru>, объем которого составляет более 600 млн слов. Наряду с этим ведется планомерная работа по созданию корпусов для языков России. Успешно развиваются татарский национальный корпус (<http://tugantel.tatar/>), корпусы башкирского (<http://bashcorpus.ru/>), калмыцкого (kalmcorpora.ru), бурятского (<http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php>) и др. языков.

Важным шагом для начала планомерной работы по созданию электронных ресурсов для тувинского языка можно считать создание на базе Тувинского государственного университета научно-образовательного центра «Тюркология», сотрудниками которого ведется большая работа по созданию Электронного корпуса тувинского языка (ЭКТЯ). О некоторых итогах, неотложных задачах и перспективах создания электронных ресурсов тувинского языка отмечено в статье директора НОЦ «Тюркология» М. В. Бавуу-Сюрюн (Бавуу-Сюрюн, 2006). Проблемы и перспективы создания электронного корпуса текстов тувинского языка, принципы морфологической разметки, вопросы создания подкорпусов электронного корпуса текстов тувинского языка рассматривались в работах российских и зарубежных ученых (Хертек, Ооржак 2012; Салчак, Байыр-оол 2013; Tyers, Bayur-ool,

Salchak, Washington, 2016; Washington, Bayyool, Salchak, Tyers, 2016; Салчак, Ондар, Кужугет, 2018). Основные результаты работы представлены на сайте ЭКТЯ <http://www.tuvancorpus.ru/>.

Работа над созданием тувинско-русского и русско-тувинского параллельных подкорпусов ЭКТЯ началась в феврале 2017 г. в рамках выполнения проекта Тувинского государственного университета, поддержанного грантом по проектной части Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ) по теме «Системные изменения в языковой картине тувинцев России и зарубежья: традиции и современность» (руководитель Б. Ч. Ооржак). Работа ведется силами научных сотрудников НОЦ «Тюркология» и студентов Тувинского госуниверситета: М. В. Бавуу-Сюрюн, Б. Ч. Ооржак, В. С. Ондар, А. Я. Салчак, А. Б. Хертек, А. А. Нара-Мандып, Б. О. Нара-Мандып, Б. А. Бавуу-Сюрюн. Основными задачами проекта является анализ системных изменений в языковой картине мира тувинцев России и зарубежья. Системные изменения в грамматике и лексике наблюдались, в том числе, и в параллельных русско-тувинских и тувинско-русских текстах. Поэтому была начата работа по созданию русско-тувинского и тувинско-русского параллельных подкорпусов ЭКТЯ. В работе над созданием русско-тувинского параллельного подкорпуса принимают участие научные сотрудники НОЦ «Тюркология» — авторы данной статьи.

Как известно, *параллельный корпус* — это двуязычный корпус, содержащий текст на языке оригинала и его перевод. Данные параллельных корпусов могут быть полезны при проведении сопоставительных исследований, касающихся теории перевода, межкультурной коммуникации, что подтверждается результатами работ, проведенными на базе параллельных корпусов НКРЯ (Добровольский, Кретов, Шаров, 2005; Андреева, 2006; Добровольский, 2009). В параллельном корпусе НКРЯ представлены 19 языков, из языков России имеются на сегодняшний день башкирский и бурятский параллельный корпусы.

Цель статьи — представление первых итогов работы по созданию русско-тувинского параллельного корпуса. Проанализированы исследования по анализу русско-тувинской переводной литературы, по языковому анализу параллельных текстов на материале тюркских языков Южной Сибири.

Русско-тувинская переводная литература

Существует большой массив параллельных русско-тувинских текстов. Это в основном художественная литература, тексты официально-деловых документов и др. Художественные произведения, переведенные с русского на тувинский язык, имеются в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина Республики Тыва, в архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, в научно-библиографическом отделе с сектором краеведения и редких изданий Тувинского государственного университета.

При подготовке статьи авторами были использованы данные двух библиотек: Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва, научно-библиографического отдела с сектором краеведения и редких изданий Тувинского государственного университета. В их картотеках насчитывается более 700 переводных произведений.

В числе переводных произведений имеются тексты переводов как зарубежных писателей, так и писателей национальных республик Советского Союза, переведенных на тувинский язык с русского языка. Например, А. К. Дойл «Приключения Шерлока Холмса» (А. Денберел), Д. Дефо «Робинзон Крузо» (М. Момбужай), Джек Лондон «Белый клык» (Х.М. Саая), «Любовь к жизни» (М. Б. Сагды), У. Шекспир «Ромео и Джульетта» (С. Пюрбю), Братья Гримм «Белая змея» (А. К. Калзан), Э. Распэ «Приключения барона Мюнхгаузена» (А. Делгер-оол), С. Экзюпери «Маленький принц» (А. А. Даржай), М. Проспер «Маттео фальконе» (Л. Кан-оол), В. Гюго «Гаврош» (С. Сарыг-оол), Г. Х. Андерсен «Кому-то передающая речь» (Б. Монгуш), «Сказки Андерсена» (М. Байыр-оол), Ю. Фучик «Слово перед казнью» (Д. Монгуш), Васамурти «Удивительное путешествие озорника» (К. Ч. Донгак), Р. Гонсалес «Взгляд матери» (С. Серен-оол), Г. Олесь «Черный яр» (М. Хомушку), Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» (С. Миндрия), «Златокудрая девочка. Армянские сказки» (Т. Донгак), С. Айни «Школа» (Д. Кысыгбай), А. Абдулла «Болтливая утка» (К. Доржку), Р. Сейсенбаев «Окончилась суббота» (А. Даржай), М. Магауин «Наш родственник, дядя моих детей» (Ч. Доржу), А. Шынбатыров «Айсауле» (В. Монгуш), М. Карим «Радость нашего дома» (М. Доржу), Ч. Айтматов «Первый учитель» (Б. Л. Ондар), «Судьба Саралы» (В. Б. Монгуш), М. О. Ауэзов «Серый Лютый» (В. Монгуш), Ю. Рытхэу «Благодатное слово» (О. Дарыма), «Эвенкийские сказки» (О. Дарыма), М. Ефимов «Чуткий и меткий» (А. Даржаа), Ц. Дамдинжапов «Мать» (Б. Хөвөңмей), В. Митыпов «Норжима» (Д. Монгуш), Ц.-Д. Хамаев «Сестра» (Э. Кечил-оол), «Сборник стихов и рассказов

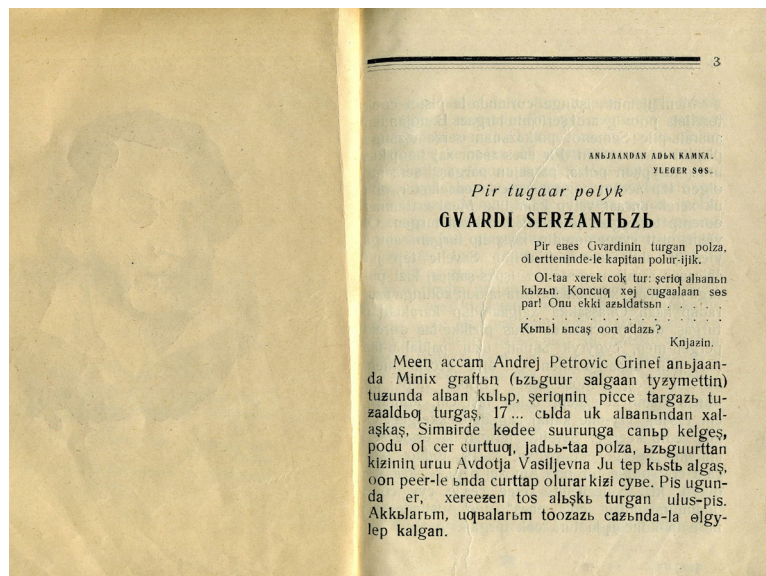
бурятских писателей на тувинском языке» (С. Тамба, Ю. Кюнзегеш, Х. Ойдан-оол, С. Сүрүң-оол, М. Доржу, К. Кудажы, В. Серен-оол, Ч. Серен-оол, Э. Кечил-оол, М. Кенин-Лопсан, В. Монгуш, С. Куулар), К. Телесов «Цветы мигают» (В. Серен-оол), Л. Кильчичаков «Сказка о хитрой лисе» (Ю. Кюнзегеш), Н. Г. Доможапов «В далеком аале» (В. Монгуш, Я. Хертек), Л. Ч. Дамба «Прозрачный Тамир» (К. Д. Аракчаа), Тудэв Л. «За полярной звездой» (Б. Х. Болдур-оол, К.Т. Аракчаа), Удвал С. «Свет» (Г. Б. Санчаа).

Переводная русская литература на тувинском языке, особенности первых переводных произведений тувинской литературы, анализ художественных переводов с русского на тувинский язык были произведены в работах А. К. Калзана, Д. С. Куулара (Калзан, Куулар, 1956), У. А. Донгак (Донгак, 2018) Как отмечает У. А. Донгак, «собственно перевод с русского языка появляется, судя по сохранившимся изданиям, с книжки малого формата в 18 страниц «Учитель Ленин» («Paşkь Lenin», 1931, 5 тысяч экземпляров)» (Донгак, 2018: 30).

Первые художественные произведения, переведенные с русского на тувинский язык, появились в 1937 г. В это время были переведены некоторые стихотворения А. С. Пушкина. Первое прозаическое произведение, переведенное на тувинский язык в 1938 г. — роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Сказка в стихах П. П. Ершова «Конек-Горбунок» была переведена также в 1938 г.

В 1940-е годы переведены на тувинский язык и изданы произведения М. Горького «Макар Чудра» (С. Сарыг-оол), «Сказка об Иване-царевиче и сером волке» (И. Монгуш), «Девушка и смерть» (И. Монгуш), «Детство» (С. Серен), «В Америке» (А. Делгер-оол), У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (С. Пюрбю), В. В. Бианки «Хитрый заяц» (С. Пюрбю), Братьев Гримм «Каша в кувшине» (С. Пюрбю), В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо» (И. Монгуш), А. С. Пушкина «Сказка о попе и о его работнике Балде» (И. Монгуш), М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (О. Саган-оол), Д. Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-охотник», «Медвежонок» (И. Монгуш), В. Л. Василевской «Радуга» (М. Хенче-Кара, А. Дембирел, К. Сат, М. Хомушку); Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (Ю. Кюнзегеш), «Ревизор» (Ш. Сат); Е. Ильиной «Четвертая высота» (К. Кудажы), Е. Кошевой «Повесть о сыне» (С. Сарыг-оол).

В 1950-е годы на тувинский язык переведены произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (О. К. Саган-оол), Е. Кошевой «Повесть о сыне» (С. Сарыг-оол), В. П. Катаева «Сын полка» (С. Сюрюн-оол), Б. Полевого «Мы — советские люди» (С. Сюрюн-оол), Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»

Фото 1–2. Первое прозаическое произведение, переведенное на тувинский язык латиницей в 1938 г., — роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Титул и первый разворот издания. Фото предоставлено сотрудниками сектора книжных памятников Национальной библиотеки им А. С. Пушкина.

Photo 1. The first prose work translated into the Tuvan language (making use of Latin alphabet) in 1938 was the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin.

Photo courtesy of the Book Monuments Sector, A.S. Pushkin National Library of Tuva.

(Ю. Кюнзегеш), М. Горького «Мать» (С. Сарыг-оол), В. П. Катаева «Я, сын трудового народа» (С. Сарыг-оол),

Фото 3–4. Прозаическое произведение, переведенное на тувинский язык в 1949 г. — роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Обложка и первый разворот издания. Фото предоставлено сотрудниками сектора книжных памятников Национальной библиотеки им А. С. Пушкина.

Photo 2. An edition of A. S. Pushkin's "The Captain's Daughter" translated into Tuvan in 1949. Photo courtesy of the Book Monuments Sector, A.S. Pushkin National Library of Tuva.

А. П. Чехова «Человек в футляре» (М. Хомушку), И. С. Тургенева «Певцы» (Ю. Кюнзегеш), Б. С. Житкова «Что бывало» (С. Шойгу), Н. В. Гоголя «Ревизор» (Ш. Сат), М. Горького «Детство» (С. Серен), М. Горького «В людях» (О. Саган-оол) и «В Америке» (А. Делгер-оол), А. П. Гайдара «Школа» (А. Белек-Баир), М. Горького «Мои университеты» (Б. Ондар) и «Дед Архип и Ленька» (М. Монгуш), Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре» (К. Аракчаа), А. Фадеева «Молодая гвардия» (Ю. Аранчын, С. Сюрюн-оол, Б. Ондар, Д. Монгуш), Л. Н. Толстого «Казачьи» (Б. Ондар), М. Шолохова «Судьба человека» (С. Пюрбю).

В 1960-е годы тувинскими переводчиками были переведены и изданы следующие произведения русской литературы: А. П. Чехова «Рассказы» (С. Сарыг-оол), Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» (С. Пюрбю), М. Шолохова «Поднятая целина» (О. Саган-оол, Б. Ондар, С. Пюрбю), Л. Н. Толстого «Детство Никиты» (С. Пюрбю), Э. Г. Казакевич «Синяя тетрадь» (Д. Куулар), М. Горького «Дело Артамонова» (С. Пюрбю), Н. В. Гоголя «Повести» (Б. Л. Ондар), Л. Н. Толстого «Холстомер» (Д. О. Кысыгбай).

В 1970-е годы тувинскими переводчиками была осуществлена работа по переводу произведений И. С. Тургенева «Накануне» (Е. Танова), Е. Ильиной «Четвертая высота» (К. К. Кудажи), С. Болдырева «Повесть о Георгии Димитрове» (К. Диича, С. Паву), М. Горького «Свидание» (В. Монгуш), А. С. Грибоедова «Горе от ума» (А. А. Даржай), А. Калинина «Эхо войны. Возврата нет» (В. Серен-оол), В. Липатова «Деревенский детектив» (А. Даржай), А. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (Х. Ойдан-оол, М. Смирнова, К. Сат, С. Куулар), А. Калинина «Эхо войны» (К. К. Сат, В. С. Серен-оол), В. Астафьева «Пастух и пастушка» (А. Делгер-оол).

В 1980-е гг. переведены на тувинский язык произведения Б. Васильева «А зори здесь тихие» (О. К. Намчылак), В. Л. Василевской «Радуга» (М. Хенче-Кара, А. Дембирел, К. Сат, М. Хомушку), У. Федора

«Человек среди людей» (С. Паву), А. С. Пушкина «Избранные произведения» (О. Саган-оол, Д. Монгуш, Ш. Сат, М. Хомушку).

В 1990-е и 2000-е годы наблюдается спад переводческой деятельности. Из переведенных с русского на тувинский язык произведений можно отметить сборник стихов и поэм С. Козловой в переводе А. Д. Даржаа; «Сказки народов мира» Г. Андерсена «Снежная королева» (Ш. Даржай), «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (А. Даржай); «Священная Библия» (Н. Куулар, М. А. Кужугет, Э. Б. Мижит).

Принципы разработки русско-тувинского параллельного корпуса тувинского языка

При создании русско-тувинского параллельного подкорпуса на первом этапе был составлен список произведений русских писателей, переведенных на тувинский язык. Списки произведений были составлены из картотек Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина, научно-библиографического отдела с сектором краеведения и редких изданий Тувинского государственного университета. В картотеке отдела краеведения Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина имеется 380 наименований русско-тувинских переводных произведений, включающая переведенные с русского языка произведения зарубежных и советских писателей, из которых 203 отсканированы отделом оцифровки.

В отделе книжных памятников Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина представлены первые переводные художественные произведения, в том числе, написанные на латинской графике в количестве 16 единиц.

На данный момент список русско-тувинской переводной литературы параллельного корпуса включает 110 наименований, в состав которого входят также произведения зарубежных и советских писателей. Это составляет около 15% от имеющихся в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина и библиотеке Тувинского госуниверситета переводных произведений.

Из данного списка были отобраны произведения русской литературы для первоочередного включения в русско-тувинский параллельный подкорпус и дальнейшего анализа системных изменений.

В состав русско-тувинского параллельного корпуса были включены следующие произведения:

- Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени» (2006 г., 185 с.) — «Бистиң уениң маадыры» (перевод О. Саган-оола, 1950 г., 138 с.);
- Шолохов М. А. «Поднятая целина» (1977 г., 557 с.) — «Андарган кур чер» (первый перевод О. Саган-оола, 1950 г., 411 с., второй перевод — Б. Ондара и С. Пюрбю, 1963 г., 444 с.);
- Катаев В. П. «Я, сын трудового народа» (1987 г., 197 с.) — «Мен — ажылчын чоннуң оглу мен» (перевод С. Сарыг-оола, 1952 г., 130 с.);
- Чехов А. П. «Человек в футляре» (1977 г., 54 с.) — «Хапта кижии» (перевод М. Хомушку, 1953 г., 50 с.);
- Фадеев А. «Молодая гвардия» (1987 г., 646 с.) — «Аныяк гвардия» (перевод Ю. Аранчына, С. Сюрюн-оола, Б. Ондара, Д. Монгуша, 1955 г., 405 с.);
- Горький М. «Свидание» (1988 г., 367 с.) — «Болчаг» (перевод В. Монгуша, 1974 г., 236 с.);
- Васильев Б. «А зори здесь тихие» (1990 г., 141 с.) — «А даң хаязы мында шыпшың» (перевод К. Намчылака, 1980 г., 140 с.);
- Ильина Е. «Четвертая высота» (1946 г., 200 с.) — «Дөрткү бедик» (перевод К. Кудажы, 1988 г., 328 с.).

На 2019 г. объем собранного русско-тувинского корпуса составляет 7 631 813 словоупотреблений. Работа по созданию русско-тувинского параллельного корпуса продолжается. На данный момент¹ осуществляется паспортизация, перевод в электронный формат, выравнивание текстов, языковой анализ только указанных произведений.

¹ Данные на 1 декабря 2019 года.

Паспортизация

Паспортизация включает сведения об авторе, о названии произведения, годе выпуска, жанре произведения, количестве страниц, переводчике, названии произведения на тувинском языке, годе выпуска перевода произведения, названии издательства.

Пример паспортизации представлен в таблице 1.

Таблица 1. Паспортизация параллельных текстов

Table 1. Certification of parallel texts

Название произведения	Год	Количество страниц	Стиль	Жанр	Название произведения на тувинском языке	ФИО переводчика	Год издания	Название издательства	Количество страниц
Николай Васильевич Гоголь									
Тарас Бульба	1948	154	Литературно-художественный	Повесть	Тарас Бульба	Ю. Кюнзегеш	1952	Кызыл: Тув. кн. изд-во	147
Лермонтов Михаил Юрьевич									
Герой нашего времени	1947	160	Литературно-художественный	Роман	Бистиң уенин маадыры	О. Саган-оол	1950	Кызыл: Тув. кн. изд-во	138

Выравнивание текстов

Из имеющихся на данный момент текстов в электронном виде составляется база параллельных текстов в формате Excel для дальнейшего анализа, обработки, создания разметки и программ поиска. Тексты выровнены на уровне предложений.

Пример базы представлен в таблице 2.

Таблица 2. Выравнивание русско-тувинских параллельных текстов

Table 2. Aligning parallel texts in Tuvan and Russian

Название главы	Номер страницы	Номер предложения	Предложение на русском языке	Эгеиң ады	Арын дугаары	Домак дугаары	Перевод предложения О. Саган-оола
Глава I	3	1	В конце января, овейные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады.	Бирги эге	3	1	Январьниң төнчүзүндө, баштайгы чылыгга алыскан вишнялыг садтар кончуг-ла эки чыталыр.
Глава I	3	2	В полдень где-нибудь в затишке (если пригревает солнце) грустный, чуть внятный запах вишневой коры поднимается с пресной сыростью талого снега, с могучим и древним духом проглянувшей из-под снега, из-под мертвой листвы земли.	Бирги эге	3	2	Дал-дүште кайы-бир ыжык черге (бир эвес хүн дээп турар болза) вишня картының уян, дөңгүп билдинер чыды дээрге, шылбыртың харның чаагай шыгы-биле, хар адаандан, өлүг бүрүлөрниң адаандан бакылап келген чыдар черниң күчүлүг болгаш буруңгу чыды-биле холужуп көдүрлүп турар.

Глава I	3	3	Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над садами до голубых потемок, до поры, пока не просунется сквозь голызины ветвей крытый прозеленью рог месяца, пока не кинут на снег жирующие зайцы опушенных крапин следов...	Бирги эге	3	3	Караңгы дүн дүшкүже, куу ногаан-биле шыптынып алган ай мыйысталы берген, буддуктарның ходургуларын өтүр көстүп келгиче, одарлаан койгуннар бөкпек истерин харга баскыже чедир хөй-янзы чаагай чыт садтар кырында туруштуу-биле туттунуп турар...
---------	---	---	---	-----------	---	---	--

Анализ параллельных текстов

В исследованиях А. В. Байыр-оол, Е. В. Тюнтешевой (Байыр-оол, Тюнтешева, 2016), А. А. Озоновой, Е. В. Тюнтешевой (Озонава, Тюнтешева 2017), М. Д. Чертыковой, В. Я. Фета (Чертыкова, Фет, 2018), А. Н. Майзиной (Майзина, 2018), А. А. Озоновой, Е. В. Тюнтешевой, Н. Н. Фединой (Озонава, Тюнтешева, Федина, 2019) проведен анализ проблем перевода языковых средств в параллельных текстах на материале тюркских языков Южной Сибири.

Сравнительный анализ русско-тувинских параллельных текстов позволяет определить степень эквивалентности и неэквивалентности перевода; выявить трудности передачи лексики, содержащей национально-культурный компонент (слова-реалии); рассмотреть лексико-семантические и стилистические трансформации при переводе, способы перевода.

Для анализа были привлечены параллельные русско-тувинские тексты М. Шолохова «Поднятая целина», М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Б. Васильева «А зори здесь тихие», А. Фадеева «Молодая гвардия».

Данные произведения были отобраны по нескольким причинам.

Во-первых, по проблемно-тематическому принципу:

- общественная ситуация 30–40-х годов XIX века (М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»);
- коллективизация сельского хозяйства (М. Шолохов «Поднятая целина»);
- события во время Великой Отечественной войны (Б. Васильев «А зори здесь тихие», А. Фадеев «Молодая гвардия»).

Во-вторых, по языковым особенностям. Так, язык романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» классический; для языка романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» характерно наличие диалектной лексики, отражающей особенности быта, культуры, хозяйственной деятельности донского казачества; слов, имеющих экспрессивно-стилистическую окраску; фразеологических оборотов, пословиц, жаргонов, просторечий, характеризующих речевой портрет героев романа, отношение к людям, событиям.

В-третьих, по объемам. Произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Б. Васильева «А зори здесь тихие» небольшие по своему объему; романы М. Шолохова «Поднятая целина», А. Фадеева «Молодая гвардия» относительно большие.

Первоочередными задачами лингвистического анализа параллельных русско-тувинских текстов явились:

- выявление и анализ этнокультурных реалий, анализ способов перевода данных единиц на тувинский язык;
- анализ способов перевода слов разных тематических групп; эмоционально-оценочной лексики, формул речевого этикета.

В результате анализа выровненных параллельных текстов на материале романа М. Шолохова «Поднятая целина» и двух его тувинских переводов, осуществленных О. Саган-оолом, Б. Ондаром и С. Пюрбю, например, выявлены лексические единицы, обозначающие названия пищи. Пища является основным элементом материальной культуры народа, отражающим особенности хозяйственной деятельности, уклада жизни, географических условий проживания носителей языка. Лексические единицы были разделены на шесть тематических групп (наименования жидких овощных блюд;

наименования жидких блюд из муки; наименования блюд из мяса; наименования крупяных блюд; наименования мучных блюд; наименования молочной пищи). Описаны проблемы перевода лексических единиц, обозначающих названия пищи.

Так, например, при переводе фразеологизма «хлеб-соль», являющегося символом гостеприимства русского народа, О. Саган-оол заменил словосочетанием *аяк-шай* (*аяк* — ‘чаша’, *шай* — ‘чай’), так как у тувинцев признаком гостеприимства является *чай* — ‘шай’ (Шараева, Айыжы, 2019). При переводе слов *блины* — ‘тонкая лепешка из кислого жидкого теста, испеченная на сковороде, на жару’, *оладьи* — ‘толстая лепешка из пшеничной муки, изжаренная на сковороде’, не имеющих соответствий в тувинском языке, переводчики подобрали слово *боова* — ‘пова, пресная лепешка, жаренная в масле’, не совсем точно передающее значения лексем блины, оладьи. Слово *вареники* — ‘род маленьких пирожков из пресного теста, начиненных творогом, ягодами, употр. в вареном виде’ Б. Ондаром, С. Пюрбю переведено лексемой *хуужуур* как «пирожок», что не совсем соответствует слову *вареники*. При переводе слов *щи* — ‘жидкое кушанье, род супа из капусты или щавеля, шпината’, *борщ* — ‘суп со свеклой и другими овощами’, не имеющих аналогов в тувинском языке, О. Саган-оол их заменил словом *мун* — ‘бульон, суп’. Для лексемы *сметана* — ‘молочный продукт из кислых сливок’ Б. Ондар, С. Пюрбю подобрали слово *өреме* — ‘сливки, пенки’ (с кипяченого молока) (Ондар, 2019: 383).

Языковой анализ перевода слов-реалий в главе «Бэла» романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в переводе О. Саган-оола показал, что слова-реалии переводятся, в основном, способом транслитерации. Но, помимо этого, используется также и способ перевода через вариантное соответствие (аналог). Данный способ использован при переводе слов:

- *чадра* — ‘легкое покрывало, закрывающее голову и лицо женщины и спускающееся по плечам вниз’ через тув. *думаалай* — ‘свадебное головное покрывало (у невесты)’ и тув. *бүдээлге* — ‘летний головной убор из сукна (для защиты от дождя)’;
- *калым* — ‘обычай платить выкуп за невесту её родителям’ через тув. *суй-белек* — ‘свадебный (дорогой) подарок; дар; награда’;
- *Коран* — ‘священная книга мусульман’ через тув. *шажын ному* — ‘духовная книга’;
- *Аллах* — ‘Бог, творец всего сущего в исламе’ через тув. *Бурган* — ‘бог; божество’.

В переводах некоторых слов не раскрывается полное лексическое значение данных слов (этнокультурных реалий)¹. Например, *джигитовка* — ‘разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади’ переведено через тув. *аът чарыштырар* — ‘конные скачки, состязание’; *буза* — ‘хмельной напиток, изготовлявшийся из проса, гречихи, ячменя’ тув. *арага* — ‘спиртосодержащий алкогольный напиток’.

Заключение

Создание параллельного русско-тувинского корпуса текстов проводится только в рамках проекта Госзадания НОЦ «Туркология» Тувинского государственного университета. В этой работе задействован небольшой штат сотрудников Центра. Этим объясняется небольшой объем представленных параллельных русско-тувинских текстов. На данном этапе продолжается работа по пополнению корпуса русско-тувинской переводной литературы.

В создаваемом корпусе представлены большей частью художественные произведения, имеется небольшой массив текстов официально-деловых документов и поэтических текстов. Необходим сбалансированный по составу корпус. Техническая работа по переводу в цифровой формат, выравниванию и редактированию текстов занимает много времени и сил. Первые переводные произведения находятся в фондах редких книг библиотек, многие из них имеются в единственном экземпляре. Некоторые переводные тексты приходится переводить в цифровой формат вручную. Выравнивание имеющихся в цифровом формате параллельных текстов на сегодняшний день осуществляется в программе Excel вручную. Несмотря на существующие трудности, работа по созданию корпуса параллельных текстов продолжается. Корпус параллельных текстов существует на данный момент только в локальной версии. Идет работа по созданию автоматических программ поиска.

¹ Проблема русско-тувинских переводов терминов, например, растений проанализирована в работе М. В. Бавуу-Сюрюн, Н. Н. Ширококовой, А. М. Самдан (Бавуу-Сюрюн, Широкова, Самдан, 2018).

Осуществляется работа по анализу языковых особенностей перевода некоторых произведений корпуса (М. Шолохов «Поднятая целина», М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», Н. Островский «Как закалялась сталь», А. Фадеев «Молодая гвардия», Б. Васильев «А зори здесь тихие»).

Продолжается работа над лингвистическим анализом параллельных русско-тувинских текстов:

— выявляются национально-культурные реалии, анализируются способы перевода реалий на тувинский язык;

— анализируются способы перевода слов разных тематических групп; эмоционально-оценочной лексики, формул речевого этикета.

Таким образом, в статье представлены первые предварительные итоги создания русско-тувинского параллельного корпуса в 2017–2019 гг. В дальнейшем предстоит большая работа по пополнению корпуса, выравниванию текстов, созданию программ поиска. На сегодняшний день в корпусе представлены в основном художественные произведения и тексты официально-деловых документов. Необходимо пополнение корпуса текстами разных жанров и стилей. По плану проектной части Государственного задания Министерства образования и науки РФ проанализированы системные изменения в лексике на примере параллельных текстов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору научной библиотеки Тувинского государственного университета Ирине Витальевне Подик, заведующему отделом национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РТ Елене Михайловне Ак-Кыс, заведующему сектором книжных памятников Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РТ Сайзане Викторовне Сат за предоставленную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, Е. Г. (2006) Анализ переводческих соответствий на материале параллельного корпуса текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006» / отв. ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : РГГУ. С. 26–30. 644 с.

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2006) Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (дата обращения: 09.11.2019).

Бавуу-Сюрюн, М. В., Широбокова, Н. Н., Самдан, А. М. (2018) Названия лекарственных растений Тувы в словарях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/805> (дата обращения: 10.12.2019). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.2>

Байыр-оол, А. В., Озонова, А. А. (2016) Переводы русской литературы на алтайский и тувинский языки (конец XIX — начало XXI в.) // Книга: Сибирь – Евразия. Труды I Международного конгресса ГПНТБ СО РАН / отв. ред. И. В. Лизунова / в 3 т. Новосибирск : Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук Т. 2. 398 с. С. 239–246.

Байыр-оол, А. В., Тюттешева, Е. В. (2016) Лексические средства, использованные в алтайском и тувинском переводах романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1 (30). Новосибирск : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. 128 с. С. 76–83.

Добровольский, Д. О. (2009) Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб. : Нестор-История. 502 с. С. 383–401.

Добровольский, Д. О., Кретов, А. А., Шаров, С. А. (2005) Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка. Результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. М. : Индрик. 344 с. С. 263–296.

Донгак, У. А. (2018) Особенности первых переводных произведений тувинской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (85). Ч. 1. С. 29–33.

Калзан, А. К., Куулар, Д. С. (1956) О художественных переводах с русского на тувинский язык // Ученые записки. Вып. IV. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 118–142.

Майзина, А. Н. (2018) О двух переводах «Сказки о военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» А. Гайдара на алтайский язык // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной творчеству известного алтайского писателя и переводчика Паслея Самыка / отв. ред. М. С. Дедина. Горно-Алтайск: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 376 с. С. 198–210.

Озонова, А. А., Тюттешева, Е. В. (2017) Лексические и грамматические особенности алтайских переводов повести А. П. Чехова «Палата № 6» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 16. № 9. С. 121–136.

Озонова, А. А., Тюттешева, Е. В., Федина, Н. Н. (2019) Языковые особенности перевода текста «Евангелия от Матфея» 1910 г. на алтайский язык // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (26). С. 85–92. DOI: 10.25693/SVG.2019.01.26.011

Ондар, В. С. (2019) Особенности перевода названий пищи с русского языка на тувинский язык (на материале оригинала и перевода романа М. А. Шолохова «Поднятая целина») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том. 12. Вып. 9. С. 379–383.

Салчак, А. Я., Байыр-оол, А. В. (2013) Электронный корпус тувинского языка: состояние, проблемы // Мир науки, культуры, образования. № 6 (43). С. 408–409.

Салчак, А. Я., Ондар, В. С., Кужугет, Ш. Ю. (2018) Создание электронных корпусов тувинского языка // Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия: сборник научных статей / отв. ред. Н. И. Данилова., Н. И. Попова., Е. М. Самсонова. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. 282 с. С. 130–133.

Хертек, А. Б., Ооржак, Б. Ч. (2012) О морфологической разметке электронного корпуса текстов тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18). Ч. II. С. 214–218.

Чертыкова, М. Д., Фет, В. Я. (2018) «Приключения Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла на хакасском языке: лексико-семантические особенности перевода // Родной язык: лингвистический журнал. № 1 (8). С. 85–108.

Шараева Т. И., Айыжы Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/890> (дата обращения: 10.12.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.4.12

Tyers, F., Bayyr-ool, A., Salchak, A., Washington, J. (2016) A finite-state morphological analyser for Tuvan // Proceedings of the Tenth conference on International Language Resources and Evaluation (LREC'16) Editors: N. Calzolari (Conference Chair) et al. Portorož: European Language Resources Association. 4693 p. P. 2562-2567.

Washington, J. N., Bayyroot, A., Salchak, A., Tyers, F. M. (2016) Development of a finite-state model for morphological processing of Tuvan // Родной язык: лингвистический журнал. № 1 (4). С. 156–187.

Дата поступления: 11.12.2019 г.

REFERENCES

Andreeva, E. G. (2006) Analiz perevodcheskikh sootvetstviy na materiale parallel'nogo korpusa tekstov [Analysis of translation correspondences: the case of a parallel corpus of texts]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational linguistics and intellectual technologies]*. Proceedings of the international conference "Dialog 2006" / ed. by N. I. Laufer, A. S. Narignani and V. P. Selegei. Moscow, RGGU. 644 p. Pp. 26–30. (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V. (2006) Voprosy sozdaniya ehlektronnykh resursov tuvinskogo yazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy [Issues of creating electronic resources of the Tuvan language: some results, urgent tasks and prospects]. *The New Research of Tuva*, no. 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (access date: 09.11.2019). (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V., Shirobokova, N. N. and Samdan A. M. (2018) The Nomenclature of Medicinal Plants of Tuva in Dictionaries. *The New Research of Tuva*, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/805> (accessed: 10.12.2019). (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.2>

Bajyr-ool, A. V. and Ozonova, A. A. (2016) Perevody russkoi literatury na altajskii i tuvinskii yazyki (konets XIX — nachalo XXI v.) [Translations of Russian literature into Altai and Tuvan languages (late 19th — early 21st centuries)]. In: *Kniga: Sibir' – Evraziya [Book: Siberia — Eurasia]*. Proceedings of the 1st International

Congress of SPSL SB RAS / ed. by V. Lizunova. In 4 vol. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 2. 398 p. Pp. 239–246. (In Russ.).

Bajyr-ool, A. V. and Tyuntesheva E. V. (2016) Leksicheskie sredstva, ispol'zovannye v altaiskom i tuvinskom perevodakh romana M. A. Sholokhova «Podnyataya tselina» [Lexical means used in Altai and Tuvan translations of the novel “Virgin Soil Upturned” by M. A. Sholokhov]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]*, no. 1 (30). Novosibirsk, Federal'noe gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut filologii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. 128 p. Pp. 76–83. (In Russ.).

Dobrovol'skii, D. O. (2009) Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoi leksiki [A corpus of parallel texts in the study of culturally specific vocabulary]. In: *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy [National Corpus of the Russian Language: 2006-2008. Results and Prospects]* / ed. by V. A. Plungyan. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 502 p. Pp. 383–401. (In Russ.).

Dobrovol'skii, D. O., Kretov, A. A. and Sharov, S. A. (2005) Korpus parallel'nykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya [A Corpus of Parallel Texts: Architecture and Usability]. In: *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. Rezul'taty i perspektivy [National corpus of the Russian language. Results and Prospects]* / ed. by V. A. Plungyan. Moscow, Indrik. 344 p. Pp. 263–296. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2018) Osobennosti pervykh perevodnykh proizvedenii tuvinskoj literatury [Features of the first translated works in Tuvan literature]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 7 (85), part 1, Pp. 29–33. (In Russ.). DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.6

Kalzan, A. K. and Kuular, D. S. (1956) O khudozhestvennykh perevodakh s russkogo na tuvinskii yazyk [On the literary translations from Russian into Tuvan]. In: *Uchenye zapiski*. Vol. IV. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Pp. 118–142. (In Russ.).

Mayzina, A. N. (2018) O dvukh perevodakh «Skazki o voennoi taine, Mal'chishe–Kibal'chishe i ego tverdom slove» A. Gaidara na altaiskii iazyk [On two translations of «A tale of a war secret, Malchish-Kibalchish and his word of honour» by A. Gaidar into Altai language]. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi tvorchestvu izvestnogo altaiskogo pisatel'ia i perevodchika Pasleya Samyka [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the work of the famous Altai writer and translator Pasley Samyk]* / ed. by M. S. Dedina. Gorno-Altaysk, Budget Scientific Institution of the Republic of Altai «Research Institute named after S. S. Surazakova». 376 p. Pp. 198–210. (In Russ.).

Ozonova, A. A. and Tyuntesheva, E. V. (2017) Leksicheskie i grammaticheskie osobennosti altaiskikh perevodov povesti A. P. Chekhova «Palata № 6» [Lexical and grammatical features of Altai translations of A. P. Chekhov's «Ward No. 6»]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 9, pp. 121–136. (In Russ.).

Ozonova, A. A., Tyuntesheva, E. V. and Fedina, N. N. (2019) Iazykovye osobennosti perevoda teksta «Evangeliiia ot Matfeia» 1910 g. na altaiskii iazyk [Language features of the translation of the text of the Gospel of St. Matthew into the Altai language (1910)]. *North-Eastern Journal of Humanities*, no. 1 (26), pp. 85–92. (In Russ.). DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.011

Ondar, V. S. (2019) Osobennosti perevoda nazvanii pishchi s russkogo yazyka na tuvinskii yazyk (na materiale originala i perevoda romana M. A. Sholokhova «Podnyataya tselina») [Translation of food-related vocabulary from Russian into Tuvan (based on the original and translation of the novel «Virgin Soil Upturned» by M. A. Sholokhov)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (85), vol. 12, issue 9, pp. 379–383. (In Russ.).

Salchak, A. Ya. and Bajyr-ool, A. V. (2013) Elektronnyi korpus tuvinskogo yazyka: sostoyanie, problemy [The electronic corpus of the Tuvan language: its current state and problems]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (43), pp. 408–409. (In Russ.).

Salchak, A. Ya., Ondar, V. S. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2018) Sozdanie ehlektronnykh korpusov tuvinskogo yazyka [Setting up electronic corpora of the Tuvan language]. In: *Evdokiya Innokent'evna Korkina: biografika i interpretatsiya nauchnogo i tvorcheskogo naslediya: sbornik nauchnykh statei [Evdokia Innokentyevna Korkina: biography and interpretation of research and creative heritage: a collection of articles]* / ed. by N. I. Danilova, N. I. Popova, and E. M. Samsonova. Yakutsk, Institut gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya RAN. 282 p. Pp. 130–133. (In Russ.).

Hertek, A. B. and Oorzhak, B. Ch. (2012) O morfologicheskoi razmetke elektronnoogo korpusa tekstov tuvinskogo yazyka [On Tuvan language texts electronic corpus morphological marking]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 7 (18), part II, pp. 214–218. (In Russ.).

Chertykova, M. D. and Fet, V. Ya. (2018) Priklucheniia Alisy v strane chudes» L. Kerrolla na khakasskom iazyke: leksiko-semanticheskie osobennosti perevoda [Alice's Adventures in Wonderland in Khakas: Lexico-semantic features of the translation]. *Rodnoy Yazyk*, no. 1 (8), pp. 85–108. (In Russ.).

Sharaeva T. I. and Aiyzhy E. V. (2019) Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/890> (access date: 10.12.2019). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.12

Tyers, F., Bayyr-ool, A., Salchak, A. and Washington, J. (2016) A finite-state morphological analyser for Tuvan. In: *Proceedings of the Tenth conference on International Language Resources and Evaluation (LREC'16)*. Editors: N. Calzolari (Conference Chair) et al. Portorož, European Language Resources Association. 4693 p. Pp. 2562–2567.

Tyers, F., Bayyr-ool, A., Salchak, A. and Washington, J. (2016) Development of a finite-state model for morphological processing of Tuvan. *Rodnoy Yazyk*, no. 1 (4), pp. 156–187.

Submission date: 11.12.2019 z.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.7

Способы образования простых личных имен тувинцев*

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены наиболее распространенные способы образования простых личных имен (антропонимов) в тувинском языке.

Материалом исследования послужили более 500 личных имен, собранных автором в 2019 г. во время лингвистических экспедиций к тувинцам Монголии (сумы Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака и Буянт Ховдского аймаков) и по ряду районов Тувы: Монгун-Тайгинскому, Овюрскому, Бай-Тайгинскому, Барун-Хемчикскому, Дзун-Хемчикскому. Анализировался также архив личных имен, собранных автором в экспедициях за 20 лет.

Имена подразделяются на простые непрямые и простые производные. Первые образованы лексико-семантическим способом словообразования; от нарицательных слов из различных семантических групп лексики. Вторые (большая часть) — морфологическим способом: с помощью добавления различных аффиксов по соответствующим моделям (выявлено более 15 моделей).

Ключевые слова: ономастика; тувинский язык; Тува; личное имя; лексико-семантический способ; морфологический способ; аффикс; антропоформант

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Способы образования простых личных имен тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/911> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.7

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Педагогическая, д. 13. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

Suvandii Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Faculty of Philology, Tuvan State University. Postal address: 13 Pedagogicheskaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

Methods of formation of simple personal names in Tuvan*

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an overview of the most widespread methods of forming simple personal names, or anthroponyms, in Tuvan language.

The sources for the study were over 500 personal names collected by the author in 2019 in the course of linguistic expedition to Mongolian Tuvans (sum Tsengel, Bayan Ölgii aimag, and sum Buyant, Khovd aimag), as well as in several rayons of Tuva: Mongun-Taigin, Ovyur, Bay-Tangin, Barun-Khemchik and Dzun-Khemchik. The author also used entries on personal names from the archives of her expeditions for the previous twenty years.

Personal names have been found to fall into two groups: simple productive and simple non-productive. The latter were formed by the lexico-semantic method from common nouns belonging to a variety of semantic groups. The former much larger, group was formed morphologically, by adding to the stem one of the plethora of affixes in accordance to a particular model, 15 of which have been identified.

Keywords: *onomastics; Tuvan language; Tuva; personal name; lexico-semantic method; morphological method; affix; anthropofomant*

**The article was written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 19-012-00073 "Transformational processes in Central Asian onomastics: history and contemporary state: the cases of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia".*

For citation:

Suvandii N. D. Methods of formation of simple personal names in Tuvan. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/911>(access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.7

Введение

Собственное имя — это слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект. К собственным именам относятся антропонимы — собственные имена людей, топонимы — собственные наименования географических объектов, теонимы — собственные имена божеств, зоонимы — собственные имена или клички животных и т. д. (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 473).

В данной статье рассматриваются основные способы образования простых личных имен в тувинском языке, которые ранее отдельным объектом специального научного исследования не являлись. Работа продолжает наши исследования по проблемам тувинской антропонимии, которыми мы занимаемся с конца 1990-х гг. (Сувандии, 2011). Также простые личные имена в тувинском языке рассматривались ранее (Чадамба, 1993: 98; Сувандии, 2011: 40–50), однако, непосредственно тема способов еще не раскрывалась.

Источниковую базу исследования составили собственные имена — более 500 личных имен, собранные нами во время комплексной экспедиции 2019 г. при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по проекту «Трансформационные процессы ономастики народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)» (№ 19-012-00073, 2019) в Ховдский, Баян-Ульгийский аймаки Западной Монголии, а также в западные районы Республики Тыва. Также анализ включал и данные из нашего архива, собранного в целом за последние 20 лет в экспедициях.

Из истории изучения антропонимии тувинского языка

Основу изучения ономастики (раздела языкознания, изучающего любые собственные имена) тувинского языка составили работы первых исследователей тувинского языка еще во второй половине XIX столетия в работах Н. Ф. Катанова (Катанов, 1903, 2011), С. Е. Малова (Малов, 1951), И. В. Кормушина (Кормушин, 1997) и др.,

С 60-х гг. XX столетия специальными научными исследованиями по вопросам ономастики стали заниматься и ученые-тувиноведы.

Исследованию антропонимов посвящены работы таких ученых, как З. Б. Чадамба (Чадамба, 1979, 1993), где автор дает списки личных имен, частичное описание их структуры и мнение о происхождении, С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1969, 1989), в которой описаны личные имена, прозвища, обычаи и традиции наречения именем, а также некоторые вопросы иноязычных имен. Д. А. Монгуш в одной из своих работ остановился на сокращенных формах личных имен в художественной литературе (Монгуш, 1973). О заимствованных личных именах монгольско-тибетского происхождения писали К. А. Бичелдей (Бичелдей, 1993) и Р. Д. Лудуп (Лудуп, 1996). В наших работах также описаны основные лексико-семантические группы, структурные типы, происхождение, динамика употребления личных имен конца 1990-х — начала 2000-х годов (Сувандии, 2009, 2011, 2013, 2019ab).

В тувинской антропонимии вопросы образования личных имен являются одним из мало изученных и актуальных проблем. Автором данной статьи изучено образование сложных имен в тувинском языке (Сувандии, 2019b), в основном синтаксическим способом словообразования. На этот раз мы рассмотрим образование простых личных имен.

Лексико-семантический способ образования собственных имен

Простые непроизводные антропонимы образованы лексико-семантическим способом словообразования. По мнению В. В. Виноградова, «...лексико-семантический — это способ формирования онимов путем распада одного слова на два» (Виноградов, 1975: 156). Как пишет В. Н. Немченко, «при лексико-семантическом способе словообразования новые слова возникают в результате изменения лексических значений существующих в языке слов при сохранении их материальной структуры, звукового состава. Основным (и единственным) словообразовательным средством при данном способе является изменение лексического значения слова» (Немченко, 1984: 117). Е. И. Диброва и др. отмечают, что «лексико-семантический неморфологический способ — это образование нового слова в результате изменения значения уже существующей в языке лексической единицы (Диброва и др., 2008: 445).

В тувинской ономастике немало собственных имен — антропонимов, топонимов, зоонимов, образованных от нарицательной лексики. Известный классик российской и советской ономастики А. В. Суперанская отметила в своей работе, что непроизводные собственные имена существуют «без специальных ономастических формантов, топонимизацией аппелятива ...» (Суперанская, 1969: 93), поэтому они образованы из нарицательных слов без формантов.

З. Б. Чадамба — один из первых ученых, которая стала заниматься исследованием личных имен тувинского языка, в своей работе пишет, что «... традиция образовывать личные имена от нарицательных сохранилась у тувинцев по сей день и является наиболее распространенным способом имяобразования» (Чадамба, 1993: 98).

Непроизводные собственные имена, в первую очередь, образованы от имен существительных и прилагательных, притом различных лексико-семантических групп:

1. от названий домашних и диких животных, птиц и насекомых: *Адыг*, *Адыг-оол* /м/ — от *адыг* — ‘медведь’, *Анай-кыс*, *Анай* /ж/, *Анай-оол* /м/ — от *анай* — ‘козленок’, *Буга* /м/ — от *буга* — ‘бык’, *Хураган* /м, ж/ — от *хураган* — ‘ягненок’, *Булана* ~ *Булаана* /ж/ — от *булан* — ‘самка лося, лосиха’, *Ангыр* /м, ж/ — от *ангыр* ~ *аңгыр* — ‘турпан’, *Ары* /м/ — от *ары* — ‘пчела’ и др. Особенностью описанной группы отмечается наличие «общих», относящихся как к мужским, так и женским, имен;

2. от названий растительности: *Агы* /ж/ — от *агы* — ‘полынь’, *Артыш* /м/ — от *артыш* — ‘можжевельник’, *Мочурга* /ж/ — от *мочурга* — ‘сережка тополя’, *Чечек* /ж/ — от *чечек* — ‘цветок’, *Чимис* /м, ж/ — от *чимис* — ‘плод, фрукт’, *Чингис* /м, ж/ — от *чингис* — ‘мох’, *Чочагай* /ж/ — от *чочагай* — ‘шишка’ и т. п. Личные имена данной группы отличаются от других тем, что большая часть собранных антропонимов относятся к женским;

3. от нарицательных имен существительных, характеризующих внешние особенности носителя имени: *Орлан /м/* — от *орлан* — ‘бойкий, живой’, *Эрес /м/* — от *эрес* — ‘храбрый’, *Мерген /м/* — от *мерген* — ‘мудрый’, *Омак /м/* — от *омак* — ‘веселый, бодрый, живой’, *Сергек /м/* — от *сергек* — ‘бодрый, живой’ и т. д. В данной группе имен зафиксированы только мужские личные имена, что указывает на характерную ее особенность;

4. от нарицательных имен, отражающих цветовые характеристики денотата: *Кызыл /м/* — от *кызыл* — ‘красный’ (ребенок при рождении был очень красным), *Хүрең /ж/* — от *хүрең* — ‘коричневый’ (новорожденный со смуглой кожей), *Кара /м, ж/* — от *кара* — ‘черный’ (ребенок с темной кожей) и др. В отличие от предыдущих, в данной группе производные личные имена встречаются редко;

5. от нарицательных имен, обозначающих названия природных явлений: *Сылдыс /м, ж/* — от *сылдыс* — ‘звезда’, *Шолбан /м, ж/* — от *шолбан* — ‘яркая звезда’, *Чайынды /ж/* — от *чайынды* — ‘наледь’, *Чаңнык /м/* — от *чаңнык* — ‘молния’, *Челээш /ж/* — от *челээш* — ‘радуга’, *Үгер /ж/* — от *үгер* — ‘Плеяды’, *Солаңгы /ж/* — от *солаңгы* — ‘заревое’, *Меңги /м, ж/* — от *меңги* — ‘ледник, вечный снег’ и т. п.;

6. от нарицательных имен, указывающих на национально-бытовые принадлежности этноса: *Деспи /м/* — от *деспи* — ‘корыто’, *Савааш /ж/* — от *савааш* — ‘шерстобитный прут, смычок’, *Саадак /м/* — от *саадак* — ‘колчан; охотничья сумка’, *Сыдым /м/* — от *сыдым* — ‘кожаный аркан’, *Шүүче /м/* — от *шүүче* — ‘стамеска’ и др.;

7. от нарицательных имен, обозначающих названия национальных украшений: *Билзек /ж/* — от *билзек* — ‘кольцо, перстень’, *Шуру /ж/* — от *шуру* — ‘бусина, бусы’, *Чинчи /ж/* — от *чинчи* — ‘бусина, бисер’, *Чаныы /м/* — от *чаныы* — ‘брусочек, оселок, мягкий точильный камень’ и т. д. Большая часть личных имен данной лексико-семантической группы являются женскими.

Таким образом, в качестве производных личных имен, образованных лексико-семантическим способом словообразования, употребляются антропонимы 7 основных семантических групп, которые указывают на имятворчество тувинского этноса. Следует также отметить, что в некоторых группах встречаются только мужские личные имена, в частности, антропонимы, характеризующие внешние особенности денотата. В антропонимах, образованных от названий украшений, почти все зафиксированные личные имена являются женскими.

Морфологический способ образования личных имен

В тувинской ономастике большая часть собственных имен образованы морфологическим способом, когда новые слова образуются с помощью аффиксов (Виноградов, 1975: 158).

Одним из распространенных в образовании личных имен являются уменьшительно-ласкательные аффиксы (антропоформанты), которые с древних времен по настоящее время активно употребляющиеся в качестве имяобразовательных:

-*най/-бай/-май...* по модели **имя суц. (прил.) + -най**: *Чарашнай /м, ж/* — от *чараш* — ‘красивый’ и афф. -*най*; *Адыгбай /м/* — от *адыг* — ‘медведь’ и афф. -*бай*; *Хөвенмей ~ Ховенмей /м/* — от *хөвең* — ‘вата’ и афф. -*мей* и т. д.;

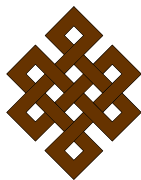
-*чык/-жык...* по модели **имя суц. (прил.) + -чык**: *Боражык /м/* — от *бора* — ‘серый’ и афф. -*жык*; *Далганчык /м/* — от *далган* — ‘мука’ и афф. -*чык*; *Чалаажык /ж/* — от *чалаа* — ‘лента на головном уборе’ и афф. -*жык* и др.;

-*кай/-кей...* по модели **имя суц. + -кай**: *Кежиккей /ж/* — от *кежик* — ‘дар, благо; добро, достояние, богатство’ и афф. -*кей*; *Ашаккай /м/* — от *ашак* — ‘пожилой мужчина, старик’ и афф. -*кай*; *Кестиккей /м/* — от *кестик* — ‘ножик’ и афф. -*кей* и т. п.;

-*ак/-ек...* по модели **имя суц. (прил.) + -ак**: *Сыынак /м/* — от *сын* — ‘марал’ и афф. -*ак*; *Хеймерек /м, ж/* — от *хеймер* — ‘самый младший’ и афф. -*ек*; *Самдарак /м/* — от *самдар* — ‘дырявый, оборванный’ и афф. -*ак* и т. д.;

-*ай/-ей...* по модели **имя суц. + -ай**: *Шолбанай /ж/* — от *шолбан* — ‘яркая звезда; Венера’ и афф. -*ай*; *Долбанай /ж/* — от *долбан* — ‘румянец’ и афф. -*ай* и др.

Большую часть производных от уменьшительно-ласкательных аффиксов антропонимов составляют личные имена, образованные по моделям: **имя суц. (прил.) + -най, имя суц. + -кай**, а по остальным выявленным моделям зафиксированы единичные.

Одной из особой группой производных личных имен следует отметить антропонимы, образованные производными нарицательными именами, причем указывающими на основные виды деятельности этноса.

К ним относятся следующие личные имена, образованные при помощи следующих словообразовательных аффиксов:

-чы/-чи... по модели **имя суц.** + **-чы**: *Чылгычы* /м/ — от *чылгы* — ‘табун’ и афф. -чы букв. ‘табунщик’; *Аңчы* /м/ — от *аң* — ‘зверь’ и аф. -чы, букв. ‘охотник’; *Аяжы* /м/ — от *ая* — ‘самострел’ и афф. -жы, букв. ‘охотник с самострелом’, *Саанчы* /ж/ — от *саан* — ‘дойный скот’ и афф. -чы, букв. ‘дойка’ и т. д.;

-кчы/-кчи... по модели: **глагол** + **-кчы**: *Чаяакчы* /м/ — от *чаяа* — ‘твори, создавай’ и афф. -кчы, букв. ‘создатель, творец’, *Тишлекчи* /м/ — от *тишле* — ‘побеждай’ и афф. -кчи, букв. ‘победитель’, *Салгакчы* /м/ — от *салга* — ‘наследовать, унаследовать’ и афф. -кчы, букв. ‘наследник’ и др.;

-чын/-чин по модели **имя суц.** + **-чы**: *Малчын* /м/ — от *мал* — ‘скот’ и афф. -чын, букв. ‘животновод, скотовод’; *Тараачын* /м, ж/ — от *тараа* — ‘хлеб, зерно’ и афф. -чын, букв. ‘земледелец, хлебороб’ и др.

Есть немногие личные имена, образованные от других производных нарицательных имен существительных, прилагательных и глагола по различным моделям

имя суц. + **-тук**: *Оттук* /м/ — от *от* — ‘огонь’ + афф. -тук;

имя суц. + **-лыг**: *Чолдуг* /м/ — от *чол* — ‘судьба, доля, счастье’ и афф. -дуг; *Салдыг* /м/ — от *сал* — ‘борода’ + афф. -дыг; *Олчалыг* /ж/ — от *олча* — ‘находка, добыча’ + аф. -лыг;

глагол + **-ар**: *Адар* /м/ — от *ат* — ‘стрелять, стреляй’ и афф. -ар и т. д.

В тувинской антропонимической системе имеются аффиксы, образующие только личные имена, например, *-лдей/-лдай*... по модели: **имя суц.** + **-лдай**: *Каралдай* /м/ — от *кара* — ‘черный’ и афф. -лдай; *Сүгелдей* /м/ — от *сүге* ~ *балды* — ‘топор’ и др., которые в современном тувинском именнике почти не фиксируются.

К подобным личным именам следует отнести и модель: **имя числ.** + **-дай**...: *Бежендей* /м/ — от *бежен* — ‘пятьдесят’ и афф. -дей; *Чедендей* /м/ — от *чеден* — ‘семьдесят’ и афф. -дей, которые в настоящее время хоть редко, но встречаются в антропонимии тувинского языка, начиная с 2000-х годов.

В производных личных именах тувинского языка особое место занимают такие имяобразующие аффиксы, как *-маа* и *-на*, которые образуют только женские личные имена. Нужно также отметить, что аффикс *-маа* со значением ‘мать’ заимствован с тибетского языка (Сувандии, 2011: 48).

Личные имена с аффиксом *-маа* в тувинском языке являлись часто употребительными с древних времен в соответствии с обычаями имянаречения. По данному обычаю если в семье новорожденные дети часто умирали от различных болезней, то мальчиков, чтобы ввести в заблуждение злых духов болезни, нарекали женскими именами, а девочек — мужскими. Подобные имена в настоящее время зафиксированы у пожилых носителей как женского, так и мужского пола: *Селикмаа* /м, ж/ — от *селик* — ‘имущество, приданое невесте’ и афф. -маа, *Хандымаа* /ж/ — от *ханды* — ‘настойка’ и афф. -маа.

В системе современных личных имен тувинского языка антропоформант *-маа*, как показатель женских личных имен, является одним из самых продуктивных по следующим моделям: **имя суц.** + **афф. -маа**: *Аңгырмаа* — от *аңгыр* — ‘турпан’ и афф. -маа; *Байырмаа* /ж/ — от *байыр* — ‘праздник, торжество’ и афф. -маа; *Кежикмаа* /ж/ — от *кежик* — ‘дар, благо; добро’ и афф. -маа и т. д.

Следующая модель похожая, но образованная от имен прилагательных: **имя прилаг.** + **-маа**: *Ажыкмаа* /ж/ — от *ажык* — ‘открытый’ и афф. -маа; *Сергекмаа* /ж/ — от *сергек* — ‘бодрый, живой’ и афф. -маа; *Мергенмаа* /ж/ — от *мерген* — ‘мудрый’ и афф. -маа и т. д.

Отдельной группой следует также отметить личные имена, образованные в большинстве от мужских антропонимов при помощи аффикса *-а*, восходящего к окончанию женского рода в русском языке по модели: **имя суц.** + **-а**: *Аяна* — от мужского имени *Аян*, образованного от слова *аян* — ‘внешний облик’ и афф. -а; *Херела* — от имени *Херел*, образованного от слова *херел* — ‘луч’ и афф. -а; *Чаяана* — от имени *Чаяан*, образованного от *чаяан* — ‘судьба, доля, участь’ и афф. -а и т. д.

В антропонимии тувинского языке очень много женских личных имен, образованных от нарицательных слов по модели: **имя суц.** + **-на**: *Кулчана* — от *кулча* — ‘дикий лук’ и афф. -на; *Хенчена* — от *хенче* — ‘рожденный осенью мелкий рогатый скот’ и афф. -на; *Олчана* — от *олча* — ‘находка, добыча’ и афф. -на и т. п.

Таким образом, простые личные имена в тувинском языке образуются только двумя способами словообразования: лексико-семантическим и морфологическими.

Заклучение

В тувинской антропонимии немало простых производных и непроизводных личных имен. Непроизводные личные имена, как указано выше, образованы лексико-семантическим способом от различных лексико-семантических групп лексики тувинского языка. Среди выявленных лексико-семантических групп особо следует отметить личные имена, образованные от названий домашних и диких животных, национально-бытовых принадлежностей, указывающих на особенности кочевого образа жизни и хозяйственной деятельности тувинского этноса. Особо можно также выделить и антропонимы, образованные от названия украшений, которые в большей степени являются женскими именами.

Производные личные имена образованы также одним из основных способов словообразования — морфологическим при помощи различных аффиксов. Среди аффиксов следует особо отметить уменьшительно-ласкательные аффиксы типа *-пай/...*, *-чык/...*, *-ак/...*, которые активно употребляются в образовании личных имен. В тувинском имятворчестве отличаются и производные антропонимы, образованные аффиксами *-чы/...*, *-кчы/...*, *-чын/...*, указывающие на род занятий представителей этноса.

Среди производных личных имен тувинского языка имеются аффиксы, которые образуют только женские антропонимы, например, *-маа*, *-на*, *-а*, последние из которых заимствованы из русского языка, как показатели окончания женского рода, которые в настоящее время также являются одним из активных аффиксов имяобразования.

В результате словообразовательного анализа выявлено более 15 моделей образования производных личных имен, среди которых большую группу составляют модели *имя сущ. + уменьш.-ласк афф., имя сущ. + -чы/... (-кчы/...), имя сущ. + -маа*. Зафиксированы и некоторые единичные модели, как *глагол + -ар, имя числ. + -ей*.

Таким образом, в тувинской антропонимической системе простые непроизводные и производные личные имена образованы теми же способами, что и в других тюркских языках, в частности, в казахском (Кульдеева, 2001), в якутском (Николаев, 2018) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичелдей, К. А. (1993) Тыва болгаш өске дылдар // Тыва дыл болгаш чугаа культуразы [Тувинский язык и культура речи] / отв. редакторы: К.А. Бичелдей, Ч. М. Доржу, Ш. Ч. Сат. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 103 с. С. 62–75. (На тув. яз.)
- Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / ред. В. А. Никонов и А. В. Суперанская. М. : Наука. 261 с. С. 125–132.
- Вайнштейн, С. И. (1989) Тувинцы // Системы личных имен у народов мира / ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, В. А. Никонов, А. М. Решетов. М. : Наука. 383 с. С. 305–307.
- Виноградов, В. В. (1975) Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике / отв. ред. М. Ю. Шведова М. : Наука. 559 с. С. 551–554.
- Диброва, Е. И., Касаткин, Л. Л., Николина, Н. А., Щеболева, И. И. (2008) Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. М. : Академия. Ч. 1. 479 с.
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань : Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1600 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году / Подготовка рукописи к печати, вступительное слово и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл : ТИГПИ при Правительстве РТ. 383 с.
- Кормушин, И. В. (1997) Тюркские енисейские эпиграфы. Тексты и исследования / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 303 с.
- Кульдеева, Г. И. (2001) Антропонимическая система современного казахского языка : автореф. дисс. ... докт. филол. н. Казань. 60 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия. 688 с.
- Лудуп, Р. Д. (1996) Адың-шолан чажыттары [Тайны имени твоего] // журнал Башкы № 6. С. 47–49; №. 7. С. 51–53. (На тув. яз.).

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л. : Изд-во АН СССР. 451 с.

Монгуш, Д. А. (1973) Сокращенная форма тувинских личных имен // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл. С. 146–155.

Немченко, В. В. (1984) Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа. 255 с.

Николаев, Е. Р. (2018) Якутские личные имена (лингвокультурологический аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Якутск. 26 с.

Сувандии, Н. Д. (2009) Интернациональные антропонимы в тувинском именнике // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 157–163.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : Редакционно-издательский отдел Тувинского государственного университета издательства. 207 с.

Сувандии, Н. Д. (2013) Современное состояние изучения ономастики тувинского языка // Мир науки, культуры, образования № 6. С. 362–364.

Сувандии, Н. Д. (2018) Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/785> (дата обращения: 12.12.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.1

Сувандии, Н. Д. (2019a) Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии // Oriental Studies № 4. С. 661–668. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668

Сувандии Н. Д. (2019b) Сложные личные имена, образованные именными частями речи в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования № 3. С. 404–406.

Суперанская, А. В. (1969) Структура имени собственного. Фонология и морфология. М. : Наука. 206 с.

Чадамба, З. Б. (1999) Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева М. : Русский язык. 571 с. С. 174–177.

Чадамба, З. Б. (1993) Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания / отв. ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл : Новости Тувы. 128 с. С. 98–105.

Дата поступления: 20.12.2019 г.

REFERENCES

Bicheldei, K. A. (1993) Tyva bolgash öske dyldar [Tuvan language and other languages]. In: *Tyva dyl bolgash chugaa kul'turazy [Tuvan language and culture of speech]* / ed. by K. A. Bicheldei, Ch. M. Dorzhu and Sh. Ch. Sat. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 103 p. Pp. 62–75. (In Tuv.)

Weinstein, S. I. (1969) Lichnye imena, terminy rodstva i prozvizhcha u tuvintsev [Personal names, kinship terms and nicknames among Tuvans]. In: *Onomastika [Onomastics]* / ed. by V. A. Nikonov and A. V. Superanskaia. Moscow, Nauka. 261 p. Pp. 125–132. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1989) Tuvintsy [Tuvans]. In: *Sistemy lichnykh imen u narodov mira [Systems of personal names among the peoples of the world]* / ed. by R. Sh. Dzharlygasinova, M. V. Kriukov, V. A. Nikonov and A. M. Reshetov. Moscow, Nauka. 383 p. Pp. 305–307. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1975) Voprosy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniia [The issues of contemporary Russian word-formation]. In: *Issledovaniia po russkoi grammatike [Studies in Russian grammar]* / ed. by M. Yu. Shvedova Moscow, Nauka. 559 p. Pp. 551–554. (In Russ.).

Dibrova, E. I., Kasatkin, L. L., Nikolina, N. A. and Shcheboleva, I. I. (2008) *Sovremennyi russkii iazyk. Teoriia. Analiz iazykovykh edinits [Contemporary Russian language. Theory. Analysis of language units]: in 2 parts.* Moscow, Akademiia. Part 1. 479 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia [A study of the Uriankhai language, with the indication of its main relations to other languages of the Turkic root]*. Kazan', Tipo-litografiia Imperatorskago Kazanskago Universiteta. 1600 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu [Essays on the Uriankhai land. Diary of a journey made in 1889]*. Preparation of the manuscript for printing, introduction and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, TIGPI pri Pravitel'stve RT. 383 p. (In Russ.).

Kormushin, I. V. (1997) *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia [Turkic Yenisei epitaphs. Texts and studies]*, ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.).

Kul'deeva, G. I. (2001) *Antroponimicheskaja sistema sovremennogo kazakhskogo iazyka [The anthroponymic system of the modern Kazakh language]: Thesis of Diss. ... Doctor of Philology. Kazan'. 60 p. (In Russ.)*.

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [An encyclopedic dictionary of linguistics] (1990) / chief editor V. N. Iartseva. Moscow, Sov. Entsiklopediia. 688 p. (In Russ.).

Ludup, R. D. (1996) *Adyng-sholang chazhyttary [The Mysteries of your name]. Bashky, no. 6, pp. 47–49; no. 7, pp. 51–53. (In Tuv.)*.

Malov, S. E. (1951) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. Vol. 1. 451 p. (In Russ.)*.

Mongush, D. A. (1973) *Sokrashchennaia forma tuvinskikh lichnykh imen [Abbreviated forms of Tuvan personal names]. Uchenye zapiski TNIIIaLI, vol. XVI. Kyzyl. Pp. 146–155. (In Russ.)*.

Nemchenko, V. V. (1984) *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie [Contemporary Russian language: Word-formation]. Moscow, Vysshaia shkola. 255 p. (In Russ.)*.

Nikolaev, E. R. (2018) *Yakutskie lichnye imena (lingvokul'turologicheskii aspekt) [Yakut personal names: the linguoculturological aspect]: Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Yakutsk. 26 p. (In Russ.)*.

Suvandii, N. D. (2009) *Internatsional'nye antroponimy v tuvinskom imennike [International anthroponyms in the Tuvan name book]. Sibirskii filologicheskii journal, no. 2, pp. 157–163. (In Russ.)*.

Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponimiia [Tuvan anthroponymy]. Kyzyl, Editorial and Publishing Department of Tuvan State University Publishing house. 207 p. (In Russ.)*.

Suvandii, N. D. (2013) *Sovremennoe sostoianie izucheniia onomastiki tuvinskogo iazyka [Current state of studying onomastics of the Tuvan language]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, no. 6, pp. 362–364. (In Russ.)*.

Suvandii, N. D. (2018) *Bichen Kyrgyzovna Ondar and her contribution to the study of the toponymy of Tuva. The New Research of Tuva, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/785> (access date: 12.12.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.1 (In Russ.)*.

Suvandii, N. D. (2019a) *Ofitsial'nye i «vtorye» imena etnicheskikh tuvintsev Mongolii [Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and 'Second' Names]. Oriental Studies, no. 4, pp. 661–668. (In Russ.)*. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668

Suvandii, N. D. (2019b) *Slozhnye lichnye imena, obrazovannye imennymi chastiami rechi v tuvinskom iazyke [Complex personal names formed by nominal parts of speech in the Tuvan language]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, no. 3, pp. 404–406. (In Russ.)*.

Superanskaia, A. V. (1969) *Struktura imeni sobstvennogo. Fonologii i morfologii [Structure of a proper name. Phonology and morphology]. Moscow, Nauka. 206 p. (In Russ.)*.

Chadamba, Z. B. (1999) *Tuvinskie imena [Tuvan names]. In: Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [Directory of personal names of peoples of the RSFSR], ed. by A. V. Superanskii and Yu. M. Gusev. Moscow, Russkii iazyk. 571 p. Pp. 174–177. (In Russ.)*.

Chadamba, Z. B. (1993) *Sposoby obrazovaniia tuvinskikh lichnykh imen [Formation methods of the Tuvan personal names]. In: Voprosy tuvinskogo yazykoznaniya [Questions of Tuvan linguistics] / ed. by D. A. Mongush and B. I. Tatarincev. Kyzyl, Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii. 128 p. Pp. 98–105. (In Russ.)*.

Submission date: 20.12.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.8

Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке*

Снежана С. Ооржак, Мира В. Бавуу-Сюрюн

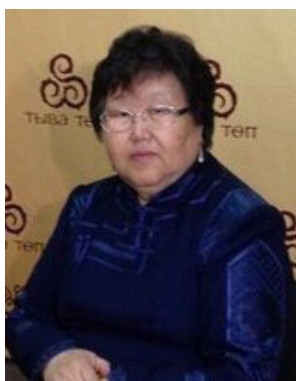
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В лексике верований тувинцев определенное место занимают названия обрядов, традиций по защите жизни детей. Эта группа лексики тувинского языка рассматривается впервые. Источниками анализа выступили этнографические работы по тувинской культуре, словари тувинского языка, художественные тексты, собственные полевые материалы, в том числе собранные авторами у тувинцев зарубежья во время экспедиций 2014-2017 гг. в Монголию и Китай.

Лексика обрядов по защите жизни детей по своему происхождению является собственно тувинскими за редким исключением. Отмечены диалектные слова. Перешло в разряд устаревших слов сочетание уруг сыртыын шыгжаар 'захоронение плаценты' в связи с утратой самого обряда среди тувинцев России. В то же время значительная часть данной группы лексики вновь активно функционирует в современном тувинском языке, хотя в словарях они помечены как устаревшие. В них ярко отражаются те социально-политические изменения в жизни тувинского народа, произошедшие в течение последнего столетия. Наблюдаются живые процессы изменений структуры семантики слова.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы; культура детства; тувинская культура; лексика; шаманизм; защита жизни детей; Тува; тувинцы Монголии; тувинцы Китая

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Ооржак С. С., Бавуу-Сюрюн М. В. Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/908> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.8

Ооржак Снежана Сергеевна — аспирант тувинской филологии и общего языкознания филологического факультета, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69. Эл. адрес: snezhana.ddd@mail.ru

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69. Эл. адрес: mira.bavuu_surun@mail.ru

Oorzhak Snezhana Sergeevna, Post-graduate student, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Faculty of Philology; Research Fellow, Research and Educational Center for Turkic Studies, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69. Email: snezhana.ddd@mail.ru

Bavuu-Syryun Mira Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Research and Educational Center for Turkic Studies, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69. Email: mira.bavuu_surun@mail.ru

The vocabulary of protecting children's lives in Tuvan language

Shezhana S. Oorzhak, Mira V. Bavuu-Surun

Tuvan State University, Russian Federation

In Tuvan vocabulary of belief an important place belongs to the names of the rites and traditions linked to protecting children's lives. This vocabulary group has never been studied before. For the sources of our analysis, we used ethnographic studies of Tuvan culture, dictionaries of Tuvan language, literary texts, and fieldwork materials collected by the authors in their 2014-2017 expeditions to Mongolia and China.

By its origin, the vocabulary used in the rites of protecting children's lives is almost always Tuvan with few exceptions. Some dialectal words are also in use. With the demise of the rite among Russian Tuvans, the phrase "urug syrtyyn shygzhaar" (the burial of the placenta) has been classified as obsolete. At the same time, a large part of this lexic group has returned to active use in contemporary Tuvan, although it is still marked as obsolete in dictionaries. This clearly reflects the socio-political transformations in the life of Tuvan people which happened throughout the past century. We can witness a living process of changing the structure of the meaning of a number of words.

Keywords: Tuvan language; Tuvans; culture of childhood; Tuvan culture; vocabulary; Shamanism; protection of children's lives; Tuva; Tuvans of Mongolia; Tuvans of China

** The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).*

For citation:

Oorzhak S. S. and Bavuu-Surun M. V. The vocabulary of protecting children's lives in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/908> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.8

Введение

В лексике верований тувинцев определенное место занимают названия обрядов, традиций по защите жизни детей. Они и являются объектом внимания данной статьи.

Лексика обрядов защиты жизни, в том числе защиты жизни детей, выделяются в тувиноведении впервые. Сами обряды и традиции были объектами исследования в этнографических работах Л. П. Потапова (Потапов, 1969), С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1972), М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1994, 2006), В. К. Даржа (Даржа, 2007, 2009), в работе Г. Д. Сундуй по этнопедагогике (Сундуй, 2009), а также в монографии Ж. М. Юша по фольклору тувинцев Китая (Юша, 2018).

Источниками сбора материала по лексике защиты жизни детей стали вышеперечисленные работы, словари тувинского языка, художественные тексты, собственные полевые материалы. Впервые вводится полевой материал, собранный нами у тувинцев зарубежья во время экспедиций 2014–2017 гг. в Монголию и Китай. Всего собрано 36 слов и словосочетаний.

Работа в этом направлении представляется актуальной в свете проводимых работ по обновлению словарей тувинского языка, а также важно зафиксировать устаревшую лексику в свете современных быстро меняющихся условий жизни тувинского народа, и как следствие утраты самих обрядов и традиций, соответственно — лексики, отражающей эту часть духовной жизни тувинского этноса. Наша задача — представить список слов, относящийся к данной лексико-семантической группе; дать толкование значений слов, по возможности определить их происхождение и предложить наиболее при-

емлемые варианты переводов на русский язык. Последняя задача стала значимой в ходе работы над статьей, так как в существующих переводных словарях, а также в толковом словаре тувинского языка (Толковый словарь ... , 2003, 2011) зачастую бывает так, что либо не зафиксировано само слово или его соответствующее значение.

Начнем анализ с самых общих, нейтральных и наиболее употребительных сочетаний и слов.

Общая лексика по защите жизни

С точки зрения языка лексику шаманизма, куда в большей части входит лексика обрядов по защите жизни детей, изучал К.-М. Симчит. В своей работе «Лексика шаманизма в тувинском языке» он анализирует эту группу лексики в плане ее семантики, сочетаемости и этимологии. Данную лексику автор разделяет на следующие тематические группы: 1) лексика, связанная с обозначениями шамана; 2) лексика шаманской ритуальной атрибутики; 3) названия экипировки шамана; 4) названия ритуальных инструментов; 5) названия ритуальных фетишей; 6) лексика шаманской космологии; 7) лексика шаманской демонологии (Симчит, 2009: 6).

Тем не менее, остались вне поля зрения слова, выражающие ритуальные действия в обрядах защиты жизни детей, выполняемые как самим шаманом, так и верующими, а также названия амулетов. Общими действиями в обрядах и традициях как по отношению к детям, так и по отношению к взрослым является обряд энергетического очищения при помощи можжевельного дыма (Бавуу-Сюрюн, Ширококова, Самдан, 2018). Они обозначаются словами *артыжаар*, *арыглаар* и сложным словом *аштаар-арыглаар*. Эти слова используются в практике шаманов, буддийских лам и простых людей. Они отражают состояние верований этноса, когда взаимно переплетаются разные религиозные практики, и в научной литературе данное состояние называют религиозным синкретизмом (Хомушку, 2006: 3–4). В конкретном случае, в Туве, наблюдается синкретизм буддизма и шаманизма (там же: 45–46). Поэтому в исследуемой группе лексики может наблюдаться как лексика шаманизма, так и буддизма.

По отношению к детям не проводится обряд очищения при помощи *дүңгүр* ‘бубна’, и соответственно не используется слово *дүңгүрлээр* ‘проводить обряд при помощи бубна’. Может быть приглашен лама, который проведет обряд чтением соответствующих сутр *ном номчуур* ‘читать сутру’ (букв.: читать книгу). И в том и другом случае проводится обряд очищения *артыжаар* при помощи *артыша* ‘можжевельника’.

Названия ритуальных действий в общих обрядах очищения

Артыжаар ‘окуривать дымом можжевельника’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 70). Б. И. Татаринцев дает следующую этимологию слова: «*артыш* ‘можжевельник’ общетюркское, отмечено в фонетических вариантах *ардыч* ~ *ардыш* ~ *артыш* главным образом в значении ‘можжевельник’, этимологическая версия К. Брокельмана, согласно которой *ардыч* ~ *ардуч* образовано с помощью аф. -ч, от глагола *арыт*- ‘очищать’ и означает ‘средство для очищения’, поскольку можжевельник (*артыш*) действительно является традиционным очищающим средством: очищение, также лечение достигается путем окуривания дымом *артыша*» (Татаринцев, 2000: 141);

Арыглаар (букв. ‘чистить, очищать’) очищать, окуривая дымом можжевельника и другими способами. В словарях приведенное значение не зафиксировано. Слово в данном значении присутствует у всех информантов;

Аштаар-арыглаар (Тувинско-русский словарь, 1968: 196). В прямом значении ‘удалять грязь, чистить, очищать’. В данном случае имеется ввиду энергетическое очищение человека от плохих, вредных воздействий, и это значение также отсутствует в словарях;

*Ачы-буян чалаар*¹ ‘просить благоденствие, милосердие’ (букв. ‘приглашать благоденствие, милосердие’). При проведении обряда шаман вызывает духов предков, хозяев земли, источника и т. д. и тем самым просит счастье, всего лучшего для их потомков. Лама также проводит обряд чтением соответствующей сутры.

Аши-чем дээжизин өргүүр. В толковом словаре отдельно дается слово “ДЭЭЖИ. Кандыг-бир чүвениң эң экизи, эң шилиттингени. — Самое лучшее, самое отборное из чего-л. *Бүгү чемниң дээжизин*

¹ Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г.р., род. в: с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; "Ооржак Токүй-оол Кончуковна, 1939 г.р., род. в: Сүт-Хольский кожуун, с. Кара-Чыраа; Үүскүлүң Кызыл Соаян, 45 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Бурчин; Бакиш Энхцэцэг, 27 л., род. в: Монголия, Баян-Улгэйский аймак Цэнгэл.

берээли (Тоолдан). ...Амыдыралдың дээжилерин ол ам-даа көрбээн (К. Кудажы)” (Толковый словарь тувинского языка, 2003: 564). Основной компонент выражает обрядовое действие “ӨРГҮҮР. 1. Ёзу сагып өргүл кылыр (сүт, шай, арага чажар, отче чем быжындызы каар). — Совершать обряд жертвоприношения (брызгать вокруг чай, молоко, вино, бросать в огонь куски еды). *Тыва кижиги эртенги шайның үстүн азы сүттү... долгандыр турар делегейже өргүп чажар...* (Ч. Куулар). *Ламалар судурун номчаан соонда, хамык-ла чемниң дээжизин Чаа-Оваа уунче шиглей өргүүрге...* (Х. Анчима). *Арагаже ыдам эргээн суккаш, дөрт чүкче ыдамнап өргээш, угбазынга дедир сунган* (Тоолдан). 2. Айыылга таварыштырар, баш мунгаш чүве кылыр. — Жертвовать чем-, кем-л., подвергать опасности. *Актыг, шынныг херек дээнде, амы-тыным өргүүр-даа мен* (С. Тамба). 3. Халаска, белек кылдыр бээр. — Жертвовать, приносить в дар, преподносить. *Баштыңыга бараан болуп, барын-чогун өргүп турган* (К. Кудажы). ...*Саша сарыг чечээн Кулчаа өргүп сунар олган* (М. Кенин-Лопсан). ...*Бүдүн айның шалыңын-даа өргүүрүнден чалданмас мен* (К. Кудажы). 4. (Үндүрүг, үндүт) төлээр. — Платить (подать, дань). *Адыг, кижин өлүргеиш, хаанга албанга өргүүр* (Тоолдан). *Та богда хаанныңарның албанынга өргүңер, та кыдат садыгжыңарның өрезин дулаңар* (К. Кудажы). (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 521).

Слово следует отнести в разряд лексики высокого стиля. Стилистическая принадлежность слова в словарях не фиксируется. Основное значение слова *дээжи* — “нетронутая пища”, ‘преподносить ещё нетронутое, самые лучшие куски жертвенной пищи’, тем самым выражается благодарность хозяевам местности, задабриваются духи за помощь в проведении обряда. Считается, что хозяева местности помогут человеку, обратившемуся к нему за помощью, а шаман в данном случае является посредником, поскольку именно он вызывает духов и хозяев местности;

Кежик дилээр¹ (букв. ‘просить дар, благо’); *кежик* ‘дар, благо; добро, достояние, богатство’, ср. алт. *кежик* ‘дарованный; дар, благодать’, алт. диал., шор. *кәжик* ‘дар, благодать; блаженство, счастье, милость’, кирг. *кешик* ‘счастье, довольство’. Монголизм. ср. п.-монг. *kešig* ‘милость, благоволение (неба); благословение; счастье, благополучие; удача’, монг. *хишиг, хэшиг* ‘счастье, благополучие’.

Данное сочетание является названием обряда призывания благополучия.

Кежик-буян кыйгырар² ‘призывать добро, достояние’.

Кежик дозар³ ‘остановить, вернуть благополучие, счастье’. Считается, что шаман возвращает ушедшее счастье (благополучие), которое принадлежит тому или иному человеку. *Дозар*⁴ в словаре приведены другие значения ‘выходить на встречу; останавливать; поджидать; подставлять что-л. и т. д.’;

Сүзүглен дилээр⁵ ‘просить от души чего-л.’ (букв. ‘веруя просить’).

Название обрядов, обычаев и действий, призванных защищать детскую жизнь

Слово *хылбыктаар* — не зафиксировано в тувинско-русском словаре (пока толковый словарь тувинского языка издан не полностью, последняя часть завершается на букве *с*); оно обозначает обряд стрижки волос детей в 2-летнем возрасте. Образовано от основы *хылбык* — ‘утробный волос’ при помощи словообразовательного аффикса =*та*.

¹ Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г. р., род. в с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; Ооржак Евгения Кыргысовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна; Сарунтуяа Калчан-Иргит, 49 л. род. в: Монголия, Кобдинский аймак; Уваанчыл Алтын Цоожу, 50 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Ханас; Нарунтуяа Делег, 30 л., род. в Монголия, Баян-Улэгэйский аймак; МааныХөйүк, 51 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Чунгур; Ооржак Токуй-оол Кончуковна, 1939 г. р., род. в: Сүт-Хольский кожуун, с. Кара-Чыраа; Үсүкүлүң Кызыл Соян, 45 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Бурчин; Бакиш Энхцэцэг, 27 л., род. в: Монголия, Баян-Улэгэйский аймак Цэнгэл; Барыс Кара Төш, 25 л., род. в Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Хом.

² Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г. р., род. в: с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; Ооржак Евгения Кыргысовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна; Сарунтуяа Калчан-Иргит, 49 л. род. в: Монголия, Кобдинский аймак; Уваанчыл Алтын Цоожу, 50 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Ханас; Нарунтуяа Делег, 30 л., род. в: Монголия, Баян-Улэгэйский аймак; МааныХөйүк, 51 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Чунгур.

³ Ооржак Евгения Кыргысовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна;

⁴ Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г. р., род. в: с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; Ооржак Евгения Кыргысовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна; Сарунтуяа Калчан-Иргит, 49 л. род. в: Монголия, Кобдинский аймак; Уваанчыл Алтын Цоожу, 50 л., род. в: Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, с. Ханас; Нарунтуяа.

⁵ Ооржак Токуй-оол Кончуковна, 1939 г. р., род. в: Сүт-Хольский кожуун.

Чтобы понять глубокий смысл данного обряда предлагаем отрывок из работы Г. Д. Сундуй «Мир детства кочевой Азии», в которой из всех этнографических работ, где описывается данный обряд, наиболее удачно раскрыт суть обряда. Мы сочли его важнейшим обрядом защиты детской жизни по древним верованиям тувинцев. Итак, в указанной работе написано: «Принято считать, что в детском периоде якобы в волосах накапливается “эзин” (пыл), который в излишестве способен вредить здоровью и характеру ребенка. Данная энергия особенно опасна на первой стадии своего проявления: в 3 года, 5, 7, 9 лет. В этот период она буквально пылает в организме, и ребенок отличается повышенной подвижностью, озорством, заинтересованностью ко всему окружающему, а также раздражительностью» (Сундуй, 2009: 81–82).

Далее автор поясняет суть предпринимаемого взрослыми обряда: «Понятие “назын халыыны” в какой-то степени можно соотнести к критическим периодам. Зная признаки возрастного жара, можно точно предсказать в каком возрасте человек столкнется с теми или другими возможными проблемами, как они связаны друг с другом, от каких факторов зависит уровень и длительность “стихийного бедствия” и каковы варианты его обхождения. Задача взрослых — обхождение или смягчение любой возрастной стихии (например, при преобладании в натуре 3-летнего ребенка огня) с помощью специальных методов, средств и приемов. Ни одно стихийное бедствие индивида не может быть преодолено успешно, если не согласовать его соответственно с врожденными знаками. Обряд стрижки волос создает возможность восхождения на очередную вершину психического развития» (там же).

К великому сожалению, в настоящее время суть данного обряда сводят лишь к тому, что ребенок получает в дар свое первое имущество, так как в старину в основном дарили скот. Возможно, присутствует и такое начало.

Домнаар — ‘заговаривать, ворожить, лечить заговором, снадобьями’ (Татаринцев, 2002: 188). Основа слова — *дом* — ‘заговор от болезни; сна’; от неё при помощи одного из фонетических вариантов общетюркского словообразовательного аффикса аффикса =ла образовался глагол *дом=на=ар*¹ ‘прикасаюсь, чем-л., оказывать магическое действие, заговаривать, лечить’ (Толковый словарь ... , 2003: 474), *домнаар* — ‘лечение энергетическим способом и извлекать сущность’ (Даржа, 2009: 302).

Тарбыдаар — ‘заговаривать, лечить заговором’. В тувинско-русском словаре переведено “заклинать, заговаривать (обычно одновременно забрызгивая слюной)” с пометой *устаревшее* (Тувинско-русский словарь, 1968: 408). В связи с возрождением шаманизма в шаманских клиниках часто можно услышать данное слово, из этого следует заключить, что оно вернулось в активную лексику тувинского языка.

Сылдангы эдер² — ‘убрать пелену, серую паутину, которая является причиной болезни ребенка’. В словарях дано слово *сылдангы*³ — ‘детская болезнь’ (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 779). Сочетание *сылдангы эдер* в языке шаманов буквально обозначает ‘исправить болезнь’.

Сыр кагар — ‘выбивать искру’. Обряд существует только у тувинцев Кобдо, проводится в Шагаа и в редких случаях, если тяжело заболел ребёнок (Цэцэгдарь, 2003: 100).

Сырыктаар⁴ — ‘убрать пелену, серую паутину, которая является причиной болезни ребенка путём возжигания смеси *кызыл-дус* — ‘каменной соли (букв.: красной соли)’ *артыш* ‘можжевельника’, *дары* — ‘пороха’ и *күзгүр* — ‘серы’. Данный обряд проводит шаман при внезапной болезни ребенка. Обряд *сырыктаар* связан с обрядом *сыр кагар* — ‘выбивать искру’ тем, что и в том и другом случае основную очищающую роль играет искра и дым можжевельника. Слово *сырыктаар* является диалектным, функционирует у этнических тувинцев Монголии и Китая, носителей алтайского диалекта тувинского языка.

Очевидно, что название действия образовано от именной основы *сырык* — ‘смесь для проведения обряда’ путем прибавления словообразовательного общетюркского аффикса =та. В свою очередь основа слова также является производной от корня *сыры* — ‘искра’, образованной при помощи именного аффикса =к (Исхаков, Пальмбах, 1961: 153).

¹ Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г. р., род. в с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; Ооржак Евгения Кыргызовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна.

² Ооржак Токуй-оол Кончуковна, 1939 г. р., род. в: Сүт-Хольский кожуун.

³ Ооржак Токуй-оол Кончуковна, 1939 г. р., род. в: Сүт-Хольский кожуун.

⁴ Шыгжаа Надежда Чыскаал-ооловна, 1965 г. р., род. в с. Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна; Ооржак Евгения Кыргызовна, 1966 г. р., род. в: с. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна.

Или же от именной основе *сыр* при помощи фонетического варианта =*ык* образована именная же основа. Но последнее предположение все же будет отклонением от закономерности модели аффикса =*к*, поэтому более вероятно предположение об утрате глагола *сыры* 'искриться'.

В современном тувинском языке он непродуктивен. При помощи аффикса =*к* образованы производные основы *бижик* — 'письмо', *чырык* — 'свет', но модель этих слов другая: имена существительные образованы от глагольных основ *чыры* — 'светиться', *бизи* — 'писать'. Здесь можно предположить, что корень слова звучала как *сыр* 'искра', которая сохранилась у тувинцев Кобдо (Цэцэгдарь, 2003: 156) и возможно был утрачен глагол *сыры* — 'искриться', от которого образовано диалектное *сырык*.

Уруг сыртты шыгжаары лит. (букв. 'хранение детской подушки'), **соңгу иесин шыгжаары** кит., (букв. 'хранение второй мамы') — название обряда захоронения плаценты, где *соңгу иеси* лексико-семантическое диалектное слово в значении 'послед'. В литературном тувинском языке *соңгу ие* — 'мачеха'.

Данный обряд у тувинцев является одним из главных мер по защите жизни ребенка (Потапов, 1969: 267–269; Кенин-Лопсан, 1999: 18). Тувинцы России, Монголии и Китая проводят его в узком кругу, без приглашения служителей культа, как правило, и в отсутствие мужчин. Разница лишь в том, что в настоящее время у тувинцев России данный обряд утрачивается. По данным Ж. М. Юша, «у тувинцев Китая этот ритуал, который и поныне считается обязательным, раньше проводили на третий день после рождения ребенка. В настоящее время обряд закапывания плаценты (*соңгу иесин шыгжаары*) родственники устраивают на следующий день после возвращения женщины с новорожденным из больницы домой» (Юша, 2018: 170–183).

Ат адаар лит., **ат каар** (алт. д.) 'имянаречение' (Кенин-Лопсан, 2006: 6; Сувандии, 2011: 86–87). Обряд также имеет сакральное значение.

Ат солуур — 'замена имени'. Существуют мнение, что некоторые имена для конкретных детей могут быть «тяжелыми» могут вызвать болезненное состояние, сократить жизнь. Чаще всего о несоответствии имени и необходимости его замены родители узнают от лам или шаманов во время астрологических прогнозов на год в дни празднования Шагаа. Или же когда родителей начинает беспокоить болезненное состояние ребенка. Тогда проводится обряд замены имени.

Хөөлээр — 'метить сажей' — название обычая, когда при необходимости вынести ребенка на улицу после захода солнца, кончик носа или межбровье ребенка мажут сажей. Тувинцы Китая в таком случае просто закрывают лицо ребенка и говорят *арнын шывар* — 'закрывать лицо'.

Названия предметов, амулетов и фетишей, призванных оберегать жизнь и безопасность детей

Кавай — колыбель. Традиционная колыбель своим устройством призвана обеспечивать безопасность ребенка (Даржа, 2009: 53).

Над колыбелью могут висеть **адыг дыргаа** — 'когти медведя', **черлик хаван азы** — 'клыки кабана'. У входа в юрту или дом вывешивают веточку **кызыл-хараган** — 'красного караганника', **кымчы** — 'плетка'. Тувинцы Китая вывешивают **ча-согун** — 'лук и стрела'. Могут быть использованы миниатюрные модели лука и стрелы, плетки.

Чирбеш, чирбээш (чирьбээш) — раковина каури, пришиваемая к одежде на правое плечо или мягкой обуви ребенка. Этот обычай сохранился у тувинцев Монголии и Китая¹.

Заключение

Анализ показывает, что данный пласт лексики тувинского языка претерпевает различные изменения как в своей структуре, так и в семантике, функционировании. Лексика обрядов по защите жизни детей по своему происхождению является собственно тувинскими за редким исключением. Отмечены диалектные слова. Перешли в разряд архаизмов словосочетание *уруг сыртты шыгжаар* в связи с утратой самого обряда среди тувинцев России. В то же время значительная часть данной группы лексики вновь активно функционирует в современном тувинском языке, хотя в словарях они помечены как устаревшие.

¹ Сарунтуя Калчан-Иргит, 49 л. род. в: Монголия, Кобдинский аймак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бавуу-Сюрюн М. В., Широбокова Н. Н., Самдан А. М. (2018) Названия лекарственных растений Тувы в словарях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/805> (дата обращения: 10.09.2019). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.2>
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинского народа. М. : Наука. 314 с.
- Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 255 с.
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 592 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд-во восточной лит-ры. 471 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тувинские традиции. М. : Тройка. 352 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Симчит, К.-М. А. (2009) Лексика шаманизма в тувинском языке : дисс. ... канд. филол. н. Кызыл. 174 с.
- Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : РИО ТувГУ. 208 с.
- Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл : ИРНШ. 168 с.
- Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. I: А–Б. 339 с.
- Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. II: Д, Ё, И, Й. 386 с.
- Толковый словарь тувинского языка (2003) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. 599 с.
- Толковый словарь тувинского языка (2011) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. 795 с.
- Тувинско-русский словарь (1968) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 646 с.
- Хомушку, О. М. (2006) Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая : дисс. ... д-ра филос. н. М. 299 с.
- Цэцэгдарь, У. (2003) Образцы фольклора и речи Кобдоских тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 191 с.
- Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика. Новосибирск : Наука. 399 с.

Дата поступления: 12.09.2019 г.

REFERENCES

- Bavuu-Surun, M. V., Shirobokova, N. N., and Samdan, A. M. (2018) The Nomenclature of Medicinal Plants of Tuva in Dictionaries. *The New Research of Tuva*, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/805> (accessed: 10.09.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.2
- Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaja etnografija tuvintsev. Problemy kočevogo khoziaistva [Historical Ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Darzha, V. K. (2007) *Tajny mirovozzrenija tuvintsev-nomadov [Secrets of the Tuvan nomad worldview]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 255 p. (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev [Traditional Tuvan male pursuits]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 592 p. (In Russ.)
- Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologija [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaja literature Publ. 472 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaja kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 232 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tuvinskie traditsii [Tuvan traditions]*. Moscow, Troika. 352 p. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Očerki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the national life of Tuvans]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

- Simchit, K-M. A. (2009) *Leksika shamanizma v tuvinskom iazyke [Vocabulary of shamanism in the Tuvan language]*: Diss. ... Candidate of Philology. Kyzyl. 174 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponimiia [Tuvan anthroponymy]*. Kyzyl. 208 p. (In Russ.)
- Sundui, G. D. (2009) *Mir detstva kochevoi Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniia [The world of nomadic Asia's childhood: the experience of spiritual and moral education]*. Kyzyl, IRNSh. 168 p. (In Russ.)
- Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I: A–B. 339 p. (In Russ.)
- Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. II: D, E, I, I. 386 p. (In Russ.)
- Tolkovi slovar' tuvinskogo iazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language]* (2003) / ed. By D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 599 p. (In Russ.)
- Tolkovi slovar' tuvinskogo iazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language]* (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. II. K–C. 798 p. (In Russ. and Tuv.)
- Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary]* (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.)
- Khomushku, O. M. (2006) *Religiozni sinkretizm u narodov Saiano-Altaiia [Religious syncretism among the peoples of Sayan-Altai]*: Diss. ... Doctor of Philosophy. Moscow. 299 p. (In Russ.)
- Tsetsegdar', U. (2003) *Obraztsy fol'klora i rechi Kobdoskikh tuvintsev [Samples of folklore and speech of the Kobdo Tuvans]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 191 p. (In Russ.)
- Yusha, Zh. M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika [Folklore and ritual of China's Tuvans in the early 21st century: sctructure, semantics, pragmatics]*. Novosibirsk, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Submission date: 12.09.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях*

Менги В. Ондар

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализированы устаревшие слова в текстах тувинских героических сказаний (ТГС). Считается, что эпические тексты являются древними, архаичными. Несмотря свою древность, язык героических сказаний периодически обновляется, развивается в соответствии с изменяющимися процессами в языке этноса.

Источниками исследования послужили тексты ТГС в общем количестве 38 единиц, опубликованные в разных сборниках, а в настоящее время составляющие отдельную базу данных Электронного корпуса тувинского языка (<http://www.tuvan Corpus.ru/>).

Собранный материал показывает, что устаревшие слова в текстах ТГС распределяются по следующим тематическим группам: названия титула и статуса персонажей; названия военного оружия и атрибутики героя; названия предметов быта; названия частей тела человека. Было выявлено 13 архаизмов и 9 историзмов. Из них 10 единиц являются монголизмами, остальные имеют тюркское происхождение. Отдельные устаревшие слова из этих групп в настоящее время вновь возвращаются в разряд активной лексики тувинского языка, обретая новое значение.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы; тувинский фольклор; тувинские героические сказания; героическое сказание; устаревшая лексика; архаизм; историзм

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки РФ № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Ондар М. В. Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Ондар Менги Васильевна — аспирант кафедры тувинской филологии и общего языкознания, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Тел.: +7 (394-22) 5-22-50. Эл. адрес: mengi89@yandex.ru. Научный руководитель — д. филол. н. М. В. Бавуу-Сюрюн.

Ondar Mengi Vasilyevna, Post-Graduate Student, Department of Tuvan Philology and General linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (394-22) 5-22-50. E-mail: mengi89@yandex.ru. Research supervisor — M. V. Bavuu-Surun, Doctor of Philology.

Archaic words in Tuvan heroic legends*

Mengi V. Ondar

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes outdated words in the texts of Tuvan heroic tales. Epic tales are usually believed to be very old, and their language archaic. But despite its antiquity, the language of heroic tales is periodically updated and developed in accordance with changing processes in the language of the ethnic group preserving these tales.

The sources of the study 38 Tuvan heroic tales originally published in different collections. They have recently been organized into a separate database within the Electronic corpus of the Tuvan language (<http://www.tuvancorpus.ru/>).

The collected material shows that outdated words in Tuvan heroic tales are divided into the following thematic groups: words referring to the character's title or status; names of military weapons and attributes of the hero; words referring to household items; and names of human body parts. Our analysis revealed 13 archaisms and 9 historicisms, of which 10 are Mongolian borrowings, and the rest are of Turkic origin. Some obsolete words from these groups are now returning to active vocabulary of the Tuvan language, having acquired a new meaning.

Keywords: *Tuvan language; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan heroic tale; heroic tales; outdated vocabulary; archaism; historicism*

**The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).*

For citation:

Ondar M. V. Archaic words in Tuvan heroic legends. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9

Введение

Эпические тексты, в том числе тексты героических сказаний (далее — ТГС) тувинцев, как объект исследования привлекали внимание ученых с давних времен. Их изучению с точки зрения фольклористики посвящены научные труды Л. В. Гребнева (Гребнев, 1960), С. М. Орус-оол (Орус-оол, 2001). На материале разных произведений ТГС написаны отдельные статьи Л. А. Шаминой (Шамина, 2006, 2019), А. В. Байыр-оол (Байыр-оол, 2013), Л. К. Хертек (Хертек, 2015ab), А. Б. Хертек (Хертек, 2015).

Однако вопрос об изучении лексики героических сказаний остается актуальным в связи с составлением различных словарей тувинского языка.

Как отмечает И. В. Кормушин, «язык эпических произведений, содержит множество архаических элементов, по основным признакам является современным..., рассчитанное на слушателя, т. е. современника, эпическое произведение должно быть ему понятно в деталях и нюансах» (Кормушин, 2015: 22). Согласно ему, язык эпических произведений, переходя от одного поколения к другому поколению, все время подвергается изменениям и обновлениям, вследствие чего тексты сказаний становятся понятными современному слушателю.

Настоящая работа посвящена выявлению и изучению устаревших слов в языке тувинских героических сказаний. Они были собраны из текстов ТГС, составляющих отдельную базу данных Электронного корпуса тувинского языка (<http://www.tuvancorpus.ru/?q=node/25>). Этот раздел корпуса сам был собран автором настоящей статьи в 2018–2019 гг., он состоит из 38 текстов, опубликованных в разных сборниках. Тексты переведены в электронный формат и снабжены метаданными.

Как отмечает Н. М. Шанский, устаревшие слова делятся на архаизмы и историзмы (Шанский, 1972: 141). Историзмы употребляются при описании событий прошлого в целях достижения более достоверного изображения действительности «слова пассивного словарного запаса, служащие единственным выражением соответствующих понятий. При необходимости назвать какое-либо уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т. д. мы прибегаем к историзмам, так как в современном литературном языке они синонимов не имеют» (там же: 148). В свою очередь, архаизмы «обязательно должны иметь в современном литературном языке синонимы, являющиеся словами активного употребления» (там же).

Собранные нами архаизмы и историзмы делятся на следующие тематические группы: названия титула и статуса персонажей; названия военного оружия и атрибутики героя; названия предметов быта; названия частей тела человека.

Названия титулов и статуса персонажей

Как правило, сюжету эпических произведений свойственны героические подвиги главного персонажа. Он встречается на своем пути противников, имеющих разные титулы. Поэтому 9 единиц устаревшей лексики в текстах ТГС представляет собой названия титулов и статуса персонажей.

Рассмотрим их в алфавитном порядке.

Архаизмы

Авыгай. Общетюркское слово, отмеченное в древнетюркском языке. С. Э. Севортьян отмечает, что слово *апакай* ~ *афакай* — производная основа, которую можно расчленивать на *ана* + *-кай*. Элемент *ана* в тюркских языках имеет значение ‘мать’, а аффикс — *кай* имеет уменьшительно-ласкательное значение (Севортьян, 1974: 205). По данным же тувинских словарей, слово передает значение ‘почтенный человек, господин, госпожа’ (Толковый словарь ... , 2003: 57; Татаринцев, 2000: 45). Согласно Б. И. Татаринцеву, соответствия тув. *авагай* ~ *авыгай* имеются в некоторых тюркских языках, в том числе — *апакай*, *абакай* и т. д., со значениями ‘тетя’, ‘жена, супруга’, ‘знатная женщина’. Далее автор приходит к выводу, что «тюркская основа *апакай* образовалась под влиянием монгольской *абагай* ‘госпожа’» (Татаринцев, 2000: 45). Здесь же отмечается, что первая часть монгольских слов *абагай*, *аба* исторически имеет и «мужское» значение и иногда *абагай* употребляется вместо *абугай* / *авгай*, которое служит формой почтительного обращения к старшему (по возрасту, положению) (Татаринцев, 2000: 206).

В текстах ТГС слово *авыгай* передает и «женское», и «мужское» значения ‘господин, госпожа’ — почтительное обращение к старшему по положению, статусу. В основном в текстах оно встречается в словосочетаниях *хаан авыгай* — ‘царь (букв. ‘царь господин’)', *кадын авыгай* — ‘королева (букв. ‘королева госпожа’)'.

Например,

— Мен-даа чайын болурга, сарыг-суг,

Кыш болурга, сарыг-быдаа

Дилеп келген кижы мен ийин,

Хаан **авыгай** — деп олуруп-тур.

(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 84).

‘С наступлением лета, сыворотку,

С наступлением зимы, суп

Достать пришел,

Хан авыгай — говорит’

(перевод здесь и далее наш. — М. О.).

В современном тувинском литературном языке функционирует форма *агбай* в значении ‘друг, дружок’ в разговорной речи (Толковый словарь ... , 2003: 57), чаще всего в форме принадлежности 1-го лица единственного числа *агбай=ым*. Форма *авыгай* дана с пометой «*фольк.*» (фольклорное) (там же), что и подтверждают наши материалы.

Авыкай. Это слово по фонетическому звучанию и по форме близко к первому слову, однако в текстах ТГС оно встречается в составе словосочетания, называющее ‘дочь хана’. По данным словарей, слово имеет значение ‘почетный титул женщины — аристократки’ (Толковый словарь ... , 2003: 53); ‘девушка из знатной семьи; барышня’ (Татаринцев, 2000: 45). Слово является монголизмом и в монгольских языках, по данным Б. И. Татаринцева, выглядит: в старомонгольском *абагай* ~ *абахай*, монгольское *авхай*,

бурятское западное *абхай* со значениями ‘барышня’, ‘девушка знатного происхождения’, ‘дочь князя’, ‘сударыня (вежливое обращение к женщине)’ (Большой академический ... , 2001a: 32); ‘принцесса’, ‘дочь знатного человека, барышня’, ‘царевна’ (Татаринцев, 2000: 4).

Данное слово передает значение ‘дочь хана’ в тексте «Тоң-Аралчын-Хаан» в составе выражения *алдын авыкай даңгына*: ‘золотая дочь правителя красавица’. В данном сочетании слово *авыкай* используется как приложение.

Например,

*Баарга, артындан көөрге, ай херелдиг,
Мурнундан көөрге, хүн херелдиг
Алдын авыкай даңгына
Туттуна берген мындыг бооп-тур.*
(Тыва маадырлыг тоолдар, 1990: 146).

‘Когда подошел, если сзади посмотреть,
с лунными лучами,
Если посмотреть спереди,
То с солнечными лучами
Золотая дочь хана красавица была поймана’

Так, слово *авыкай* в текстах ТГС употребляется в значении ‘дочь правителя’.

Агбай. В тувинских словарях слово фиксируется как: 1. обращение к старшим по положению ‘го-сподин, госпожа’; 2. обращение с аффиксом принадлежности 1-го л. ед. ч. *агбайым* — ‘друг, дружище’ (Татаринцев, 2000: 51). В разговорной речи слово передает значение ‘пожилая женщина, баба’ (там же).

Б. И. Татаринцев полагает, что слово является монголизмом, но «более поздним, о чем свидетельствует отсутствие гласного на месте второго слога, что связано с его редукцией на монгольской почве» (там же) и монгольское *авгай* передает следующие значения: 1. ‘пожилая женщина; матушка’; ‘хозяйка дома’, ‘семейная женщина’ 2. ‘почтительное уважительное обращение к старшим’ (Большой академический ... , 2001a: 23).

В текстах ТГС данная лексема встречается в двух значениях: 1) ‘пожилая женщина’; 2) ‘почтительное обращение к старшим по статусу’. При почтительном обращении слово *агбай* встречается как один из компонентов сложных слов *хаан-агбай*, *кадын-агбай*. Например: *Кижиниң херек чок чүвези бар эвес, / Хаан-агбай — дээш, үжен үш дээрниң / Огун тө тудуп берип-тур* (Далай-Байбың хаан ... , 1994: 220) — ‘Человеку нужно все, / Хан-господин’ — сказав так, выложил стрелы тридцати трехслойного неба’.

А для обозначения пожилой женщины данное слово используется как приложение с существительным *кижи* — ‘человек’:

— *Даштыгаа маңнап чоруур ытты
Өгге олурар агбай кижини
Мен канчап билир мен*
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 240).

‘Откуда я могу знать,
Дома сидящая пожилая женщина [человек],
Собаку, бегающую на улице’.

Даңгына. В текстах ТГС слово *даңгына* передает значение ‘дочь хана’ (Татаринцев, 2002: 87), а древнетюркское *dakini* [< санскрит *daḥini* — женское к *daḥa*] передает значение ‘демонические существа’ (Древнетюркский словарь, 1969: 158). Источником появления слова *даңгына* в текстах ТГС является, согласно Б. И. Татаринцеву, монгольский народный эпос. И ученый полагает, что *dagini / дагина* — ‘богиня’, ‘фея, принцесса’ (Большой академический ... , 2001a: 18) проникло в монгольские языки через древнеуйгурское посредничество (Татаринцев, 2002: 87) в значении ‘красавица’.

В ТГС одним из типических мест является отправка главного героя в дальний путь за своей суженой, которую называют словом *даңгына*. Данное слово употребляется в составе стандартизированного выражения *ай, хүн херелдиг алдын даңгына* — ‘золотая красавица, излучающая лучи и солнца’ (букв. ‘золотая принцесса-красавица с лучами луны, солнца’).

Возможно, первоначально слово использовалось в значениях ‘красавица’; ‘принцесса’ и только со временем его семантика изменилась на ‘дочь хана’: *Ай-Хаанниң алдын даңгыназы* — ‘дочь Ай-Хана’ (букв. ‘золотая дочь Ай-Хаана’).

В настоящее время в современном тувинском литературном языке рассматриваемое слово расширило свое значение и передает значение ‘титованная красавица’, т. е. участник и победитель различных конкурсов красоты и молодости.

Мугулай [уь]. Данное слово встречается в текстах ТГС в составе выражения *бут шуглаар мугулай* и передает значение ‘жена’. Также у *мугулай* существуют другие значения: ‘совсем глупый, тупой’ (Толковый словарь ... , 2011: 374; Татаринцев, 2008: 174).

Однако слово *мугулай* в текстах ТГС как характеристика жены не употребляется, оно всегда встречается в составе устойчивого сочетания *бут шуглаар мугулай* — букв. ‘глупая, укрывающая ноги (мужу’. Б. И. Татаринцев считает, что в составе данного выражения слово *мугулай* сближается с основой монгольского глагола *мухлайдах* — ‘подвертывать, окутывать, завертывать’ в значении ‘укрывание ног’ (Большой академический ... , 2001b: 362) как проявление заботы по отношению к мужу (Татаринцев, 2008: 174).

Например,

— *Бут шуглаар мугулай деп чорааш,*
Ынчан өлүрүң ол бе?
(Тыва маадырлыг тоолдар, 1990: 168).

‘Так умереть хочешь
Из-за глупышки, укрывающей ноги’.

В современном тувинском литературном языке используется значение ‘совсем глупый, тупой’ (Толковый словарь ... , 2011: 374)

Тас. Слово *тас* передает значение ‘лысый, плешивый’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 408). В. В. Радлов отмечает, что слово *тас* передает несколько значений: ‘гладкий, голый, безволосый, плешивый’ (Радлов, 1905: 915). У Малова *tas* имеет значение ‘внешняя часть ч.-либо’ (Малов, 1951: 427). В древнетюркском словаре *tas* — ‘плохой, захудалый’ (Древнетюркский словарь, 1969: 539). В хакасском языке *тас* используется в значениях: ‘лысина, плешь’; ‘раб, слуга, пастух’ (Хакасско-русский словарь, 2006: 600).

В ТГС слово *тас* используется в значении ‘слуга, раб’.

«Эрелзей-Мергенниң күжүн билип келиңер» —
дээш,
Бодунуң шинчээчи ийи таз=ын чорудупкан.
Оон тас=тың бирээзи тургаш,
Хоржок-тур дээш, каң демир өрүм тып алгаш,
Орун дужундан өттүр
Өрүмнөп алгаштарның шинчиңге, ...
Эрниң экизи
Эрелзей-Мерген бооп-тур эвеспе аан (Алдай-Буу-
чу: Тыва маадырлыг тоолдар, 1993: 252).

‘Узнайте силу Эрелзей-Мергена – сказав,
Отправил [Кашпылдай-Мерген хан] своих
двух исследователей-слугов.
Потом один слуга сказал:
«Не получается» и нашел железный бурав,
И сверлил напротив кровати, исследовал,
Это был Эрелзей-Мерген, лучший из
мужчин’.

В настоящее время в современном тувинском языке данное слово обозначает лысину и голую, гладкую поверхность: *тас баш* — ‘лысая голова’. В разговорной тувинской речи можно встретить значение ‘пустой’: *мен шуут тас мен* — ‘у меня ничего нет’.

Как видим, слова *тас*, *даңгына*, ставшие архаизмами, в настоящее время возрождаются и в некоторых случаях передают в современном тувинском языке другие значения.

Историзмы

Из разряда историзмов все чаще встречаются в текстах героических сказаний слова *хаан* — ‘правитель’ и *тажы* — ‘сын правителя’, обозначающие титулы персонажей, они употребляются во всех текстах. Особо хочется отметить использование названия титула *каган*. Данное слово обнаружено в тексте ТГС «Хаан Караңгай», исполненным сказителем Байлаң Монгуш из Овюрского кожууна. Записано было Ч. О. Кара-Монгушем и М. Л. Даваа, и опубликовано в сборнике «Тыва улустуң тоолдары: Тываның тоолчуларының II дугаар следунуң материалдары» (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 155–176).

Каган. *Qaγan* — ‘каган, верховный правитель, главный хан’ (Древнетюркский словарь, 1969: 443), ‘хан (главный)’ (Малов, 1951: 409); по В. В. Радлову, *каған* = *ka 'an*, *kān*, *kan*, *hanь* (Радлов, 1899: 71). *Каган* — древняя форма слова *хаан* — ‘правитель’ (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 321). Считается, что этимология слова является спорной, по Г. Рамстедту, слово является китайским заимствованием *ke kuan*, а по Т. А. Бертагаеву слово является заимствованием от жуань-жуаней (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 321).

В тексте «Хаан Караңгай» слово *каган* передает значение ‘верховный правитель’: *Ол хүннү бадыр чоруткаш, дүгш соонда Болчатылыг бора тейден харап кээрге, каган=ның кода хүрээзи көстүп кээп-тир эвеспе* (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 160) — ‘После того, как он прошел целый день и стал обозревать с серой сопки Болчатылыг, то показалось государство кагана’. Это единственный случай использования древнетюркской формы слова **каган**.

Хаан. Слово передает значения ‘правитель’, ‘повелитель’, ‘предводитель’, ‘царь’, ‘хан’ (Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997: 321), в монгольских языках ‘хан, царь, глава государства, правитель страны, монарх, император, князь’ (Большой академический ..., 2002: 2). Ученые полагают, что *qan* является стяженной формой от *qaγan* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997: 321). Также, по В. В. Радлову, *ka ʼan = kaγan, kʼan, kan* — ‘титულъ великого хана Чингисова рода’ (Радлов, 1899: 71).

В текстах ТГС слово *хаан* передает значение ‘правитель’, встречается в большинстве случаев в составе многокомпонентных личных имен: *Ай-Хаан* — букв. ‘Луна-правитель’; *Хүн-Хаан* — букв. ‘Солнце-правитель’ и т. д.

В современном тувинском литературном языке слово используется в поэтическом значении ‘повелитель’: *сеткилимниң хааны* — ‘повелитель сердца’.

Тажы. По данным древнетюркского словаря, слово *tegin* является названием титула сына *хаана* — ‘титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи’ (Древнетюркский словарь, 1969: 547). В ТГС слово *тажы* используется в основном в составе изафетной конструкции¹ *хаанның тажызы* — ‘сын хана’.

Например,

Дүџште келген хаанның тажызы

Кежээге чедир ол уругну

Кайгап-даа олура хүнзээн чүвең иргин

(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 161).

‘Пришедший в полдень сын хана

До вечера на ту девушку

Смотрел и целый день сидел’.

Точно также как *даңгына*, слово *тажы* в современном тувинском литературном языке приобрело значение ‘участник и победитель конкурсов красоты’.

Среди историзмов в текстах ТГС самым частотным является слово *хаан* — ‘царь, правитель’, который встречается как самостоятельная часть речи и как один из компонентов сложных антропонимов в сказаниях.

Названия военного оружия и атрибутов

Употребление в текстах ТГС названий военного оружия и атрибутики является обязательным, поскольку сюжет эпических произведений включает поединок и борьбу противников. Также при описании внешности главного героя используются слова, обозначающие военное оружие.

Архаизмы

Кадан [агъ] болут. Первая часть данного словосочетания *кадан* передает значение ‘закаленный о стали’ (Толковый словарь ..., 2011: 23); ‘закаленное железо’ (Татаринцев, 2004: 40). Б. И. Татаринцев допускает, что слово *кадан* может быть произведено и от тюркского *kat* — ‘становиться твердым’ (Этимологический словарь ..., 1997: 334), однако для других тюркских языков оно не характерно, следовательно, приходит он к выводу, исключение составляют сибирские тюркские языки, где распространены монголизмы (Татаринцев, 2004: 40).

Второй элемент *болут* передает значение ‘сталь, булат’ (Татаринцев, 2000: 240), ‘сталь особой закалки, булат’ (Толковый словарь ..., 2003: 274). В текстах ТГС выражение *кадан болат* — ‘закаленная сталь’ является устаревшим, хотя второй компонент в настоящее время в тувинском языке активно употребляется.

Тоң-Аралчын хаан кадан болут үлдүзү-биле

Моюннарын одура шапкылааш...

(Алдай-Буучу: ..., 1993: 160).

‘Тон-Аралчын хан со своим оружием

из закаленной стали оторвав шеи...’

Хылыш. Слово *хылыш* передает значение ‘меч, сабля’ (Тувинско-русский словарь, 1968: 500). Данное слово встречается и в тюркских языках Сибири: алтайском — *qulyš*; шорском — *qulyš*; якутском — *qulyš*. В хакасском языке *хылыш* передает значение ‘меч, сабля, шашка’ (Хакасско-русский словарь, 2006: 890). В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» высказано предположение, что слово «*qilič* — ‘меч’ образовано от *qyl* — ‘делать, изготавливать, создавать’ — ‘изготовленное из металла’, также

¹Изафетная конструкция — грамматическая конструкция, характерная для семитских, некоторых западноиранских, тюркских языков, используется также в языках, испытавших влияние персидского (урду и др.).

образоподражание *qylš-qylš*» (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 570). В «Памятниках древнетюркской письменности» С. Е. Малова и древнетюркском словаре *qulyč, qilič* передает значение ‘меч’ (Малов, 1951: 416; Древнетюркский словарь, 1969: 442).

В ТГС слово *хылыш* передает значения: ‘меч’; ‘острый, железный’. В тексте ТГС «Эрелзей-Мерген, Ха-рагалзай-Мерген акышкылар» слово *хылыш* используется как прилагательное в значении ‘железный’ в составе выражения *каң хылыш даванныг аът* — букв. ‘лошадь со стальными железными копытами’.

Агдым ады каң хылыш даванныг

Хан-Шилги аът дээр боор чүве ийин — деп-тир

(Алдай-Буучу: ... , 1993: 266).

‘Имя моего коня будет

Хан-Шилги со стальными железными копытами — сказал’.

Второе значение *хылыш* — ‘меч, сабля’ встречается в указанном тексте и используется как существительное, название холодного оружия:

Иениң азырап каан

Ийи кызыл чудуруу-биле болур бис бе,

Дарганнар таптап берген

Каң хылыштары-биле болур бис бе?

(Алдай-Буучу: ... , 1993: 272).

‘Будем [сражаться] с двумя кулаками,
Которых мать воспитала?

Мастерами закованные

Стальными мечами будем [сражаться]?’

Слово *хылыш* — региональное, распространенное в тюркских языках Южной Сибири, сохранившееся из древнетюркского языка.

Историзмы

Кавынды [аѳ]. Слово, по данным тувинских словарей, передает значения ‘рожок, наполненный порохом и свинцом для быстрого заряжания ружья, средство для быстрой стрельбы’ (Толковый словарь ... , 2008: 14; Татаринцев, 2004: 27). Отрицая этимологию В. В. Радлова и М. Рясняна о том, что *камынды* и *камылды* — производные от *камын* — ~ *камыл* — ‘загораться’, Б. И. Татаринцев считает, что «исходная основа тув. *кавынды* < *кап-* (ы) *нды*, где *кап-* — указ. гл. основа вместе с алт. *хамынды* ‘патроны из костей, которые привязываются на шнурок и прикрепляются на груди’ является общетюрк. *кап* — в значении ‘хватать, ловить’» (Татаринцев, 2004: 27).

В текстах ТГС данное слово используется как прилагательное, характеризующее разновидность сосуда с узким горлом. Например, *Чүгүрген кижиде даа чүзү боор, эзирий хона берип-тир. Кавынды көгээржик ишти арагазын ийилээн дөгере ижип ап-тырлар.* — ‘Бегающий человек вдруг опьянел. Вдвоем выпили водку из рожкового сосуда с узким горлом’. В данном примере слово *көгээржик* (> *көгээр* + - *чик*), где *көгээр* передает значение: ‘кожаный сосуд с узким горлом для молочной водки’ (Татаринцев, 2002: 190).

Таким образом, слово *кавынды* используется в составе словосочетания *кавынды көгээржик* передает значение ‘рожкообразный’, т. е. ‘рожкообразный сосуд’.

Казыдак [аѳ]. По данным словарей, слово передает значения ‘острый металлический наконечник для стрелы’ (Толковый словарь ... , 2011: 36), ‘широкая подвесная пряжка на тувинском поясе, служившая для подвешивания на ней огнива, трубки и т. п.; колчан, саадак, игольник; боевая стрела; большой нож с двумя лезвиями’ (Татаринцев, 2004: 65). Б. И. Татаринцев отмечает сходные формы *казыдак* среди лексем в алтайском, шорском, башкирском, киргизском, казахском языках, в образовании которых выделяется глагольная основа *кас* (ы)- ~ *каз* (ы) — ‘втыкать (ся), вонзать (ся); колоть (ся)’ (Татаринцев, 2004: 66). По данным толкового словаря тувинского языка под редакцией Д. А. Монгуша, *казыдак* является металлическим наконечником для стрелы (Толковый словарь ... , 2011: 37).

Данная лексема встречается в трех текстах: «Далай-Байбың-Хаан», «Найгы-Майгы маадыр» и «Карыш-Кулаш хаайлыг аъттыг Күре-Хевек». Сказителем первых двух текстов является Түлүш Баазанай из Улуг-Хемского кожууна, последнего текста – Агылдыр Монгуш из Сут-Хольского кожууна. У Тулуша Баазаная лексема употребляется в сочетании с прилагательным *карыш бистиг казыдак* — ‘острый металлический наконечник стрелы с лезвием с размером пядь (букв. ‘острый металлический наконечник стрелы, у которого лезвие длиной между концами раздвинутых пальцев – среднего и большого’), у Монгуша Агылдыра *хан сыспай казыдак* — ‘крепкий острый металлический наконечник стрелы’ (букв. ‘кроваво-крепкий, острый металлический наконечник стрелы’).

Карыш бистиг казыдакты

*Кезинге сарыг кадак баглааш,
Мурнунга суп берип турган иргин*
(Далай-Байбың-Хаан: Тыва маадырлыг тоолдар, 1994: 144).

*Тос кара папшты чаңгыс черге
сырыладып тургаш,
Эътке-сөөкке эмирлбес,
Чаг-сөөкке чаңчылбас хан сыспай казыдак*
(Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 71).

‘К части наконечника стрелы с лезвием размером с пядью,
Привязав кадак (кусок узкой мягкой шелковой ткани),
Вкладывал ему’.

‘Девять котелок в одном месте
Расплавив, сделал
Кроваво-крепкий, острый металлический наконечник стрелы’.

Кайбы ~ кайбыр ~ хайбыр ~ кайбыгыр. Слово передает значение ‘боевой (о стреле)’ (Татаринцев, 2004: 71), ‘далеко летящий, предназначенный для стрельбы на далекое расстояние (о стреле)’ (Толковый словарь ... , 2011: 40). Б. И. Татаринцев полагает, что слово *кайбыр* ~ *хайбыр* — монгольского происхождения (Татаринцев, 2004: 72).

Данное слово в текстах ТГС всегда встречается в составе выражения *кайбы кара хожуула*. В некоторых случаях используются варианты *кайбы=р кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’; *кайбы=гыр кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’; *хайбы=гыр кара хожуула* — ‘боевая черная стрела’. Использование вариантов в текстах ТГС зависит от способностей, индивидуальных особенностей сказителя, исполняющего героический эпос.

*Кадыг кара чазын чүктээш,
Хайбыр кара хожуулазын хоюлдуруктааш...*
(Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 179).

‘На спину сложив крепкий черный лук,
Класть за пазуху боевую черную стрелу’.

Кызытна [ыгъ]. В текстах ТГС данное слово используется в значении ‘разновидность лука (оружия)’ (Толковый словарь ... , 2011: 277). Возможно, на наш взгляд, основой слова *кызытна* является *qis-* — ‘укорачивать, уменьшать’, значение которого дается в древнетюркском словаре и этимологическом словаре тюркских языков (Древнетюркский словарь, 1969: 447; Этимологический словарь ... , 2000: 248).

В текстах ТГС данный вид лука описывается в уничижительной форме, он имеет маленький размер, соответственно, его обладателем всегда является бедный юноша. Например, *Моң ыяш эзеңгилиг, морзук кежи төрөпчилиг, кызытна чалыг, кыпсынчыг-чаржынчыг амытан бооп алгаш, эзеңнедип-тендиңнедип чоруп олуруп-тур эвеспе (...)* — ‘Преобразовавшись в бедного человека, он шел, качаясь, имея при себе большие деревянные стремяна, барсучий чепрак, маленький лук’.

Мези [еъ]. Данная лексема имеет значение ‘холодное оружие, меч, нож’ (Толковый словарь ... , 2011: 342; Татаринцев, 2008: 97). В текстах ТГС данное слово проникло через монгольский язык, то есть является монголизмом *tese. Мэс / меса* — ‘холодное оружие (напр. нож, меч, топор)’ (Большой академический ... 2001b: 375).

— *Кылагайн ийи караан
Мурнап дежейн — дээш,
Дөрт мези демир-биле
...Чадап каан-дыр эвеспе он*
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 107).

‘Сказав:
— Сначала выкалывать буду
Сверкающих двух глаз —
С четырьмя ножами железами...
Не смог’.

Саадак. Слово выражает значение ‘колчан, охотничья сумка’ (Толковый словарь ... , 2011: 596). В монгольском языке *саадак* передает значение ‘колчан (для стрел)’; *саадаг* — ‘колчан для стрел’, *сайдак* — ‘футляр для лука и стрел’ (Большой академический ... , 2001b: 60). Согласно М. Ряснену, *саадак* < монг. *saγa-daγ* и данное слово встречается в сибирских тюркских языках: алтайском *sa:daq*, якутском *sa:dax, sa:tah* (Сравнительно-историческая грамматика ... , 1997: 567). В текстах ТГС *саадак* встречается в составе словосочетания, где используются прилагательные *кара* и *чалчай*: **кара харгыи саадак** — ‘колчан черного цвета’, **чалчай саадак** — ‘жалкий колчан’. Первое словосочетание используется для описания образа главного героя, а второе прилагательное передает значение бедности, уничижения второстепенного образа.

На основании указанного, мы видим, что многие слова, обозначающие военное оружие, были заимствованы из монгольского языка (фольклора).

Названия предметов быта и утвари

В текстах ТГС встречаются архаичные названия предметов быта, домашней утвари.

Архаизмы

Була. Данное название посуды передает значение ‘неглубокая тарелка’ (Толковый словарь ... , 2003: 311), ‘тарелка’ (Татаринцев, 2000: 290). Данное слово является монголизмом и, согласно Б. И. Татаринцеву, тувинское слово *була* ближе к старомонгольской форме слова с гласным – *i* -, которое в последующем подверглось «перелому» *пял* (Татаринцев, 2000: 290), в значении ‘блюдец, тарелка’, ‘чашка, пиала’ (Большой академический ... , 2001b: 57).

В тексте «Алдын-Чаагай», сказителем которого является Тулуш Баазанай из Улуг-Хемского кожууна, слово *була* передает значение ‘тарелка’, в составе *чалбак сарыг була* — букв. ‘плоская желтая тарелка’ оно используется в значении ‘плоская тарелка’. В плоских и больших по объему посудах преподносят горячее мясо. В большинстве случаев для этого используется *дести* — ‘деревянная продолговатая посуда’.

*Чаглыг эддин дүлгеш,
Чалбак сарыг булазынга салып,
Омактыг-каткылыг,
Чугаалыг-сооттуг турган-даа
Угбазы чүвең иргин.
(Алдай-Буучу: ... , 1993: 121).*

‘Сварив жирное мясо,
И положив в плоскую желтую тарелку,
Веселой, смешной
Разговорчивой была его сестра’.

В словарях слово *дести* переводится как ‘корыто’, что не очень соответствует назначению.

Бумба. Слово, по данным словарей, передает значение ‘банка медицинская’ (Толковый словарь ... , 2003: 314; Татаринцев, 2000: 295). Б. И. Татаринцев отмечает, что рассматриваемое слово является монголизмом *бумба* — ‘кувшин, ваза’, ‘сосуд’, ‘урна’ (Большой академический ... , 2001a: 287).

В тексте ТГС «Хаан Караңгай», исполненном сказителем Байлаң Монгуш из Овюрского кожууна, слово *бумба* передает значение ‘кувшин’. Здесь слово *бумба* используется с прилагательным *алдын* — ‘золотой’ и в составе словосочетания *алдын бумбада аржаан* — ‘лечебная вода в золотом кувшине’.

*Честезиниң аскындыва алдын бумбада аржа-
анын кудуп, эмнээрге...
(Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 171).*

‘Наливая из золотого кувшина лечебную воду в рот зятя, так лечил’.

В настоящее время в современном тувинском языке слово используется как медицинский термин.

Названия частей тела человека

Архаизмы

Кашка [аъ]. В текстах ТГС слово *кашка* встречается в составе словосочетания *кашка дии* — ‘очень белый зуб’. Оно передает значения ‘очень белый (в частности о зубах)’ (Татаринцев, 2004: 55), ‘белый’ (Толковый словарь ... , 2011: 98). Е. Рагагнин отмечает, что обозначение белого цвета в наречии *туһа* используются не общетюркское слово *aq*, а тюркское *qaşqa*, изначально обозначающее животное с головой белого цвета и темным телом (Рагагнин, 2010: 143). Как отмечает С. Е. Малов в своём труде «Памятники древнетюркской письменности», *qaşqa* передает значение ‘пятно (на лбу лошади), звезда’ (Малов, 1951: 412). В его словаре приведено монгольское (XIII в.) *qalčaq* в значении ‘пятно на лбу лошади’ (там же). Такое же значение встречается в древнетюркском словаре *qaşya* — ‘белая отметина на лбу животного звездочка’ (Древнетюркский словарь, 1969: 431). По В. В. Радлову, *кашка* передает значения ‘лысый, плешивый’, ‘лысина’: *кашка баи* ‘лысая голова’ (Радлов, 1899: 394); ‘белое пятно на лбу лошади’ (Радлов, 1899: 395).

Маңнай. Слово передает значения ‘чело, лоб’ (Татаринцев, 2008: 74), *маңгаи* = *маңлаи* — ‘лобь’ (Радлов, 1911: 2008); по Э. К. Пекарскому, *тагнаи* = *маңнаи* ‘сперва, наперед, прежде; вначале’ (Пекарский, 1958: 1500). Этимология слова является спорной. Существует точка зрения, что «монг. *таң-lai* ‘лоб’ считается алтайской параллелью (с локативным афф.)» (Сравнительно-историческая грамматика, 1997: 195). Г. Дерфер и С. Калужинский считают, что первоначальным значением рассматриваемого слова ‘лоб’ монгольского происхождения (Этимологический словарь ... , 2003: 40). Альтернативную точку

зрения предложил С. Рэсэнен, что *маңдай* как композит из двух основ тюркского происхождения *мэң* ‘мозг’ + *илай* ‘лоб’ (*māṅ* + *ilaj*) (там же).

В ТГС слово *маңнай* используется в составе стандартизированной фразы *маңнайында Мага-Хала бурган бүткен* — ‘на лбу сотворен образ бога Мага-Хала’, характеризую внешность главного героя в высокоом стиле.

Орай. Слово передает значения: ‘макушка’ (Толковый словарь ... , 2011: 459), ‘макушка, темя’; ‘лучшая часть чего-л.’ (Татаринцев, 2008: 324). В других тюркских языках *орай* ~ *урай* ~ *орой* — ‘макушка, темя; завиток волос, вихры на голове’ (там же). По этимологии слово заимствовано из монгольских языков, ссылаясь на Г. Рамстедта (Севортян, 1974: 473), на монгольском языке *oroī* / *орой* передает значение ‘вершина, верхушка, верх, макушка, темя’ (Большой академический ... 2001a: 490). Э. К. Пекарский отмечает, что *oroī* (древне-монгольское *орай*) — ‘темя, макушка’, ‘верхушка, макушка; темя’ (Пекарский, 1958: 1868).

В словарный состав ТГС слово проникло из монгольского фольклора (Татаринцев, 2009: 74) и оно употребляется с вышеуказанным словом *маңнай* в составе стандартизированной фразы при описании внешности главного героя: *Орайының кырында Очур-баанай дүрзүзү бүткен, маңнайының кырында Мага-Хала бурганның дүрзүзү бүткен* (Тыва маадырлыг тоолдар, 2012: 155) — ‘На макушке образован образ бога Очур-баанай, на лбу образован образ Мага-Хала’.

Использование указанных слов наряду с названиями божеств *Очур-баанай*, *Мага-Хала* может свидетельствовать о заимствовании из монгольского фольклора.

Заключение

Таким образом, в лексике ТГС устаревшие слова стилистически окрашивают язык героических сказаний, они свидетельствуют об архаичности эпических текстов. Обнаруженные слова в количестве 22 единиц являются наиболее активно употребляющимися словами в текстах ТГС. Они распределяются на следующие семантические группы: названия титулов и статуса персонажей, названия военного оружия и атрибутики героя, названия предметов быта, названия частей тела человека.

Многие устаревшие слова, которые относятся к названиям военного оружия и частей тела человека, являются монгольскими заимствованиями. И эти слова еще раз указывают на тесные многовековые историко-культурные контакты соседствующих народов. К общетюркской лексике относятся названия титулов и часть военной лексики.

Отдельные слова, такие, как *даңгына* и *тажы*, которые считаются устаревшими, развили свою семантику на почве тувинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алдай-Буучу: Тыва улустун маадырлыг тоолдары [Алдай-Буучу: Тувинские героические сказания] (1993) / сост. С. М. Орус-оол : в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 2. 288 с. (На тув. яз.).

Байыр-оол, А. В. (2013) Семантика форм =п-тыр и =п-тыр эвеспе в фольклорных текстах тувинского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (25). С. 4–7.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001a): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 1. 520 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001b): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 2. 536 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2001c): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 3. 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь (2002): в 4 т / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia. Т. 4. 532 с.

Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустун маадырлыг тоолу [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинское героическое сказание] (1995) / сост. С. М. Орус-оол: в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 4. 224 с. (На тув. яз.).

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Восточная литература. 145 с.

Далай-Байбың хаан: Тыва маадырлыг тоолдар [Далай-Байбын хан: Тувинские героические сказания] (1994) / сост. С. М. Орус-оол : в 5 т. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 3. 240 с. (На тув. яз.)

Древнетюркский словарь (1969) / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов и др. Л. : Наука. 676 с.

Кормушин, И. В. (2015) Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Российская тюркология. № 1 (12). С. 22–26.

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М. ; Л. : Издательство АН СССР. 451 с.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М. : Макс Пресс. 422 с.

Пекарский, Э. К. (1958) Словарь якутского языка: в 3 т. М. : Акад. Наук СССР. Т. 1. Вып. 1–4. 1279 с.

Рагагнин, Е. (2010) О некоторых особенностях саяно-тюркских наречий Северной Монголии // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности / отв. ред. К. А. Бичелдей: в 2 ч. Абакан: Хакасское книжное издательство. Ч. I. 218 с. С. 140–145.

Радлов, В. В. (1899) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. II. Ч. 1. 1051 с.

Радлов, В. В. (1905) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. III. Ч. 1. 1259 с.

Радлов, В. В. (1911) Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб. : Типография Императорской академии наук. Т. IV. Ч. 2. 1116 с.

Севортян, Э. В. (1974) Этимологический словарь: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука. 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (1997) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 800 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. I. 341 с.

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. II. 388 с.

Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. III. 440 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. IV. 442 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Татаринцев, Б. И. Избранные научные труды. Кызыл : ГУП РТ «Тываполиграф». 287 с. С. 68–82.

Толковый словарь тувинского языка (2003) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 599 с.

Толковый словарь тувинского языка (2011) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 798 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: «Советская энциклопедия». 648 с.

Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания] (1990) : в 5 т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 1. 272 с.

Тыва улустуң тоолдары: Тываның тоолчуларының II дугаар следунуң материалдары [Тувинские героические сказания: Материалы II слета сказителей Тувы] (2012) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 405 с. (На тув. яз.)

Хакасско-русский словарь (2006) / под. ред. О. В. Субракова. Новосибирск: Наука. 1114 с.

Хертек, А. Б. (2015) Категория пространства в тувинских фольклорных текстах (на материале героических эпосов и сказок) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 1. С. 326–329.

Хертек, Л. К. (2015а) К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. I. С. 188–190.

Хертек, Л. К. (2015б) Концепт «мать» в тувинских героических сказаниях // Мир науки, культуры, образования. № 6 (55). С. 341–345.

Шамина, Л. А. (2006) Формирование фонда аналитических скреп в тувинском языке (на материале фольклорных и современных художественных текстов) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. С. 21–49.

Шамина, Л. А. (2019) Лексема *шаг* 'время' и вопросы грамматикализации в тувинском языке [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 182–192. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (дата обращения: 10.12.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Шанский, Н. М. (1972) Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение. 327 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» (2003) / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Наука. 446 с.

Дата поступления: 15.12.2019 г.

REFERENCES

Aldai-Buuchu: Tyva ulustung maadyrlyg tooldary [Alday-Boucho: a Tuvan heroic legend] (1993) / comp. by S. M. Orus-ool : in 5 vols. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Vol. 2. 288 p. (In Tuv.)

Bajyr-ool, A. V. (2013) Semantika form =p-tyr i =p-tyr evespe v fol'klornykh tekstakh tuvinskogo yazyka. [The semantics of the forms =p-Tyr and =p-Tyr Avesta in Tuvan folklore texts]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 2 (25), pp. 4–7. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001a): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 1. 520 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001b): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 2. 536 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001v): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary] (2002): in 4 vols. / executive editor. G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.)

Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei: Tyva ulustun maadyrlyg toolu [Boktu-Kirish, Bora-Seeleei: A Tuvan heroic tale] (1995) / comp. by S. M. Orus-ool: in 5 vols. Kyzyl, the Tuva book publishing house. Vol. 4. 224 p. (In Tuv.)

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]*. Moscow, Vost. Lit. 145 p. (In Russ.)

Dalai-Baibyngh khaan: Tyva maadyrlyg tooldar [The Dalai Bibin Khan: Tuvan heroic legends] (1994) / comp. by S. M. Orus-ool: in 5 vols. Kyzyl, Tuvan publishing house. Vol. 3. 240 p. (In Tuv.)

Drevnetiurkskii slovar' [An old Turkic dictionary] (1969) / ed. by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.)

Kormushin, I. V. (2015) Cherty epicheskogo v drevnetiurkskikh epitafiakh [Features of the epic in ancient Turkic epitaphs]. *Rossiiskaia tiurkologiya*, no. 1 (12) 2015, pp. 22–26. (In Russ.)

Malov, S. E. (1951) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. Vol. 1. 451 p. (In Russ.)

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskii geroicheskie skazaniia (tekstologiya, poetika, stil') [Tuvan heroic legends (textology, poetics, style)]*. Moscow, MAKS Press. 422 p. (In Russ.)

Pekarskii, E. K. (1958) *Slovar' iakutskogo iazyka [Dictionary of the Yakut language]*: in 3 vols. Moscow, AN SSSR Publ. Vol. 1. Issue 1–4. 1279 p. (In Russ.)

Ragagnin, E. (2010) O nekotorykh osobennostyakh sayano-tyurkskikh narechii Severnoi Mongolii [Some features of the Sayan-Turkic dialects of Northern Mongolia]. In: *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennosti i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu tuvinskoi pis'mennosti [Tuvan writing and research issues of writing and written monuments in Russia and the Central Asia. Materials of the international research conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing]*. Ed. by K. A. Bicheldey, in 2 parts. Abakan, Khakass publishing house.. Part I. 218 p. Pp. 140–145. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1899) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii [An attempt at a dictionary of Turkic dialects]*: in 4 vols. St. Petersburg, Printing House Of The Imperial Academy Of Sciences. Vol. II, part. 1. 428 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1905) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii* [An attempt at a dictionary of Turkic dialects]: in 4 vols. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences. Vol. III. Part 1. 1259 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1911) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii* [An attempt at a dictionary of Turkic dialects] : in 4 vols. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 107 p. Vol. IV. Part 2. 1116 p. (In Russ.)

Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye* [An etymological dictionary: common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka. 768 p. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (1997) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 341 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2 (Д, Ё, И, Ы). 388 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. III: К, Л. Novosibirsk, Nauka. 440 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. 442 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An Explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 599 p. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An Explanatory dictionary of the Tuvan language] (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 798 p. (In Russ.)

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tyva maadyrlyg tooldar [Tuvan heroic tales] (1990): in 5 vols. / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Vol. 1. 272 p. (In Tuv.)

Tyva ulustung tooldary [Tuvan heroic tales]: Materials of the second meeting of the Tuva storytellers (2012) / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 405 p. (In Tuv.)

Khakassko-russkii slovar' [A Khakass-Russian dictionary] (2006) / ed. by O. V. Subrakov. Novosibirsk, Nauka. 1114 p. (In Russ.)

Hertek, A. B. (2015) *Kategoriya prostranstva v tuvinskih fol'klornykh tekstah (na materiale geroicheskikh eposov i skazok)* [Category of space in Tuvan folklore texts (based on heroic epics and fairy tales)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1, pp. 326–329. (In Russ.).

Hertek, L. K. (2015a) *K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov* [On the issue of linguistic analysis of epic texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* no. 12 (54): in 4 parts. Part I, pp. 188–190. (In Russ.)

Hertek, L. K. (2015b) *Kontsept "mat" v tuvinskih geroicheskikh skazaniyah* [The concept of "mother" in the Tuvan heroic legends]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 6 (55), pp. 341–345. (In Russ.)

Shamina, L. A. (2006) *Formirovanie fonda analiticheskikh skrep v tuvinskom yazyke (na materiale fol'klornykh i sovremennykh khudozhestvennykh tekstov)* [The formation of a fund of analytical texts in the Tuvan language (based on folklore and texts of contemporary fiction)]. *Yazyki korenykh narodov Sibiri*. Vol. 18, pp. 21–49. (In Russ.)

Shamina, L. A. (2019) *Leksema shag "vremya" i voprosy grammatikalizatsii v tuvinskom yazyke* [The lexeme shag (time) and issues of grammaticalization in the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (access date: 15.12.2019) (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Shanskij, N. M. (1972) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie. 327 p. (In Russ.)

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K̇» [An Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic lexical bases, letters "K" and "K̇"] (1997), comp. by L. S. Levitskaia et al. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. Vol. V. 368 p. (In Russ.).

Submission date: 15.12.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.10

Тувинско-хакасские лексико-семантические соответствия глаголов со значением поведения

Мария Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

Статья посвящена выявлению тувинско-хакасских лексико-семантических соответствий глаголов со значением поведения, структурно-семантическому описанию и уточнению их семантико-когнитивных характеристик. Глаголы со значением поведения в исследуемых языках, в отличие от глаголов других семантических группировок, многочисленны (в тувинском языке — 220 глаголов, в хакасском языке — 277). Среди них преобладают глаголы с оценочным, эмоциональным и экспрессивным окрасом и, соответственно, они характерны преимущественно для разговорной речи. По нашим данным, среди тувинских и хакасских глаголов поведения имеется 52 лексических эквивалентов с тождественной семантикой. Это четвёртая часть нашего фактического материала.

В ходе лексико-семантического анализа данных глаголов мы выделяем следующие типы лексико-семантических эквивалентов: 1) глаголы, абсолютно тождественные по семантико-грамматическим признакам; 2) глаголы, имеющие частичные семантические или грамматические отличия; 3) глаголы, соответствующие по внешнему облику, но содержащие некоторые семантические различия. Соотношение тувинско-хакасских лексических эквивалентов этих трёх типов неравномерно: большинство из них относятся к первому типу. Почти все они имеют тождественную грамматическую структуру, т. е. общие корни и одинаковые словообразовательные показатели. Также совпадают их семантические структуры, включая и более поздние переносные значения.

На примере лексико-семантических соответствий глаголов со значением поведения мы показали, что наиболее заметным фактором, приводящим к расширению семантического объёма лексем в отдельно взятом языке, и тем самым к расхождению близкородственных языков, является их полисемия и, соответственно, расширение сочетательных возможностей. Рассмотренные нами глаголы имеют лексико-семантические соответствия и в других тюркских языках, что является перспективой для будущих сравнительных исследований.

Ключевые слова: тувинский язык; хакасский язык; тюркские языки; лексический эквивалент; глагол со значением поведения; семантика; грамматическая структура; многозначность

Для цитирования:

Чертыкова М. Д. Тувинско-хакасские лексико-семантические соответствия глаголов со значением поведения [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/915> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.10

Чертыкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Российская Федерация, г. Абакан, пр. Ленина, д. 92. Тел.: +7 (3902) 22-24-94. Эл. адрес: chertykova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7467-4388, Researcher ID R-8898-2016

Chertykova Maria Dmitrievna, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenin Av., Abakan, 655017 Russian Federation. Tel.: +7 (3902) 22-24-94. E-mail: chertykova@yandex.ru

Tuvan-Khakass lexico-semantic correspondences in verbs of behavior

Maria D. Chertykova

N. F. Katanov Khakass State University, Russian Federation

The article is devoted to identifying Tuvan-Khakass lexico-semantic correspondences of verbs of behavior. We provide structural and semantic description and clarification of their semantic and cognitive characteristics. In these two languages, in contrast to other classes of verbs, verbs of behavior are quite numerous (220 words in Tuvan, and 277 in Khakass language). Verbs with evaluative, emotional and expressive connotations prevail among these and, accordingly, they are used mainly in colloquial speech. According to our data, are 52 of the verbs of behavior in Tuvan and Khakass languages are lexical equivalents with identical semantics, which accounts for a fourth part of the total.

In the course of lexico-semantic analysis of these verbs, we outlined the following types of lexico-semantic equivalents: 1) verbs that are absolutely identical in their semantic and grammatical characteristics; 2) verbs with partial semantic or grammatical differences; and 3) verbs which look similar, but have significant semantic differences. The ratio of Tuvan-Khakass lexical equivalents throughout these three types is uneven, with most of them belonging to the first type. Almost all have an identical grammatical structure, i.e. common roots and the same derivational indicators. Their semantic structures, including subsequently developed figurative meanings, also coincide.

The case of lexical and semantic correspondences between verbs of behavior helped us demonstrate the most influential factor contributing to an expansion of the semantic field of lexemes within a particular language, and thereby to a divergence of closely related languages, is their polysemy and, accordingly, wider combinatorial capabilities. The verbs examined in the article have their lexical and semantic correspondences in other Turkic languages, which opens a prospect for future comparative studies.

Keywords: *Tuvan language; Khakass language; Turkic languages; lexical equivalent; verb of behavior; semantics; grammatical structure; polysemy*

For citation:

Chertykova M. D. Tuvan-Khakass lexico-semantic correspondences in verbs of behavior. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/915> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.10

Введение

Тувинцы и хакасы — близкородственные тюркоязычные народы, живущие на берегу Енисея, и имеющие древние исторические, культурные, мировоззренческие связи. Их вековые контакты и взаимодействия в различных аспектах жизнедеятельности отразились в языке, фольклоре и этнической культуре. Впервые тема тувинско-хакасских лексических параллелей обсуждалась в статье В. Я. Бутанаева, где представлены материалы по общим названиям сёоков, ландшафта, природных явлений, флоры и фауны. Автор отмечает также большой пласт лексики, связанной с хозяйственной деятельностью, материальной культурой и традиционным мировоззрением тувинцев и хакасов (Бутанаев, 1993). По мнению автора, хакасский и тувинский этносы сформировались на основе древнетюркских племенных групп. Эти племена занимались скотоводством, охотой, рыболовством и собирательством дикоросов. При этом их исторически сложившийся хозяйственно-культурный комплекс был идентичен: ведение хозяйства, жилище, утварь, система питания, традиционные верования, что свидетельствует об их близких контактах на протяжении многих веков. Также результатом межплеменного взаимодействия была развитая общая терминология. «Среди общей “лесной” терминологии, несмотря на явное преобладание тюркской лексики, имеется ряд кетских и самодийских слов, что свидетельствует о включённой в состав предков хакасов и тувинцев значительной части дотюркских субстратных элементов» (там же: 37–38; см. также: Бурькин, 2018).

Помимо названных здесь лексических категорий слов в тюркских языках, в частности, в тувинском и хакасском, можно выделить множество и других тематических рядов лексико-семантических

эквивалентов. Цель настоящей статьи — выявление тувинско-хакасских общих глаголов со значением поведения, структурно-семантическое описание и уточнение их семантических характеристик.

Поведенческая лексика отличается многочисленностью и сложностью семантической структуры, поскольку в ней накладываются такие оттенки, как повышенная выразительность, закадровая эмоциональная и экспрессивная оценка деятельности человека. Наш функционально-семантический анализ хакасской глагольной лексики со значением поведения показал, что их «многочисленность и разнообразие выражений связаны с тем, что они более, чем другие глагольные единицы, отражают социально значимый фрагмент национальной картины мира, проявляющейся в связи человека не только с внешним миром, но и миром внутренним — с восприятием, эмоциями, сознанием и мышлением» (Чертыкова, 2017: 66).

На материале сибирских тюркских языков данный фрагмент лексической системы получил освещение в различных лингвистических аспектах. Наиболее близкой по теме работой является диссертационная работа А. Я. Салчак, посвящённая системному семантико-парадигматическому описанию лексико-семантической группы (далее — ЛСГ) тувинских глаголов поведения, в частности, выявлению её внутренней организации и характеристике смысловых отношений между её членами. Также рассматриваются характерные способы образования тувинских глаголов в сравнении с якутскими и определяются сходства и различия их семантики (Салчак, 2005). Лексические эквиваленты глаголов поведения в алтайском и других тюркских языках Сибири, а также в киргизском, казахском и татарском языках анализировались в статьях Е. В. Тюттешевой (Тюттешева, 2016, 2018). На материале хакасского языка глагольная лексика со значением поведения с семантико-когнитивной и синтагматической точек зрения освещалась нами (Чертыкова, 2016; Чертыкова, Салчак, 2017 и др.). Одним из результатов межвузовского сотрудничества между Хакасским государственным университетом им. Н. Ф. Катанова и Тувинским государственным университетом стал совместный проект по созданию идеографического словаря — справочника «Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках» (Чертыкова, Салчак, 2017), хакасская часть которого выполнена М. Д. Чертыковой, тувинская — А. Я. Салчак.

Материал для структурно-семантического анализа в данной статье извлечён методом сплошной выборки из этого словаря — справочника. В тувинском языке мы насчитываем 220 глаголов со значением поведения, а также 52 фразеологических единиц (ФЕ) со значением поведения, в хакасском же языке — 277 глаголов и 58 ФЕ. Также мы выявили 52 лексических соответствий глаголов поведения.

Однако мы не можем утверждать, что приведённые здесь цифры точные. Причины этому могут быть разные. В исследованиях данных глаголов в разных языках не всегда совпадают критерии их выделения в одну ЛСГ. Также некоторые глаголы, не зафиксированные в словарях, могут остаться за рамками нашего исследования, поскольку большая часть глаголов поведения относится к просторечному, разговорному стилю. В тюркских языках Сибири имеются грамматические формы, демонстрирующие притворное действие, среди которых есть формы на **-чаңна-** / **-чэңне-** (тув.: **дыңнаачаңна-** «притворяться, что слушаешь, слышишь; притворяться слушающим»; **дыңнавачаңна-** «притворяться, что не слышишь»; **көрбээчэңне-** «притворяться невидящим, делать вид, что не видишь» и т. д.); **-ачых+тан-** / **-ечік+тен-** (хак.: **ылгачыхтан-** «делать вид, что плачет; притворяться плачущим», **чүгүречіктен-** «делать вид, что бежит; притворяться бегущим», **одырачыхтан-** «делать вид, что сидит; притворяться сидящим» и т. д.). Очень богатую картину притворного действия дают аналитические конструкции **-ачых пол-** / **ечік пол-**, выражающие значение «притворяться делать что-л.» (хак.: **азыраначых пол-** «притворяться кушающим; делать вид, что кушает», **тоғыначых пол-** «притворяться работающим; делать вид, что работает» и т. д.). Эти формы принимают обычно антропоцентричные глаголы. Данная категория глаголов — симулятивов по общему категориально-лексическому значению «вести себя *каким-либо* образом» также относятся к разряду глаголов поведения, однако им требуется специальное системное исследование» (Чертыкова, Салчак, 2017: 11).

Под межъязыковыми лексико-семантическими соответствиями (или эквивалентами) принято понимать лексемы, принадлежащие к разным родственным языкам и имеющие «сходную структурно-грамматическую организацию и компонентный состав, а также характеризующиеся тождественной семантикой» (Гильфанова, 2013: 2097). А под глаголами со значением поведения мы понимаем систему действий и поступков человека во всех сферах жизнедеятельности, которые наблюдаются, контролируются и оцениваются сторонним наблюдателем. Поведенческая лексика более, чем лексические единицы других семантических категорий, описывает фрагмент языковой ментальности, видения мира конкретной нации, поскольку в ней содержатся стереотипные представления этого народа о поведении, отклонения от которой осуждаются.

Базовые глаголы со значением поведения в тувинском и хакасском языках

В ЛСГ глаголов поведения в тувинском языке базовыми, т. е. наиболее полно отражающими общее значение поведения, считаются заимствованные с монгольского языка глаголы **аажыла-** в лексико-семантическом варианте (далее — ЛСВ) «обращаться с кем-чем-л., относиться к кому-чему-л. каким-л. образом». *Эки аажылаар* — хорошо обращаться; *бак аажылаар* — плохо обращаться; {...}; **аажыла-** в ЛСВ «вести себя, поступать каким-л. образом». *Кара туразында аажылаар* — поступать самовольно, самовольничать; {...}; **чаңна-** в ЛСВ «разг. показывать характер»; {...}; **чаңна-** в ЛСВ «поступать каким-л. образом» (Чертыкова, Салчак, 2017: 14–15).

В хакасском языке базовыми являются глаголы: **тудын-** «вести себя каким-л. образом», образованный от глагола **тут-** «держат» при помощи аффикса возвратного залога **-ын-**, в сочетании с лексемами образа действия (*хомай тудын-* «вести себя плохо»; *иптиг тудын-* «вести себя прилично» и т. д.); **хылын-** «вести себя каким-л. образом» (от **хылых** «характер»). Эти глаголы лишены какой-либо стилевой маркированности. В тувинском языке глагол **туттун-** действует в значении: «быть сдержанным (выдержанным), терпеть».

Ынчангаш Эзирбен ук кочагалар чежемейниң каржыланьп, дүржоктанып турда, кызып туттунуп, шыдажып чорааны ол (Бадра, 1996: 42).

Перевод: Поэтому Эзирбен, когда эти надзиратели и свирепствовали, и бесчинствовали, изо всех сил **сдерживался**, терпел.

Чиңгис-Хаанның шерииниң баштыңчыларының бирээзи болгаиш, ындыг иттиригге алыспас дээш, кызып туттунган (Суван, 2007: 3).

Перевод: Так как он являлся одним из предводителей войска Чингисхана, чтобы не поддаться такому поступку, старательно **терпел**.

Ынчалзадаа бүгү күжү-биле туттунуп, шериглерин кичээңгейлиг баштап чоруп орган (Суван, 2007: 102).

Перевод: Но несмотря на это, **держался изо всех сил**, руководил внимательно войсками (Чертыкова, Салчак, 2017: 36).

Хакасский многозначный глагол **тудын-** в ЛСВ «сдерживаться; воздерживаться от чего-л.: *посты тудынарға* сдерживать себя; *тудынарға кирек* надо сдерживаться; *чадап ла тудын халдым* [я] кое-как сдержался» (Хакасско-русский словарь, 2006: 672) соответствует значению тувинского **туттун-** «быть сдержанным (выдержанным), терпеть». По мнению Е. В. Тюттешевой, сочетаемость тувинских базовых глаголов шире, чем у хакасских глаголов **тудын-** и **хылын-**, значительное сходство семантической структуры обнаруживается и у его алтайских эквивалентов. «Узкая сочетаемость, отсутствие лексем с таким значением в казахском и киргизском говорит о позднем происхождении данного значения у названных алтайских и хакасских глаголов. Возможно, оно возникло у них под влиянием русского языка» (Тюттешева, 2016: 96). Расширение значения глагола **тудын-** под влиянием русского эквивалента *держаться* подтверждает и его ЛСВ «держаться; не сдаваться; сопротивляться; *мин килгенче тудын* — держись до моего прихода; *ник тудынарға* — держаться стойко (крепко); *удур тудынарға* — оказывать сопротивление» (Хакасско-русский словарь, 2006: 672).

Структурно-семантическая характеристика тувинско-хакасских эквивалентов глаголов со значением поведения

Глаголы, абсолютно тождественные по семантико-грамматическим признакам

Как показывает наш материал, глагольных соответствий, относящихся к данному типу, большинство. Почти все они имеют тождественную грамматическую структуру, т. е. общие корни и одинаковые словообразовательные показатели. Также совпадают их семантические структуры, включая и более поздние переносные значения. Тувинский глагол **өөренир-** «учиться» и его хакасский вариант **үгрэн-** «учиться» имеют переносное значение «привыкать к кому-чему-л., пристраститься к чему-л.; повадиться куда-л.», например, тув.:

Ол оол меңээ шуут өөренип, эдерип туруп берген (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 515).

Перевод: Он совсем ко мне привык, начал проситься ездить вместе.

Хоорайга чурттап өөрени бердим.

Я привык жить в городе (Чертыкова, Салчак, 2017: 17).

Хак.: *Олар үгрэн парғаннар кизіні нимее салбасха.*

Перевод: Они привыкли ни во что не ставить человека.

Мин ирте турарға үгрэн парғам.

Перевод: Я привык утром рано вставать (Чертыкова, Салчак, 2017: 17).

Данное значение реализуется аналитически, при сочетании глагола с модификатором: глагол **өөренир-** + **бер-** «букв. дать» и **үгрэн-** + **пар-** «букв. идти».

Полное совпадение структурно-семантического облика обнаруживает глагол **ойна-** «играть». В данном случае произошёл перенос значения глагола на основе сходства совокупности признаков действия:

хак.: **ойна-** в ЛСВ «баловаться, забавляться, резвиться; шутить».

Час пала! Ойнирға сағын таап алған (Бурнаков, 1987: 22).

Перевод: Ребёнок (нашёлся)! Ещё надумал тут **забавляться**.

Мини? Харибге? Чок, ойнапчазар! Өөр чылғымны пирібізем, че сірер сағынғанни полбас! (Кильчичаков и др., 1991: 261).

Перевод: Меня? В тюрьму? Нет, вы **шутите!** Я отдам табун лошадей, но не будет по-вашему! (Чертыкова, Салчак, 2017: 26);

тув.: **ойна-** в ЛСВ «шутить».

Бүзүрей бердиң бе? Канчап аңаа бүзүрээр кижі сен, ойнадым ышкажыгай.

Перевод: Ты поверила? Как ты этому могла поверить, ведь я **пошутил?**

Ындыг кайын турар, Көк. Бисанаа ойнап турдуvus, баштактанып (Сюрюн-оол, 1992: 213).

Перевод: Как такое может быть, Көк? Мы просто (играли) **шутили** (Чертыкова, Салчак, 2017: 28).

В тувинском языке также действуют приближенные к **ойна-** в ЛСВ «шутить» по общей семе «вести себя несерьёзно, развязно» экспрессивные глаголы:

кожаңна- в ЛСВ «шутить, заигрывать с кем-л.».

Кадай кыстар: — Бис дүне ажылдаар улус бис — деп кожаңнап каар.

Перевод: А женщины **заигрывают**: «Мы ночью работаем» (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 149).

Мындыг таварылгада, чок болза баштактанчып, ол-бо сөстөр-биле кожаңнажыр, чок болза шуут-ла шынны ажыдар апаар (Саган-оол, 1975: 200).

Перевод: В такой ситуации, шутя друг с другом, разными словами **заигрывают друг с другом**, или приходится открывать правду (Чертыкова, Салчак, 2017: 27).

Хакасский вариант данного глагола **хочаңна-** реализуется в следующих ЛСВ: 1) «быть заносчивым, задиристым; кривляться».

Хыстарның хочаңнасчатханнарын көрүп, ирен сағалларын устығ холына сари тутхлаан.

Перевод: Наблюдая, как **кривлялись** девушки, мужчина свои усы наматывал на большой палец; 2) «быть неестественно надменным, надутым».

Наа ла килген чаачаа типсеттир салып, хочаңнап чөрче (Халларов, 1986: 10).

Перевод: Он **ходит надутым**, поскольку побеждён новобранцем (Чертыкова, Салчак, 2017: 61).

В тувинском языке у глагола **хопта-** ЛСВ1 «сплетничать; распускать ложные слухи; клеветать», а ЛСВ2 — «жаловаться»:

Арат биле Аккыстың харылзаазының дугайында суурнуң кадайлары шагда-ла хоптажып турган болган.

Перевод: Об отношениях Арата и Ак-кыс женщины села, оказывается, давно **сплетничали**.

Хакасский глагол **хопта-** также многозначен: 1) жаловаться на кого-л., что-л.; 2) сплетничать; хоптап пирерге насплетничать; 3) доносить на кого-л.; разг. ябедничать на кого-л., что-л.; хоптабызар-ға а) донести; б) сообщить кому-л. о чём-л.; хоптап назарға писать донос; ол пісті үгретчехоптабысхан

он донёс учителю на нас; *kizee хоптаба* никому не говори; *◇ чойланып хоптирға* клеветать, кляузничать (Хакасско-русский словарь, 2006: 848).

Аалдағылар чал ахчазын албинчатханнаңар өөркі настыхтарға хоптабыспачаң ма.

Перевод: Почему бы не пожаловаться вышестоящим органам о том, что в деревне не выдают зарплаты.

Семантическое содержание глагола, образованного от лексемы *матыр / маадыр / батыр / баатар*, широко представленной в тюркских и монгольских языках, в хакасском и тувинском языках почти совпадает:

тув.: **маадырлан**-в ЛСВ «вести себя геройски».

Чаа, маңаа Танды-Тывага-ла маадырланып, шүглүп турган херээ чүл? — деп чондаа хыйланы бээр.

Перевод: Ну, стоит ли только здесь, в Танды-Туве, **вести себя геройски**, побеждать? — так, даже народ начнёт выражать недовольство (Чертыкова, Салчак, 2017: 66);

хак.: **матырлан**- в ЛСВ «геройствовать, храбриться, задираться, петушиться».

Одыр сал, нимее матырлан сыхтың, аалчылардаң даа уйатсаң.

Перевод: Садись, что ж ты так **геройствуешь**, постесняйся гостей.

Тарынмаңар Арсиске, ол кізі көзіне ле матырланча.

Перевод: Не обижайтесь на Арсиса, он только при людях так **петушится** (Чертыкова, Салчак, 2017: 49).

Как видим из примеров, в семантике глагола **маадырлан**- / **матырлан**-содержится пренебрежительный оттенок. Он образован при помощи аффикса **-лан**- (слияние глаголообразующего аффикса **-ла** и аффикса возвратного залога **-н**-) и имеет значение «в поведении, действии проявлять признак, обозначенный исходной основой» (Грамматика хакасского языка, 1975: 167). В некоторых тюркских языках, например, в киргизском и казахском, глагол от данной лексики образован при помощи аффикса **-сы-н**-, придающего значение «чувствовать, переживать то, что обозначено исходной основой; нуждаться в этом» (там же: 169): **баатырсы(н)**- «считать себя богатырём, изображать из себя героя, храбриться» (Киргизско-русский словарь, 1975: 90); **батырсыну** «храбриться; чувствовать себя героем» (Бектаев, 1999: 95).

В тувинском языке **маадырлан**- в определённых контекстах синонимизируется с глаголом **мөгээр-ге** со специализированным значением «воображать себя физически сильным, считать себя хорошим борцом».

Чаңгыс-ла каттап кожуун төвүнге шүүлгеш, Адар-оол мөгээргей-ле берген.

Перевод: Победив единственный раз в районном центре, Адар-оол начал **хвастаться, считая себя хорошим борцом**.

Мөге кижги мен деп эки-ле мөгээрге сени черле октаар мен (Ооржак К.).

Перевод: **Хвастайся**, (считая себя хорошим борцом), что, ты борец, всё равно я тебя одолею (Чертыкова, Салчак, 2017: 67).

В хакасском языке подобный глагол отсутствует, хотя в фольклорных текстах встречается лексема *мөке* «богатырь; силач; *алып мөке* могучий богатырь; в составе сложных имён сказочных богатырей: *Ай Мөке* Луноподобный Мёке; *Алтын Мөке* Золотой Мёке; *Чис Мөке* Медный Мёке; {...}» (Хакасско-русский словарь, 2006: 255). Этимология данной лексики, широко распространённой в тюркских языках в вариантах *бөке / бүке / мөкө / мөке*, и её монгольской формы *бөке*, остаётся спорной. Б. И. Татаринцев, вслед за В. И. Рассадиным, считает, что данные формы приближены к *бек*, означаемому «крепкий», поскольку подобное значение было первичным и для тюркского *бөке* (Татаринцев, 2008: 150–154).

Тувинский глагол **мегеле**-и его хакасский эквивалент **микеле**- являются многозначными и стоят на стыке двух ЛСГ говорения и поведения, в текстах они часто не конкретизируют форму обмана или хитрости субъекта:

тув.:

Ынчан сеңээ кончуг аныяк кижги бооп көстүр дээш мегелеп турган мен¹.

¹Часкы хөөннер. Тыва чогаалчыларның чыынды ному. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1994. 189 с. С. 167.

Перевод: Тогда, чтобы тебе очень молодым человеком себя показать, я **обманывал** (Чертыкова, Салчак, 2017: 84);

хак.:

Пайлар піреде астарын оймахта чазыр салчалар, піреде, чох-чоос кізіні микелеп, аның чуртына кир салчалар (Баинов, 1967: 11).

Перевод: Баи иногда [своё] зерно прячут в яме, а иногда, **вводя в заблуждение** бедняков, завозят в их дома. В семантической структуре хакасского глагола **микеле-** мы выводим ЛСВ «подшучивать над кем-л.; разыгрывать кого-л.»

Паза мині микелеп полбассың (Кобяков, Топанов, 1982: 154).

Перевод: [Ты] больше **не сможешь разыграть** меня.

хак.: **махтан-** «хвалиться, хвастаться».

Узун сағаллығ, көк харахтығ апсах киреенче ол адына махтанчаң (Нербышев, 1983: 154).

Перевод: Старик с длинной бородой и зелёными глазами до старости **хвастал** своей лошастью.

Палыхчыбын тіп махтанма, өленчібін тіп өөрленме (пословица).

Перевод: **Не хвастай** тем, что рыбак, не возвышайся — не бессмертен (Чертыкова, Салчак, 2017: 68–69);

тув.: **мактан-** «хвалиться, хвастаться, бахвалиться». {...};

Кызыл чоогунга командирлери-биле аңнап тургаш, хэй элик өлүрген бис деп мактаныр.

Перевод: **Хвастается**, что, мол, когда охотился со своими командирами около Кызыла, убили много косуль; {...} (Чертыкова, Салчак, 2017: 68–69).

Данный глагол употребляется и в других тюркских языках, а также в нанайском и бурятском языках. Как отмечает А. Я. Салчак, в предложениях с глаголом **мактан-** объект хвастовства вводится часто при помощи формы на *деп* (глагол **де-** говорить в форме деепричастия на *-n*). Это объясняется тем, что ситуация хвастовства, передаваемая при помощи глагола **мактан-** часто передаётся вербально, то есть через речь (Салчак, 2005:16).

Глагол **мактан-/ махтан-**, как и предыдущий глагол **мегеле-/ микеле-**, не актуализирует способ осуществления действия (хвастовства), поэтому в зависимости от контекста, реализуется и как глагол говорения. В тувинском языке действует также глагол, конкретизирующий объект хвастовства: **че-чээрге** «хвалиться своим красноречием».

Объект хвастовства включён также в содержание образованного от имени *бай* (тув.) / *пай* (хак.) «богатство; богатый» глагола **байырга-** (тув.) / **пайорха-** (хак.):

тув.: **байырга-** «хвалиться (кичиться) своим богатством».

Чамдык улус кижги холундан эрги машина садын алгаш, муңгаранчыг байыргаар.

Перевод: Некоторые люди, купив с рук поддержанный автомобиль, сильно **кичатся своим богатством**;

«Мээң муң кара хойум бар» — деп Сержиң-оол хамыктың мурнунга байырган олурган (Ондар Э.)

Перевод: «У меня тысяча овец» — **хвастался** своим богатством перед всеми Сержин-оол (Чертыкова, Салчак, 2017: 63);

хак.: **пайорха-** в ЛСВ «кичиться своим богатством»;

Ибізінде пір тамчыг халас таа чоғыл, андарох пайорхан чөредір.

Перевод: У него самого дома даже куска хлеба нет, каким богатством **кичится**;

в ЛСВ «мнить себя богатым»:

Мин, пайорхан, ағаа аймах-пасха сырланчаң нимелер ал пиргем¹.

Перевод: Я, **стараясь казаться богатым**, купил ей много разной косметики (Чертыкова, Салчак, 2017: 64).

Аффикс **-рха-/ -ырга-** придаёт глаголу значение «считать себя (кого-либо, что-либо) таким-то» и «казаться таким-то», «проявлять (выказывать) такое-то свойство» (Исхаков, Пальмбах, 1961: 269).

¹Хакас чирі [газета]. 2000, № 89. С. 8.

Данный аффикс монгольского происхождения, в частности, по поводу алтайского глагола **байырка**- В. И. Рассадин отмечает: «[...] *байырка*- «хвастаться богатством» монг. *baɣarqa*= id. < монг. *baɣan* «богатый» [...]» (Рассадин, 2008: 74).

Эмоция злости и раздражения проявляется в различных формах: в речи, в поведении, в выражении лица и т. д., поэтому можно отметить только косвенное отношение тувинского глагола **тыртыжаңна**- «сердиться» и хакасского **тыртыстан**- «злиться, раздражаться» к разряду глаголов поведения:

тув.:

Ылангыя Богда-Кегээн көзүлдүр-ле шыжыгып, аажок тыртыжаңнааш апарган турган (Бадра, 1996; 160).

Перевод: Особенно Богда-Кегээн, открыто раздражаясь, сильно **дёргался (сердился)** (Чертыкова, Салчак, 2017: 61);

хак.:

Хымысха, чолға тимненіп, хапха азых-түлүк салча. Пағачах, аны көріп, тыртыстаныбысхан: — Хайда көргезің, ... постың азишнаң ааллап чөргенің? — тіпче!

Перевод: Муравей, собираясь в дорогу, укладывает в мешок продукты. Лягушка, увидев это, **стала раздражаться**: — Где ты видел, — говорит, — чтоб со своими продуктами в гости ходили? (Чертыкова, Салчак, 2017: 33).

Синонимами к этим глаголам по общему значению «испытывать по отношению к кому-чему-л. чувство злости и раздражения» выступают:

тув.:

кылыктан- «разозлиться, вспылить, нервничать».

Оларны боолаар херек — деп, уруг кылыктанып үндү (Саган-оол, 1975: 29).

Перевод: Их надо пристрелить — так девушка **вспылила**.

Кылыктангаиш, *караңгы органы эртип келгенимни безин эскербейн барган мен.*

Перевод: **Разозлившись**, я не заметил даже, как прошёл через тёмный лес (Чертыкова, Салчак, 2017: 34);

хак.:

хылыхтан- «вспылить, сердиться».

Арминек хылыхтан парған.

Перевод: Арминек разозлился (Бурнаков, 1977: 99).

Хыстарның пеер килгеніне хылыхтанған ол. (Бурнаков, 1977: 63).

Перевод: Он злился тому, что Хыстар пришла сюда.

Ол, хылыхтан парып, Девяткинни иңнінең сілігібіскен: — Ниме іди хысырчазың? (Халларов, 1986: 31).

Перевод: Он, вспылыв, потряхнул Девяткина за плечи: — Ты что так кричишь?

Общим для тувинского и хакасского языков является и глагол **харамнан**- «скупиться, жалеть, жадничать»:

тув.:

Оода он акшадан берем деп дилээримге харамнанды.

Перевод: Когда попросил дать хотя бы десять рублей, — **пожадничал** [...] (Чертыкова, Салчак, 2017: 78);

хак.:

Харамнанма, *столыңны сал.*

Перевод: Не жадничай, накрывай на стол.

В хакасском языке часто используется стяжённая форма данного глагола — **харан**- «жадничать»:

*Аалчыларға хайди харанчаң?*²

Перевод: Как можно **жадничать** от гостей? (Чертыкова, Салчак, 2017: 78).

¹ Хакас чоңының нымахтары. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986. 106 с. С. 100.
² Хан тигір. 1995, № 2. С. 53.

Глаголы, имеющие частичные семантические или грамматические изменения

Лексические соответствия глаголов данной категории имеют общую корневую структуру, но разные словообразовательные аффиксы, например,

тув.: **чассы-** «ласкаться, ластиться; *иезинге чассыыр* — ласкаться к матери (Тувинско-русский словарь, 1968, 521).

Бичии уруг чуруп алган чуруктарын авазынга көргүзүп, аажок өөрүп, аңаа чассып турган.

Перевод: Маленькая девочка показывала маме [свои] рисунки, радовалась, **ласкалась** (Чертыкова, Салчак, 2017: 16–17);

хак.: **чазырха-** «ласкаться; нежиться к кому-л.».

Пу оолах нога-да магаа угаа чазырхачаң, улабазына даа иди чазырхабачаң (Кобяков, Топанов, 1982: 150).

Перевод: Этот мальчик почему-то ко мне сильно **нежился**, к своему деду даже так не **нежился** (Чертыкова, Салчак, 2017: 16–17).

Глагол образован от прилагательного *час* «молодой; зелёный» при помощи аффикса **-ырха-**, основное значение которого В. И. Рассадин определяет как: «кичиться *чем-либо*; считать себя таким-то» (Рассадин, 2014: 115). Тувинский вариант глагола образован при помощи аффикса **-сы-**, добавляющее в семантику глагола значение «становиться *каким-л.*» и «приобретать данное качество» (Исхаков, Пальмбах, 1961: 266). Глагол **чассы-** «ласкаться, ластиться» синонимизируется с глаголом **эргелен-** «ласкаться».

Мен шынында баштактаныр, чүү дээр чүвел, аңаа эргеленир бодаан мен (Сюрюн-оол, 1991: 65).

Перевод: Я, правду сказать, хотел к ней **приласкаться** (Чертыкова, Салчак, 2017: 16–17).

Хакасский же глагол **иркеле-** «баловать, нежить, ласкать».

*Кем иркеледер мині, хачан мин чазырхирға хынзам?*¹

Перевод: Кто будет меня **ласкать**, когда я захочу? (Чертыкова, Салчак, 2017: 16–17),

в отличие от тувинского **эргелен-**, не принимает аффикс возвратного залога **-н-**.

Ласковое отношение к объекту со стороны субъекта действия актуализируется при помощи аффикса пунудительного залога **-т-**: тув.: **чассыт-** «ласкать, проявлять нежность»; **эргелет-** «нежить, ласкать, жалеть, приласкать»; хак.: **чазырхат-** «ласкать, баловать»; **иркелет-** «баловать, нежить, ласкать».

От тувинской производной основы **бас-** и хакасской **пас-** «давить, надавливать, нажимать» образованы 2 варианта глаголов с переносным значением «унижать; оскорблять; плохо обращаться с кем-л.; измываться, притеснять *кого-л.*»:

тув.: **базын-** / **базымчыла-**:

Кижги болган кижги бастыр хилинчектиин канчаар ыңай (С. Пюрбю).

Перевод: Все меня **унижают**, что за мучение (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 224)

Байгы күжүн дөгеп, базымчалаар бодаан (О. Кан-оол).

Перевод: Только силу свою показывая, **подумал унижить** (Толковый словарь тувинского языка, 2003: 201).

хак.: **пазын-** / **пазынчыхта-**:

Мині пазын полбассың.

Перевод: [Я] не позволю себя **унижать** (*букв. [ты] не сможешь меня унижать*);

Чалғыс ағасты чил дее пазынчыхтапча, чалғыс кізіні пайлар пазынча (Кильчичаков и др., 1991: 30).

Перевод: Одинокое дерево и ветер **угнетает**, одинокого человека баи **притесняют** (Чертыкова, Салчак, 2017: 90–91).

¹ Хакас литературасы. 4 класс. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1977. 140 с. С. 63.

Глаголы, соответствующие по внешнему облику, но содержащие некоторые семантические различия

Вышеописанному тувинскому глаголу **ойна-** синонимичен глагол **ырзаңна-** в ЛСВ «перен. шалить, баловаться, вести себя несерьёзно» по общей семе «вести себя несерьёзно, развязно».

Ол оол бола ырзаңнаан чоруур.

Перевод: Этот парень то и дело ведёт себя несерьёзно.

Ак-оолду көрдүң бе? Көрбес боор бе, уруглар аразында ырзаңайнып маңнап турбады бе.

Перевод: Ак-оола видела? Как не видеть, бегал среди девушек, вел себя несерьёзно (Чертыкова, Салчак, 2017: 32).

Глаголу **ырзаңна-** в хакасском языке соответствует глагол **ырчаңна-** «хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)».

Пабам трактор күүлезінең тыңох иде күзүреде ырчаңнабысхан.

Перевод: [Мой] отец раскатисто захохотал, заглушая гул трактора.

Данный глагол включён нами в ЛСГ глаголов со значением эмоции и описан нами в статье ранее (Чертыкова, 2014).

Среди глаголов со значением поведения немало глаголов, образованных при помощи аффикса **-аңна/-еңне**. В хакасском языке мы их насчитываем 28. Данный аффикс «... образует глаголы от глагольной основы, имеет значение учащения: **пүгүреңне-** «идти мелкими шагами, сторбившись», (**пүгүрей-** горбиться; сгибаться); **салбаңна-** «болтаться в висячем положении», (слово не расчленяется на морфемы); **сарбаңна-** «размахивать руками, разбрасывать ветви (о дереве)», (**сарбай-** торчать в разные стороны)...» (Хакасско-русский словарь ... , 2006: 1069). Среди глаголов поведения данным способом образованы, в основном, глаголы с общими значениями: 1) «вести себя кокетливо, пытаюсь заинтересовать окружающих (о женщинах и девушках)»; {...}; 2) «вести себя несерьёзно, развязно; дурить, делать гримасы»; {...} (Чертыкова, 2017: 75–76).

Синонимичный тувинскому глаголу **байыырга-** «хвалиться (кичиться) своим богатством» глагол **сыңзы-** «кичиться, чваниться, важничать»:

Мени көнгүс танывас, безин чадаарда мөндилешпес, сыңзып турар апаргандыр сен аа.

Перевод: Меня совсем не узнаешь, даже не здороваешься, оказывается, ты стал важничать (Чертыкова, Салчак, 2017: 73).

В хакасском языке данный глагол имеет звукоподражательную природу: «**сыңзирға /сыңзы-/ саг.** визжать, пищать; см. **хыңзирға**; *адай сыңзыпча* собака визжит; *Сыңзыба!* Не пиши! (о ребёнке)» (Хакасско-русский словарь, 2006: 555). Переносное значение данного глагола соответствует русск. *хныкать*.

Также следует сказать о тувинско-хакасских лексических параллелях, совпадающих по грамматическому облику, но различающихся по семантике, например, хакасский глагол **чүрексире-** «волноваться» относится к категории глаголов со значением эмоции, а тувинский **чүрексире-** имеет более обширную семантическую структуру: «1) томиться, ощущать усталость; 2) лениться, лодырничать; 3) тосковать, скучать». Как глагол поведения он функционирует в ЛСВ «лениться, лодырничать».

Бичиши уругларны дыка айбылаарга хоржок. Чалгаараар, чүрексирээр апаар.

Перевод: Маленьких детей нельзя много заставлять что-либо делать: станут лениться (букв. сердце не станет подпускать)» (Чертыкова, Салчак, 2017: 33).

Данное значение у глагола **чүрексире-** мотивирован представлением о сердце как источнике силы, энергии, доблести и храбрости в тувинском, якутском и тофаларском языках, о чём свидетельствует, например, переносное значение сердца в якутском языке *сурэх* «энергия, старание, жажда деятельности»; *сүрэхэ бэрт* «деятельный, трудолюбивый», в тувинском языке — *чүрек чок* «ленивый».

В семантике хакасского глагола **салчы-** / **чалчы-** доминирует сема говорения: «порочить, оскорблять, бранить, поносить».

Араға ізініп алча, анаң салчыпча.

Перевод: [Он] напивается, потом бранится.

Миниң ирим мегее, семьяға пір дее хайбиныбысты, — салчынча ипчизи.

Перевод: Мой муж совсем перестал обращать внимания на меня, на семью, — бранится жена (Чертыкова, 2016: 114).

Данный глагол мы относим к категории глаголов с общим значением «причинять, наносить кому-л. с помощью речи обиду, моральный ущерб» в ЛСГ глаголов говорения, хотя в выражаемый им процесс косвенно и накладывается непристойное поведение субъекта. В тувинском же языке глагол **чалчы-** действует исключительно как глагол поведения: «**чалчы-** «дебоширить, буяннить, буйствовать, скандалить (в пьяном виде)».

Чаа бажыңчекөже бергеш, артында адресиң чажырып турар сен суг дээш, шуут чалчым каанкан (Монгуш, 1990а: 41).

Перевод: **Скандалила**, мол, переехав в новую квартиру, даже свой адрес скрываешь.

Орук дургаар чоруп олура, даай-авам бир дугаарында кээп чалчыыр эвеспе деп кадайымга сагындырып каан мен (Монгуш, 1990b: 39).

Перевод: Всю дорогу, когда ехали, я своей жене напоминал, что, в первую очередь, моя тетьа придёт и **будет скандалить**.

Кадайым менче чип-чиге көргөш, мынча дээн: «Хамаан! Чалчыттынып турар ыйнаан».

Перевод: Моя жена, пристально на меня посмотрев, сказала: «Всё равно! Пусть **скандалит**» (Чертыкова, Салчак, 2017: 43–44).

Заключение

При анализе семантической структуры тувинско-хакасских лексических эквивалентов следует учитывать явление многозначности, которое приводит к расширению семантического объёма слов и, соответственно, к более свободным их сочетательным возможностям. Относительно родственных языков явление многозначности играет двоякую роль, с одной стороны, способствует развитию лексико-семантической системы одного языка, с другой стороны, на данной основе происходит расхождение (отдаление) этих языков.

Таким образом, проанализировав тувинско-хакасские лексико-семантические соответствия глаголов поведения, мы выделяем: 1) глаголы, абсолютно тождественные по семантико-грамматическим признакам; 2) глаголы, имеющие частичные семантические или грамматические изменения; 3) глаголы, соответствующие по внешнему облику, но содержащие некоторые семантические расхождения. Данные глаголы имеют лексико-семантические соответствия и в других тюркских языках, что является перспективой для будущих исследований.

Е. В. Тюнтешева в своём исследовании лексико-семантических соответствий глаголов алтайского языка в тюркских языках Южной Сибири и в кыпчакских языках на примере нескольких ЛСГ приходит к выводу, что среди глаголов со значением поведения в численности преобладают алтайско-хакасские соответствия. При этом отмечает, что «особенность глаголов поведения — относительно малое число общетюркских лексем и большое разнообразие словообразовательных аффиксов при общих корнях» (Тюнтешева, 2018: 152). По нашим наблюдениям, тувинско-хакасские соответствия глаголов поведения составляют четвертую часть нашего фактического материала. Относительно разнообразия структурно-семантических особенностей данных эквивалентов, то здесь также обнаруживается большей частью сходства их семантического объёма и словообразовательных вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадра, И. У. (1996) Арзылаң-Күдерек. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 280 с.
- Баинов, Б. (1967) Тас сом. Очерктер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 120 с.
- Бектаев, К. (1999) Үлкен қазақша-орысша орысша-қазақша сөздік / Большой казахско-русский русско-казахский словарь. Алматы : Алтын Қазына. 704 с.
- Бурнаков, Ф. (1977) Тигір оды. Повесть. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 138 с.

Бурнаков, Ф. (1987) Пора тай нанчим. Улуг чоох. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 163 с.

Бурыкин, А. А. (2018) Проблемы происхождения гидронима «каа-хем» и апеллиатива хем «река» [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/790> (дата обращения: 20.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.6

Бутанаев, В. Я. (1993) Тувинско-хакасские лексические параллели // Вопросы тувинского языкознания: сборник материалов / ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев]. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 126 с. С. 33–39.

Гильфанова, Д. А. (2013) Межъязыковые соответствия фразеологических единиц, отражающих свадебную тематику в английском, русском и татарском языках // Фундаментальные исследования. № 10–9. С. 2095–2099.

Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Изд-во восточной литературы. 472 с.

Грамматика хакасского языка (1975) / редакционная коллегия: М. И. Боргояков, А. И. Грекул, Г. И. Донидзе, Д. Ф. Патачакова; под редакцией профессора Н. А. Баскакова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 420 с.

Кильчичаков М. Е., Шульбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. (1991) Пьесалар. Выходы — сборник пьес. Абакан: Хакасское книжное издательство. 264 с.

Киргизско-русский словарь (1985) : Около 40 тыс. слов : в 2 кн. / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе : Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. Кн. 1. А — К. 504 с.

Кобяков, В., Топанов, А. (1982) Хызыл чазы. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 252 с.

Монгуш, В. Б. (1990а) Боданырга ботка херек. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 160 с.

Монгуш, В. Б. (1990b) Каш чаңныг кадай кыстар. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 216 с.

Нербышев, К. (1983) Көгүм хорымнарда. На синих утёсах (на хакасском языке) : роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 243 с.

Рассадин, В. И. (2008) Очерки по истории сложения тюрко-монгольской общности: в 2 ч. / отв. ред. С. Л. Чариков. Элиста: Издательство Калмыцкого университета. Ч. 2. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. 242 с.

Рассадин, В. И. (2014) Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета. 218 с.

Саган-оол, О. К. (1975) Чогаалдар чыындызы : в 2 т. Кызыл: Тув. кн. изд-во. Т. 2. 367 с.

Салчак, А. Я. (2005) Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 22 с.

Суван, Ш. М. (2007) Туматтар. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 150 с.

Сюрюн-оол, С. С. (1991) Чогаалдар чыындызы : в 2 т. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Т. 1. 264 с.

Сюрюн-оол, С. С. (1992) Чогаалдар чыындызы : в 2 т. Кызыл: Тувинское книжное издательство. Т. 2. 240 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука. Т. IV: М, Н, О, Ө, П. 442 с.

Толковый словарь тувинского языка (2003) : в 3 т. / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. Т. I. 597 с.

Толковый словарь тувинского языка (2011) : в 3 т. / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. Т. II. 797 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 646 с.

Тюнтешева, Е. В. (2016) Лексико-семантические соответствия глаголов поведения алтайского языка в тюркских языках южной Сибири, киргизском и казахском // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития. Материалы региональной научно-практической конференции / редколлегия: Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов, А. А. Конунов, Н. О. Тадышева, А. Э. Чумакаев (отв. ред.). Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография. 260 с. С. 94–104.

Тюнтешева, Е. В. (2018) Лексико-семантические соответствия глаголов алтайского языка в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакских языках (на примере нескольких лексико-семантических групп) // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 145–156. DOI 10.17223/18137083/65/14

Хакасско-русский словарь — Хакас — орыс сөстiгi (2006) : около 22 тыс. слов / Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова; под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука. 1114 с.

Халларов, А. (1986) Акай. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 284 с.

Чертыкова, М. Д. (2014) Антонимические и синонимические корреляции в структуре лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке (на примере глаголов мимико-звуковых групп смеха и плача) // Урало-алтайские исследования. №1 (12). С. 75–85.

Чертыкова, М. Д. (2017) Глаголы со значением поведения в хакасском языке: семантико-когнитивный аспект описания // Родной язык. Лингвистический журнал. № 1 (6). С. 65–89.

Чертыкова, М. Д. (2016) Особенности характера хакасского субъекта поведения (семантико-когнитивный подход) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. №5 (18). С. 87–90.

Чертыкова, М. Д., Салчак, А. Я. (2017) Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках: идеографический словарь-справочник. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова». 112 с.

Дата поступления: 23.10.2019 г.

REFERENCES

- Badra, I. U. (1996) *Arzylaң-Kүdereк*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 280 p. (In Tuv.).
- Bainov, B. (1967) *Tas som. Ocherkter [Stone photos. Essays]*. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. 120 p. (In Tuv.).
- Bektaev, K. (1999) *Ylken қазақша-oryssha oryssha-қазақша сөздік / Bol'shoi kazahsko-russkii russko-kazahskii slovar' [The Large Kazakh-Russian and Russian-Kazakh dictionary]*. Almaty, Altyn Kazyna. 704 p. (In Kaz. and Russ.).
- Burnakov, F. (1987) *Pora tai nanchym. Uluh chooh [My horse]*. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva, 163 p.
- Burnakov, F. (1977) *Tigir ody. Povest' [Fire of the sky. Story]*. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva? 138 p. (In Hak.).
- Burykin, A. A. (2018) Problemy proiskhozhdeniia gidronima «kaa-khem» i apelliativa khem «reka» [On the origin of the river name kaa-khem and the appellative form 'khem' (river)]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/790> (access date: 20.10.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.6
- Butanaev, V. Ya. (1993) Tuvinsko-khakasskie leksicheskie paralleli [Tuvan-Khakass lexical parallels]. In: *Voprosy tuvinskogo yazykoznaniya [Problems of Tuvan Linguistics]: a collection of articles / Ed. by D. A. Mongush and B. I. Tatarincev*. Kyzyl, Tuvinskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii. 126 p. Pp. 33–39. (In Russ.).
- Gil'fanova, D. A. (2013) Mezhyazykovye sootvetstviya frazeologicheskikh edinit, otrazhayushchikh svadebnuyu tematiku v angliiskom, russkom i tatarskom yazykakh [Interlanguage correspondence of phraseological units reflecting the wedding theme in English, Russian and Tatar languages]. *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 10–9, pp. 2095–2099. (In Russ.).
- Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).
- Grammatika hakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]* (1975) / edit. board: M. I. Borgoyakov, A. I. Grekul, G. I. Donidze and D. F. Patachakova; ed. by N. A. Baskakov. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 420 p. (In Russ.).
- Kil'chichakov M. E., Shulbaeva V. G., Mithas Turan and Kotozhkov G. G. (1991) *P'esalar. Vskhody — sbornik p'es [Seedlings: a collection of plays]*. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 264 p. (In Russ.).

Kirgizsko-russkii slovar' [A Kyrgyz-Russian dictionary]: c. 40 000 words (1985): in 2 books / comp. by K. K. Yudakhin. Frunze, Glavnaya redaktsiya Kirgizskoi sovetskoi entsiklopedii. Book 1. A — K. 504 p.

Kobyakov, V. and Topanov, A. (1982) *Hyzyl chazy*. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. 252 p.

Mongush, V. B. (1990) *Bodanyrga botka herek*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 160 p. (In Tuv.)

Mongush, V. B. (1990) *Kash chaңnyg kadai kystar*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Tuv.)

Nerbyshev, K. (1983) *Kögin horymnarda*. [On blue cliffs]. Novel. Abakan, Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. 243 p. (In Hak.).

Rassadin, V. I. (2008) *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian community]: in 2 vols. / ed. by S. L. Charekov. Elista, Izdatel'stvo Kalmyckogo universiteta. Vol. 2. *Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov* [Mongolian influence on the vocabulary of Turkic languages]. 242 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2014) *Sovremennyyi tofalarskii yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [Modern Tofalar language and its place in the system of Turkic languages]. Elista, Izd-vo Kalmyckogo universiteta. 218 p. (In Russ.).

Sagan-ool, O. K. (1975) *Chogaaldar chyndyzy* : in 2 vols. Kyzyls, Tuvan book publishing house. Vol. 2. 367 p. (In Tuv.).

Salchak, A. Ya. (2005) *Leksiko-semanticheskaya gruppy glagolov povedeniya v tuvinskom yazyke : v sopostavitel'nom aspekte*: [The lexical-semantic group of verbs of behavior in the Tuvan language in the comparative aspect]: Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 22 p. (In Russ.).

Suvan, Sh. M. (2007) *Tumattar*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 150 p. (In Tuv.).

Syuryun-ool, S. S. (1991) *Chogaaldar chyndyzy* : in 2 vols. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 264 p. (In Tuv.).

Syuryun-ool, S. S. (1992) *Chogaaldar chyndyzy* : in 2 vols. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 240 p. (In Tuv.).

Tatarintsev, B. I. (2008) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. M, H, O, Θ, Π. 442 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 597 p. (In Russ. and Tuv.).

Tolkovyi slovar' tuvinskogo iazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2011) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. II. K–C. 798 p. (In Russ. and Tuv.)

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tyuntseva, E. V. (2016) *Leksiko-semanticheskie sootvetstviya glagolov povedeniya altaiskogo yazyka v tyurkskikh yazykakh yuzhnoi Sibiri, kirgizskom i kazahskom* [Lexical and semantic correspondence between the verbs of the Altai language behavior in the Turkic languages of southern Siberia, Kyrgyz and Kazakh]. In: *Yazyk i kul'tura altaicev: sovremennye tendentsii razvitiya* [Altai language and culture: modern development trends] / Editorial board: N. V. Ekeev, E. V. Enchinov, A. A. Konunov, N. O. Tadyshcheva and A. E. Chumakaev (ed.). Gorno-Altai, Gorno-Altayskaya tipografiya nazvanie izdatel'stva. 260 p. Pp. 94–104. (In Russ.).

Tyuntseva, E. V. (2018) *Leksiko-semanticheskie sootvetstviya glagolov altaiskogo yazyka v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri i kypchakskikh yazykakh (na primere neskol'kikh leksiko-semanticheskikh grupp)* [Lexical and semantic correspondence between the Altai verbs in the Turkic languages of Southern Siberia and Kypchak languages: several lexical and semantic group cases]. *Siberian Philological Journal*, no. 4, pp. 145–156. DOI 10.17223/18137083/65/14 (In Russ.).

Khakassko-russkii slovar' — *Khakas — orys söstigi* [Khakass-Russian dictionary] (2006) : c. 22 000 words / Authors: O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov, A. I. Inkizhekova-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, P. E. Beloglazov, Z. E. Kaskarakova, A. S. Kyzlasov, R. D. Sunchugashev and M. D. Chertykova; ed. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka. 1114 p. (In Russ.).

Hallarov, A. (1986) *Akai. Povest'* [Akai. Tales]. Abakan, Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. 284 p.

Chertykova, M. D. (2014) Antonimicheskie i sinonimicheskie korrelyacii v strukture leksiko-semanticheskoi gruppy glagolov emocii v hakasskom yazyke (na primere glagolov mimiko-zvukovyh grupp smekha i placha) [Antonymic and synonymous correlations in the structure of the lexical-semantic group of the verbs of emotion in the Khakass language (for example, the verbs of the mimic-sound groups of laughter and crying)]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, no. 1 (12), pp. 75–85. (In Russ.).

Chertykova, M. D. (2017) Glagoly so znacheniem povedeniya v hakasskom yazyke: semantiko-kognitivnyi aspekt opisaniya [Verbs with the meaning of behavior in the Khakass language: semantic-cognitive aspect of description]. *Rodnoi Yazyk*, no. 1 (6), pp. 65–89. (In Russ.).

Chertykova, M. D. (2016) Osobennosti kharaktera khakasskogo sub'ekta povedeniya (semantiko-kognitivnyi podkhod) [Characteristics of the Khakass subject of behavior: a semantic and cognitive approach]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 5 (18), pp. 87–90. (In Russ.).

Chertykova, M. D. and Salchak, A. Ya. (2017) *Glagoly so znacheniem povedeniya v khakasskom i tuvinskom yazykakh: ideograficheskii slovar'-spravochnik* [Verbs with the meaning of behavior in the Khakass and Tuvan languages: an ideographic dictionary and reference book]. Abakan, Izdatel'stvo FGBOU VO «Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N.F. Katanova». 112 p.

Submission date: 23.10.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках*

Гаврил Г. Филиппов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация,

Байлак Ч. Ооржак

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ вторичных форм, возникших на основе семантически и функционально соотносимых причастных форм на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках. Формы на *-быт* и *-ган* занимают важное место в глагольных системах. Как наиболее яркие типичные тюркские причастия, сохраняя свои собственно причастные функции, и, выступая в предложении в качестве определения, они также употребляются как сказуемые в главной и зависимой частях предложения. В своей предикативной функции формы на *-быт* и *-ган* выделяются в числе основных показателей прошедшего времени. Эти формы дополнительно обладают значениями результативности и временной дистанции отдаленного действия. В сочетании с различными аффиксами, служебными словами и определенными вспомогательными глаголами формы на *-быт* и *-ган* образуют ряд синтетических и аналитических вторичных форм.

Семантическое устройство систем вторичных финитных форм, сложившихся на основе форм *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках показывают направление дальнейшего развития их базовой семантики в этих языках. В якутском языке во вторичных 12 формах на основе *-быт* актуализируются значения временной дистанции отдаленности обозначаемого действия во времени, достоверности действия в прошедшем и, как переосмысление значения перфективности — появляются значения пересказывательности и адмиратива. В тувинском языке значения миративности, косвенной эвиденциальности также получили развитие в 4-ех вторичных формах, образованных с участием формы на *-ган*.

Вторичные аналитические структуры на *-быт эт-* и *-ган* с «бытийными» вспомогательными глаголами регулярно передают значения прошедшего относительного и давнепрошедшего времени, отражая общую тенденцию формирования системы относительных времен, как и в других тюркских языках. Характерную для многих тюркских языков грамматикализацию семантики притворного действия (симуляции) действия выражают сочетания причастий *-быт/-ган* со вспомогательными глаголами *буол/-бол-*.

Ключевые слова: якутский язык; тувинский язык; причастие; вторичная форма; временная дистанция; достоверность; перфективность; миративность; косвенная эвиденциальность; относительное время

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки РФ № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Для цитирования:

Филиппов Г. Г., Ооржак Б. Ч. Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на *-быт* и *-ган* в якутском и тувинском языках [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/916> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Филиппов Гаврил Гаврильевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58. Тел.: +7 (968) 157-12-02. Эл. адрес: filippovgg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6212-7099

Ооржак Байлак Чаш-ооловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (913) 341-69-22. Эл. адрес: oorzhak.baylak@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8373-9107

Filippov Gavril Gavril'evich, Doctor of Philology, Professor, Department of Yakut Language, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University. Postal address: 58 Belinskogo st., Yakutsk, 58677000, Russian Federation. Tel.: +7 (968) 157-12-02. E-mail: filippovgg@mail.ru

Oorzhak Bajlak Chash-oolovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Scientific and educational center "Turkology", Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina st., Kyzyl, 667000, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 341-69-22. E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

Semantics of the secondary forms based on the participles on *-byt* and *-gan* in the Yakut and Tuvan languages*

Gavril G. Filippov

North-Eastern Federal University, Russian Federation,

Bailak Ch. Oorzhak

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of secondary forms that are based on semantically and functionally correlated participial forms in the Yakut and Tuvan languages. The forms ending in *-byt* and *-gan* occupy an important place in the verbal systems of the Yakut and Tuvan languages. In addition, these most striking typical Turkic participles, while retaining their proper participial functions, and acting in the sentence as a modifier, are used as a predicate in the main and dependent parts of the sentence. In their predicative function, they stand out among the main indicators of the past tense. These forms have the additional performance values and the temporal distance of the distant action. In combination with various affixes, service words and certain auxiliary verbs, the *-byt* and *-gan* forms create a number of synthetic and analytical secondary structures.

The semantic structure of the system of secondary finite forms based on the *-byt* and *-gan* forms in the Yakut and Tuvan languages shows the direction of further development of their basic semantics in these languages. In the Yakut language, the 12 secondary *-byt* actualize the semantics of temporal distance, and the reliability of actions in the past. As a result, the meaning of the perfect is rethought to add the semantics of retelling and the admirative. In the Tuvan language, the meanings of mirativity, or indirect evidentiality, also developed into 4 secondary which make use of the *-gan* form.

Secondary analytical structures combining the *et-*, *-byt* and *-gan* with auxiliary verbs of being regularly convey the meaning of the past relative and plusquamperfect, reflecting the general trend of building the system of relative tenses similar to the ones in other Turkic languages. Combinations of participles express grammaticalization of semantics of pretended action in *-byt* and *-gan* with auxiliary verbs *buol-* / *bol-*, which is typical for many Turkic languages.

Keywords: Yakut language; Tuvan language; participle; secondary forms; temporal distance; validity of action; perfectivity; mirativity; indirect evidentiality; relative time

* The work was performed in accordance with the research plan of the State task of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation No. 1.4539.2017/8.9 (project No. 34.3876.2017/PCH).

For citation:

Filippov G. G. and Oorzhak B. Ch. Semantics of the secondary forms based on the participles on *-byt* and *-gan* in the Yakut and Tuvan languages. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/916> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.11

Введение

Причастие в тюркских языках является сугубо функциональной формой, истинная семантика которой проявляется в зависимости от ее функционирования и места в предложении. Сохранение в тюркском причастии древнего глагольно-именного синкретизма позволяет ему выступать в атрибутивно-номинативной функции в начале предложения и в предикативной функции в конце предложения. Причастие послужило основой развития первичных отглагольных существительных и прилагательных, а также современных функциональных глагольных форм. На базе причастий получила свое развитие и время-модальная система тюркских языков (Филиппов, 2014: 10–18).

Одним из основных причастий в системе глагола тюркских языков является древняя форма на *-mıç*. На территории Сибири ее сохраняет якутский язык в фонетически преобразованном варианте *-byt*. В тувинском и других языках Южной Сибири не имеется форма на *-mıç*, вместо нее распространена и активно функционирует причастная форма на *-gan*, привнесенная древними кыпчакскими языками. Обе формы выражают аналогичные значения — значение результативности с оттенком неопределенного прошедшего времени (Щербак, 1981: 94) — и признаются семантически параллельными. Они занимают важное место в глагольных системах якутского и тувинского языков. Наряду с их собственно причастными функциями они употребляются как предикативные формы

в числе основных показателей прошедшего времени; в сочетании с различными аффиксами, служебными словами и определенными вспомогательными глаголами они образуют вторичные формы. На базе формы на *-быт* в якутском языке сложилось 12 синтетических и аналитических форм с различными временными, модальными и видовыми значениями. Форма на *-ган* в тувинском языке дала развитие 4 формам со значениями миративности, косвенной эвиденциальности и модальности.

Целью статьи является сопоставление семантического объема вторичных форм, образованных на базе основных форм в глагольных системах якутского и тувинского языков на *-быт* и *-ган*, рассматриваемых как дальнейшее развитие их значений результативности и временной дистанции отдаленного действия. Тотальное сопоставление вторичных форм якутского и тувинского языков, возникших на базе показателей *-быт* и *-ган* проводится в тюркской лингвистике впервые.

Материалами исследования послужили примеры из текстов художественной литературы на якутском и тувинском языках, а также сконструированные самими авторами.

Семантика вторичных форм, образованных на основе формы на *-быт* в якутском языке

В якутском языке имеется пять типов спряжения глагола: 1) спряжение краткой формой сказуемости; 2) спряжение полной формой сказуемости; 3) спряжение формами, восходящими к аффиксам принадлежности; 4) спряжение новым аффиксом спряжения, образованным при стяжении формы *э-ти+краткий аффикс сказуемости*; 5) специальное спряжение форм повелительного наклонения (Филиппов, 2014: 326–345). Рассматриваемые здесь вторичные формы спрягаются по разным типам, и значение финитной формы глагола часто зависит от типа личного оформления, поскольку сами личные показатели обладают собственными модальными значениями, которые дополняют общее значение той или иной формы. Такие дополнительные модальные значения имеют следующие личные показатели: а) аффикс принадлежности обобщает, подтверждает, что действие действительно произошло или произойдет; б) аффикс сказуемости подтверждает, сообщает в момент речи результат действия; в) личное окончание, образованное от частицы *эт-*, подтверждает (свидетельствует), что до момента речи было уже известно о совершившемся действии. На базе формы на *-быт* при участии аффикса *-лаах*, связки *эт*, частицы *эбит* и слов *баар/суох* в якутском языке сложилось двенадцать форм.

1.1. Аналитическая форма на *-быт со связкой эт + (краткий) афф. сказуемости* выражает значение давнопрошедшего времени, имеет модальное значение обобщения и дополнительно — подтверждение о том, что действие было совершено и завершено. Последнее значение вносится связкой *этэ* — ‘было’ (*утуйбут этэ* — ‘уснувший был’ или ‘он уснул’; *суруйбут этинг* — ‘ты написавший был’ или ‘ты написал’).

Преимущественное употребление этой формы в главной части темпоральных бипредикативных конструкций, когда ею выражается обнаруженный и подтвержденный результат действия, которое уже имело место еще до момента его обнаружения в прошлом, относит временную семантику в плоскость относительного времени и определяет как преждепрошедшее время. Например: *Кини иккис рота позициятыгар тиийэн кэлбитэ, быһыы-майгы күчүмэҕэй буолбут этэ* (Эристиин, 1954: 135) — ‘Когда он прибыл, на позицию второй роты, обстановка уже была напряженной’.

1.2. В структуре показателя на *-быт с частицей эбит с аффиксом сказуемости* форма на *-быт* входит также в состав адмиративной частицы *эбит* ‘оказывается’. Ее семантика очень близка к значению вышеприведенной формы на *-быт+аффикс сказуемости*, которая, по-видимому, является результатом стяжения рассматриваемой аналитической формы.

Эта форма выражает значение обнаруживаемого впоследствии и выражаемого в момент речи результата однажды совершенного (эпизодического) действия, имевшего место задолго до момента речи. Например: *Мин эйигин таптаабатах эбиппин* — ‘Я, оказывается, не полюбил тебя’; *Эн бу кинигэни миигиттэн ылбыт эбиккин* — ‘Ты эту книгу, оказывается, взял у меня’.

1.3. Форма на *-быт с частицей үһү с аффиксом сказуемости* употребляется преимущественно в 3-м лице в повествовании в нарративе и особенно в фольклоре как форма повествования и пересказывания. Например: *Былыр туруйалаах саһыл доҕордоспуттара үһү* — ‘В старину журавль с лисицей было подружились’; *Былыр-былыр Бэйбэрикээн эмээхсин олорбута үһү* — ‘Давным давно жила была старуха Бэйбэрикээн’. Частица *үһү* вносит значение пересказывательности в выражении достоверного, эпизодического действия до момента речи с оттенками результативности. Например:

Эн Москубажа үөрэммит үһүгүн — ‘Ты, оказываешься, учился в Москве (говорят)’. Эн санааҕар мин бүгүн үлэлээбэтэх үһүбүн — ‘По-твоему (букв. по твоей мысли) я, оказываешься, не работал’.

1.4. Форма на **-быттаах с аффиксом сказуемости** образована сочетанием формы на **-быт** и аффикса **-лаах** и выражает значение давнопрошедшего результативного засвидетельствованного говорящим эпизодического времени. Аффикс **-лаах** вносит значение однократности действия, аффикс сказуемости привносит значение засвидетельствованности и повествовательности. Например: *Эн биир муньааха мин эһэбин үөхпүттээххин* — ‘Было, на одном собрании ты деда моего обругал’; *Күтүөтүм Кирилэ биирдэ атаҕын анныгар олорор улары көрбөтөхтөөх* — ‘Было, зять мой Кирилл однажды не увидел глухаря, сидевшего прямо под его ногами’.

1.5. Аналитическая форма на **-быттаах с частицей эбит с аффиксом сказуемости** выражает значение обнаруженного впоследствии засвидетельствованного, эпизодического, давнопрошедшего, результативного, повествовательного действия. Адмиративное значение передается аффиксом сказуемости и частицей **эбит**. Поэтому в составе этой формы расширяется значение результата совершенного действия до момента речи, обнаруживаемое говорящим; расширяется диапазон освидетельствования и усиливается подчеркивание о совершенном в прошлом действии говорящим лицом, как вновь обнаруженном. Например: *Мин Бүөтүрү кытта «Чапаев» холкуоска солооһунна үлэлээбиттээх эбиппин* — ‘Вот, оказываешься, я вместе с Петром работал в колхозе имени Чапаева на раскорчевке’; *Эн норуот өстөөгүн кытта бииргэ үөрэммикит туһунан ситэри кэпсээбэтэхтээх эбиккин* — ‘Оказываешься, ты не полностью рассказал о том, что с врагом народа вместе учился’.

1.6. Форма на **-быттаах с «новым» аффиксом принадлежности эти с аффиксом сказуемости I** образует результативное, эпизодическое, засвидетельствованное давнопрошедшее или относительное время действия. Примеры: *Былыыр-былыр, сир ньуурун үксэ муора уутунан сабылла сылдыбыттааҕа* (Якутская, 1955: 15) — ‘Было давным-давно (было время), когда большая часть поверхности суши была закрыта (закрывалась) водой моря’; *Бачча сааһыгар дылы тыраактар диэни биирдэ, ону да ыраахтан көрбүттээҕэ* (Сысолятин, 1996: 45) — ‘Было до такого (этого) возраста, что такое трактор видел лишь раз, и то издавека’.

Как видно, семантика причастий **-быттаах/-батахтаах** с новым аффиксом принадлежности и с аффиксом сказуемости II в обеих формах одинакова. Они отличаются только привнесенными значениями спряжения: с аффиксом сказуемости II освидетельствование о былом действии происходит в момент речи, возможно, до этого говорящий на это не обращал внимание, хотя о совершенном действии знал; с новым аффиксом «принадлежности» выражается то, что освидетельствованное действие было ему известно уже давно, т. е. говорящий специально подчеркивает, что знал о действии со времени его совершения, так как он был свидетелем того, что действие было совершено давно.

1.7. Форма на **-быттаах эт с аффиксом сказуемости I** выражает в основном те же значения, что и предыдущая форма — значения результативности, эпизодичности, засвидетельствованности действия, имевшего место до момента речи — в отдаленном давнопрошедшем времени либо относительном времени. Например: *Мин оҕо сылдьан манна үөрэнэ сылдыбыттаах этим* — ‘В детстве я, бывало, учился здесь’; *Эн учууталын Федора Алексеевна биэрбит соруудаҕын толорботохтообун* — ‘Однажды, ты не выполнил задание твоей учительницы Федоры Алексеевны’.

Е. И. Коркина предполагает, что спряжение формы **-быттаах I** произошло от формы **-быттаах эти с аффиксом сказуемости I** и она называет их полной и стяженной формами (Коркина, 1970). Г. Г. Филиппов считает, что аффикс, присоединяемый к связке **э-** является древним аффиксом сказуемости, производным от стяжения **э+ти+м (-н, -Ø)**. Он определяется как новый аффикс спряжения, омонимичный аффиксу принадлежности (Филиппов, 2014).

1.8. Форма на **-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох** выражает результативное, эпизодическое действие до момента речи, значение, близкое к значению формы на **-быттаах с аффиксом сказуемости I**. Положительный аспект (со словом **баар**) содержит значение прошедшего эпизодического времени: *Саас биирдэ ыһыы үлэтин саҕана бу күөлгэ кус ыта хоммутум баар* — ‘Однажды весной во время посевных работ я на этом озере охотился на уток’.

Употреблением данной формы в отличие от формы на **-быттаах+I** отмечается незаурядность случившегося эпизода, например, когда хотят выразить досаду, возмущение, удивление: *Маайа барахсан бачча дойдуга Даайыһы көрсүөм диэн кэлэ турбута баар* (Софронов, 1927: 73) — ‘И подумать только, бедная Майя из-за одного желания повидаться с Даей приехала (была) в такую даль’. Иногда эта

форма выражает видовой оттенок быстрого совершения действия: *Көрүөн бэтэрээ өттүгэр Арыпыана кыһырбыта баар* — ‘Не успеешь оглянуться, как Агрипина уже рассердилась’.

Отрицательный же аспект (со словом *суох*) такого значения не имеет. *Айыыны абааһы бастаабыта суох* (Худяков, 1969: 66) — ‘Не было того, чтобы черт первенствовал над айыы’; *Урут ууга түһэр киһи биирдэ да итинник хаһытаабыта суох* (Хоттугу сулус, 1944.1: 53) — ‘Раньше (не было того, что) тонущий в воде человек (кричал так) никогда так не кричал’.

1.9. Форма на *-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох (а) этэ* выражает подтверждаемое говорящим прошедшее результативное эпизодическое действие. Первая часть аналитической формы указывает на прошлое законченное, завершённое, результативное действие, слово *баар* привносит значение эпизодичности и что действие действительно было совершено единожды, частица *этэ* — значение засвидетельствованности. Например: *Муодарҕаатым ээ, тойоноум. Хаһан мин итинниги истибитим баарай?* (Якутская, 1955: 120) — ‘Вот, я удивился, мой господин. Когда же я мог услышать раньше такое?’; *Эйигин утары сангарбытым суох этэ* — ‘Не было того, что я против тебя говорил’.

Е. И. Коркина считает, что эта форма выражает давнопрошедшее результативное эпизодическое действие: «По значению это то же прошедшее эпизодическое время, только относительно отдаленное от момента речи, отнесенное в плоскость давнопрошедшего времени и, как правило, предшествующее другим прошедшим действиям» (Коркина, 1970: 136).

1.10. Форма на *-быт с аффиксом сказуемости I баар/суох эбит* выражает синонимичное с предыдущей формой значение, выражает засвидетельствованное говорящим как обнаруженное в момент речи результативное, давнопрошедшее совершённое эпизодическое действие. Например: *Көмүһү кистээбитин баар эбит* — ‘Оказывается, (у тебя есть вина, того что) ты прятал золото’; *Куоракка киһирэн иһэн аргыскынаан охсуспутун баар эбит* — ‘Оказывается, ты по дороге в город подрался со своим спутником’.

1.11. Аналитические формы на *-быт/-батах с аффиксом сказуемости I, -быттаах/-батахтаах с аффиксом сказуемости I буолуо* выражают засвидетельствованное говорящим как результативное эпизодическое действие, совершённое задолго до момента речи, осложненное модальным значением предположительности. Например: *Эн кинини көрсөн баран, билбэтэҕин буолуо* — ‘Ты, видимо (возможно), встретившись с ним, (его) не узнал’; *Кини кэлбитэ буолуо* — ‘Он, наверно, приехал’; *Баһылай хаһан эрэ сөмөлүтүнэн көппүтэҕэ буолуо* — ‘Басылай когда-нибудь да, видимо, летел на самолете’;

1.12. Форма на *-быт/-батах* в 3-ем л. ед. ч. аффикса принадлежности в сочетании со вспомогательным глаголом *буол-* ‘быть’ образует модальную форму симулятивности и притворства. Например: *Мөкүрдээнп сымыйанан күлбүтэ буолла* (Доҕордуурап, 1952: 67) — ‘Мякюрдянов притворно сделал вид, что смеется’; *Муостаҕа сонун саптан утуйбута буолара* (Павлов, 1970: 16) — ‘Прикрывшись своим пальто, притворялся, будто спит’; *Остуолларын тула аһаабыта буоллулар* (Омоллоон, 1967: 216) ‘Сидя вокруг стола (бедаолаги), делали вид, будто кушают’.

Таким образом, в якутском языке богато представлены вторичные формы, имеющие в своей основе форму на *-быт*. Они образованы последовательным наращением к ней элементов — лексем *баар/суох*, вспомогательного глагола *буол-*, древнего глагола э- ‘быть’, перешедшего в разряд частиц в застывших формах прошедшего времени (*э-тэ, *э-бит), а также других частиц. Структурные элементы в этих сложных образованиях, сочетаясь друг с другом по внутренним законам синтагматики якутского языка, вносят свою семантику, которая в большинстве своем является еще прозрачной в общей семантической структуре аналитической формы. Их семантика дополняется значениями, вносимыми личными показателями, и в зависимости от типа спряжения выражают разные значения. Семантические характеристики описываемых аналитических форм в сравнении с синтетическими формами на *-быт* приводятся в таблице на стр. 137.

Значимость временной дистанции стирается в последних трех формах, образованных с участием лексем *баар/суох*. Все формы обозначают достоверные действия в прошедшем, кроме формы пере-сказывательности на *-быт үһү*. Достоверность действий достигается благодаря факту наблюдения (прямой засвидетельствованности). Наблюдателем может быть говорящий — в формах с личным аффиксом, восходящим к аффиксам принадлежности и формах с частицей *этэ*. Причем наблюдению говорящего доступен был сам процесс (эпизод) или результат. В формах с частицей *эбит* конкретно не указывается субъект наблюдения, которому оказываются доступны равно как сам процесс действия, так и результат предшествовавшего действия. Последние формы осложнены значением неожиданного обнаружения — адмиратива.

Таблица. Семантические характеристики формы на -быт и вторичных форм с компонентом -быт в якутском языке.

Table. Semantic features of the -byt form and of the secondary form with the -byt component in Yakut language.

Вторичные формы	Семантические характеристики							
	Временная характеристика	Достоверность	Результативность	Засвидетельствованность	Адмиративность	Подтверждение	Эпизодичность	Повествовательность
-быт+афф. принадл.	ПП	+	+	+Г	-	-	-	+
-быт+афф. сказ.2	ДП	+	+	+	-	-	-	-
-быт этэ+афф. сказ.1	ДП	+	+	+Г	-	+	+	-
-быт эбит + афф. сказ.	ДП	+	+	+Г	+	-	+	-
-быт үһү	ДП	∅	∅	К+	-	-	-	+
-быттаах+ афф. сказ.	ДП	+	+	+	-	-	+	+
-быттаах эбит+ афф. сказ.	ДП	+	+	+Г	+	-	+	+
-быттаах+ новый афф. сказ.	ДП	+	-	+	-	+	-	-
-быттаах эт+ афф. сказ.	ДП	+	-	+	-	-	-	-
-быт баар/суох	П	+	+	∅	∅	+	+	-
-быт баар/суох этэ	П	+	+	+Г	∅	+	+	-
-быт баар/суох эбит	П	+	-	+Г	+	+	+	-

Принятые обозначения: ДП — давнопрошедшее время; П — прошедшее время, ПП — преждепрошедшее время; + — наличие признака; - — отсутствие признака; +Г — признак определяется говорящим; К+ — косвенный признак; ∅ — немаркированность признака.

Семантика вторичных форм на базе формы на -ган в тувинском языке

Форма на -ган в предикативной функции является полисемантической, главным значением которой является выражение значения немаркированного прошедшего времени — констатации состоявшегося до момента речи факта совершения действия. Данное значение определяет и употребление этой формы в самых разных типах текстов, когда требуются описание и перечисление неопровержимых фактов высокой достоверности. Она также может выражать и значение «отдаленных» и «сверхотдаленных» давнопрошедших действий, как и якутская форма на -быт.

В отличие от якутской формы на -быт форма на -ган может выражать: 1) значение вневременного действия, констатацию неопровержимого факта наличия некоторого положения дел действительности, актуального и достоверного вне зависимости от времени; 2) воображаемое действие в настоящем времени (Ооржак, 2018: 62-80).

Форма на -ган в тувинском языке входит в состав полусинтетических и аналитических форм глагола. В сочетании с частицей -дыр форма на -ган образует полисемантическую форму на -ган-дыр, также участвует в аналитических конструкциях и формах, в которых оформляет первый компонент.

2.1. Форма на -ган-дыр передает значения:

1) предположения по имеющимся следам и фактам: *Бо мынчаар ийи хире киш чоруп турган-дыр. Эртен бээр кээр бис* (Чадамба, 1978: 129) — 'По этим местам (похоже) ходило около двух соболей. Завтра придем сюда'; *Беш аңчы алды катап боолаан соонда, аң болбайн канчаар ийик, даяланган-дыр, ам барып бараалгаалы, эрлер* (там же: 56) — 'Пять охотников шесть раз выстрелили, скорее всего имеется добыча, (похоже) была застреляна, пойдёмте, парни';

2) в текстах разного жанра и пересказываемости речи: *Уруг-даа шуваланчы кадайга чугаалап олурган-дыр* (из сказки: Бокту-Кириш ..., 1995: 100) — 'Говорят, что девушка (так) рассказывала старой женщине'; *Чөөн-Хемчик районда бир малчын кижы 100 хойдан 162 хураган өстүрүп алган-дыр* (Чадамба, 1978: 80) — 'Говорят, что в Дзун-Хемчикском районе один скотовод вырастил из 100 овец 162 ягнят';

3) адмиратива в разговорной речи: *Номчуттунуп чыткаш, удуп калган-дыр мен* — 'Пока читал, оказывается, я уснул';

4) подтверждения, констатации факта того или иного имеющегося положения дел, совершения исполнения какого-либо действия: *Ам орайтаан-дыр. Хараал көзүлбестеп келди* (Сарыг-оол, 1977: 205) — 'Стало уже поздно. Место наблюдения становится не видным'.

2.2. Аналитическая форма на -ган чүйүк/чүк. Д. А. Монгушем отмечается, что частица чүйүк/чүк сочетается с только так называемыми глаголами 'бытия'¹ со значениями 'быть, жить' в форме прошедшего времени на -ган (Монгуш, 1998; Монгуш, 2009: 148). Образованная «бытийным» глаголом в форме на -ган и частицей чүйүк/чүк аналитическая форма имеет значение категорической достоверности статического пребывания субъекта в том или ином состоянии / положении в настоящем времени как результата действия до момента речи. Рассмотрим примеры: *Мен чугаалап олурган чүйүк мен* (Сарыг-оол, 1961: 60) — 'Я же вот говорю'; *Чеди бурганы башкылар өрээлинде турган чүк* — 'Семь его фигурок бурханов стоят в комнате учителей' (пример фразы и ее перевода взят из: Монгуш, 2009: 148).

По мнению Д. А. Монгуша, сочетание формы на -ган и частицы чүйүк/чүк дает синтетическую форму на -ганчык, функционирующую в речи. Например: *Кайнаар чүктээрин бис билир-ле болгай бис, аппарыт-даа турганчык бис* (Сарыг-оол, 1977: 19) — 'Мы ведь сами знаем, куда (мешки с зерном) относить, мы ведь и таскаем их (как нужно)'; *Дүлгүүр бо чытканчык, канчап көрбедиң* — 'Вот же лежит ключ, как ты не увидела'. Полный анализ семантики формы на -ганчык пока еще не проводился. В системе грамматических форм глагола она еще не имеет категориального статуса.

2.3. Аналитическая конструкция на -ган+тур-(олур-, чор-, чыт-)² является полисемантической. Во-первых, она формирует серию относительных времен в области прошедшего и в зависимости от временной формы, в котором стоит вспомогательный глагол — настоящего, настоящего-будущего или одного из прошедших времен, она выражает значения:

¹ К данной группе относятся глаголы тур- 'стоять', 'жить', 'пребывать', 'быть'; чор- 'ходить', 'бывать', 'быть'; олур- 'сидеть', 'жить', 'находиться'; чыт- 'лежать', 'находиться', 'быть', которые употребляются как самостоятельные, так и как вспомогательные в аналитических формах и конструкциях.

² Здесь глаголы тур-, олур-, чор-, чыт- выступают в служебной функции.

1) эпизодического настоящего действия в прошедшем: — *Ыглава, мээң хураганнар ымыр сен, кызым — деп, Барыңмаа бичии уругну көгүткен тур* (Черлиг-оол, 1990: 54) — ‘Не плачь, возьми моих ягнят, доченька — (как я вижу) уговаривала Барыңмаа маленькую девочку’;

2) эпизодического широкого настоящего времени действия в прошедшем: *А Окпан-оол оларга бодаарга амыр. Школа доостуру билек, бо халып келген турар* (Дуюнгар, 1996: 14) — ‘А Окпан-оол по сравнению с ними прост. Как только школьный год заканчивается, вот (обычно) он прибегает (к тете помогать) (букв. прибывший бывает)’.

3) эпизодического длительного (продолжающегося) в сфере прошедшего: *Эртежик оттуп кээрге, кудай дагын бораңнаан турган* (Чадамба, 1978: 76) — ‘Когда он проснулся, то опять шел дождь (букв. небо опять дождило)’.

Во-вторых, данная аналитическая конструкция выражает то или иное состояние субъекта в определенном моменте в прошедшем. На момент реализации действия указывают, как правило, обстоятельства времени, придаточное времени или контекст. Например: *Ол аразында ийи хой бо оолдапкан чыткан* (Чадамба, 1978: 70) — ‘Между тем (букв. тот маленький промежуток времени) две овцы огнятились’.

2.4. Аналитическая конструкция на **-ган+бол-** в зависимости от грамматического оформления вспомогательного глагола формирует:

1) эпизодичное действие в широком настоящем времени — форма на **-ган+болур**: *Чүгле аңчылар дыңнаан болур* (Кудажы, 1984: 212) — ‘Бывало, об этом слышали только охотники’ (пример взят из: Шамина, Ондар, 2003: 134);

2) относительное время действия в сфере прошедшего времени с дополнительным значением обнаружения (адмиратива) — формы на **-ган+болду, -ган+болган**. Первая форма выражает ситуацию в прошедшем времени, в которой говорящий судит по наглядному результату совершенного действия: *Хөөкүй ағдым аажок арыпкан болду* (Кудажы, 1984: 175) — ‘Оказалось, бедная моя лошадь сильно похудела’ (Шамина, Ондар, 2003: 137); вторая — ситуацию в прошедшем времени, результат которой засвидетельствован говорящим или 3-им лицом: *Ада-иезинге телеграмма озалдап четкен болган* (Кужугет, 2005: 30) — ‘Оказалось, телеграмма пришла родителям с опозданием’.

Значение симулятивности формируется трехкомпонентной аналитической конструкцией, первым компонентом которой является форма причастия на **-ган**, вторым — вспомогательный глагол **бол-** в форме деепричастия на **-п**, третьим компонентом — глагол в спрягаемой форме (в роли последнего компонента регулярно употребляется и сам глагол *мегелен-* ‘притворяться’ (Салчак, 2004: 50–51)). Часто появляется в структуре данной конструкции слова *кижи* — ‘человек’, *улус* — ‘люди’, грамматикализирующиеся в сочетании с причастиями и указывающими субъект третьего лица (см. об этом явлении в: Монгуш, 1983; Ооржак, 2018: 187). Рассмотрим примеры: *Шылаан улус болуп чыдыткан* — ‘Они легли, притворяясь усталыми’; *Ол дүлей кижилер болуп мегеленип олурган* — ‘Он сидел, притворяясь глухим.’

Заключение

1. Тюркское причастие отражает живые процессы развития языка, когда происходят функциональное словообразование и формообразование в грамматической системе языков. Так, вторичные видо-временя-модальные формы, возникшие на основе причастных форм на **-быт** и **-ган** в современных якутском и тувинском языках, представляют собой конечный путь переосмысления причастий от древней глагольно-именной синкретичной основы на современном этапе; показывают направление семантического и формального развития данных причастных форм.

2. На основе причастной формы на **-быт** в якутском языке строится целая разветвленная видо-временная подсистема. Тувинская форма на **-ган** является базой для сравнительно меньшего количества новых грамматических образований с темпоральной и эвиденциальной семантикой.

3. В результате синтетического формообразования в якутском языке образуется новая полисемантическая форма на **-быттаах**, которая спрягается по трем типам спряжения. Она выражает значения эпизодичности действия, результативности и значение давнопрошедшего времени.

4. В результате аналитического формообразования от словосочетания спрягаемой формы причастия на **-быт** с аффиксом принадлежности и имен *баар/суох* «есть/нет» образуется личная форма глагола **-быт+ым баар/суох**.

5. Форма на *-ган* в тувинском языке в сочетании с частицей *-дыр* регулярно передает значения адмиратива и пересказывательности. Она структурно и семантически близка сочетанию формы на *-быт* в сочетании с частицей *үһү*.

6. Аналитические структуры — в якутском языке сочетание формы на *-быт* со связкой *эт-* (это сочетание является более грамматикализированным, чем подобное в тувинском) и сочетание формы на *-ган* с «бытийными» вспомогательными глаголами в тувинском языке — передают значения прошедшего относительного и давнопрошедшего времени. Они имеют тенденцию формирования системы относительных времен, как это наблюдается и в других тюркских языках.

7. Как и во многих тюркских языках, в якутском и тувинском языках отмечаются грамматические показатели, передающие значения притворного действия (симуляции) действия, образованные на базе сочетания причастий *-быт/-ган* и вспомогательных глаголов *буол-/бол-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустун маадырлыг тоолу [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тувинское героическое сказание] (1995) : в 5 т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. IV. 224 с. (На тув. яз.).

Дофтордуурап, М. (1952) Аныгы Лонкууда [Новая Лонкуда]. Якутск: Кн. изд-во. 163 с. (На як. яз.).

Дуонгар, М. (1996) Хөлөгелер [Тени]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 112 с. (На тув. яз.).

Коркина, Е. И. (1970) Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука. 308 с.

Кудажы, К. (1984) Танды кежи [Дар тайги]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 218 с. (На тув. яз.).

Кужугет, М. (2005) Идегел [Надежда]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 96 с. (На тув. яз.).

Монгуш, Д. А. (1983) О служебных функциях слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Изд-во Инст. истории, филологии, филологии СО АН СССР. 170 с. С. 12–35.

Монгуш, Д. А. (1998) Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. № 4. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 270 с. С. 122–153.

Монгуш, Д. А. (2009) Тувинский язык и письменность. Избранные труды. Кызыл: ГУП Тыва полиграф. 248 с.

Омоллоон, С. (1967) Талыллыбыт айымнылар [Избранные произведения] : в 2 т. Якутск : Кн. изд-во. Т. II. 496 с. (На як. яз.).

Ооржак, Б. Ч. (2018) Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири) : дисс. ... док. филол. наук. Кызыл. 507 с.

Павлов, Н. (Тыаһыт) (1970) Кууһума [Кузьма]. Якутск: Кн. изд-во. 88 с. (На як. яз.).

Салчак, А. Я. (2004) Передача значения симулятивности в древнетюркском и в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. № 14. / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 236 с. С. 48–52.

Сарыг-оол, С. (1961) Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 210 с. (На тув. яз.).

Сарыг-оол, С. (1977) Хүннүн ыраажылары [Певцы солнца]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 442 с. (На тув. яз.).

Софронов, А. И. (1927) Олох дьэбэрэтэ [Болото жизни]. Якутск: ССӨС норуоттарын кинигэ бэчээттиир киин сирэ. 60 с. (На як. яз.).

Сысолятин, И. (1996) Хахыйах [Березка]. Якутск : Кн. изд-во. 276 с. (На як. яз.).

Филиппов, Г. Г. (2014) Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск: Издательский дом СВФУ. 607 с.

Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука. 440 с.

Чадамба, Л. (1978) Чогаалдар чыындызы [Избранные произведения]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 302 с. (На тув. яз.).

Черлиг-оол, К. (1990) Аялга [Мелодия]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 192 с. (На тув. яз.).

Шамина, Л. А., Ондар, Ч. С. (2003) Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 242 с.

Щербак, А. М. (1981) Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л. : Наука. 183 с.

Эристиин, Э. (1954) Талыллыбыт айымнылар [Избранные произведения]. Якутск: Кн. изд-во. 544 с. (На як. яз.).

Якутской, Н. (1955) Көмүстээх үрүйэ [Золотой ручей]. Якутск: Кн. изд-во. 240 с. (На як. яз.).

Дата поступления: 12.12.2019 г.

REFERENCES

Boktu-Kirish, Bora-Shaeley: Tuva ulustun maadyrlyg toolu [Boktu-Kirish, Bora-Shaeley: a Tuvan heroic legend] (1995) / compiled by Orus-ool, S. M. : in 5 vol. Kyzyl, Tuvan book publisher. Vol. IV. 224 p. (In Tuv.).

Доҕордуурап, М. (1952) *Аныгы Лонкууда [New Longkuda]*. Yakutsk, Book publishing house. 163 p. (In Yak.).

Duyungar, M. (1996) *Hølegeler [The shadows]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 112 p. (In Tuv.).

Korkina, E. I. (1970) *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke [The moods of the verb in Yakut language]*. Moscow, Nauka. 308 p. (In Russ.).

Kudazhy, K. (1984) *Таңды кезһи [The gift of the taiga]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 218 p. (In Tuv.).

Kuzhuget, M. (2005) *Idegel [Hope]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 96 p. (In Tuv.).

Mongush, D. A. (1983) О служебных функциях слов *kizhi*, *ulus* и *chÿve* в тувинском языке [About the service functions of words *man*, *people* and *thing* in the Tuvan language]. In: *Tyurkskie yazyki Sibiri [Turkic languages of Siberia]: a collection of research papers*. Ed. by M.I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of SB AS USSR. 170 p. Pp. 12–35. (In Russ.)

Mongush, D. A. (1998) Chastitsy kak komponent analiticheskikh skazuemykh [Particles as a component of analytic predicates]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]: A collection of research papers*. No. 4. Ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of the SB RAS. 270 p. Pp. 122–153. (In Russ.)

Mongush, D. A. (2009) *Tuvinskii iazyk i pis'mennost': Izbrannye Trudy [Tuvan Language and Writing: Selected Works]*. Kyzyl, GUP RT «Tyvapolograf». 248 p. (In Russ.).

Omolloon, S. (1967) *Talylybyt ajymn'ylar [Featured Works]*. In 2 vol. Yakutsk, Book publishing house. Vol. II. 496 p. (In Yak.).

Oorzhak, B. Ch. (2018) *Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri) [The system of grammatical modality in the Tuvan language in comparison with the Turkic languages of Siberia]*. Diss. ... Doctor of Philology. Kyzyl. 507 p. (In Russ.)

Pavlov, N. (Tyahyt) (1970) *Kuuhuma [Kuz'ma]*. Yakutsk, Book publishing house. 88 p. (In Yak.).

Salchak, A. Ya. (2004) Peredacha znacheniya simulyativnosti v drevnetyurkskom i v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [The semantics of simulation in the ancient Turkic and Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]: a collection of research papers*. No. 14. Ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Publishing House of the SB RAS. 236 p. Pp. 48–52. (In Russ.).

Saryg-ool, S. (1961) *Аңгур-оолдуң тоозхузу [The tale of a bright boy]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 210 p. (In Tuv.).

Saryg-ool, S. (1977) *Үһүнүң ураазһылары [Singers of the sun]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 442 p. (In Tuv.).

Sofronov, A. I. (1927) *Oloh d'eberete [Swamp of life]*. Yakutsk, National book publishing house. 60 p. (In Yak.).

Sysolyatin, I. (1996) *Hahyjah [Birch]*. Yakutsk, Book publishing house. 276 p. (In Yak.).

Filippov, G. G. (2014) *Prichastiya yakutskogo yazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funkcional'no-semanticкое issledovanie [The participles of the Yakut language: a comprehensive typological functional-semantic study]*. Yakutsk, Publishing House of Northeastern Federal University, 607 p. (In Russ.).

Hudyakov, I. A. (1969) *Kratkoe opisanie Verhoyanskogo okruga [Brief description of Verkhoyansk district]*. Leningrad, Nauka. 440 p. (In Russ.)

Chadamba, L. (1978) *Chogaaldar chyindyzy [Featured Works]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 302 p. (In Tuv.).

Cherlig-ool, K. (1990) *Ayalga [Melody]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 192 p. (In Tuv.).

Shamina, L. A. and Ondar Ch. S. (2003) *Glagol'nye analiticheskie konstrukcii s pervym prichastnym komponentom v tuvinskom yazyke [Verbal analytical constructions with the first participial component in the Tuvan language]*. Novosibirsk, Publishing house of Novosib. State University. 238 p. (In Russ.)

Shcherbak, A. M. (1981) *Ocherki sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages: Verb]*. Leningrad, Nauka. 183 p. (In Russ.).

Eristiin, E. (1954) *Talylybyt ajymn'ylar [Featured Works]*. Yakutsk, Book publishing house. 544 p. (In Yak.).

Yakutskaj, N. (1955) *Komysteekh uryje [Golden stream]*. Yakutsk, Yakutsk, Book publishing house. 240 p. (In Yak.).

Submission date: 12.12.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.12

Глагольный залог в якутском и тувинском языках в сопоставлении с монгольскими и тунгусскими языками

Надежда И. Данилова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация

В статье обсуждаются залоговые формы глагола, их семантическая структура и оформляемые на их базе синтаксические конструкции, представленные в исследованиях по тюркским, монгольским, тунгусским языкам. В настоящее время исследование данных глагольных образований вплотную связано с актуальной проблемой системных связей формальной морфологии и грамматической семантики.

*Вопрос определения залога получал неоднозначную трактовку и вызывал дискуссии на всем протяжении истории изучения тюркских языков. В рассматриваемых языках представлен почти одинаковый набор грамматических форм залога: основного (или действительного), страдательного, взаимного (или совместно-взаимного), понудительного, возвратного. Языки каждой группы алтайских языков оперируют одним и тем же аффиксом залоговых форм или его алломорфами. Например, в монгольских языках побудительный залог образуется при помощи одного суффикса -уул, в тунгусо-маньчжурских языках каузатив представлен аффиксом, восходящим к форманту *-вукан-/укан, тюркские используют варианты аффикса -т(°)р. Характерной чертой алтайских языков является общность семантики каждой залоговой формы в них. Например, функция побудительного*

залога определяется как выражение вмешательства одного субъекта в действие другого. Языки алтайской типологии в целом совпадают в области синтаксического представления залоговых отношений.

В анализируемых языках синтаксические конструкции с залоговой семантикой оформляются в зависимости от переходности/непереходности исходной глагольной основы и семантических типов актантов ситуации. Глагольный залог требует дальнейшего исследования как грамматическая форма и основанная на ней семантическая категория залоговости.

Ключевые слова: алтайские языки; тюркские языки; монгольский язык; тувинский язык; эвенкийский язык; эвенкийский язык; глагол; залог; аффикс; конструкция

Для цитирования:

Данилова Н. И. Глагольный залог в якутском и тувинском языках в сопоставлении с монгольскими и тунгусскими языками [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/906> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.12

Данилова Надежда Ивановна — доктор филологических наук, заведующая отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. Тел.: +7 (4112) 35-49-96. Эл. адрес: nadiv2008@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3542-8448

Danilova Nadezhda Ivanovna, Doctor of Philology, Head, Yakut language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (4112) 35-49-96. E-mail: nadiv2008@mail.ru

Verbal voice in Yakut and Tuvan languages in comparison with Mongolian and Tungus languages

Nadezhda I. Danilova

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article examines voice forms of the verb, their semantic structure and syntactic constructions they give rise to, as seen in the studies of Turkic, Mongolian and Tungus languages. At the moment a study of these verbal forms is closely connected to the urgent issue of systemic links between formal morphology and grammatical semantics.

*A variety of definitions of grammatical voice has been provided throughout the whole history of studying Turkic languages, generating incessant discussions. The languages in question feature almost the same set of voice forms: active, passive, reciprocal, imperative and reflexive. In every group of Altai languages, the same affix of voice forms, or its allomorphs, is functional. For instance, the imperative voice in Mongolian languages is formed by the suffix –uul, while in Tungus-Manchurian languages the causative features an affix etymologically stemming back to the *-vukan/-ukan formant, and the Turkic languages rely on different versions of the –t(°)r affix. An important feature of Altai languages is that all voice forms therein have common semantics – for instance, the imperative voice is seen as one subject interfering with the action of another. Languages of the Altai type largely overlap in how voice relations are syntactically presented.*

In the languages under analysis, syntactic constructions with the meaning of grammatical voice take shape in accordance with transitive/intransitive character of the verbal stem and the semantic type of the situational actant. The verbal voice thus invites further study as a grammatical form and a carrier of voice as a semantic category.

Keywords: Altai languages; Turkic languages; Mongolian language; Tuvan language; Even language; Evenski language; verb; voice; affix; grammar construction

For citation:

Danilova N. I. Verbal voice in Yakut and Tuvan languages in comparison with Mongolian and Tungus languages. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/906> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.12

Введение

Залоговые формы глагола с разнообразным семантическим содержанием, о которых пойдет речь, имеются во всех современных алтайских языках и зафиксированы еще в старых и древних письменных источниках. Статья опирается на данные о залогах глагола, их семантической структуре и оформляемых на их базе синтаксических конструкциях, представленных в исследованиях по тюркским, монгольским, тунгусским языкам. Это как общие труды по морфологии, так и отдельные статьи сравнительно-исторического и сопоставительного плана. При этом, сравнительно-исторический аспект изучения этого языкового явления целью статьи не предусмотрен. В задачи публикации входит выявление общих признаков и особенностей в способах выражения и семантической структуре залоговых отношений, выбранных форм методом сопоставления. Основанием сопоставления избрана система грамматических форм выражения залоговых отношений в тюркских языках, в особенности, тувинском. Сопоставительная интерпретация осуществляется при помощи методики параллельного анализа выбранных форм в трех языковых классификационных группах.

Актуальность исследования категории глагольного залога обусловлена тем, что к настоящему времени вопрос определения залога получал неоднозначную трактовку и вызывал дискуссии на всем протяжении истории изучения тюркских языков. Как известно, общей теоретической проблемой исследования залога в языках алтайской типологической группы остается вопрос его статуса в языковой

системе. Дискуссии по этому вопросу были обусловлены недискретным характером залоговых форм — они демонстрируют переходный случай между словообразованием и формообразованием. Кроме того, «обращает на себя внимание и то, что залоговые формы недостаточно регулярны, довольно часто выражают незалоговые значения грамматического характера (многократность, интенсивность, длительность действия) и сравнительно легко поддаются лексикализации. Иногда присоединение к глагольной основе залоговых аффиксов не изменяет ее исходного грамматического значения и не привносит дополнительных лексических оттенков» (Щербак, 1981: 102). Это касается глагольных форм залога во всех языках алтайской классификационной группы и вызывает большой интерес со стороны исследователей.

В статье впервые поставлена проблема морфологической и семантической соотнесенности залоговых форм глагола на материале трех алтайских языков. Как известно, ранее была более глубоко разработана проблема соответствий разного уровня внутри каждой группы: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской. Кроме того, в поле зрения алтаистов традиционно находились тюрко-монгольские и тюрко-тунгусские языковые связи. Новым для сопоставительных исследований алтайских языков является метод глоссирования, который дает возможность объективного представления результатов анализа и доступа к данным для более широкого круга лингвистов. Глоссирование примеров выполнено в соответствии с предложенными Н. И. Винокуровой принципами поморфемного членения, которые могут быть пригодны для унифицированного использования при представлении данных алтайских языков, для которых типологически характерно использование агглютинативного способа грамматической деривации (Винокурова, 2016).

Теоретические подходы к исследованию глагольного залога

В алтаистике было широко распространено мнение о двойственной — лексико-грамматической — природе категории залога. Такой точки зрения придерживался известный российский тюрколог С. Н. Иванов, который считал, что в залоговой форме ее «лексическая, словообразовательная сущность проявляется в том, что аффиксы производных основ образуют новые по сравнению с исходными основами лексические единицы, характеризующиеся новыми объектными связями (сочетаемость с дополнениями). Ее грамматическая, словоизменительная сущность заключается в том, что те же аффиксы выражают характеристику субъекта действия, которое обозначено исходной глагольной основой: одна и та же лексическая единица (исходная основа) получает различную грамматическую модификацию в связи с различной квалификацией субъекта действия» (Иванов, 1969: 133).

Многими исследователями выдвинута также интерпретация залога, согласно которой его можно отнести «к собственно деривации или приравнять его к ней» (Юлдашев, 1988: 280). Такой подход основан на том факте, что залоговым формам исконно свойственна словообразовательная функция, «оставившая во всех тюркских языках глубокие и неизгладимые следы» (там же: 272). Известный тунгусовед В. В. Болдырев считает, что залоговые формы — это «глагольные основы с различными залоговыми оттенками» (Болдырев, 2007: 530). Г. Д. Санжеев также относил образование залоговых форм в монгольских языках к словообразованию глагола. По его определению, категория залога — это «такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному подлежащим» (Санжеев, 1963: 19).

Из изложенного выше становится очевидным, что исследователи алтайских языков при любой интерпретации залога обращали внимание как на лексическое значение глагольной основы, так и на значение залоговой морфемы. Такой подход, предлагающий учитывать сочетаемость определенной залоговой глагольной формы с определенными семантическими типами объектов в конечном итоге можно соотнести с теорией валентности. Определение монгольских залоговых форм с такой позиции был предложен Е. А. Кузьменковым: «семантика глагольной лексемы проявляется в валентности глагола, в диатезе образуемой им конструкции» (Кузьменков, 1984: 34).

Категория переходности/непереходности, которая обуславливает характер семантических и синтаксических свойств глагола, естественно привела к пониманию залога как функционально-семантической категории. Как известно, данный подход к исследованию языковых явлений был предложен А. В. Бондарко (Бондарко, 1999). В работах такого направления каждая грамматическая форма, в том числе и залоговая, получает характеристику в системе способов выражения определенной семантической категории. В числе тюркологических работ функционально-семантического направления можно назвать исследования К. Б. Доржу по тувинскому залого (Доржу, 2013), И. В. Шенцовой по шорскому

глаголу (Шенцова, 1998), З. И. Саяховой по категории залоговости в башкирском языке (Саяхова, 2012), Н. И. Поповой на материале якутских залоговых конструкций (Попова, 2002). Как видно из изложенного, констатируется наличие в тюркских языках пяти семантических типов отношений между действием и предметом.

Таким образом, различные интерпретации залога, предложенные в результате исследований материала алтайских языков, нацелены на выявление его категориальной сущности, соотношения его с морфологическим, синтаксическим, лексическим уровнями языковой системы. Но в целом правы В. Г. Гузев и Н. Н. Телицин, которые утверждают: «для того, чтобы трактовать категорию залога в разных языках с единых позиций, теоретическое языкознание нуждается в опирающейся на материал разноструктурных языков общей теории залога, включающей понятия залоговая форма и категория, залоговые отношения» (Гузев, Телицин, 2019: 142).

Грамматические формы залога

Залог в алтайских языках представлен почти одинаковым набором грамматических форм: в тюркских традиционно констатируется пятичленная система, включающая формы основного (или действительного), страдательного, взаимного (или совместно-взаимного), понудительного, возвратного залогов. В тувинском языке также различают пять залогов: основной, понудительный (или побудительный), возвратный, страдательный, совместно-взаимный (Исхаков, Пальмбах, 1961: 273). Как отмечают исследователи, тюркские залоговые формы имеют ясно прослеживаемую «типологическую общность с другими алтайскими языками, что свидетельствует о том, что залог является одной из самых древних категорий тюркского глагола» (Юлдашев, 1988: 269). В. А. Роббек в качестве общей черты языков тунгусо-маньчжурской группы отметил наличие в них действительного и страдательного залогов, а также лексико-грамматической категории возвратности, каузатива, взаимности действия, совместности действия (Роббек, 2007: 240–323). В монгольских языках исследователи фиксируют основной (или прямой), побудительный, совместный, взаимный и страдательный залогов (Санжеев, 1963: 17).

Как видно из изложенного, в тунгусских и монгольских языках, в отличие от тюркских, категории взаимности и совместности действия представлены раздельно, поскольку каждая из них имеет собственный морфологический показатель. Кроме того, исследователи монгольских языков не выделяют в качестве отдельной формы возвратный залог.

Каждая классификационная группа алтайских языков оперирует практически идентичным набором морфологических показателей залоговых отношений. Данная особенность особенно ярко проявляется на примере морфологических показателей каузатива в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Так, в современном монгольском языке каузативная форма «образуется почти от любого глагола (в том числе и от каузативного же) с помощью суффикса, представленного алломорфами *-уул*; *-лга*, *-га*; *-аа* с сингармоническими вариантами: *-үүл*; *-лгэ*, *-лго*, *-лгө*; *-гэ*, *-го*, *-гө*; *-ээ*, *-оо*, *-өө* (Кузьменков, 1984: 37). Для тунгусо-маньчжурского каузатива общим является «наличие общего показателя, возводимого к архетипу **-вукэн*» (Роббек, 2007: 296). Тюркологи также отмечают, что «в тюркских языках из всего множества каузативных морфем (общим числом 19) наиболее продуктивным является аффикс *-m(ə)p-*; чув., як. *m(a)p-*, все остальные (огуз., кыпч., с-вост., ю-вост.) — *-m(y)p-*» (Кормушин, 1978: 12). Чередование *-m~p* в составе каузативного показателя наблюдается в вариантах якутского аффикса побудительного залога *-m/-таp/-ар/-ыар* (Харитонов, 1963: 53), варианты на *-m*, *-p*, *-з* демонстрируют глагольные аффиксы с побудительным значением в башкирском языке (Саяхова, 2012: 66). Тувинская понудительная форма образуется при помощи аффиксов *-m*, *-тыр//тир*, *-тур//түр*, *-ыр//ур*, *-ур//үр* и целого ряда архаичных морфологических показателей, что показывает схожесть их с общетюркскими показателями. В целом, обращает на себя внимание наличие согласных *-t*, *-r*, *-z*, занимающих в приводимых аффиксах ауслаутную позицию.

Единообразие внутри каждой квалификационной группы алтайских языков наблюдается и в составе морфологических показателей пассивных отношений. Так, во всех тюркских языках «форма страдательного залога образуется при помощи аффикса *-л*, *-ил*, *-ул*» (Щербак, 1981: 104). Употребляется также вариант данного аффикса с согласным *-н*: *-(u/i, i, y/i, e)n* (Юлдашев, 1988: 303). Тувинский страдательный залог образует общетюркский аффикс *-л* (после гласных), *-ыл/-ил*, *-ул/-үл* (после согласных) (Исхаков, Пальмбах, 1961: 290). Исследователи отмечают, что некоторые из тюркских языков допускают и другие варианты аффикса: например, якутские *-н* и *-ылын*, алтайский *-ылыл*, турецкий

-nil/-nil/-nul/-nül. Из изложенного очевидно, в данной группе распространены комбинации показателей *-l* и *-n* с гласными разных разрядов. В эвенском языке «формантом страдательного залога» является суффикс *-v* (Роббек, 2007: 258), в эвенкийском языке выявляется суффикс *-v~vu* и его фонетические варианты *-mu*, *-bu*, при помощи которых «образуются непереходные вторичные глагольные основы от основ переходных» (Болдырев, 2007: 535), т. е. это могут быть основы как с пассивным, так и рефлексивным значением. Показатели страдательного залога современного монгольского языка *гда/-гдо/-гдө/-гдэ*, *-да/-до/-дө/-дэ*, *-та/-то/-тө/-тэ*, приведенные в исследовании Д. Г. Санжеева (Санжеев, 1963: 63), — это алломорфы суффикса *-gd* (*-d*, *-m*) (Кузьменков, 1984: 36), употребление которых регулируется фонетическими правилами.

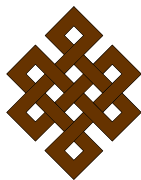
Категория совместности и взаимности действия в языках алтайского родства в грамматических описаниях представлена по-разному. Так, в грамматиках многих современных тюркских языков залоговая форма с таким значением получила описание под названием «совместно-взаимный залог». Он представлен регулярным аффиксом *-ş*, который «в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прямых соответствий не имеет» (Юлдашев, 1988: 309). В тунгусо-маньчжурских языках морфологические показатели совместности и взаимности действия также предположительно восходят к одному исходному аффиксу: «генетическая связь морфологических показателей, видимо, не вызывает спора, и они возводятся к архетипу **-лду*» (Роббек, 2007: 320). В. Г. Санжеев в своей работе представил показатели взаимного и совместного залогов также отдельно друг от друга: в классическом монгольском взаимный залог обозначается суффиксом *-лду/-лду*, совместный при помощи *-лча/-лчэ*, в современном монгольском эти формы представлены, соответственно, суффиксами *-лда/-лдо/-лдө/-лдэ* и *-лца/-лцо/-лцө/-лцэ* (Санжеев, 1963: 63). Алломорфами универсального показателя представлен рефлексив в алтайских языках. Тюркские языки его значение передают «формой на *-un/yn* (после конечных согласных в велярном сингармоническом варианте), *-ün/-in/-en* (после конечных согласных в палатальном сингармоническом варианте), *-n* (после конечных гласных основы глагола)» (Юлдашев, 1988: 295). В тунгусо-маньчжурских языках рефлексив имеет показатели «эвенк. *-v ~ -n/-b ~ -mu*, *-pa*; нег. *-v ~ -n*; уд. *-n*; нан. *-n*; в маньчжурском и других языках она выражена лексически» (Роббек, 2007: 276). Монгольский рефлексив смещен с пассивом.

Семантическая характеристика залоговых форм

Характерной чертой алтайского залога является общность семантики форм в пределах родственных языков. Например, функция побудительной формы глагола в грамматиках тюркских языков определяется как выражение «вмешательства одного субъекта в действие другого» (Кормушин, 1976: 65). Это значение, в свою очередь, может быть определено как «заставлять // велеть // позволять // допускать делать что-л.» (там же). Форма побудительного залога определяется подобным же образом и в монгольских языках: «в отношении побудительного залога, называемого часто также понудительным, причиняющим, переносным, принуждающим и препоручительным, утверждается, что он имеет два значения: ‘заставить кого-л. или позволить кому-л. что-л. сделать’» (Санжеев, 1963: 19). По свидетельству В. А. Роббек, в тунгусо-маньчжурских языках побудительный залог определяется как категория глагола, «единственным значением которого является побуждение другого лица к совершению действия» (Роббек, 2007: 278). Нужно отметить, что многие исследователи отмечают, что «понудительное значение переводит непереходные глаголы в класс переходных» (Рассадин, 1978: 136).

Общим для семантики пассивных построений в алтайских языках является выражение «действия, которому подвергается подлежащее со стороны другого лица» (Котвич, 1962: 197–198). Тюркские пассивные конструкции определяются как синтаксические построения, в которых «подлежащее является ... отнюдь не производителем, а всего лишь носителем-объектом действия» (Юлдашев, 1988: 305). В тунгусо-маньчжурских языках пассивная конструкция имеет аналогичную семантику: «при страдательном залоге глагольный признак воспринимается как направленный на субъект» (Роббек, 2007: 247). Как видно из приведенных цитат, общим для семантики алтайских пассивных конструкций является то, что в них грамматически маркированный субъект высказывания подвергается действию извне.

Все исследователи обращают внимание на многозначность глагольных основ с приведенными выше морфологическими показателями в алтайских языках. Так, в семантической структуре тюркской залоговой формы на *-ş* усматривается «три основных значения: а) совершение действия сопряженными субъектами по отношению друг к другу (взаимное значение); б) совершение па-

раллельных однородных действий двумя или несколькими субъектами (совместное значение); в) оказание помощи одного субъекта другому в осуществлении данного действия (значения соучастия в действии) (Юлдашев, 1988: 312). В тувинском совместно-взаимном залоге отмечается два значения: «1) совместное — ‘делать что-л. совместно, сообща’, ‘участвовать (помогать, содействовать совершению какого-либо действия); 2) взаимное — ‘делать что-либо взаимно’» (Исхаков, Пальмбах, 1961: 282). Другими словами, тувинский совместно-взаимный залог передает те же значения, что и во всех тюркских языках. Для монгольского социатива его значение определяется таким же образом: «основное значение социатива — ‘совместное действие’ — иногда модифицируется как ‘вспомогательное действие’, ‘содействие’ (Кузьменков, 1984: 75). Из изложенного видно, что под разными определениями подразумевается множественность как актантов действия, так и самих действий.

В исследованиях по алтайским языкам подчеркивается общность значения страдательного и возвратного залога. О возвратно-страдательном значении аффикса *-тын* в тофаларском языке писал В. И. Рассадин, продемонстрировав это на примере «*көрүн* — ‘осматривать себя — главным образом в зеркало’, *көрдүн* — ‘быть видимым, хорошо видным’; *оьктын* — ‘хорошо, легко заряжаться’ — *оьктаттын* — ‘быть заряженным’» (Рассадин, 1978: 134). В грамматическом описании тувинского языка также обращается внимание на то, что «страдательный залог близок по значению и по форме к возвратному залого» (Исхаков, Пальмбах, 1961: 290). В тунгусских языках выделяется «страдательно-возвратная» форма с показателем *-в* (Роббек, 2007: 274). А. Е. Кузьменков заметил, что в современном монгольском языке о «часто встречаются и пассивы с результативным значением. Ср.: *хурал нээгдэв* — открылось собрание (*нээгдэх* ‘открыться’ — пассив от *нээх* ‘открыть’), *энд хоёр хадаас зидаг-даагуй байна* — здесь не забиты два гвоздя (*хадагдах* ‘быть забитым’ — пассив от *хадах* ‘забивать, прибивать’)» (Кузьменков, 1984: 64).

К широко обсуждаемым в морфологических исследованиях вопросам о многозначности залоговых форм глагола в алтайских языках относится проблема пассивизации каузатива. Так, «в целом ряде алтайских языков каузативные формы глагола могут участвовать в выражении пассивных отношений. Аналогичная особенность каузативных форм отмечена в грамматиках алтайского, хакасского, каракалпакского, а также бурятского и маньчжурского языков» (Кормушин, 1976: 89). Конструкция с таким содержанием формируется при семантической ситуации, когда «кто-либо подвергается действию другого лица в результате своей оплошности, небрежности и вообще проявления пассивности, или когда такое действие почему-либо оказывается для него нежелательным или необходимым, т. е., как бы добровольно допускается “пострадавшим” лицом» (Санжеев, 1963: 42).

Пассивизация семантики каузативной конструкции является результатом изменений в правилах семантической сочетаемости каузативного глагола с определенными типами актантов ситуации в основном по признаку активности/инактивности участников. Как правило, агенсом ситуации выступает природное или стихийное явление, а также предмет, изначально предназначенный для нанесения вреда, ущерба и т. д. Другими словами, агенс всегда активен по отношению к другим актантам ситуации. Кроме того, формированию такой ситуации воздействует лексико-семантическая принадлежность глагольной основы — как правило, каузативные конструкции с пассивным содержанием строятся на базе глаголов с деструктивной семантикой, чаще всего, глаголов физического, иногда температурного воздействия на объект с последующим негативным изменением свойств или состояния пациенса. Обсуждаемые конструкции строятся также на базе глаголов нанесения удара, отрицательного эмоционального и психического воздействия на объект.

Залоговые конструкции

Языки алтайской типологии, судя по имеющимся исследованиям, в целом совпадают в области синтаксического представления залоговых отношений. Для примера обратимся к каузативным конструкциям, для которых характерно присутствие двух актантов: агенса (субъекта-производителя действия) и пациенса (объекта действия). В анализируемых языках она оформляется в зависимости от переходности/непереходности исходной глагольной основы. В тюркских языках непереходным глаголом формируется каноническая каузативная конструкция, в которой действие выражено побудительной залоговой формой, а пациенс выражен именем в основном, винительном и частном падеже. Ситуация может быть представлена следующими примерами из якутского (як.) и тувинского (тув.) языков:

(як.)

Микиитэ	чэй	и	н	оргу(й)-	т	ар
Никита	чай	POSS ¹	ACC ²	кипеть-	CAUS ³	3SG ⁴

Никита чай свой кипятит

(тув.)

Ава	м	далган	быж-	ыр	ган
Мама	POSS	лепешка	жарить-	CAUS	PAST ⁵ /3SG

Мама моя лепешку жарила

Следующим примером можно продемонстрировать эвенские каузативные конструкции, сформированные на основе непереходного глагола:

(эвенк.)

Д'угурма	мин	у	биракчан	дула	эм-	укэн	ин
Тропа	я	ACC	речка	DAT ⁶	приходить	CAUS	3SG

Тропа меня к речке привела

Монгольские каузативные конструкции от непереходных глаголов имеют такую же структуру, она подразумевает присутствие пациенса, выраженного винительным падежом:

(монг.)

Дорж	намай-	-г	өрөө-	-нд	орох-	уулав
Дорж	я-	ACC	комната	DAT	входить	CAUS/PRF ⁷

Дорж меня в комнату пустил (ввел)

Переходные глаголы часто образуют конструкции с тремя актантами, первый из которых выражается основным падежом, а второй — дательным, третий — инструментальным. Эти конструкции отличаются «прежде всего способом выражения субъекта каузируемого действия: он чаще всего выражается косвенным дополнением, а не прямым, хотя и последнее вовсе не исключается» (Кузьменков, 1984: 43).

Например:

(як.)

Учуутал	оџо	лор	го	кинигэ	аах-	тар	ар
Учитель	ребенок	PL ⁸	DAT	книга	читать	CAUS	PRS ⁹ /3SG

Учитель детям книгу читать велит

(тув.)

Ава	уру	ун-	-га	өөк	ил-	дир-	-ген
Мама	дочь	POSS	DAT	пуговица	пришивать-	CAUS	PAST/3SG

Мама велела дочери пуговицу пришить

¹ POSS — принадлежность.

² ACC — винительный падеж.

³ CAUS — понудительный залог.

⁴ 3SG — 3-е лицо единственного числа.

⁵ PAST — форма прошедшего времени.

⁶ DAT — дательный падеж.

⁷ PRF — прошедшее время.

⁸ PL — множественное число.

⁹ PRS — настоящее время.

(монг.)

Дорж	нохой-	гоороо	нэг	унэг	бари-	ула-	-в
Дорж	собака	DAT	одна	лиса	поймать-	CAUS-	-PRF

Дорж с помощью своей собаки лису поймал

Одна из самых распространенных в алтайских языках моделей с каузативным содержанием — наличие актанта в форме инструментального падежа, который выступает в качестве средства, способа действия, как в примерах:

(як.)

Кини	сүгэ	нэн	мас	оѳун-	ор	ор
Он	топор	INSTR ¹	дерево	падать-	CAUS-	PRS/3SG

Он топором дерево валит

(тув.)

Чең	и	биле	дер	и	н	чот-	тун	ган
Рукав	POSS	INSTR	пот	POSS	ACC	вытирать-	CAUS	PAST/3SG

Рукавом пот вытер

(монг.)

Би	дайсн	ыг	буу	гаараа	айл-	га	на
Я	враг	ACC	ружье	INSTR	пугать-	CAUS	PRS/3SG

Я врага своим ружьем пугаю

Пассивные конструкции, которые строятся на базе формы страдательного залога переходного глагола, употребляются во всех рассматриваемых языковых группах. Но эти построения имеют отличия в оформлении — в языках тюркской группы собственно-пассивные конструкции не имеют выраженного агенса, но часто — выраженный объект-пациенс. Приведем примеры:

(тув.)

Сиген	кес-	тин	ген
сено	косить-	PASS ²	PAST/3SGF

Сено скошено

(тур.)

Ағаҕ	kes-	il	di
Дерево	рубить-	PASS	PRF/3 ³ SG

Дерево срублено

В тунгусских языках, как правило, пассивные конструкции представляют собой трехчленные агентивные построения, в которых пациенс, как и в тюркских языках, выражен именем в основном падеже. При этом агенс выражен формой дательного падежа, что отметил В. А. Роббек в эвенском языке (Роббек, 2007: 255). В целом, тунгусо-маньчжурские собственно-пассивные конструкции формируются по модели, в которой выражены и агенс, и пациенс. Это можно продемонстрировать на примере эвенской конструкции:

¹ INSTR — орудный падеж.

² PASS — страдательный залог.

³ 3 — третье лицо.

(эвен.)

Буйун	гиркари	ду	д'эбэ	в	рэ	н
Олень	волк	DAT	кушать-	PASS	PRS	3SG

Олень волком съедается

По такой же модели формируются пассивные конструкции в монгольских языках:

(монг.)

Төмөр	зэвэн	д	идэ-	гд	сэн
Железо	жавчина	DAT	есть-	PASS	PSPT ¹

Железо ржавчиной изъедено

В тувинском языке, как во всех других тюркских языках, ситуации подобного содержания формируются конструкциями с агенсом в форме инструментального падежа. Они имеют семантическое ограничение — употребляются в ситуациях, когда в роли пациенса выступает инактивный неодушевленный предмет, а предикатом, обозначающим действие, выступает глагол активного действия. Такие конструкции, как правило, выражают естественные ситуации, происходящие в природе. К примеру:

(тув.)

Чер	хар	биле	шып	тын	ган
Земля	снег	INSTR	покрывать-	PASS	PAST/3SG

Земля снегом покрылась

Следующие примеры демонстрируют характерные для всех рассматриваемых групп языков так называемые случаи пассивизации каузатива. Они представлены конструкциями, «в которых в силу определенных денотативных условий действие распространяется на каузатора» (Кормушин, 1978: 82). Конструкцию такого содержания можно представить в якутских предложениях типа:

(як.)

Мин	ардах	ха	баттаа-	т	т	-ЫМ
Я	дождь	DAT	давить	CAUS	PRF	1 ¹⁴ SG

Я под дождь попал (букв.: дождем я задавлен).

Конструкции с таким содержанием выявляют и в монгольских языках:

(монг.)

Би	зэгий	д	хатг	уула	в
Я	пчела	DAT	ужалить	CAUS	PRF/1SG

Меня ужалила пчела (букв.: я пчеле ужалить себя дал).

О семантической структуре вышеприведенных конструкций речь шла выше. Примеры демонстрируют ситуации, сформированные на базе глаголов с деструктивной семантикой, это глаголы со значением *баттаа* — ‘давить’, *хатгах* — ‘ужалить’.

При анализе морфологического оформления тех или залоговых отношений, видимо, нужно иметь в виду, что в некоторых случаях одна и та же конструкция может у разных авторов получать разное семантическое толкование. Причина этого — в разных теоретических подходах к проблеме глагольного залога в целом.

¹ PSPT — причастие прошедшего времени.

Заклучение

Таким образом, залоговые формы представляют собой одну из важнейших категорий глагола, которая к настоящему времени в системе каждой языковой группы алтайских языков утвердилась с почти одинаковым набором грамматических форм. Очевидно, что в алтаистике еще не выработана общая теория залога с учетом всех грамматических и структурно-семантических особенностей залоговых форм и формируемых ими синтаксических конструкций. Еще одной характерной чертой алтайского залога является общность семантики форм в пределах родственных языков. Исследование форм глагольного залога осложняется тем, что почти все они полисемичны, а некоторые из них имеют общее происхождение и значение. Такой характер залоговых форм и образуемых на их базе конструкций ставит необходимость поиска разных способов и подходов, которые позволили бы дать возможно более объективное описание семантики залоговых конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев, Б. В. (2007) Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука. 932 с.
- Бондарко, А. В. (1999) Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во СПбГУ. 260 с.
- Винокурова, Н. И. (2016) Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4(17). С. 85–99.
- Гузев, В. Г., Телицин, Н. Н. (2019) Турецкие залоговые формы и понятие «зalog» // Sözü munda qalır, barır bu özü m. Scripta in memoriam D. M. Nasilov : коллективная монография. М. : ООО «Изд-во МБА». 399 с. С. 134–144.
- Доржу, К. Б. (2013) Категория залога в тувинском языке. Кызыл : РИО ТувГУ. 150 с.
- Иванов, С. Н. (1969) Родословное древо тюрков Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент : Изд-во «ФАН» Узбекской ССР. 202 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд-во восточной литературы. 472 с.
- Кормушин, И. В. (1976) О пассивном значении каузативных глаголов // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Ленинград : Наука. 363 с. С. 89–93.
- Кормушин, И. В. (1978) Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков / отв. ред. О. П. Суник совм. с Д. М. Насиловым, О. П. Суником, В. И. Цинциус и Н. И. Летягиной. Л. : Наука. 270 с. С. 10–87.
- Котвич, Вл. (1962) Исследование по алтайским языкам: пер с польского. М. : Изд-во иностр. лит-ры. 370 с.
- Кузьменков, Е. А. (1984) Глагол в монгольском языке. Ленинград : Изд-во ЛГУ. 138 с.
- Попова, Н. И. (2002) Категория залога в контексте теории синтаксической деривации // Тюркские и северные языки / отв. ред. П. А. Слепцов. Якутск: Ин-т гум. исслед. АН РС (Я). 334 с. С. 148–158.
- Рассадин, В. И. (1978) Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М. : Наука. 286 с.
- Роббек, В. А. (2007) Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука. 726 с.
- Салыхова, З. И. (2012) Залог глагола и залоговость: история и современность. Уфа: Гилем. 140 с.
- Санжеев, Г. Д. (1963) Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М. : Наука. 266 с.
- Харитонов, Л. Н. (1963) Залоговые формы глагола в якутском языке. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 124 с.
- Шенцова, И. В. (1998) Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М. 48 с.
- Щербак, А. М. (1981) Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Ленинград : Наука; Ленинградское отделение. 176 с.
- Юлдашев, А. А. (1988) Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 557 с. С. 269–309.

Дата поступления: 12.12.2019 г.

REFERENCES

- Boldyrev, B. V. (2007) *Morfologiya evenkiiskogo iazyka [Morphology of the Evenki language]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 932 p. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1999) *Osnovy funktsional'noi grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni [Functional Grammar Basics: Linguistic Interpretation of the Idea of Time]*. St. Petersburg, SPbGU. 260 p. (In Russ.).
- Vinokurova, N. I. (2016) Glossirovanie kak metod reprezentatsii tekstov v iakutskom iazyke [Glossing as a method of representing texts in Yakut language]. *Severo-vostochnyi Gumanitarnyi Vestnik*. Vol 4 (17). Pp. 85–99. (In Russ.).
- Guzev, V. G. and Telitsin, N. N. (2019) Turetskie zalogi i poniatie «zalog» [Voice in Turkish and the concept of grammatical voice]. In: «Sözüm munda qalır, barır bu özüm». *Scripta in memoriam D. M. Nasilov [«My word stays here, i'm leaving»]*. Type in memoriam D. M. Nasilov]. Moscow, OOO «Izd-vo MBA». 399 p. Pp. 134–144. (In Russ.).
- Dorzhu, K. B. (2013) *Kategoriia zaloga v tuvinskom iazyke [The category of voice in Tuvan language]*. Kyzyl, RIO TuvGU. 150 p. (In Russ.).
- Ivanov, S. N. (1969) *Rodoslovnnoe drevo tiurok Abu-l-gazi-khana. Grammaticheskii ocherk (Imia i glagol. Grammaticheskie kategorii) [Family tree of the Turks by Abu-l-ghazi-khan. An Essay on Grammar (The name and the verb. Grammatical categories)]*. Tashkent. Publishing house “FAN” of the Uzbek SSR. 202 p. (In Russ.).
- Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1976) O passivnom znachenii kausativnykh glagolov [On the passive meaning of causative verbs]. In: *Turcologica. K semidesiatiletiiu akademika A.N. Kononova. [Turkology. On the occasion of the seventieth birthday of academician A. N. Kononov]*. Ed. by S. G. Klyashtorny, Yu. A. Petrosyan and E. R. Tenishev. Leningrad, Nauka Publ. 363 p. Pp. 89–93. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1978) Kausativnye formy glagola v altaiskikh iazykakh [Causative verb forms in Altai languages]. In: *Ocherki po sravnitel'noi morfologii altaiskikh iazykov [Essays on the comparative morphology of Altai languages]*. Ed. by O. P. Sunik with D. M. Nasilov, O. P. Sunik, V. I. Tsintsius and N. I. Letiagina. Leningrad, Nauka Publ. 270 p. Pp. 10–87. (In Russ.).
- Kotvich, Vl. (1962) *Issledovanie po altaiskim iazykam [A Study of Altai Languages]*: Translated from Polish. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 370 p. (In Russ.).
- Kuz'menkov, E. A. (1984) *Glagol v mongol'skom iazyke [The Verb in Mongolian]*. Leningrad, LGU Publ. 138 p. (In Russ.).
- Popova, N. I. (2002) Kategoriia zaloga v kontekste teorii sintaksicheskoi derivatsii [The category of voice in the context of syntactic derivation theory]. In: *Tiurkskie i severnye iazyki [Turkic and northern languages]*. Ed. by P. A. Sleptsov. Yakutsk, In-t gum. issled. AN RS (Ia). 334 p. Pp. 148–158. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1978) *Morfologiya tofalarskogo iazyka v sravnitel'nom osveshchenii [A Comparative Study of the Morphology of Tofalar Language]*. Moscow, Nauka Publ. 286 p. (In Russ.).
- Robbek, V. A. (2007) *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte [The Grammatical Categories of the Evenki Verb in the Functional and Semantic Aspect]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 726 p. (In Russ.).
- Saliakhova, Z. I. (2012) *Zalog glagola i zalogovost': istoriia i sovremennost' [The Verbal Voice: History and Present]*. Ufa, Gilem. 140 p. (In Russ.).
- Sanzheev, G. D. (1963) *Sravnitel'naia grammatika mongol'skikh iazykov. Glagol [A Comparative Grammar of the Mongolian Languages. The Verb]*. Moscow, Nauka Publ. 266 p. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N. (1963) *Zalogovye formy glagola v iakutskom iazyke [Forms of Verbal Voice in Yakut Language]*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 124 p. (In Russ.).
- Shentsova, I. V. (1988) *Shorskii glagol. Funktsional'no-semanticheskoe issledovanie [The Verb in Shor Language: A Functional and Semantic Study]*. Abstract of Dissertation ... Doctor of Philology. Moscow. 48 p. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1981) *Ocherki po sravnitel'noi morfologii tiurkskikh iazykov (Glagol) [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages: The Verb]*. Leningrad, Nauka Publ, Leningradskoe otdelenie. 176 p. (In Russ.).
- Iuldashev, A. A. (1988) Kategoriia zaloga [The Category of Verbal Voice]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Morfologiya [A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Morphology]*. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 557 p. Pp. 269–309. (In Russ.).

Submission date: 12.12.2019.

Власть и традиционная культура региона в динамике журнальных репрезентаций: Тува на страницах журнала «Сибирские огни» (1920-е — 2010-е гг.)*

Екатерина И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет;
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация,

Игорь А. Вальдман

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

В статье раскрываются особенности репрезентаций исторического прошлого и традиционной культуры тувинского народа на страницах старейшего в Сибири и России литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни» с 1920-х гг. до современности в контексте динамики развития государственной политики памяти. Учитывая то, что на протяжении XX в. Тува пережила колоссальные модернизационные изменения, авторы объясняют значение коллективной памяти о прошлом для традиционного общества с точки зрения сохранения социально-политического порядка и показывают участие советского периодического издания в процессе политизации тувинской истории со стороны государственных властей.

На основе анализа журнальных публикаций на темы истории, культуры и литературы Тувы (более 30), а также делопроизводственной документации редакции «Сибирских огней» в статье прослеживается трансформация репрезентаций авторами журнала традиционной тувинской культуры. Тональность публикаций меняется от ее неприятия и критики — к попыткам увидеть в ней вновь обретенный источник самобытного развития региона. Выделяется четыре этапа процесса конструирования образов истории и традиционной культуры Тувы журналом «Сибирские огни»: с середины 1920-х до конца 1940-х гг.; с конца 1940-х гг. до начала 1980-х гг.; в 1980-е гг. и с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Ключевые слова: политика памяти; социальная память; традиционная культура; идеология; Тува; тувинцы; тувинская культура; «Сибирские огни»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31114.

Для цитирования:

Красильникова Е. И., Вальдман И. А. Власть и традиционная культура региона в динамике журнальных репрезентаций: Тува на страницах журнала «Сибирские огни» (1920-е — 2010-е гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/910> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.13

Красильникова Екатерина Ивановна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20. Тел.: +7 (383) 346-33-12. Эл. адрес: katrina97@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-0014-0655

Вальдман Игорь Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 106. Тел.: +7(383)373-12-181. Эл. адрес: veritasnostra@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-3225-6444

Krasilnikova Ekaterina Ivanovna, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University; Leading Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation. Postal address: 20, Prospekt K. Marksa, 630073, Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 346-33-12. E-mail: katrina97@yandex.ru

Valdman Igor Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Political Science and Technology, The Siberian Institute of Management — branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Postal address: 6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 373-12-181. E-mail: veritasnostra@mail.ru

Power and the traditional culture of a region in the dynamics of magazine representations: Tuva on the pages of the *Sibirskie Ogni* magazine (1920s – 2010s)*

Ekaterina I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University;

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Igor A. Valdman

Siberian Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

The article examines the representations of the past and traditional culture of the Tuvan people on the pages of the “Sibirskie Ogni” (“Siberian Lights”), the oldest in Siberia (and one of the oldest surviving in Russia) literary, art and socio-political magazine. Founded in the 1920s, Sibirskie Ogni will be studied here in the context of developing a state policy of memory.

Given that during the 20th century Tuva underwent enormous modernization, the authors explain why collective memory of the past is important for traditional society in terms of maintaining socio-political order. Also shown is how the Soviet periodical helped the state authorities politicize Tuvan history.

The authors have examined over 30 publications on history, culture and literature of Tuva which appeared in the magazine, as well as editorial correspondence and documentation. The succession of these sources shows the transformation of how the magazine’s authors represented traditional Tuvan culture. From harsh criticism and aversion the tone of these publications slowly changed to reveal an attempt to see it as a rediscovered source of the region’s unique development model.

The article traces four stages of constructing the representations of history and traditional Tuvan culture in the Sibirskie Ogni: mid-1920s to late 1940s, late 1940s to early 1980s, the rest of the 1980s and the early 1990s to present times.

Keywords: politics of memory; social memory; traditional culture; ideology; Tuva; Tuvans; Tuvan culture; Sibirskie Ogni

* The study was sponsored by RFBR and the NPO EISI as part of a research project № 19-011-31114.

For citation:

Krasilnikova E. I. and Valdman I. A. Power and the traditional culture of a region in the dynamics of magazine representations: Tuva on the pages of the *Sibirskie Ogni* magazine (1920s – 2010s). *The New Research of Tuva*, 2020, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/910> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.15

Введение

К началу XXI в. политики оценили всю значимость обладания ресурсом прошлого, то есть возможностью оказывать действенное влияние на историческую память общества. Однако политика памяти не является таким уж новым изобретением. Притом, что в советское время практики, связанные с идеологизацией прошлого, не имели специального названия, государство фактически использовало множество средств воздействия на коллективную память в целях легитимации политического режима, повышения степени доверия к государству со стороны населения, формирования и укрепления советской идентичности.

Важнейшим средством пропаганды того времени была периодическая печать. Именно из газет и журналов советские читатели узнавали о последних политических событиях, черпали идеологически окрашенные сведения об истории и природе своей огромной страны. Одним из значимых и авторитетных изданий, участвовавших в формировании и ретрансляции образов сибирских народов и их культур, стал журнал «Сибирские огни». Образы традиционной культуры и истории Тувы конструировались авторами и редакторами этого журнала под воздействием менявшейся со временем государственной идеологии. Одновременно эти образы отразили процессы трансформации сознания традиционного общества, переживавшего модернизацию, а также рефлексию внешних наблюдателей за этими процессами. Исследование комплекса публицистических и художественных текстов, посвященных истории и традиционной культуре Тувы, представляется актуальным для понимания механизмов и источников формирования исторических образов этой республики, закреплявшихся в коллективной памяти и влиявших на процессы социокультурной саморегуляции локального социума в ходе исторического развития.

В последние десятилетия популярной стала тема сохранения и возрождения традиционных культур различных этносов. Однако тезис о том, что народы Сибири смогли до сих пор сохранить свою традиционную культуру в неизменном виде сомнителен. Нередко, «традиционное» оказывается не только и не столько воспроизведением «аутентичной истории», но некоторым новым подобием прошлого или достраиванием в виде «неотрадиционализма» (Мадюкова, Попков, 2011). В значительной степени стереотипные представления о культурных традициях автохтонных народов формировались в советское время под воздействием политизированной журналистики и художественной литературы. Именно поэтому, на наш взгляд, актуальна деконструкция подобных текстов, их «разбор» на «ингредиенты», отражающие политические противоречия в отношении между центром и национальными районами Сибири, государственную национальную политику, культурно-историческую память сибирских этносов, специфические процессы культурной модернизации, формирования региональных, этнических и национальных идентичностей.

До сих пор история государственной политики памяти в отношении прошлого Тувы в ее содержательном и процедурном аспектах не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Однако историками довольно глубоко изучена национальная политика СССР в ее идеологической и практической составляющих (Советская национальная политика, 2013), а также этапы формирования и реализации государственной политики в отношении народов Востока России (Луполеко, 2011). Проблемы и противоречия в подходах государства к национальной политике, а также в способах ее реализации позволяет обнаружить сопоставление взглядов «извне» и «изнутри» регионов на вопросы развития этнических культур, формирования письменности, литературного языка, распространения грамотности, становления национальной литературы, трансформации религиозности и традиционных структур социальной организации. На материалах Тувы подобные вопросы раскрываются, как в коллективных обобщающих работах по истории этой республики (История Тувы, 2016) и тувинской национальной литературы (История тувинской литературы, 2013; Самдан, 2019), так и в отдельных статьях по проблемам культурных трансформаций в XX в. (Маадыр, 2011; Отрощенко, 2015). На примере тувинского общества исследовались сложные процессы архаизации как реакции социума на происходящие социальные трансформации (Ламажаа, 2011ab). В последние годы на отдельных примерах изучаются и проблемы идеологизации посредством журнальной прессы представлений о регионах Северо-востока России, их культурном и социально-политическом развитии в исторической динамике (Шастина, 2014).

Цель данной статьи — выявить особенности репрезентаций исторического прошлого и традиционной культуры тувинского народа на страницах старейшего в Сибири и России литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни» с 1920-х гг. до современности в контексте динамики развития государственной политики памяти. Для этого предстоит решить ряд задач. Во-первых, раскрыть взаимосвязь феноменов традиции, традиционной культуры, власти и общественного сознания в социально-политической системе традиционного и развивающегося общества. Во-вторых, определить и охарактеризовать специфику этапов рефлексии истории Тувы, которые последовательно отражают публикации журнала «Сибирские огни» на хронологическом отрезке от 1920-х гг. до современности. Решая эту задачу, с одной стороны, мы остановимся на динамике смыслов политики памяти, отразившейся в репрезентациях тувинской истории на страницах интересующего нас журнального издания, с другой стороны, выявим приемы и способы работы авторов журнала с историческими образами и символами в рамках идеологизации прошлого.

Основной источник нашего исследования — журнал «Сибирские огни» — уже на протяжении целого столетия освещает в разных аспектах жизнь нашего огромного региона, неизменно уделяя внимание национальным районам и республикам. Главной темой «Сибирских огней» всегда являлась сибирская литература и литературная жизнь. Кроме художественных произведений в журнале обычно были представлены публицистические и научно-популярные статьи, посвященные истории Сибири, ее политическому и социально-экономическому развитию. Не стала исключением и Тува. Начиная со второй половины 1920-х гг. «Сибирские огни» периодически информировали своих читателей об истории, хозяйственной, культурной жизни этой республики, тогда еще не входившей в Советский Союз, о формировании тувинской национальной литературы. Публикации этого журнала отражают сочетание взгляда на сибирские народы и проблемы региона с позиции советского государства и восприятие региональных проблем самими сибирскими авторами. На содержании публикаций

сказывался также сложный издательско-редакционный процесс согласования идеологических установок, творческих идей и находок авторов журнала. Журнальные публикации позволяют судить об этапах рефлексии его авторов трансформации традиционных основ тувинского общества, а также и о постепенном изменении позиций самих рефлекслирующих субъектов. Нам удалось выявить более тридцати публикаций, тематически связанных с историей и культурой Тувы. Этот комплекс источников дополняется документами из архивного фонда «Сибирских огней», отражающих редакционную политику, а также установки журнала разных лет, обусловленные идеологией и задачами советской пропаганды.

Традиция, знание о прошлом и социально-политический порядок в традиционных обществах

Власть в территориально-политической системе самоорганизации региона (этноса) и традиционная культура находятся в противоречивых взаимоотношениях, меняющихся на различных этапах исторического развития социума, системы его социально-политической организации и общественного сознания. Общественное сознание представляет собой внутреннее опосредование в системе общественной саморегуляции. В традиционном обществе собственно традиция — унаследованный из прошлого культурно-нормативный опыт — обладает исключительной ролью в регуляции жизни общества (Вальдман, 2014: 123). Традиция является главным способом передачи социального опыта и, в основном, обуславливает поведение людей. Социум, в котором господствует традиция, практически не ориентирован на инновацию, в том числе и на познавательную деятельность для приобретения нового знания. Традиция для ее носителей обосновывается как единственная и безальтернативная интерпретация прошлого, но к реальному прошлому или к научно-историческому знанию о прошлом она практически не имеет отношения. В динамично развивающихся обществах интерес к знанию о прошлом связан с известным противоречием между «сущим» и «должным». В условиях усложнения общества даже из самого полного анализа актуальной ситуации не очевиден ответ о должном ее состоянии. То есть, историческое знание может быть использовано не только при решении вопроса об инструментальном подборе средств для заданного движения, но и для целеполагания, и для определения ценности той или иной деятельности.

При этом знание о прошлом, как в его псевдоисторической традиционной форме, так и в виде иных форм знания, в том числе и научной, нередко используются в политико-идеологических целях. Историческое знание может служить легитимации существующего социально-политического порядка и структур власти, обоснованию ответственности социальных институтов, индивидуальных и коллективных политических субъектов или снятия с них ответственности, для обвинения, или оправдания и т. д. Таким образом, культурно-историческая память, с ее специфическим отбором и формами репрезентации исторического знания становится элементом политической, правовой и моральной регуляции социума (Вальдман, 2010: 134). Культурно-историческая память в любом обществе предстает как одно из оснований социальности. А в традиционном обществе культурно-историческая память в форме традиции обладает высшей исключительностью такого нормативно-регулятивного значения, утверждаемого статусом этого знания как сакрального.

Традиционные общества меняются, несмотря на закрепленную сакральностью традиции ориентацию на неизменное повторение освященных ею прецедентов. Запуск процессов изменения нередко связан с новыми вызовами существующему устройству, появляющимися как в результате внутреннего развития, так и вследствие обновления внешних воздействий, ординарный ответ социума на которые не позволяет элиминировать их присутствие и принудительно трансформирующее влияние. В XX в. в силу исторических обстоятельств, Туве, долгое время остававшейся оазисом традиционности, приходилось также стремительно меняться. При этом, извне тувинскому обществу навязывалась «другая» история, которая, включая региональный социум в совершенно другие мировые «концептуальные рамки», девальвировала ценности традиционных исторических представлений, вытесняла на периферию культурной жизни альтернативные исторические нарративы, что вело к их забвению, грубо «прорабатывала» сюжеты традиционной устной истории, придавая им смыслы классовой борьбы и, в конечном итоге, разрушала преемственность межпоколенных социокультурных связей. Эти процессы своеобразно фиксировали «Сибирские огни».

Отражение истории Тувы в публикациях журнала «Сибирские огни»

Тува вошла в СССР только в 1944 г. как Тувинская Автономная Область в составе РСФСР. Поэтому вплоть до начала 1940-х гг. авторы «Сибирских огней» не проявляли к Туве особенного интереса. Она воспринималась как «чужая» территория и ассоциировалась, прежде всего, с событиями гражданской войны. Прошлое Тувы специально не осмыслялось и не конструировалось. Урянхайский край лишь упоминался в негативном контексте в связи с политикой памяти, нацеленной на «проработку» недавнего военного прошлого. Первая в «Сибирских огнях» публикация о Туве принадлежала мемуаристу П. Петрову, участвовавшему в войне на стороне красных партизан¹. По раннесоветскому шаблону Петров строго разделил действующих лиц своего повествования на врагов и сторонников советской власти. «Урянхай» и «сойоты» (тувинцы), стремившиеся в это время к политической самостоятельности, получили негативные характеристики «разгулявшейся стихии», опасной силы, способной выступить на стороне врага советов. Автор представил их традиционализм как варварство: «сойоты» «разграбили библиотеку в Белоцарске и извели книги на раскурку», «разъезжали в церковных ризах, церковную утварь цепляли на себя как украшения», «обдирали и увозили железные крыши»². Во всем подчеркивалась скорее не архаичность мышления «урянхайцев», а приписываемое им бескультурие.

Сближение Тувы с Советским Союзом незадолго до Великой Отечественной войны отразила статья В. Рудмана «Тува в прошлом и настоящем»³. Она освещала 20-летнее существование Тувы в качестве независимого государства, еще сравнительно «отсталого», но вставшего на «единственно верный путь» социалистического развития вслед за Советским Союзом. Рудман использовал типичный прием политики памяти, состоявший в *негативизации* дореволюционного прошлого. Тува до революции 1921 г. изображалась колониальной страной, бедной, раздробленной, «обреченной на голод, нищету и вымирание». Использовался и прием обобщенной героизации целого народа, его контрастного противопоставления врагам. Тувинский народ, репрезентировался как некогда славный военной мощью, но ослабший под гнетом более многочисленных врагов: русских империалистов, китайцев и монголов, а также собственной старой знати и лам. Из рассказа следовало, что лишь помощь Советского Союза могла спасти ситуацию. Одновременно требовалось показать собственный потенциал тувинского народа к развитию, его волю и энергию. Именно поэтому Рудман рассказал о том, как в начале 1920-х гг. «простой народ» решительно закрывал ламаистские монастыри, подавлял сопротивление феодалов, добивался запретов на использование оскорбительных слов «сойоты» и «урянхай». Традиционные культурные ценности в этой статье искажались и девальвировались: ламы и шаманы обвинялись в шарлатанстве, буддизм признавался формальной религией, черты традиционной социальной организации изображались «варварскими» («общность жен»). С отвращением перечислялись «пережитки старины»: сифилис, трахома, трупоедство, грязь в быту, высокая смертность. Культурный же выбор современности преподносится в этой статье как решительный разрыв с прошлым и модернизация: переход к оседлости, основание городов, основание добывающей промышленности, появление автотранспорта, разработка тувинского алфавита на основе кириллицы, массовое обучение чтению.

Во второй половине 1940-х гг. периодика выполняла государственный заказ на ознакомление граждан страны с основной информацией о территории, вошедшей в состав СССР. Обновленный взгляд на прошлое и современность Тувы был отражен в статье Г. Кублицкого «За голубыми Саянами»⁴. Эта статья также акцентировала внимание на последних достижениях модернизационного развития, обусловленных помощью СССР. Однако ее автор в духе новых идеологических веяний смягчил критику традиционной культуры. К примеру, он впервые говорил о красоте двухголосого горлового пения. Сами же тувинцы, по-прежнему, репрезентировались как народ — жертва длительного паразитирования маньчжуров, местных чиновников и лам на бедняках. Однако политика памяти военного десятилетия диктовала публицистам необходимость героизировать историю народов, сражавшихся с фашизмом. Именно поэтому в тувинском прошлом был выделен и усилен эпический героический сюжет восстания семидесятилетней давности шестидесяти богатырей против китайских поработителей, за которыми, якобы, стоял весь простой тувинский народ. Восстание закончилось казнью повстанцев, что послужило

¹ Петров, П. (1927) Партизаны в Урянхайском крае. Воспоминания участника // Сибирские огни. № 4. С. 162–173.

² Там же. С. 164–165.

³ Рудман, В. (1941) Тува в прошлом и настоящем // Сибирские огни. № 3. С. 114–126.

⁴ Кублицкий, Г. (1947) За голубыми Саянами // Сибирские огни. № 5. С. 99–105.

поводом подчеркнуть эффективность борьбы за свободу и процветание лишь путем революции и объединения с Советским государством. Через введение сюжета о новейшей истории письменности Г. Кублицкий зафиксировал начало процесса интенсивной русификации тувинцев с целью подготовки этого народа к восприятию советской идеологии через печатные средства пропаганды.

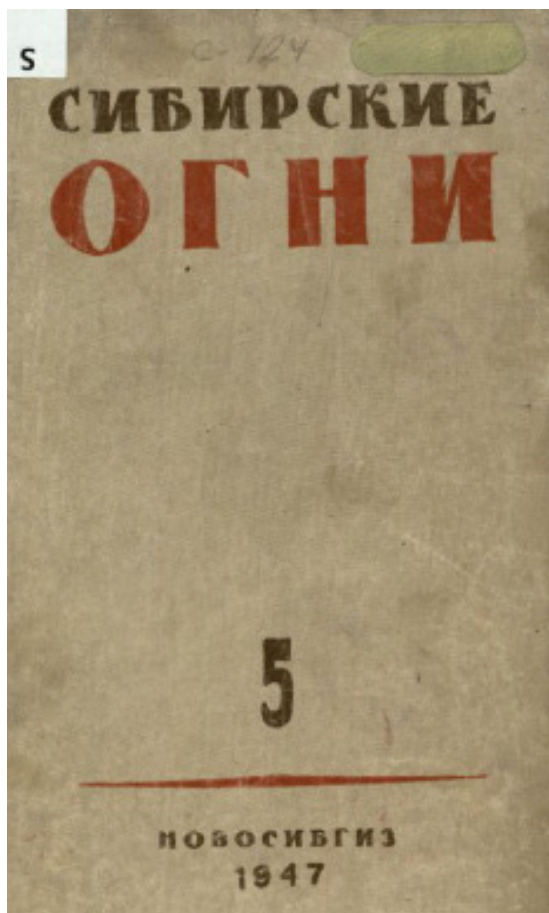

Фото 1. Обложка журнала «Сибирские огни», № 5 за 1947 г.

С 1948 г. в «Сибирских огнях» стали публиковаться литературные произведения тувинских поэтов и писателей, отражавшие их собственное участие в формировании официальных исторических образов региона. Первые литературные опыты тувинцев дополнялись литературной критикой русских авторов, судивших явно свысока, с позиции покровителей¹. Критики называли тувинскую литературу самой молодой в СССР, игнорируя исторический опыт письма тувинцев на монгольском языке. Исконное народное творчество политизировано оценивалось заявлениями о том, что в старину фольклор, служащий источником сюжетов современной литературе, отражал «мысли аратов, их борьбу с насилием, злом и темными силами».

Наиболее значительные прозаические произведения тувинских писателей С. К. Токи и О. Саган-оола, публиковались в «Сибирских огнях» в 1950–1960-х гг. Эти авторы представляли первое поколение советской тувинской интеллигенции, получившей образование в Москве и вовлеченной в процессы социалистического строительства в Туве. Сегодня познакомиться с размышлениями С. К. Тока над изменениями, происходившими в тувинском обществе этих лет, можно и по его дневниковым записям, предшествовавшим написанию литературных произведений, отражающим ход мысли этого автора (см.: Ширшин, 2017). Идеологические, соцреалистические сочинения Токи и Саган-оола выражали разное отношение к истории и традиционной культуре Тувы, рефлексия которых находилась в центре авторского внимания. В 1950 г. в «Сибирских огнях» была опубликована первая часть автобиографического романа С. К. Токи «Слово арата» под заглавием «К большому порогу»². В этом произведении, удостоенном престижной Государственной премии и переведенном на несколько языков, нет и намека на сколько-нибудь позитивное

восприятие традиционной культуры и общественного уклада дореволюционного тувинского общества. Тувинская старина репрезентируется через образы крайней нищеты и социальной несправедливости. По сюжету произведения такая беспросветная жизнь определила политический выбор героя и его решение любой ценой вырваться из этой обстановки самому и возглавить общественную борьбу за перемены.

Однако радикальное неприятие тувинского прошлого разделяли не все писатели республики, о чем с досадой заявляли в начале 1950-х гг. литературные критики «Сибирских огней». Так, уже достаточно авторитетный тувинский писатель О. Саган-оол обвинил своих коллег в фактическом «бездушном любовании» национальной стариной, «патриархально-кочевой жизнью», в ее поэтизации, в «неумении по-марксистски правильно обобщать прошлое»³. В «Сибирских огнях» такие произведения не публиковали. А критики напоминали писателям, что советская власть ставит перед тувинскими авторами большие задачи идейного воспитания народа и упрекали их в отставании развития тувинской литературы от экономики.

¹ Шмаков, А. (1948) Молодая литература советской Тувы // Сибирские огни. № 2. С. 98–101.

² Тока, С. К. (1950) К большому порогу // Сибирские огни. № 2. С. 5–77.

³ Саган-оол, О. (1952) Советская тувинская литература // Сибирские огни. № 6. С. 174–175.

Между тем, уже в 1965 г., на фоне хрущевской оттепели С. А. Сарыг-оол опубликовал в «Сибирских огнях» собственную автобиографическую «Повесть о светловолосом мальчике»¹, явно ностальгического характера, полную тонких этнографических описаний повседневного быта кочевников, семейных, общественных отношений, верований и обычаев народа, мало знакомого с европейской цивилизацией. Документальность создавала иллюзию аутентичности, неизменности и подлинности описанных традиций. Однако показную документальность стоит расценивать как ловушку политики памяти, призванную усыплять критическое восприятие репрезентаций истории. Картину прошлого Сарыг-оол конструировал по строгим канонам соцреализма и в соответствии с государственной политикой памяти, направленной на формирование новой идентичности тувинцев, которая должна была включать, как национальный (отсюда и ностальгия), так и общесоветский компоненты.

Одновременно, в 1950–1960-х гг. «Сибирские огни» отражали интерес к Туве извне, со стороны русских ученых: археологов, этнографов, фольклористов и историков. Это был новый этап формирования в общественном сознании образов различных регионов советской страны, в основе которых должны были лежать уже не просто обусловленные идеологически голословные заявления об их прошлом, как о мрачном и беспросветном, но и данные науки, уточняющие и усложняющие эти заявления, как впрочем, и художественная литература. Главный месседж научно-популярных публикаций 1960-х гг. сводился к тезису о том, что, хотя тувинское общество трансформируется, традиционная культура в Туве еще во многом сохранилась, а это делает республику интересной для ученых, наравне с другими советскими республиками².

В 1950–1960-х гг. в Туве активно работали фольклористы, собиравшие и публиковавшие народные сказки. Их сборники выходили, по сведениям «Сибирских огней», в 1954, 1958 и 1964 г. в Кызыле³. За устным народным творчеством признавался большой воспитательный потенциал. В целом же, при всем внимании к традициям словесности и фольклора народов Сибири и признании за фольклором значения «хранилища вековой мудрости», в советское время считалось, что писателям и поэтам необходимо преодолевать сохранение и воспроизведение фольклорных традиций в чистом виде, используя их в профессиональном литературном творчестве только в качестве «строительного материала». Самостоятельная же ценность фольклорных традиций отрицалась.

В конце 1960-х гг. тувинская литература постепенно переориентировалась с исторических тем на темы современности⁴. Республика сильно менялась в связи с существенным промышленным ростом. Это вело к трансформациям и в образе жизни, и в мировоззрении тувинцев. В республике ощущался разрыв с историческим прошлым, вызванный процессами экономической модернизации. В 1970-х гг. в идеологические задачи «Сибирских огней» входило освещение успехов хозяйственного развития в Сибири, связанного с реализацией планов XX пятилетки, а также демонстрация успехов развития национальных литератур, что понималось как значимый результат социалистического строительства (Государственный архив Новосибирской области — далее ГАНО. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 1378, л. 5; 15–16). В этой связи прошлое Тувы, как и других национальных районов Сибири, перестало восприниматься как актуальная тема. Похожие одна на другую национальные литературы всецело концентрировали внимание на проблемах современности.

Однако социалистические стройки оборачивались проблемами: они вредили экологии и культурному наследию, на что стали обращать внимание краеведы и ученые. В частности, академик А. П. Окладников выступил с призывом к общественности обратить внимание на угрозу утраты древних тувинских петроглифов Улуг-Хема из-за грядущего затопления «водами нового искусственного моря», которое образуется после строительства Саяно-Шушенской ГЭС⁵.

В последующие десять лет «Сибирские огни» не обращались к теме тувинской литературы, которая, по словам одного из авторов журнала, в 1970-х гг. пребывала в состоянии «напряженного поиска». Редакция «Сибирских огней» сетовала и на недостаток кадров переводчиков с тувинского языка, способных работать с крупными прозаическими произведениями (ГАНО. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 1378, л. 16). Лишь в 1981 г. была опубликована статья З. Самдана о новом крупном романе тувинского автора

¹ Сарыг-оол, С. А. (1965) Повесть о светловолосом мальчике // Сибирские огни. № 10. С. 3–77.

² Потапов, Л. (1962) Новое в истории народностей Тувы // Сибирские огни. № 7. С. 150–154.

³ Изынеева, М. (1965) Сказки Тувы // Сибирские огни. № 9. С. 185.

⁴ Хадаханэ, М. А. (1967) Весна тувинской литературы // Сибирские огни. № 7. С. 182–183.

⁵ Окладников, А. П. (1977) М. А. Дэвлет. Петроглифы Улуг-Хема // Сибирские огни. № 11. С. 190–191.

К. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный»¹. Это, еще неоконченное произведение, было названо «эпосом нового времени, в котором обобщен образ тувинского народа» и признано величайшим литературным достижением Тувы.

В ознаменовании 40-летия Тувинской АССР, в 1984 г. «Сибирские огни» опубликовали статью первого секретаря Тувинского обкома КПСС Г. Ширшина «Республика в Саянах»². В этой работе упрощенно воспроизводился уже сложившийся исторический нарратив, отражающий идею разрыва тувинского народа с мрачным прошлым, из чего ценными признавались лишь внешние формы традиционной культуры, которые только в советское время наполнились «подлинным» социалистическим содержанием. Стихи тувинских авторов, опубликованные к юбилею республики, как и проза, претендовали на обобщение опыта и судьбы целого народа через эпические картины прошлого, уже закреплённые в культурной памяти тувинцев³. Прошлое репрезентировалось как урок, который должен быть усвоен в настоящем для решения общечеловеческих задач. Поэзия реабилитировала национальное прошлое в контексте воспитания патриотизма и любви к Родине, как к малой Родине, как к отчужденному дому, где царит мир.

1990-е гг. были чрезвычайно трудными для «Сибирских огней», как и для отечественной журналистики в целом. Это десятилетие ничего не добавило к журнальным репрезентациям жизни в Тувинской республике и ее истории. Однако уже в XXI в. «Сибирские огни» вновь обратились к тувинской теме. На этом этапе деконструкции и «разоблачению» подвергся уже опыт представления традиции советского времени.

Из новейших публикаций, имеющих отношение к теме данного исследования, особенно интересно обратить внимание на интервью с филологом М. А. Хадаханэ, которая еще во второй половине 1960-х гг. публиковала в «Сибирских огнях» свои статьи, посвященные тувинской литературе. Бурятка по происхождению М. А. Хадаханэ рассказала о том, что в 1945 г. она переехала жить в Туву, а с 1955 г. начала изучать тувинский фольклор. В своем интервью она раскрыла ту сторону исследований тувинского фольклора, которая не могла быть показана советским журналом в 1950–1960-х гг. Так, желая узнать больше о традиционной культуре тувинцев, Хадаханэ обращалась с вопросами к ламам и сказителям, которые, имея негативный опыт взаимодействия с советскими учеными и представителями администрации, не сразу шли на контакт, отговаривались от расспросов тем, что, якобы, ничего не помнят. Такое отношение к расспросам со стороны молодого поколения являлось очевидным результатом реализации советской культурной политики и политики памяти и в будущем стало фактором разрыва традиции. Только лишь тайная демонстрация познаний в области буддизма давала возможность Хадаханэ расположить к себе лам, которые соглашались даже показать пещеры, где хранились сутры. Получив ценные сведения от лам, Хадаханэ, как и другие ученые, не могла писать и публиковать работы, которые могли бы способствовать сохранению культурной преемственности между поколениями⁴.

Трендом XXI в. стало открытое переосмысление самими тувинцами их национальной культуры. По словам автора еще одной статьи из «Сибирских огней», И. Качан, Тува переживает культурный ренессанс⁵. Это объясняется, прежде всего, инициативами К. Б. Ондара — знаменитого тувинского певца,

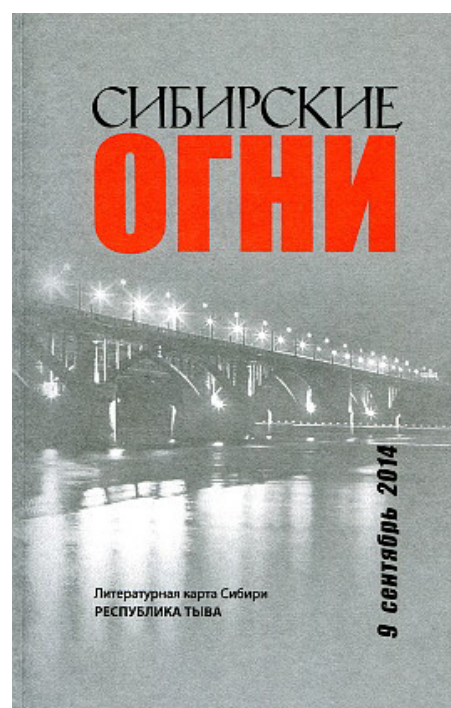

Фото 2. Обложка журнала «Сибирские огни», № 9 за 2014 г.

¹ Самдан, З. (1981) Освоение эпоса // Сибирские огни. № 9. С. 166–169.

² Ширшин, Г. (1984) Республика в Саянах // Сибирские огни. № 10. С. 117–122.

³ Кюнзегеш, Ю. (1984) Наскальные рисунки // Сибирские огни. № 10. С. 12–13.

⁴ Донгак, А. (2014) Тува — судьба моя [Электронный ресурс] // Сибирские огни. № 9. URL: <http://www.sibogni.ru/content/tuva-sudba-moya> (дата обращения: 10.11.2019). С 2000 года журнал стал издаваться в электронном виде. Сайт журнала: <http://www.сибирскиеогни.рф/>

⁵ Качан, И. (2014) Центр Азии. Заметки о Туве [Электронный ресурс] // Сибирские огни. № 9. URL: <http://www.sibogni.ru/content/centr-azii> (дата обращения: 10.11.2019).

мастера горлового пения, ставшего депутатом Верховного Хурала Тывы и во многом определившего культурную политику в республике, поддерживаемую тремя последними российскими президентами. По словам И. Качан, Конгар-оол Ондар «создал современную Туву, Туву, которую мы уже привыкли видеть»¹. Автор этой статьи фактически использует классический прием политики памяти, нацеленный на девальвацию ценностей предшествующего исторического этапа (на этот раз, уже советского) для утверждения верности выбора пути дальнейшего развития в современности. И. Качан описывает позднесоветскую Туву, утратившую этнический колорит: «Да, строились комбинаты, поднималась индустрия, колхозы выдавали всю положенную продукцию. Республика развивалась, как, впрочем, и другие окраины страны. А Тувы — не было! Не было ярких национальных костюмов на улицах, горловики были, хоть и мало, концерты — редки...»; «Да, под руководством партии вместе со всеми шли в светлое будущее. Забывая о ярком прошлом. Всерьез начинали думать, что все национальное, самобытное, свое — это пережитки темного прошлого»². Описывается интерес Конгар-оола к тувинской традиции, вызванный, помимо прочего, увиденным им подчеркнутым вниманием к своим традициям в странах Запада. В результате его деятельности в моду вошли как аутентичные, так и стилизованные элементы традиционной культуры: публичное проведение ламаистских и шаманских обрядов, ношение традиционализированной одежды и причесок, исполнение традиционной и стилизованной музыки. Автор статьи называет это «культурным ренессансом» Тувы, куда включается не только возрождение ранее лишь известного по написанному в книгах, но и осознанное постоянное придумывание нового в традиционном ключе.

Заключение

Итак, на протяжении почти целого столетия журнал «Сибирские огни» конструировал образы истории и традиционной культуры Тувы, что происходило под воздействием менявшейся с течением времени политики памяти. Журнал отразил на своих страницах изменение использования культурно-исторической памяти и ее специфических форм репрезентации исторического знания в рамках символической, прежде всего, политико-идеологической саморегуляции тувинского общества в меняющихся общероссийских контекстах и перспективах.

В этом процессе можно выделить следующие основные этапы.

На *первом этапе*, с середины 1920-х до конца 1940-х гг. о Туве в «Сибирских огнях» публиковались лишь работы русских публицистов, отражавшие шаблонный, негативно-обобщенный взгляд на историю республики извне, из страны Советов.

На *втором этапе* с конца 1940-х гг. до начала 1980-х гг. в «Сибирских огнях» стали появляться работы тувинских авторов (писателей и поэтов), осваивавших русскую культуру и становившихся на службу советской идеологии. Они воспроизводили негативное отношение к тувинскому прошлому, которому противопоставлялись успехи советской модернизации. Произведения художественной литературы тувинских писателей, богатые бытовыми и этнографическими деталями, использовались журналом для подтверждения идеологических формул. Хотя в литературных произведениях 1960-х гг. сквозила ностальгия, культурная модернизация и пропаганда сделали свое дело. В условиях вынужденного молчания еще живых носителей традиционной культуры и, обусловленного советской культурной политикой и политикой памяти, отсутствия в обществе запроса на традицию, образовался поколенческий разрыв в воспроизводстве культурных традиций новыми поколениями, который отразили, в частности, «Сибирские огни». О Туве одновременно писали русские ученые и литературные критики, выражавшие официальный взгляд на республику извне: происходила частичная реабилитация элементов традиционной тувинской культуры в части ее элементов, не противоречивших прогрессистски-цивилизаторским декларациям советской идеологии. Критикам «Сибирских огней» вторили и авторы из Тувы — публицисты, обозреватели, как, к примеру, бурятка М. А. Хадаханэ.

На *третьем этапе* (с 1980-х гг. — до начала 1990-х гг.) фактически утасла живая социальная память старшего поколения, еще помнившего дореволюционное прошлое Тувы, были забыты повседневные практики традиционной культуры. В этих условиях началась искусственная теоретизация культурной памяти этноса с уклоном в экологизм. Традиционная культура и история Тувы при этом все больше

¹ Там же.

² Там же.

становились интересными ученым в русле научного поиска и музеефикации этнокультурного наследия. В «Сибирских огнях» печаталась не только поэзия и проза, но также и публицистика тувинских авторов (Г. Ч. Ширшин), включенных в общественно-политическую жизнь республики. Однако эти авторы продолжали писать о прошлом Тувы в русле советских идеологических интерпретаций общественного развития.

На четвертом, постсоветском этапе (с 1990-х гг. — до настоящего времени) фактически рухнул советский модернизационный проект. В силу экономических обстоятельств регион утратил многие существенные возможности коммуникации с общекультурным целым страны, и фактически состоялась «приватизация» этнократическими элитами власти в своих регионах. Новым элитам требовалась легитимация их прав на экономическую и политическую власть. Именно на этом фоне актуализировался выраженный интерес к «исконным традициям», уже практически утраченным. В середине 2010-х гг. «Сибирские огни» отразили тенденцию так называемого «архаического взрыва», связанную с временной утратой иных сложных механизмов самоорганизации локального социума. Поскольку «исконной традиции» фактически уже не существует, ее изобретают и конструируют на основе книжных знаний, комплекс которых в значительной степени сформировался в советское время. В спецвыпуске журнала, посвященном Туве (2014, № 9), были опубликованы исключительно работы авторов из Тувы: писателей и поэтов — преимущественно этнических тувинцев и публицистов не тувинского происхождения, живущих в республике¹. Спецвыпуск показывает, что на новом этапе «Сибирские огни» стали представлять не внешний взгляд на Туву, а предоставлять авторам возможность саморепрезентации тувинской культуры, которая отразила, в немалой степени, текущие процессы архаизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вальдман, И. А. (2010) Социокультурная рефлексия свободы: политогенез и культурно-историческая память // Высшее образование в России. № 12. С. 131–136.

Вальдман, И. А. (2014) Традиционное общественное сознание и социальная коммуникация // Идеи и идеалы. № 4 (22). Т. 1. С. 123–129.

История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Наука. 264 с.

История Тувы (2016) : в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. 3. 451 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011a) Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 35–42.

Ламажаа, Ч. К. (2011b) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб.: Алетейя. 368 с.

Луполеко, Н. А. (2011) Основные черты государственной политики в отношении малочисленных народов севера России в 1936–1957 гг. // История государства и права. № 4. С. 27–36.

Маадыр, М. С. (2011) Книжная культура Тувинской Народной Республики: позитивные и негативные тенденции [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2–3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/406> (дата обращения: 10.11.2019).

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011) Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя. 132 с.

Отрощенко, И. В. (2015) Языковая политика и культурное строительство в Тувинской Народной Республике [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/22> (дата обращения: 10.11.2019).

Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/872> (дата обращения: 20.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.3.13

Советская национальная политика: идеология и практики, 1945–1953 (2013) / сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.) [и др.] М. : РОССПЭН. 949 с.

Шастина, Т. П. (2014) Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины // Вестник ТГУ. Филология. № 4. С. 158–172.

¹ Литературная карта Сибири. Республика Тыва: спецвыпуск (2014). Сибирские огни. № 9. URL: <http://www.sibogni.ru/content/centr-azii> (дата обращения: 10.11.2019).

Ширшин, Г. Ч. (2017) Летопись советской Тувы 1950–1960-х гг. в дневниках Салчака Тока [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/739> (дата обращения: 20.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.4.4

Дата поступления: 29.11.2019 г.

REFERENCES

Valdman, I. A. (2010) Sotsiokul'turnaia refleksiiia svobody: politogenez i kul'turno-istoricheskaiia pamiat' [Sociocultural reflection of freedom: the genesis of politics, cultural and historical memory]. *High Education in Russia*, no. 12. pp.131-136. (In Russ.).

Valdman, I. A. (2014) Traditsionnoe obshchestvennoe soznanie i sotsial'naia kommunikatsiia [Traditional public consciousness and social communication]. *Ideas and Ideals*, no. 4 (22), vol. 1, pp. 123-129. (In Russ.).

Istoriia tuvinskoi literatury [A History of Tuvan Literature] (2013). Novosibirsk, Nauka. 264 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011a) Arkhaizatsiia obshchestva v period sotsial'nykh transformatsii [The Archaization of Society in the Period of Social Transformations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 35–42. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011a) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.).

Lupoleko, N. A. (2011) Osnovnye cherty gosudarstvennoi politiki v otnoshenii malochislennykh narodov severa Rossii v 1936–1957 gg. [The basics of state on indigenous peoples of the North of Russia in 1936–1957]. *History of state and law*, no. 4, pp. 27–36. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2011) Knizhnaia kul'tura Tuvinskoi narodnoi respubliki: pozitivnye i negativnye tendentsii [Book culture of the Peoples' Republic of Tuva: positive and negative tendencies]. *The New Research of Tuva*, no. 2–3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/406> (access date: 10.11.2019). (In Russ.).

Madiukova, S. A. and Popkov, Yu. V. (2011) *Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma [The phenomenon of socio-cultural neotraditionalism]*. St. Petersburg, Aleteiia. 132 p. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2015) Iazykovaia politika i kul'turnoe stroitel'stvo v Tuvinskoi Narodnoi Respublike [The language policy and cultural building in the Tuvan People's Republic]. *The New Research of Tuva*, no. 2. [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/22> (access date: 10.11.2019). (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2019) Modifications of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/872> (access date 20.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2019.3.13

Sovetskaia natsional'naia politika: ideologiia i praktiki, 1945–1953 (2013) [Soviet National Politics: Ideology and Practices, 1945–1953] / Eds. by L. P. Kosheleva and O. V. Hlevniuk. Moscow, ROSSPEN. 949 p. (In Russ.).

Shastina, T. P. (2014) Oirotiia na stranitsah zhurnala «Sibirskie ogni»: nachal'nyi etap formirovaniia obraza sovetskoi natsional'noi okrainy [Oirotia on the pages of the *Sibirskiye Ogni* magazine: the initial stage in the representation of the Soviet ethnic peripheries]. *Tomsk State University Journal, Philology series*, no. 4. pp. 158–172. (In Russ.).

Shirshin, G. Ch. (2017) A Chronicle of the Soviet Tuva (1950s-1960s) in the Diaries of Salchak Toka. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/739> (access date: 20.11.2019). DOI: 10.25178/nit.2017.4.4

Submission date: 29.11.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.14

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проблемы развития региональной экономики: итоги работы международной конференции в Туве

Валерий О. Ооржак, Галина Ф. Балакина

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН,
Российская Федерация*

В статье представлен обзор работы 3-й Международной научно-практической конференции «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура», которая прошла с 23 по 25 октября 2019 г. в Тувинском институте комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (г. Кызыл, Россия). Конференция была посвящена 25-летию образования института и 45-летию первой ячейки академической науки в Туве.

Главной целью конференции было определено изучение и анализ состояния экономики Республики Тыва, регионов Сибири и сопредельных территорий, на базе обсуждения и научного анализа результатов исследований экономических, технологических и экологических процессов в Республике Тыва и сопредельных регионах, выработка предложений по обеспечению динамичного и устойчивого развития территорий в современных условиях.

Представленные доклады были рассмотрены на пленарном заседании конференции и пяти секциях. Рассмотрены идеи ряда докладов, в том числе по другим регионам России и мира. Отмечены основные итоги работы конференции, общие рекомендации конференции органам власти Тувы.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; региональная экономика; экология; инновационные технологии; инфраструктурные проблемы; Тува; регионоведение; обзор; ТувИКОПР СО РАН

Для цитирования:

Ооржак В. О., Балакина Г. Ф. Проблемы развития региональной экономики: итоги работы международной конференции в Туве [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/913> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.14

Ооржак Валерий Окпан-оолович — кандидат экономических наук, заместитель директора, старший научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (394-22) 6-62-18. Эл. адрес: v.oorgak@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-2985-0722

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (394-22) 6-62-18. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Oorzhak Valerii Okpan-oolovich, Candidate of Economics, Deputy Director, Senior Research Fellow, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 6-62-18. E-mail: v.oorgak@yandex.ru

Balakina Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 6-62-18. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

Problems of regional economic development: an international conference in Tuva

Valerii O. Oorzhak, Galina F. Balakina

*Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resource
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents an overview of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure," which took place from October 23 to 25, 2019 at the Tuvinian Institute of Complex Development of Natural Resources at the Russian Academy of Sciences (Kyzyl, Russia). The conference was dedicated to the 25th anniversary of the institute and the 45th anniversary of the first institution of academic research in Tuva.

The main purpose of the conference was to study and analyze the state of economy of the Republic of Tuva, in the regions of Siberia and neighbouring territories. Through discussions and analysis of the outcomes of research into economic, technological and environmental processes in the Republic of Tuva and neighboring regions, proposals were made on how to ensure dynamic and sustainable development of these territories under current conditions.

The papers accepted for the conference were presented at the plenary session and five panels. Some paper suggestions were also discussed, including those concerning other regions of Russia and the world. The conference concluded by reflecting on its outcomes and formulating policy recommendations for the authorities of Tuva.

Keywords: socio-economic development; regional economy; Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources SB RAS; ecology; innovative technologies; infrastructure problems; Tuva; regional studies; review

For citation:

Oorzhak V. O. and Balakina G. F. Problems of regional economic development: an international conference in Tuva. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/913> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.14

Работа III Международной научно-практической конференции «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» осуществлялась 23–25 октября 2019 г. в Тувинском институте комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (г. Кызыл, Россия). Конференция приурочена к 25-летию образования вышеназванного института и 45-летию первой ячейки академической науки в Туве. Инициатором проведения научно-практической конференции, как и предыдущих, выступила лаборатория региональной экономики ТувИКОПР СОРАН (Региональная экономика..., 2015: Электр. ресурс; Региональная экономика ..., 2017).

С 1990-х годов в Республике Тыва, одновременно с другими регионами России, происходит сложный, зачастую драматичный, переход к рыночным методам хозяйствования, осуществляется модернизация процессов развития, проводятся социальные преобразования, совершенствуются основы правового регулирования экономики и экологической сферы. Эти процессы определяют особенности социально-экономического, экологического развития региона, изменяют требования к применяемым технологиям добычи и переработки минерального сырья и природных ресурсов. Новые вызовы ставят перед учеными задачу поиска инновационных решений возникающих проблем, поэтому обмен научными взглядами, гипотезами и результатами исследований остается востребованным и необходимым, что обуславливает *актуальность* темы конференции.

Цель конференции — исследование состояния экономики Республики Тыва, регионов Сибири и сопредельных территорий на основе научных дискуссий по результатам анализа экономических, технологических, экологических и инфраструктурных вопросов, выработка предложений по обеспечению динамичного и устойчивого развития регионов в современных условиях. Программным комитетом под региональной экономикой понимается система научных направлений по изучению проблем развития территорий, объединяющих исследования как собственно экономики региона, так и его экологии, социологических процессов, проблем поиска и включения в хозяйственный оборот месторождений полезных ископаемых, создания социальной и производственной инфраструктуры интенсификации производства. То есть, понятие региональной экономики здесь трактуется как синтез исследований региональной экономики и управления территориями, региональной социологии, региональной экологии, региональной геологии и региональные аспекты технологических процессов. При этом регион рассматривается как часть государства. К рассмотрению на конференции допускаются результаты изучения и комплексного анализа процессов в регионе как функциональной и структурной подсистемы природного комплекса, экономики и социальной сферы Тувы и сопредельных территорий.

В задачи конференции входили обмен научно-практической информацией коллег в целях изучения и анализа состояния экономики регионов, выявления причин возникновения проблем, определение современных тенденций, в том числе неравномерности уровня развития, и выработка предложений по решению проблем социально-экономического развития с учетом особенностей каждого региона, в том числе таких приграничных и депрессивных территорий как Республика Тыва. То есть главным объектом внимания конференции стали регионы, обладающие специфическими признаками: приграничное положение, депрессивность, необходимость вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот без ухудшения экологической ситуации. Также к задачам относились определение перспектив рационального использования ресурсов на территории Центрально-Азиатского региона, выявление подходов к осуществлению важных проектов по их освоению, формирование комплекса инструментов регулирования, а также оказание методической помощи молодым ученым в планировании и осуществлении научных исследований.

В целях успешной реализации поставленных задач были сформированы авторитетные организационный и программный комитеты — из числа ученых и управленцев-практиков. В состав организационного комитета входили представители академической науки и Правительства Республики Тыва, в том числе Александр Владимирович Брокерт, первый заместитель Председателя Правительства Республики Тыва (председатель), Валерий Ильич Котельников, канд. техн. наук, директор ТувИКОПР СО РАН; гос-жа Баасанжап Ганцецег, генеральный консул Монголии в г. Кызыле РФ (сопредседатели), Валерий Окпан-оолович Ооржак, канд. экон. наук, заместитель директора ТувИКОПР СО РАН (заместитель председателя), а также члены оргкомитета: Давид Федорович Дабиев, канд. экон. наук, заведующий лабораторией региональной экономики ТувИКОПР СО РАН, Сергей Григорьевич Прудников, канд. геол.-мин. наук, заведующий лабораторией «Геодинамики, магматизма и рудообразования» ТувИКОПР СО РАН; Шончалай Чудурукпаевна Соян, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник ТувИКОПР СОРАН; Херел Буян-оолович Бадарчи, канд. экон. наук, старший научный сотрудник ТувИКОПР СО РАН.

Программный комитет возглавляла Галина Федоровна Балакина, д. э. н., заместитель директора ТувИКОПР СО РАН по научной работе. Члены программного комитета: Тана Михайловна Ойдул, канд. социол. наук, ученый секретарь ТувИКОПР СО РАН; Валентин Викторович Заика, докт. биол. наук, заведующий лабораторией «Биоэкология» ТувИКОПР СО РАН; Александр Иванович Жданок, докт. физ.-мат. наук, гл. науч. сотр. ТувИКОПР СО РАН, Борис Комбуй-оолович Кара-Сал, докт. техн. наук, заведующий лабораторией материаловедения ТувИКОПР СО РАН.

Пленарное заседание 23 октября 2019 г. открыл Валерий Ильич Котельников, директор ТувИКОПР СО РАН; с приветствиями выступили: Елена Владимировна Каратаева, министр экономики Республики Тыва; г-н Мянганбаяр Ганбат, консул Монголии в г. Кызыле РФ, Чойган Николаевна Самбыла, докт. биол. наук, директор Туvinского научного центра; Светлана Суруновна Курбатская, докт. геогр. наук, сотрудник Туvinского научного центра; Урана Владимировна Ондар, канд. химич. наук, проректор Туvinского государственного университета по научной работе. Кандемир Канчырович Ооржак, научный сотрудник Туvinского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва огласил приветствие директора института — канд. экон. н. Буяна Алексеевича Донгака.

Фото 1. Президиум пленарного заседания. Фото Ю. Ю. Самбыла.
Photo 1. At the plenary session of the conference. Photo by Yu. Yu. Sambyla.

Фото 2. Участники конференции. Фото Ю. Ю. Самбыла.
Photo 2. Conference participants. Photo by Yu. Yu. Sambyla.

В. И. Котельников подчеркнул актуальность и значимость проводимой конференции для Республики Тыва и сопредельных территорий, их социально-экономического развития как одного из важнейших инструментов реализации результатов научных исследований, проводимых в различных научных учреждениях, в том числе в таких институтах Российской академии наук, как ТувИКОПР СО РАН.

Е. В. Каратаева отметила, что сегодняшняя международная конференция, как и предыдущие, занимает ключевое место среди научных мероприятий года в Туве. Министр подчеркнула, что многие предложения и рекомендации первых двух конференций института, разработанные на основе результатов научных исследований ученых, были уже учтены и приняты при формировании программ и стратегий развития отраслей экономики и социальной сферы региона, при создании новых инфраструктурных проектов и крупных предприятий, в том числе по освоению природных ресурсов и минерального сырья.

«В 2015 году мы с вами на первой конференции обсуждали подписанное Дмитрием Анатольевичем Медведевым распоряжение Российской Федерации от 17 апреля 2015 года № 678-р, которым утверждён План мероприятий, направленный на социально-экономическое развитие республики на 2015–2025 годы, это важнейший документ развития региональной экономики», — сказала она. К настоящему времени выполнен ряд предусмотренных мероприятий, в том числе проведена реконструкция аэропортового комплекса г. Кызыла. Он готов к приему и отправке современных воздушных судов, уже эксплуатируется высококачественная искусственная взлетно-посадочная полоса, современное светосигнальное оборудование. Принято распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1902-р об открытии международного аэропорта «Кызыл». 2 июля 2019 г. в г. Улан-Батор между авиакомпанией «Тува Авиа» и авиакомпанией «HunnuAir» подписано соглашение о намерениях по осуществлению регулярных перелетов по перевозке пассажиров по маршрутам Улан-Батор — Улангом — Кызыл и Кызыл — Улангом — Улан-Батор. В дальнейшем будут организованы прямые рейсы: Улан-Батор — Кызыл и Кызыл — Улан-Батор. Реализация проекта строительства железнодорожной линии Элегест — Кызыл — Курагино вошла в активную стадию: работы начнутся в 2020 году.

В настоящее время, по словам Е. В. Каратаевой, ведется разработка проектно-сметной документации по реконструкции автомобильного пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации «Хандагайты». В 2020–2021 гг. будет проведена реконструкция и пункт начнет работать в многостороннем режиме. В рамках заседания Совета Межрегиональной Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское Соглашение» 28 июня 2019 г. в г. Кызыле был подписан Протокол о намерениях сотрудничества о возможности разработки проекта по созданию трансграничного автомобильного коридора «Красноярск (Красноярский край, Россия) — Абакан (Республика Хакасия, Россия) — Кызыл (Республика Тыва, Россия) — Хандагайты (Республика Тыва, Россия) — Улангом (Увсанурский аймак, Монголия) — Ховд (Кобдоский аймак, Монголия) — Урумчи (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики)».

На конференции было заслушано 67 устных докладов, включая 3 пленарных. Общее количество докладов, включая заочные, составило 133, которые были представлены 144 участниками из 65 организаций (14 иностранных организаций и 51 российская). Из регионов России приняли участие 51 ученый. По сравнению с первыми двумя конференциями (Ооржак, Балакина, 2016; 228; Соян, Балакина, 2018; 176–177), количество участников, а также учреждений и организаций, которые они представляют, увеличилось более чем в два раза. Это свидетельствует о возрастающей значимости данного научного мероприятия.

В ходе проведения конференции были обозначены и уточнены актуальные тенденции изменения экономических, технологических, экологических, инфраструктурных и природопользовательских процессов социально-экономического развития современного приграничного региона и других территорий, определены пути привлечения внимания ученых к исследованию данной проблематики, содействия активному научному творчеству и профессиональному становлению молодых исследователей, выработаны рекомендации по практическому осуществлению теоретических предложений.

Зарубежное участие в конференциях, проходящих в Туве, традиционно осложняется транспортной труднодоступностью региона. Поэтому участники из других стран преимущественно представили доклады в заочной форме, прислав тексты докладов. Доклады рассмотрены как изучение опыта параллельных региональных исследований. В статьях коллеги сосредоточили свое внимание на экологических, геополитических и социально-экономических проблемах развития производительных сил в регионах, а также рассматривали вопросы совершенствования технологий, химической кинетики и химической инженерии.

Например, в работе А. В. Егориной, Г. М. Салыкбаевой, К. А. Артемьевой «Этногеографическая ситуация приграничных территорий Казахстана и России» из Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан) представлены результаты анализа статистического и картографического материала, на основании которого сформулированы основные особенности этногеографической ситуации приграничных территорий Казахстана и России. Определён состав этносов приграничья с наибольшим суммарным удельным весом в структуре населения соседствующих стран.

Сотрудник вышеназванного университета Р. С. Бейсембаева в докладе «Влияние зоны приграничной торговли на развитие транспортно-логистической инфраструктуры Восточно-Казахстанской области» обосновывает возможность создания в приграничных зонах Казахстана и России ряда международных центров приграничного сотрудничества. Приоритетом дальнейшего развития транспортной инфраструктуры Восточно-Казахстанской области (особенно при планировании новых маршрутов), по мнению автора, должно быть вхождение в транспортную структуру формирующегося регионального коммуникационного коридора и формирование узлового торгово-логистического центра.

Профессор В. Н. Василенко (Донецкий национальный технический университет, г. Донецк) в докладе «Системный подход к экономической диагностике развития регионов» рассматривает развитие региона через призму основных его парадигм: территории, экономической системы и экономического пространства, что создает условия для более точного выбора объектной базы для применения экономической диагностики развития регионов. Это позволяет определить основные процессы, способные нарушить системный характер организации воспроизводства ресурсов.

В докладе С. Г. Ше (г. Ансан, Республика Корея) «Геоэкономический подход к организации промышленного комплекса в СЭЗ Туманган» приведены результаты геоэкономического анализа экономики Республики Корея; систематизированы внешние факторы снижения южнокорейского экспорта. Автором представлен подход к решению проблемы индустриального комплекса Кэсон: проблемы и достижения социально-экономического проекта. Подчеркивается, что «роль Кэсонского индустриального комплекса в аспекте межкорейского сотрудничества сегодня трудно переоценить». Комплекс был основан по соглашению с правительством Южной Кореи в 2004 г. на территории Северной Кореи. В состав технопарка вошло более 120 южнокорейских предприятий малого и среднего бизнеса, суммарный выпуск которых с 2004 г. по 2015 г. составил 3 млрд. 376,55 млн дол. Следует отметить также, что в этой промышленной зоне было занято более 50 тыс. северо- и южнокорейских граждан. Докладчиком сформулированы цель и задачи организации нового транспортного коридора через СЭЗ «Туманган» в Европу по Северному морскому пути.

В работах зарубежных участников конференции по рациональному природопользованию значительной внимание уделяется необходимости системного анализа природных процессов, включая применение современных ГИС-технологий. Так, в докладе Н. К. Кабдрахмановой, М. Н. Мусабаевой (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан) «Структурный анализ ландшафтов бассейна верхней части реки Иртыш» подчеркивается, что исследования структурно-функциональных связей геосистем в бассейне реки должны опираться на принцип сквозной системности. «Как единая геосистема, бассейн реки — это сверхсложная, экзорегулируемая, импульсивно динамическая геосистема, ограниченная двумя особыми типами поверхностей: пороговыми — вертикальными (например, гляциальной зоной) и контактными — горизонтальными (пойма реки)». Поэтому при изучении геосистем внутреннего стока помимо литогенной основы целесообразно рассматривать такие дифференцирующие факторы, как поверхностный сток, компоненты макро- и микросубстратных этажей геосистем, к которым относятся параметры водного и теплового баланса, продуктивность и урожайность фитомассы.

Доклад Э. И. Чембарисова, М. Н. Рахимовой, С. Р. Шодиева, Г. Т. Ахмеджановой, З. У. Тиллаевой (Научно-исследовательский институт ирригации и водных проблем, Навоийский педагогический институт, Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, г. Ташкент, Узбекистан) «ГИС-технологии в современных экологических исследованиях бассейна Аральского моря» посвящен изложению результатов анализа гидроэкологической безопасности и мониторинга бассейна Аральского моря. В ходе изучения были созданы: комплекс электронных водохозяйственных и гидроэкологических карт бассейна, базы данных, содержащих атрибутивную информацию о гидроэкологическом и гидроэкологическом состоянии водных ресурсов, а также средства расчета и отображения комплексных показателей качества воды на основе разнородных пространственно рас-

пределенных данных. На созданной в ходе работы карте экологического мониторинга бассейна Аральского моря были представлены гидрохимические данные в виде диаграмм или таблиц за 2000–2014 гг. Результаты исследований с использованием ГИС-технологий позволяют более реально оценить гидроэкологическую ситуацию, раскрыть принципиальные особенности методики мониторинга аридной зоны, что может стать основой прогнозирования экологической обстановки в водохозяйственном комплексе Аральского бассейна водоохранными и водохозяйственными организациями.

Итоги исследования проблемы разработки и совершенствования технологий переработки природных ресурсов на основе инноваций также были представлены в докладах иностранных участников конференции. В докладе Г. С. Яблонского (Вашингтонский университет в Сент Луисе, США) была предложена совместная кинетика (jointkinetics) как новая парадигма для химической кинетики и химической инженерии, основная идея которой заключается в проведении серии кинетических экспериментов со специальными информационными композициями, сопровождающихся анализом полученной информации. В рамках разработанной теории были представлены новые базовые понятия, т. е. новые инварианты, термодинамические и нетермодинамические; карты событий; возмущенные равновесия (консервативно возмущенное равновесие и обменное равновесие). Совместная кинетика может рассматриваться, по предложению автора, как эффективный инструмент для выявления детального механизма и определения кинетических коэффициентов.

Е. В. Карачевская (Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Республика Беларусь) в работе «Инновационные технологии как фактор развития рынка лекарственного растительного сырья Республики Беларусь» обосновывает необходимость модернизации рынка лекарственного растительного сырья для повышения эффективности его развития. В докладе систематизируются факторы, препятствующие стабильному росту инновационной активности. К ним отнесены: снижение производства отечественной продукции; неразработанность политики государства; высокая стоимость новой техники и технологий; неблагоприятная инвестиционная ситуация в отрасли. Исследователь определяет следующие задачи: обеспечить рост инвестиционной привлекательности отрасли лекарственного растениеводства для частных инвесторов, повысить темпы роста технико-технологического переоснащения организаций рынка лекарственного растительного сырья; разработать и внедрить технологии на инновационной основе.

Пленарные доклады конференции были посвящены проблемам развития экономики Тувы.

Г. Ф. Балакина в докладе «Возможности и перспективы инновационного развития экономики региона») подчеркнула, что особенностью современного этапа развития России и регионов является модернизационный переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели роста экономики, который призван повысить качество социально-экономического развития и уровень жизни населения страны. На примере Тувы названы факторы, препятствующие эффективному внедрению инноваций и переходу к экономике знаний. Тем не менее в Республике Тыва имеются возможности для интенсификации инновационных процессов. К факторам, способствующим развитию инновационной сферы отнесены: формирование конкурентоспособных инновационных кластеров (инновационно-промышленного, энергетического, агроэкологического), создание новых высокотехнологичных рабочих мест, рост квалификации работников, динамичное увеличение численности научных кадров, совершенствование системы научных учреждений. Сделан вывод о целесообразности формирования региональной инфраструктуры содействия инновациям, создание системы стимулирования и отбора инновационных инициатив населения, что необходимо осуществлять в рамках реализации стратегии инновационного развития региона.

В пленарном докладе Б. К. Кара-Сала «Возможные направления использования вскрышных пород угледобычи Тувы для производства строительных материалов» выявлены виды, химико-минералогические составы и структурные особенности, а также физико-механические свойства вскрышных пород угледобычи Тувы. Приведены основные направления использования вскрышных пород из отвалов, создавшихся в результате функционирования добывающих предприятий в Туве, для производства строительных материалов в зависимости от их технологичности и химической активности. Докладчик обосновал возможность получения стеновых и теплоизоляционных материалов, а также смешанного вяжущего на основе вскрышных пород углеобогащения, что является перспективным направлением использования попутных продуктов топливперерабатывающей промышленности. Реализация предложенных разработок может обеспечить значительный экономический и экологический эффект при производстве местных строительных материалов.

В пленарном докладе Л. Х. Тас-оол «Состояние воздушной атмосферы г. Кызыла в период 2007-2017 гг.» представлена динамика техногенного загрязнения атмосферы г. Кызыла за последние десять лет. Основные загрязнители города — теплоэнергетические установки, в которых в качестве топлива используются каа-хемские угли марок Г, ГЖ с высоким выходом летучих (до 40%). В 2017 г. в г. Кызыл и пгт. Каа-Хем общий объем сожженного в печах угля превысил уровень 2007 г. на ~ 31 млн т. В наихудшем состоянии находится центральная зона города. Повысились загрязнения снегового покрова в северной и южной зонах. В целях решения актуальной для столицы республики проблемы загрязнения воздушной атмосферы дымовыми выбросами углесжигания мэрия г. Кызыла предложила проработать вопрос по выпуску брикетов «бездымного» топлива. Также Правительство Республики Тыва в январе 2019 г. одобрило «дорожную карту» по развитию многоэтажной комплексной застройки территории с необходимыми инженерными коммуникациями, в том числе централизацией тепло-снабжения, что приведет к снижению загрязнения.

Проблематика исследований в области региональной экономики: технологии, экономики, экологии и инфраструктуры охватывала пять основных направлений, представленных докладами на секциях конференции.

На секции «Социально-экономическое развитие региона: проблемы и перспективы» (руководитель секции Г. Ф. Балакина) было заслушано 13 докладов по актуальным вопросам развития и совершенствования параметров современных процессов экономической динамики и социальной сферы. Наибольший интерес вызвали доклады А. Д. Бегзи «Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Туве» и А. П. Темир-оол «Анализ инвестиционных проектов Республики Тыва в рамках комплексной инвестиционной программы «Енисейская Сибирь».

Фото 3. Заседание секции «Социально-экономическое развитие региона: проблемы и перспективы». Фото Ю. Ю. Самбыла.

Photo 3. At the “Socioeconomic development of a region: issues and prospects” session. Photo by Yu.Yu. Sambyla.

На секции «Геология, минерально-сырьевой потенциал и сейсмическая активность Тувы и сопредельных территорий» (руководитель секции — канд. геол.-мин. наук А. М. Сугоракова) было заслушано 14 докладов. Интерес участников вызвали сообщения о динамике состояния водных ресурсов

(О. И. Кальная, С. Г. Прудников, О. Д. Аюнова «Геологические условия и оценка эколого-гидрохимического состояния водотоков в районе Алгиякского золотоносного узла»); об оценке цикличности сейсмической активности Республики Тыва (С. С. Монгуш «Оценка цикличности сейсмической активности Республики Тыва»). Также заинтересовали доклады о результатах исследования кобальтовых месторождений республики докт. г.-м. н. В. И. Лебедева. Лучшим докладом был признан доклад о проблемах исследования остатков океанического дна в районе пустыни Гоби в Монголии с возрастом 430 млн лет (А. К. Хертек, А. М. Козловский, О. Цэрэнцэгмид, Б. Сухбат «Геохимические и Nd-изотопные характеристики силурийских надсубдукционных офиолитов Юга Заалтайской Гоби, Монголия»).

В ходе работы секции «Математическое моделирование и геоинформационное картографирование природных и антропогенных процессов» (руководитель секции — д. ф.-м. н. А. И. Жданок) было заслушано 8 докладов, тематика которых в значительной степени отражает актуальность применения новых методов анализа: математического моделирования и геоинформационного картографирования — для получения обоснованных научных результатов, выработки рекомендаций по развитию экономики и социальной сферы. В этой связи были интересны доклады А. И. Жданка и А. К. Хурума «Некоторые результаты математического моделирования загрязнения экосферы г. Кызыла дымом ТЭЦ на примере ртути», Х. Б. Куулар «Оценка разнообразия лесов хр. Уюкский по данным Landsat» и Т. М. Ойдуп, Б. С. Монгуш, С. А. Чупиковой «ГИС-анализ инвестиционной привлекательности территорий муниципальных образований Республики Тыва». Значительный интерес вызвал доклад А. Ф. Чульдума, А. Д. Мылдык «Сравнительный анализ спектров горлового пения методами вейвлет и Фурье преобразований».

На секции «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды» (руководитель секции докт. биол. наук А. Д. Самбуу и канд. биол. н. Т. П. Арчимаева) было заслушано 32 доклада. Тематика секции отличалась большим разнообразием, в программу были включены доклады, посвященные итогам мониторинга на угледобывающих предприятиях, геохимии вод, почв, структуре ландшафтов как Тувы, так и других территорий России, и даже международному опыту рационального природопользования и охраны окружающей среды. Большая часть представленных докладов были посвящены изучению аржаанов (минеральных источников) Тувы: их гидрохимическим свойствам, а также видовому составу микробных сообществ, развивающихся в их водах. Выявлена прямая зависимость видового разнообразия и обилия в микробных сообществах от температуры вод. Все доклады вызвали живой интерес аудитории, в результате активного обсуждения слушатели выяснили что развитие в минеральных источниках обильных обрастаний зеленого цвета, т.н. микробных матов не является следствием загрязнения источника, но зависит от минерального состава и температуры воды.

Работу секции «Инновационные технологии как фактор развития современного общества» модерировал профессор, докт. техн. н. Б. К. Кара-сал. Всего было заслушано пять докладов. Велись активные обсуждения проблем переработки каменного угля и направлений использования. Наиболее интересным и важным назван доклад Г. Р. Монгуша «Изменение выхода углеродного остатка пиролиза каменных углей, в условиях затрудненного удаления летучих веществ», в котором были отражены результаты исследований неполного сгорания угля, что приводит к образованию большого количества выбросов, ухудшающих экологическое состояние атмосферы г. Кызыла. Для решения данной проблемы предложена комплексная предварительная термическая обработка угля, в результате которой можно получить бездымное топливо, каменноугольную смолу и газ как альтернативный тепловой источник энергии. В докладе М. О. Молдурушку «Технология извлечения мышьяка из отходов комбината «Тувакобальт»» изложены основные характеристики технологии, разработанной для решения проблемы ликвидации отходов бывшего комбината Тувакобальт, предложено рассматривать их в качестве техногенного сырья для извлечения металлов, были проведены исследования возможности вывода мышьяка по средствам сульфидирующего обжига и комплексной технологии. По разработанной комплексной схеме получены продукты: кек выщелачивания, диоксид кремния и сульфид мышьяка, которые могут быть использованы как вторичное сырье для получения металлов, строительных материалов, в качестве биоцида для покрытий корпусов морских судов. По комплексной технологии получен патент РФ. Также вызвал значительный интерес доклад Н. Н. Янчат «Сравнительный анализ содержания элементов-примесей, определенных количественным и полуколичественным анализами в угольном пласте Улуг Каа-Хемского месторождения», по итогам обсуждения научных результатов исследований которого были высказаны рекомендации по продолжению исследований в данном направлении.

Анализ представленных материалов показал, что наибольшее число докладов посвящено изучению проблем социально-экономического развития регионов, в том числе приграничных, со слаборазвитой экономикой и инфраструктурой (дотационных) — 27 сообщений (35,5%). Значительную долю составляют материалы, посвященные проблемам рационального природопользования и охране окружающей среды, экологии и природопользования, сохранения особо охраняемых объектов этих территории — 24 сообщений (31,6%). Результаты исследований, посвященных проблемам геологии и минерально-сырьевого потенциала Тувы и сопредельных территорий, изучения и сохранения животных и растений, особо охраняемым природным территориям сопредельных регионов представлены в 11 докладах (14,5%). Часть докладов — 14 (18,4%) имеют общетеоретическое значение. Такая структура докладов отражает актуальность и востребованность органами управления итогов разработки и научного обоснования методов и инструментов решения экологических и социально-экономических проблем развития Тувы и сопредельных регионов.

Конференция была организована по инициативе лаборатории региональной экономики института. Аналогичные конференции проводятся в институте с 2009 г. В этом году участники конференции приняли рекомендации проводить такие конференции один раз в два года.

По итогам конференции принята резолюция, содержащая соответствующие научно-теоретические и практические рекомендации, адресованные деятелям науки, Правительству Республики Тыва, министерству экономики Республики Тыва, учреждениям науки и образования, органам власти и средствам массовой информации Тувы. В рекомендациях центральной идеей проходит мысль о мобилизации и координации сил научной общественности для дальнейшего развития научных исследований актуальных вопросов развития экономики Республики Тыва, Центрально-Азиатского региона, законодательно-правовых, инфраструктурных, технологических и экологических проблем трансграничного сотрудничества; проблем геологии и металлогении, генезиса месторождений полезных ископаемых, их промышленного освоения, переработки сырья и отходов производств; актуальных проблем изучения и сохранения биологического разнообразия водных и наземных экосистем, растительного и почвенного покрова, а также математического моделирования, геоинформационного сопровождения изучаемых явлений и процессов, позволяющих оценивать и прогнозировать их динамику. Признано актуальным изучение возможностей дальнейшего развития инфраструктуры Тувы, совершенствования транспортного сообщения с трансграничными регионами Западной Монголии и Северо-Западного Китая, включая строительство железной дороги в регион. Определено, что особенностью современного развития науки в республике является востребованность научного сопровождения проектов Индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва, комплексной инвестиционной программы «Енисейская Сибирь», более тесного взаимодействия с региональными органами исполнительной власти. В области совершенствования регулирования инновационного развития региона участники заседания предложили рассмотреть возможность разработки Стратегии инновационного развития Республики Тыва до 2035–2040 гг.; возобновить практику составления ежегодных докладов по развитию инноваций в республике, а также организовать в 2021 г. проведение Тувинского экономического форума, приурочив его к 100-летию образования Тувинской Народной Республики.

Предложено продолжить мониторинговые исследования по проблемам загрязнения озер Тувы и влиянию данного загрязнения на зоопланктон озер; продолжить взаимное сотрудничество сотрудников ТувИКОПР СО РАН и с организациями, осуществляющими экологический мониторинг.

Правительству Республики Тыва, Министерству экономики Тувы, рекомендовано создать условия для реализации крупных инвестиционных проектов по добыче полезных ископаемых, создания инновационных промышленных производств, в сельском хозяйстве, туризме; продолжить поддержку традиционного хозяйства коренного населения Тувы на промышленной основе для увеличения продукции традиционных производств в экспорте; создать рабочую группу по решению проблемы переработки мышьяксодержащих отходов комбината «Тувакобальт» с привлечением ученых Сибири; рассмотреть возможность разработки Стратегии инновационного развития Республики Тыва до 2035–2040 гг.; возобновить практику составления ежегодных докладов по развитию инноваций в республике.

Необходимо заметить, что реализация ряда предложений предыдущих конференций отражены в перспективных программах развития республики: национальный проект «Экология», республиканская целевая программа по утилизации отходов и др., базовых проектах исследований ТувИКОПР СО РАН.

В целом, международная научно-практическая конференция продемонстрировала высокий научный уровень докладов и сообщений и собрала представительный состав ученых. Правомерно сделать вывод, что конференция выполнила поставленные задачи, обозначив очередной этап в исследованиях, посвященных проблемам региональной экономики.

Результаты работы конференции нашли отражение в опубликованном сборнике научных материалов (см.: Региональная экономика ..., 2019: Электр. ресурс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию ТувИКОПР СО РАН (14-15.10.2015 г., Кызыл, Россия) (2015) / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 328 с.

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура Материалы 2-й Международной научно-практической конференции (18–20 октября 2017 г. Кызыл, Россия) (2017) / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 388 с.

Соян, Ш. Ч., Балакина, Г. Ф. (2018) II Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 18–20 октября 2017 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. С.174–184. DOI: 10.25178/nit.2018.1.15

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы 3-й международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию ТувИКОПР СО РАН и 45-летию академической науки в Туве (23–25.10.2019 г., Кызыл, Россия) (2019) / отв. редактор В. О. Ооржак. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 520 с.

Ооржак, В. О., Балакина, Г. Ф. (2016) Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 14–15 октября 2015 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 224–230. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/104> (дата обращения: 10.12.2019).

Дата поступления: 15.12.2019 г.

REFERENCES

Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura [Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure] (2015) / Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 20th Anniversary of TuvIKOPR of the Russian Academy of Sciences (14–15.10.2015, Kyzyl, Russia). Ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 328 p. (In Russ.).

Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura [Regional Economy: Technology, Economics, Ecology and Infrastructure] (2017) / Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference (October 18–20, 2017, Kyzyl, Russia). Ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 388 p. (In Russ.).

Soyan, Sh. Ch. and Balakina, G. F. (2018) II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsia «Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura» (Kyzyl, 18-20 oktyabrya 2017 g.) [II International Scientific and Practical Conference "Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure" (Kyzyl, October 18-20, 2017)]. *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–184. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.1.15

Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura [Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure] (2019): Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of TuvIKOPR of the Russian Academy of Sciences and the 45th Anniversary of Academic Science in Tuva (23-25.10.2019, Kyzyl, Russia). Ed. by V. O. Oorzhak. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 520 p. (In Russ.).

Oorzhak, V. O. and Balakina, G. F. (2016) Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura» (Kyzyl, 14–15 oktyabrya 2015 g.) [International Scientific and Practical Conference "Regional Economics: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure" (Kyzyl, October 14–15, 2015)]. *The New Research of Tuva*, no. 2, pp. 224–230. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/104> (access date: 10.12.2019).

Submission date: 15.12.2019.

DOI: 10.25178/nit.2020.1.15

Интерактивная модель поддержки тувинской словесной культуры*

Ирина С. Алексеева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация,

Альбина В. Бояркина

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Статья посвящена описанию инновационной интерактивной модели поддержки языка и культуры с опорой на русский язык, которую предложил Стратегический центр развития переводческого образования в России (языки РФ) при Российской академии образования, и ее реализации на базе тувинского языка.

Модель основывается на солидарных усилиях региона представителей РАО; она включает в себя 6 аспектов и 4 этапа реализации. Каждый из четырех этапов реализации данной модели содержит несколько из описанных аспектов.

В ходе очного этапа реализации модели в ноябре 2019 г. состоялся семинар в Тувинском государственном университете. На нем были обсуждены произведения современной поэзии и прозы Тувы, а также фольклорные записи. Прошла апробацию комплексная методика поддержки словесной культуры региона через перевод на русский язык.

Состоявшийся семинар можно считать установочным для дальнейшего развития перевода в регионе. Подробный анализ подлинников и сопоставление их с переводами наглядно показал, насколько плодотворен описанный метод для выявления богатства тувинской культуры. Одновременно востребованными оказались широкие знания русского языка, его стилистических и литературных ресурсов.

Ключевые слова: интерактивная модель; тувинский язык; русский язык; Тува; Тувинский государственный университет; Российская академия образования; художественный перевод; тувинский фольклор; литературный жанр; начальная рифма; словесная культура

Для цитирования:

Алексеева И. С., Бояркина А. В. Интерактивная модель поддержки тувинской словесной культуры // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/907> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.15

Алексеева Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48. Тел.: +7 (812) 570-08-94, +7 (921) 985-74-53. Эл. адрес: i.s.alexeeva@gmail.com ORCID ID: 0000-0001-8351-1700

Бояркина Альбина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Тел.: +7 (911) 730-73-30. Эл. адрес: al.bojarkina@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3619-5885

Alexeeva Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Professor of the Department of Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia. Postal address: 48 Moyka River Embankment, St. Peterburg, 191186 Russia. Tel.: +7 (812) 570-08-94, +7 (921) 985-74-53. E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Boyarkina Albina Vitalyevna, Candidate of Philology, Ass. Professor of the Department of German Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 7/9 Universitetskaya Emb., St. Peterburg, 199034 Russia. Tel.: +7 (911) 730-73-30. E-mail: al.bojarkina@mail.ru

An interactive model of supporting Tuvan literary culture

Irina S. Alexeeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation,

Albina V. Boyarkina

Saint Petersburg State University, Russian Federation

The article describes a Russian-based novel interactive model of supporting languages and literary cultures. It has been designed by the Strategic Centre for the Development of Higher Education for Translators from Languages of the Russian Federation, founded at the Russian Academy of Education (RAE). This model has now been applied to Tuvan language.

The model relies on a solidary effort by RAE representatives in the region. It covers six aspects and is implemented in four stages, each of which involves several of the aspects.

During the face-to-face stage, a seminar was held at Tuvan State University in November 2019 to discuss some of contemporary prose and poetry in Tuvan, as well as recordings of folklore recitals. The seminar heralded in a comprehensive methodology of supporting the literary culture of the region by means of Russian translations.

The seminar can be seen as a starting point for further development of translation in the region. An in-depth analysis of the original texts and comparing them with translations proved that the methodology described is extremely useful in scrutinizing the depth and richness of Tuvan culture. Also in high demand is the mastery of Russian language in the region, and the full use of its stylistic and literary resources.

Keywords: *interactive model; Tuvan language; Russian language; Tuva; Tuvan State University; Russian Academy of Education; literary translation; Tuvan folklore; literary genre; initial rhyme; literary culture*

For citation:

Alexeeva I. S. and Boyarkina A. V. An interactive model of supporting Tuvan literary culture. *The New Research of Tuva*. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/907> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2020.1.15

На протяжении долгой истории контактов культур мира было разработано и проверено веками множество способов поддержания культурных контактов: фестивали, конференции, культурный обмен. Однако сегодня появились новые эффективные способы, которые базируются на комплексном применении накопленного культурного опыта.

Инновационную интерактивную модель поддержки языка и культуры с опорой на русский язык предложил Стратегический центр развития переводческого образования в России, деятельность которого полностью ориентирована на языки РФ, при Российской академии образования (СЦРПОР РАО¹). Она основывается на совместных, солидарных усилиях специалистов из региона и представителей Российской академии образования (РАО) и нацелена на создание стабильной саморазвивающейся системы перевода литературы с тувинского языка на русский, механизма подготовки переводческих кадров и является реализацией концепции внутригосударственного перевода, гармонизирующей ситуацию с языками Российской Федерации, сформулированной на конференции «Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: проблемы и перспективы»².

В ноябре 2019 г. модель была апробирована в г. Кызыле, столице Тувы, и имеет далее широкую перспективу развития. Однако прежде всего необходимо описать саму модель.

Интерактивная модель включает в себя 6 аспектов и 4 этапа реализации.

¹ См. страницу центра на сайте РАО: <http://rusacademedu.ru/centr-perevoda/>

² См. материалы конференции на сайте С-ВФО: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?SECTION_ID=19&ELEMENT_ID=118286

Первый, аналитический аспект содержит: 1) сбор банка данных о словесных проявлениях культуры региона; 2) создание аналитической справки «Словесная культура языка РФ» (учебники, обучающие программы, переводы во всех парах языков, перечень печатных изданий, наличие и перечень передач электронных СМИ и т. п.); 3) выработку рекомендаций по продвижению словесной культуры в данном регионе.

Второй, научно-методический аспект, предполагает следующие мероприятия: 1) разработка концепции лекционных и практических занятий, а также мастер-классов, в обязательном порядке включающих практический тренинг русского языка; 2) подготовка вышеупомянутых очных мероприятий; 3) разработка и написание соответствующего модельного интерактивного учебного пособия для данного региона (первая часть которого будет писаться в РАО до семинаров, а вторая — в регионе после семинаров); 4) написание сопроводительного научного материала к будущей антологии региональной литературы на русском языке; ретроспективный обзор истории перевода в регионе; вступительная статья к подготовленной антологии.

Третий аспект, организационно-отборочный, включает: 1) поиск оптимального учреждения для проведения очной части модели (университеты, колледжи, библиотеки, культурные центры); 2) формирование активного ядра взаимодействия в регионе, включающего преподавателей, студентов, библиотекарей, поэтов, политических деятелей, способных к взаимодействию и стремящихся укреплять свою культуру; 3) выдвижение редколлегии, которая отбирает литературные и фольклорные тексты, которые предположительно войдут в антологию региональной литературы, желательные представляющие все возможные жанровые разновидности: эпос, сказка, авторская проза, поэзия, драматургия, произведения для детей; 4) формирование группы потенциальных переводчиков, которые готовы научиться переводить на литературном материале родной культуры и создать русскую версию текстов; 5) открытие в регионе опорного пункта Стратегического центра развития переводческого образования в России (языки РФ), которому делегируются инициативные функции дальнейшего развития описанной интерактивной модели.

Четвертый аспект, критико-аналитический, требует высокой филологической квалификации и осуществляется специалистами РАО, которые при необходимости привлекают внешних переводчиков и редакторов. Для оценки некоторых аспектов подлинника привлекаются носители языка. Обработка текстов в рамках данного аспекта ведется на всех этапах реализации модели и служит надежным средством совершенствования и контроля качества переводной национальной литературы.

Пятый аспект, практический, делится на два модуля: очный и дистанционный. Очный реализуется в самом регионе и, в зависимости от поставленных задач и успеха их решения может предполагать один (вариант А) или два (вариант Б) трех-пятидневных очных установочных семинара по теории и практике перевода с регионального языка РФ на русский язык в регионе. Следом за ними в течение ближайших 2–6 месяцев проводится дистанционный модуль в виде 5–6 двух-трехчасовых вебинаров с двумя активными площадками (одна — в РАО, вторая — в регионе), в ходе которых подвергаются обсуждению и редактированию до 300 страниц переведенного текста, анализируются реалии и вырабатывается единая форма иллюстрированного комментария культурных феноменов. Возможные при реализации данного аспекта мастер-классы по синхронному переводу с регионального языка являются факультативными и имеют своей целью мобилизацию местной активности в формировании переводческих кадров.

Шестой аспект — издательский. Он предполагает издательскую подготовку рукописи-билингва, ее издание в крупном московском издательстве, а также размещение фрагментов подготовленной книги на странице данного региона на Всероссийском портале образовательных ресурсов в сфере перевода, который открыт в РАО¹.

Каждый из четырех этапов реализации данной модели содержит несколько из описанных аспектов.

Первый этап — подготовительный, предусматривает воплощение всей повестки аналитического аспекта, солидный научно-методический задел в виде подготовки занятий и пособия (часть 1), все организационно-отборочные мероприятия и, наконец, первичный критико-редакционный анализ первой версии переводов (в дистанционном режиме).

Второй этап — очный — является воплощением очного практического модуля в постоянном сопровождении критического анализа и предварительной версии будущего подробного описания культурных реалий.

¹ См.: <http://profperevod.rusacademu.ru>

Третий этап — дистанционный — позволяет продолжить повышение квалификации региональных переводчиков и довести до конца подготовку антологии региональной литературы к изданию.

Четвертый этап — завершающий — включает доработку сопроводительного научного аппарата будущей антологии, заключительное внесение правки (третья редакция), публикацию книги-билингва и выработку рекомендаций по дальнейшему развитию и укреплению региональной словесной культуры. Далее в регионе (на базе учреждения, где проводится очный модуль) учреждается и открывается опорный пункт Стратегического центра развития переводческого образования в России (языки РФ).

Разумеется, описанная интерактивная модель поддержки языка и культуры содержит программ-минимум, которая может быть дополнена целым рядом мероприятий, создающих благоприятную культурную среду.

На тувинской почве реализация этой модели началась весной 2019 г., когда сотрудники Тувинского государственного университета познакомились с опытом реализации данной модели в Якутии. Начались мероприятия подготовительного этапа, которые были успешно реализованы: от РАО их осуществляли И. С. Алексеева и А. В. Бояркина, от Тувинского университета — А. Я. Салчак и В. С. Ондар. Однако было отобрано недостаточное количество текстов, чтобы составить антологию, кроме того, желающим переводить тексты требовалась предварительная вводная подготовка по специфике перевода, поэтому был избран вариант интерактивной модели с двумя очными семинарами (вариант Б). В таком случае сокращается предварительная критико-аналитическая составляющая и увеличивается роль аналитической справки о словесной культуре региона — так и получилось в случае с Тувой. Справка была подготовлена в июле 2019 г., а затем на ее базе сделан аналитический обзор текстов тувинской литературы в переводах на русский язык.

В рамках указанного был подготовлен очный семинар: «Тувинская литература по-русски» и методическое пособие по художественному переводу с одноименным названием. С 6 по 8 ноября 2019 г. включительно проводился очный этап мероприятия в г. Кызыле, в котором приняли участие более 60 участников: поэты и писатели Тувы, преподаватели вузов, студенты и аспиранты. Принимающей организацией был Тувинский государственный университет.

Был прочитан ряд лекций, проведены практические занятия и мастер-классы. Среди них лекции на темы: «Специфика художественного перевода», «Перевод сегодня: Россия и мир», «Русский язык переводчика», «Анализ текста в письменном переводе». Все занятия проводили руководитель Стратегического центра РАО, профессор И. С. Алексеева и заместитель руководителя, доцент А. В. Бояркина.

В качестве материала для освоения технического алгоритма перевода на начальном этапе были избраны поэтические и прозаические тексты.

Первым пилотным материалом послужила подборка поэтических произведений известной тувинской поэтессы Марии Кужугет, которая также и сама присутствовала на обсуждении переводов. Были затронуты такие проблемы, как начальная аллитерация и начальный ассонанс в тувинском оригинале автора (в том числе сквозной), конечная смежная рифма, конечная тавтологическая рифма, звукопись (высокий звуковой коэффициент), высокая лексика, тропы (метафора, эпитеты и пр.), поэтическая инверсия. Подробный анализ подлинников и сопоставление их с переводами наглядно показал, насколько плодотворен описанный метод для выявления богатства родной культуры. Одновременно востребованными оказались широкие знания русского языка, его стилистических и поэтологических ресурсов.

Вторая поэтическая подборка представляла творчество Николая Куулара в переводах Виктора Куллэ. Помимо уже упомянутых вопросов, подробно обсуждена была специфика начальной рифмы в тувинской поэзии и ее традиции, а также поэтизмы, стиховой перенос, экспрессивная устная лексика.

В качестве примера прозаического текста и специфики его перевода с тувинского языка на русский была выбрана литературная версия одной из самых знаменитых легенд тувинской национальной культуры, которая в варианте Николая Куулара носит название «Свидание после охоты». В обсуждение на семинарах был включен целый спектр проблем: ритм прозы, эпический стиль, временная дистанция, культурные реалии, грамматика русского языка в переводе (прежде всего — синтаксис), а также книжный стиль, где приходится определять пределы допустимого, чтобы текст остался доступным и понятным для современного широкого читателя.

Таким образом, в ходе очного этапа реализации модели, когда обсуждены были произведения современной поэзии и прозы Тувы, а также фольклорные записи, апробацию прошла комплексная

методика поддержки словесной культуры региона через перевод на русский язык. В результате процедуру внедрения прошла выработанная Стратегическим центром модель развития перевода с языков народов России на русский язык. Данный семинар можно считать установочным для дальнейшего развития перевода в регионе.

Особенно ценно, что описанная и внедренная модель носит открытый характер, является саморазвивающейся и предусматривает кластерный принцип расширения. Именно этим кластерным принципом объясняется вовлечение в проблематику модели ректора Тувинского госуниверситета О. М. Хомушку. В дни семинара прошла встреча организаторов с обеих сторон — сотрудников РАО, научно-образовательного центра «Тюркология» университета — и его ректора, где обсуждались вопросы создания в Туве опорного пункта СЦРПОР РАО для поддержания постоянного контакта в сфере перевода и формирования дальнейшей повестки сотрудничества с РАО. Включение в реализацию проекта руководителя с крупным масштабом мышления в качестве эксперта и советчика позволило исполнителям проекта скорректировать некоторые стратегические цели своей модели, в частности, рассмотреть возможность привлечения в проект большего числа молодежи: студентов, аспирантов, молодых поэтов и писателей региона.

На это же нацелено было еще одно дополнительное мероприятие в рамках университетского кластера — встреча со студентами, где обсуждались важные вопросы перевода с тувинского языка на русский и другие языки и важность организации этого процесса в наши дни.

Основной этап модели — очный семинар — прошел успешно, поставленные цели выполнены; впереди — проведение второго очного этапа с целью практической работы над будущей антологией тувинской литературы.

Дата поступления: 12.12.2019 г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Кириленко Е. И. (Россия) Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувинской диаспоры Томска)3
Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А. (Россия) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках19

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Антонов В. И., Очирова О. А. (Россия) Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса)35

ФИЛОЛОГИЯ

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. (Россия) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении ..
50
Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. (Россия) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев)62
Салчак А. Я., Ондар В. С. (Россия) Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги75
Сувандши Н. Д. (Россия) Способы образования простых личных имен тувинцев88
Ооржак С. С., Бавуу-Сюрюн М. В. (Россия) Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке
96
Ондар М. В. (Россия) Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях104
Чертыкова М. Д. (Россия) Тувинско-хакасские лексико-семантические соответствия глаголов со значением поведения117
Филиппов Г. Г., Ооржак Б. Ч. (Россия) Семантика вторичных форм, образованных на основе причастий на -*быт* и -*ган* в якутском и тувинском языках132
Данилова Н. И. (Россия) Глагольный залог в якутском и тувинском языках в сопоставлении с монгольскими и тунгусскими языками143

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Красильникова Е. И., Вальдман И. А. (Россия) Власть и традиционная культура региона в динамике журнальных репрезентаций: Тува на страницах журнала «Сибирские огни» (1920-е — 2010-е гг.)154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ (СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ)

Ооржак В. О., Балакина Г. Ф. (Россия) Проблемы развития региональной экономики: итоги работы международной конференции в Туве165
Алексеева И. С., Бояркина А. В. (Россия) Интерактивная модель поддержки тувинской словесной культуры176

C O N T E N T S

ASPECTS OF CULTURE

Kirilenko E. I. (Russia) A piece of thread around the wrist: Tuvan experience of health as seen in interviews with students from the Tuvan diaspora in Tomsk3
Egorova A. I., Kondakova A. P., Kuzhuget M. A. (Russia) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings ...
19

RELIGION AND MODERNITY

Badmaev V. N., Ulanov M. S., Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P., Antonov V. I., Ochirova O. A. (Russia) Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes35

PHILOLOGY

Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. (Russia) Tuvan language in legal and functional aspect50
Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S. (Russia) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans.....62
Salchak A. Ya., Ondar V. S. (Russia) Setting up a parallel Russian-Tuvan subcorpus within the electronic corpus of Tuvan language: preliminary outcomes75
Suvandii N. D. (Russia) Methods of formation of simple personal names in Tuvan88
Oorzhak S. S., Bavuu-Surun M. V. (Russia) The vocabulary of protecting children’s lives in Tuvan language ..
96
Ondar M. V. (Russia) Archaic words in Tuvan heroic legends104
Chertykova M. D. (Russia) Tuvan-Khakass lexico-semantic correspondences in verbs of behavior117
Filippov G. G., Oorzhak B. Ch. (Russia) Semantics of the secondary forms based on the participles on *-byt* and *-gan* in the Yakut and Tuvan languages132
Danilova N. I. (Russia) Verbal voice in Yakut and Tuvan languages in comparison with Mongolian and Tungus languages143

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Krasilnikova E. I., Valdman I. A. (Russia) Power and the traditional culture of a region in the dynamics of magazine representations: Tuva on the pages of the *Sibirskie Ogni* magazine (1920s – 2010s)154

SCIENTIFIC LIFE

Oorzhak V. O., Balakina G. F. (Russia) Problems of regional economic development: an international conference in Tuva165
Alexeeva I. S., Boyarkina A. V. (Russia) An interactive model of supporting Tuvan literary culture176

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор переводов: *В. С. Макаров*.

№ 1, 2020

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/45>

Для иллюстрации обложки использована фотография
Владимира Монгуша (Россия).

Подписано к публикации 04.03.2020 г.

Объем - 22,8 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia